Д16
9
Г. Плеханов

Н. Бельтовъ.

КЪ ВОПРОСУ

О РАЗВИТІИ МОНИСТИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА

НА ИСТОРІЮ.

Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и К°.

6524

Audiatur et altera pars.

Изданіе III,
съ 2 приложеніями.

ОПИСАНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

„Пров 38“

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	1
Глава I. Французскій матеріализмъ XVIII в.	3
Глава II. Французскіе историки временъ реставраціи	13
Глава III. Соціалисты-Утописты	27
Глава IV. Идеалистическая нѣмецкая философія	59
Глава V. Современный матеріализмъ	101
Заключеніе	211
Приложеніе I. Еще разъ г. Михайловскій, еще разъ тріада	242
Приложеніе II. Нѣсколько словъ нашимъ противникамъ	250

Предисловіе къ настоящему изданію.

Мною исправлены здѣсь только описки и опечатки, закравшіяся въ первое изданіе. Я не счелъ себя вправѣ измѣнять что-нибудь въ моихъ доводахъ по той простой причинѣ, что эта моя книга—полемическое произведеніе. Измѣнить что-нибудь въ содержаніи полемическаго произведенія—значитъ выступить противъ своего противника съ новымъ оружіемъ, заставляя его бороться съ помощью стараго. Это пріемъ непозволительный вообще, а въ данномъ случаѣ еще менѣе позволительный потому, что моего главнаго противника, Н. К. Михайловскаго, уже нѣтъ въ живыхъ.

Критики нашихъ взглядовъ утверждали, что эти взгляды, во-первыхъ, невѣрны сами по себѣ; во-вторыхъ, особенно ошибочны въ примѣненіи къ Россіи, которой суждено будто бы пойти въ экономической области своимъ самобытнымъ путемъ; въ-третьихъ, плохи тѣмъ, что предрасполагаютъ своихъ сторонниковъ къ бездѣятельности, „квіетизму“. Этотъ послѣдній упрекъ врядъ ли рѣшится кто-нибудь повторить въ настоящее время. Второй упрекъ также на виду у всѣхъ опровергнутъ всѣмъ ходомъ развитія русской экономической жизни за послѣднее десятилѣтіе. А что касается перваго упрека, то достаточно ознакомиться хотя бы только съ этнологической литературой послѣдняго времени, чтобы убѣдиться въ справедливости нашего объясненія исторіи. Всякое серьезное сочиненіе по „первобытной культурѣ“ непремѣнно должно прибѣгать къ нему всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о причинной связи явленій общественной и духовной жизни „дикихъ“ народовъ. Для примѣра укажу на классическое сочиненіе фонъ-денъ-Штейнена: „Unter

den Natur-völkern zentral-Braziliens". Но само собою разумѣется, что здѣсь я не могу распространяться объ этомъ предметѣ.

Нѣкоторымъ изъ моихъ критиковъ я отвѣчаю въ прилагаемой статьѣ: „Нѣсколько словъ нашимъ противникамъ", которую я опубликовалъ подъ псевдонимомъ и потому говорю въ ней о своей книгѣ, какъ о сочиненіи другого лица, воззрѣнія котораго являются также и моими. Но эта статья ничего не возражаетъ г. Кудрину, который выступилъ противъ меня въ „Русскомъ Богатствѣ" уже послѣ ея появленія. По поводу г. Кудрина я скажу здѣсь два слова.

Самымъ серьезнымъ изъ его, направленныхъ противъ историческаго матеріализма, доводовъ можетъ показаться тотъ отмѣчаемый имъ фактъ, что одна и та же религія—напримѣръ, буддизмъ,—исповѣдуется иногда народами, стоящими на весьма различныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Но этотъ доводъ кажется основательнымъ только на первый взглядъ. Наблюденіе показало, что въ такихъ случаяхъ „одна и та же" религія существенно измѣняетъ свое содержаніе соотвѣтственно степени экономическаго развитія исповѣдующихъ ее народовъ.

Хочется мнѣ отвѣтить г. Кудрину еще и вотъ на что. Онъ нашелъ у меня ошибку въ переводѣ греческаго текста Плутарха (см. примѣч. стр. 116) и дѣлаетъ нѣсколько весьма язвительныхъ замѣчаній по ея поводу. Но на самомъ дѣлѣ я въ этой ошибкѣ „не причиненъ". Находясь въ путешествіи во время изданія моей книги, я послалъ въ Петербургъ рукопись, въ которой цитата изъ Плутарха не была сдѣлана, а только отмѣчены были тѣ параграфы, которые слѣдовалъ процитировать. Одно изъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ изданію—и окончившее едвали не ту же классическую гимназію, въ которой учился ученый г. Кудринъ, перевело указанные мною параграфы и... сдѣлало указанную г. Кудринымъ ошибку. Это конечно жаль. Но надо и то сказать, эта ошибка была единственнымъ промахомъ, въ которомъ могли уличить насъ наши противники. Нужно же было и имъ получить какое нибудь нравственное удовлетвореніе. Такъ что, по-„человѣчеству", я даже радуюсь этому промаху.

Н. Бельтовъ.

ГЛАВА I.

Французскій матеріализмъ XVIII-го вѣка.

«Если вы нынѣ,—говоритъ г. Михайловскій,—встрѣтите молодого человѣка, ... который даже съ нѣсколько излишней торопливостью заявитъ вамъ, что онъ «матеріалистъ», то это не значитъ, чтобы онъ былъ матеріалистомъ въ обще-философскомъ смыслѣ, въ какомъ у насъ въ старину были поклонники Бюхнера и Молешотта. Очень часто вашъ собесѣдникъ ни малѣйше не интересуется ни метафизическою, ни научною стороною матеріализма и даже весьма смутное понятіе объ нихъ имѣетъ. Онъ хочетъ сказать, что онъ послѣдователь теоріи экономическаго матеріализма, да и то въ особенномъ, условномъ смыслѣ»... [1]).

Мы не знаемъ, съ какого рода молодыми людьми встрѣчался г. Михайловскій. Но его слова могутъ дать поводъ думать, что ученіе представителей «экономическаго матеріализма» лишено всякой связи съ матеріализмомъ «въ обще-философскомъ смыслѣ». Вѣрно-ли это? Въ самомъ-ли дѣлѣ «экономическій матеріализмъ» такъ узокъ и бѣденъ по содержанію, какъ это кажется г. Михайловскому?

Отвѣтомъ послужитъ краткій очеркъ исторіи этого ученія.

Что такое «матеріализмъ въ обще-философскомъ смыслѣ»?

Матеріализмъ есть прямая противоположность идеализма. Идеализмъ стремится объяснить всѣ явленія природы, всѣ свойства матеріи тѣми или иными свойствами духа. Матеріализмъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ старается объяснить психическія явленія тѣми или другими свойствами матеріи, той или другой организаціей человѣческаго или вообще животнаго тѣла. Всѣ тѣ философы, въ глазахъ которыхъ первичнымъ факторомъ является матерія, принадлежатъ къ лагерю матеріалистовъ; всѣ же тѣ, которые считаютъ такимъ факторомъ духъ,—идеалисты. Вотъ все, что можно

[1]) „Русское Богатство", январь 1894 года. Отд. II, стр. 98.

сказать о матеріализмѣ вообще, о «матеріализмѣ въ обще-философскомъ смыслѣ», такъ какъ время возводило на его основномъ положеніи самыя разнообразныя надстройки, которыя придавали матеріализму одной эпохи совершенно иной видъ, сравнительно съ матеріализмомъ— другой.

Матеріализмъ и идеализмъ исчерпываютъ важнѣйшія направленія философской мысли. Правда, рядомъ съ ними почти всегда существовали тѣ или другія дуалистическія системы, признававшія духъ и матерію за отдѣльныя, самостоятельныя субстанціи. Дуализмъ никогда не могъ отвѣтить удовлетворительно на неизбѣжный вопросъ о томъ, какимъ образомъ эти двѣ отдѣльныя субстанціи, не имѣющія между собою ничего общаго, могутъ вліять одна на другую. Поэтому наиболѣе послѣдовательные и наиболѣе глубокіе мыслители всегда склонялись къ монизму, т. е. къ объясненію явленій съ помощью какого-нибудь одного основного принципа (monos по-гречески значитъ единый). Всякій послѣдовательный идеалистъ есть монистъ въ такой же степени, какъ и всякій послѣдовательный матеріалистъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы, напримѣръ, между Берклеемъ и Гольбахомъ. Одинъ былъ послѣдовательнымъ идеалистомъ, другой не менѣе послѣдовательнымъ матеріалистомъ, но и тотъ, и другой одинаково были монистами; и тотъ, и другой одинаково хорошо понимали несостоятельность дуалистическаго, до сихъ поръ едва ли не наиболѣе распространеннаго, міросозерцанія.

Въ первой половинѣ нашего столѣтія въ философіи господствовалъ идеалистическій монизмъ; во второй половинѣ его въ наукѣ,— съ которой тѣмъ временемъ совершенно слилась философія,—восторжествовалъ матеріалистическій монизмъ, далеко, впрочемъ, не всегда послѣдовательный и откровенный.

Намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь всю исторію матеріализма. Для нашей цѣли достаточно будетъ разсмотрѣть его развитіе, начиная со второй половины прошлаго вѣка. Да и здѣсь намъ важно будетъ имѣть въ виду преимущественно одно, —правда, самое главное, — его направленіе, т. е. матеріализмъ Гольбаха, Гельвеція и ихъ единомышленниковъ.

Матеріалисты этого направленія вели горячую полемику съ оффиціальными мыслителями того времени, которые, ссылаясь на едва-ли хорошо понятаго ими Декарта, утверждали, что у человѣка существуютъ извѣстныя прирожденныя, т. е. являющіяся независимо отъ опыта, идеи. Оспаривая этотъ взглядъ, французскіе моралисты,

собственно говоря, только излагали ученіе Локка, который уже въ концѣ XVII вѣка доказывалъ, что врожденныхъ идей не существуетъ (No innate principles). Но, излагая его ученіе, французскіе матеріалисты придали ему болѣе послѣдовательный видъ, ставя точки надъ такими і, которыхъ Локкъ не хотѣлъ касаться, въ качествѣ благовоспитаннаго англійскаго либерала. Французскіе матеріалисты были безстрашными, послѣдовательными до конца сенсуалистами, т. е. они разсматривали всѣ психическія функціи человѣка, какъ видоизмѣненія ощущеній. Безполезно провѣрять здѣсь, насколько въ томъ или другомъ случаѣ доводы ихъ удовлетворительны съ точки зрѣнія нынѣшней науки. Само собою понятно, что французскіе матеріалисты не знали многаго изъ того, что извѣстно теперь каждому школьнику: достаточно напомнить химическіе и физическіе взгляды Гольбаха, который былъ, однако, хорошо знакомъ съ естествознаніемъ своего времени. Но у французскихъ матеріалистовъ была та неоспоримая и незамѣнимая заслуга, что они мыслили послѣдовательно съ точки зрѣнія современной имъ науки, а это все, чего можно и должно требовать отъ мыслителей. Неудивительно то, что наука нашего времени ушла дальше французскихъ матеріалистовъ прошлаго вѣка; но важно то, что противники этихъ философовъ были отсталыми людьми уже по отношенію къ тогдашней наукѣ. Правда, историки философіи обыкновенно противопоставляютъ взглядамъ французскихъ матеріалистовъ взглядъ Канта, котораго, разумѣется, странно было бы упрекать въ недостаткѣ знаній. Но это противопоставленіе совсѣмъ неосновательно и не трудно было бы показать, что и Кантъ, и французскіе матеріалисты стояли, въ сущности, на одной точкѣ зрѣнія, но пользовались ею различно и потому приходили къ различнымъ выводамъ, сообразно съ различіями въ свойствахъ тѣхъ общественныхъ отношеній, подъ вліяніемъ которыхъ они жили и мыслили. Мы знаемъ, что это мнѣніе найдутъ парадоксальнымъ люди, привыкшіе вѣрить наслово историкамъ философіи. Мы не имѣемъ возможности подтверждать его здѣсь обстоятельными доводами, но не отказываемся сдѣлать это, если этого захотятъ наши противники.

Какъ бы то ни было, но всѣмъ извѣстно, что французскіе матеріалисты разсматривали всю психическую дѣятельность человѣка какъ видоизмѣненіе ощущеній (sensations transformées). Разсматривать психическую дѣятельность съ этой точки зрѣнія, значитъ считать всѣ представленія, всѣ понятія и чувства человѣка результатомъ воздѣйствія на него окружающей среды. Французскіе матеріалисты такъ и смотрѣли на этотъ вопросъ. Они безпрестанно, очень горячо и совер-

шенно категорически заявляли, что человѣкъ, со всѣми своими взглядами и чувствами, есть то, что дѣлаетъ изъ него окружающая его среда, т. е., во-первыхъ — природа, а во-вторыхъ — общество. «L'homme est tout éducation» («человѣкъ цѣликомъ зависитъ отъ воспитанія»)—твердитъ Гельвецій, понимая подъ словомъ воспитаніе всю совокупность общественнаго вліянія. Этотъ взглядъ на человѣка, какъ на плодъ окружающей среды, былъ главной теоретической основой новаторскихъ требованій французскихъ матеріалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ зависитъ отъ окружающей его среды; если онъ обязанъ ей всѣми свойствами своего характера, то онъ обязанъ ей, между прочимъ, и своими недостатками, слѣдовательно, если вы хотите бороться съ его недостатками, то вы должны надлежащимъ образомъ видоизмѣнить окружающую его среду, и притомъ именно общественную среду, потому что природа не дѣлаетъ человѣка ни злымъ, ни добрымъ. Поставьте людей въ разумныя общественныя отношенія, т. е. въ такія условія, при которыхъ инстинктъ самосохраненія каждаго изъ нихъ перестанетъ толкать его на борьбу съ остальными; согласите интересъ отдѣльнаго человѣка съ интересами всего общества,—и добродѣтель (vertu) явится сама собою, какъ самъ собою падаетъ на землю камень, лишенный подпоры. Добродѣтель надо не проповѣдывать, а подготовлять разумнымъ устройствомъ общественныхъ отношеній. Съ легкой руки консерваторовъ и реакціонеровъ прошлаго вѣка мораль французскихъ матеріалистовъ до сихъ поръ считаютъ эгоистическою моралью. Сами они гораздо вѣрнѣе опредѣляли ее, что она всецѣло переходитъ у нихъ въ политику.

Ученіе о томъ, что духовный міръ человѣка представляетъ собою плодъ окружающей среды, нерѣдко приводило французскихъ матеріалистовъ къ выводамъ, неожиданнымъ для нихъ самихъ. Такъ, напримѣръ, они говорили иногда, что взгляды человѣка не имѣютъ ровно никакого вліянія на его поведеніе, и что, поэтому, распространеніе тѣхъ или другихъ идей въ обществѣ не можетъ ни на волосъ измѣнить его дальнѣйшую судьбу. Ниже мы покажемъ, въ чемъ заключалась ошибочность такого мнѣнія, теперь же обратимъ вниманіе на другую сторону воззрѣній французскихъ матеріалистовъ.

Если идеи всякаго даннаго человѣка опредѣляются окружающей его средой, то идеи человѣчества, въ ихъ историческомъ развитіи, опредѣляются развитіемъ общественной среды, исторіей общественныхъ отношеній. Слѣдовательно, если бы мы задумали нарисовать картину «прогресса человѣческаго разума», и если бы мы

не ограничились при этомъ вопросомъ—«какъ?» (какъ именно совершалось историческое движеніе разума?), а поставили себѣ совершенно естественный вопросъ—«почему?» (почему же совершалось оно именно такъ, а не иначе?), то мы должны были бы начать съ исторіи среды, съ исторіи развитія общественныхъ отношеній. Центръ тяжести изслѣдованія перенесся бы, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, въ сторону изслѣдованія законовъ общественнаго развитія. Французскіе матеріалисты вплотную подошли къ этой задачѣ, но не сумѣли не только разрѣшить ее, а даже правильно поставить.

Когда у нихъ заходила рѣчь объ историческомъ развитіи человѣчества, они забывали свой сенсуалистическій взглядъ на «человѣка» вообще и, подобно всѣмъ «просвѣтителямъ» того времени, твердили, что міръ (т. е. общественныя отношенія людей) управляется мнѣніями (c'est l'opinion qui gouverne le monde) [1]). Въ этомъ заключается коренное противорѣчіе, которымъ страдалъ матеріализмъ XVII вѣка и которое, въ разсужденіяхъ его сторонниковъ, распадалось на цѣлый рядъ второстепенныхъ, производныхъ противорѣчій, подобно тому, какъ банковый билетъ размѣнивается на мелкую монету.

Положеніе. Человѣкъ, со всѣми своими мнѣніями, есть плодъ среды и преимущественно общественной среды. Это неизбѣжный выводъ изъ основного положенія Локка: no innate principles, нѣтъ врожденныхъ идей.

Противоположеніе. Среда, со всѣми своими свойствами, есть плодъ мнѣній. Это неизбѣжный выводъ изъ основного положенія исторической философіи французскихъ матеріалистовъ: c'est l'opinion qui gouverne le monde.

Изъ этого коренного противорѣчія вытекали, напримѣръ, слѣдующія производныя противорѣчія:

Положеніе. Человѣкъ считаетъ хорошими тѣ общественныя отношенія, которыя для него полезны; онъ считаетъ дурными тѣ отношенія, которыя для него вредны. Мнѣнія людей опредѣляются ихъ интересами: «L'opinion chez un peuple est toujours déterminée par un intérêt dominant»—говоритъ Сюаръ («мнѣніе даннаго народа

---

[1]) „Я называю мнѣніемъ результатъ массы распространенныхъ въ націи истинъ и заблужденій; результатъ, обусловливающій собою ея сужденія, ея уваженіе или презрѣніе, ея любовь или ненависть, ея склонности и привычки, ея недостатки и достоинства, словомъ—ея нравы. Это-то мнѣніе и правитъ міромъ". Suard „Mélange de Litérature", Paris, An. XII, t. III, p. 400.

всегда опредѣляется господствующимъ въ его средѣ интересомъ» [1]). Это даже не выводъ изъ ученія Локка, это простое повтореніе его словъ: «No innate practical principles... Virtue generally approv'd; not because innate, but because profitable... Good and Evel... are nothing but Pleasure or Pain, or that which occasions or procures Pleasur or Pain, to us» («Нѣтъ врожденныхъ нравственныхъ идей... Добродѣтель одобряется людьми не потому, что она врождена имъ, а потому, что она имъ выгодна. Добро и зло... суть не что иное, какъ удовольствіе или страданіе, или то, что причиняетъ намъ удовольствіе или страданіе» [2]).

Противоположеніе. Данныя отношенія кажутся людямъ полезными или вредными въ зависимости отъ общей системы мнѣній этихъ людей. По словамъ того же Сюара, всякій народъ «ne veut, n'aime, n'approuve, que ce qu'il croit être utile» («всякій народъ любитъ, поддерживаетъ и оправдываетъ лишь то, что считаетъ полезнымъ»). Слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ все опять сводится къ мнѣніямъ, которыя управляютъ міромъ.

Положеніе. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что религіозная мораль,—напримѣръ, заповѣдь о любви къ ближнему,—хотя отчасти содѣйствовала нравственному улучшенію людей. Такого рода заповѣди, какъ и вообще идеи, совершенно безсильны надъ людьми. Все дѣло въ общественной средѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ [3]).

Противоположеніе. Историческій опытъ показываетъ намъ, «que les opinions sacrées furent la source véritable des maux du genre humain» и это совершенно понятно, потому что, если мнѣнія вообще управляютъ міромъ, то ошибочныя мнѣнія управляютъ имъ, какъ кровожадные тираны.

Легко было бы удлинннть списокъ подобныхъ противорѣчій фран-

---

[1]) Suard, t. III, p. 401.

[2]) Essay concerning human understanding. B. I, ch. 3; B. II, ch. 20, 21, 28.

[3]) Это положеніе не разъ повторяется въ „Système de la Nature“ Гольбаха. Его же выражаетъ Гельвецій, говоря: „допустимъ, что я распространилъ самое нелѣпое мнѣніе, изъ котораго вытекаютъ самые отвратительные выводы; если я ничего не измѣнилъ въ законахъ, я ничего не измѣню и въ нравахъ“. („De l'Homme“, Section III, ch. IV). Его же не разъ высказываетъ въ своей „Correspondance Littéraire“ Гриммъ, долго жившій въ средѣ французскихъ матеріалистовъ, и Вольтэръ, воевавшій съ матеріалистами. Въ своемъ „Philosophe ignorant“, какъ и во множествѣ другихъ сочиненій, „фернэйскій патріархъ“ доказывалъ, что еще ни одинъ философъ никогда не повліялъ на поведеніе своихъ ближнихъ, такъ какъ они руководствуются въ своихъ поступкахъ обычаями, а не метафизикой.

цузскихъ матеріалистовъ, унаслѣдованныхъ отъ нихъ многими современными намъ «матеріалистами въ общефилософскомъ смыслѣ». Но это было бы излишне. Приглядимся лучше къ общему характеру этихъ противорѣчій.

Есть противорѣчія и противорѣчія. Когда г. В. В. противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу въ своихъ «Судьбахъ капитализма», или въ первомъ томѣ «Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи», то его логическіе грѣхи могутъ имѣть значеніе развѣ лишь какъ «человѣческій документъ»: будущій историкъ русской литературы, указавъ эти противорѣчія, долженъ будетъ заняться чрезвычайно интереснымъ въ смыслѣ общественной психологіи вопросомъ о томъ, почему они, при всей своей несомнѣнности и очевидности, оставались незамѣтны для многихъ и многихъ читателей г. В. В. Въ непосредственномъ смыслѣ, противорѣчія этого писателя безплодны, какъ извѣстная смоковница. Есть другого рода противорѣчія. Столь же несомнѣнныя, какъ и противорѣчія г. В. В., они отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что не усыпляютъ человѣческой мысли, не задерживаютъ ея развитія, а толкаютъ ее дальше и толкаютъ иногда такъ сильно, что по своимъ послѣдствіямъ оказываются плодотворнѣе самыхъ стройныхъ теорій. О такихъ противорѣчіяхъ можно сказать словами Гегеля: Der Widerspruch ist das Fortleitende (противорѣчіе ведетъ впередъ). Именно къ ихъ числу принадлежатъ противорѣчія французскаго матеріализма XVIII столѣтія.

Остановимся на коренномъ ихъ противорѣчіи: мнѣнія людей опредѣляются средою; среда опредѣляется мнѣніями. О немъ приходится сказать, какъ Кантъ говорилъ о своихъ «антиноміяхъ»: положеніе столь же справедливо, какъ и противоположеніе. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мнѣнія людей опредѣляются окружающей ихъ общественной средой. Такъ же несомнѣнно и то, что ни одинъ народъ не помирится съ такимъ общественнымъ порядкомъ, который противорѣчитъ всѣмъ его взглядамъ: онъ возстанетъ противъ такого порядка, онъ перестроитъ его по своему. Стало быть, правда и то, что мнѣнія управляютъ міромъ. Но какимъ же образомъ два положенія, вѣрныя сами по себѣ, могутъ противорѣчить другъ другу? Дѣло объясняется очень просто. Они противорѣчатъ другъ другу лишь потому, что мы разсматриваемъ ихъ съ неправильной точки зрѣнія: съ этой точки зрѣнія кажется,—и непремѣнно должно казаться,—что если вѣрно положеніе, то ошибочно противоположеніе, и наоборотъ. Но разъ вы найдете правильную точку зрѣнія, противорѣчіе исчезнетъ, и каждое изъ су-

щавшихъ васъ положеній приметъ новый видъ: окажется, что оно дополняетъ, точнѣе обусловливаетъ собою другое положеніе, а вовсе не исключаетъ его; что если бы невѣрно было это положеніе, то невѣрно было бы и другое положеніе, казавшееся вамъ прежде его антагонистомъ. Какъ же найти такую правильную точку зрѣнія?

Возьмемъ примѣръ. Часто говорили, особенно въ XVIII вѣкѣ, что государственное устройство всякаго даннаго народа обусловливается нравами этого народа. И это совершенно справедливо. Когда исчезли старые республиканскіе нравы римлянъ, республика уступила мѣсто монархіи. Но, съ другой стороны, не менѣе часто утверждали, что нравы даннаго народа обусловливаются его государственнымъ устройствомъ. Это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, откуда у римлянъ, напримѣръ, временъ Геліогобала взялись бы республиканскіе нравы? Не ясно ли до очевидности, что нравы римлянъ временъ имперіи, должны были представлять собою нѣчто противоположное старымъ республиканскимъ нравамъ? А если ясно, то мы приходимъ къ тому общему выводу, что государственное устройство обусловливается нравами, нравы же—государственнымъ устройствомъ. Но, вѣдь это противорѣчивый выводъ. Вѣроятно, мы пришли къ нему вслѣдствіе ошибочности того или другого изъ нашихъ положеній. Какого же именно? Ломайте себѣ голову, сколько хотите, вы не откроете неправильности ни въ томъ, ни въ другомъ; они оба безупречны, такъ какъ дѣйствительно, нравы каждаго даннаго народа вліяютъ на его государственное устройство, и въ этомъ смыслѣ являются его причиной, а съ другой стороны, они обусловливаются государственнымъ устройствомъ, и въ этомъ смыслѣ оказываются его слѣдствіемъ. Гдѣ же выходъ? Обыкновенно въ такого рода вопросахъ люди довольствуются открытіемъ взаимодѣйствія: нравы вліяютъ на конституцію, конституція на нравы,—все становится ясно, какъ божій день, а люди, не удовлетворяющіеся подобной ясностью, обнаруживаютъ достойную всякаго порицанія склонность къ односторонности. Такъ разсуждаетъ у насъ въ настоящее время почти вся наша интиллегенція. Она смотритъ на общественную жизнь съ точки зрѣнія взаимодѣйствія: каждая сторона жизни вліяетъ на всѣ остальныя и, въ свою очередь, испытываетъ вліяніе всѣхъ остальныхъ. Только такой взглядъ и достоинъ мыслящаго «соціолога», а кто, подобно марксистамъ, допытывается какихъ-то болѣе глубокихъ причинъ общественнаго развитія, тотъ просто не видитъ, до какой степени сложна общественная жизнь. Французскіе просвѣтители тоже склонялись къ этой точкѣ зрѣнія, когда ощущали потребность привести

въ порядокъ свои взгляды на общественную жизнь, разрѣшить одолѣвавшія ихъ противорѣчія. Самые систематическіе умы между ними (мы не говоримъ здѣсь о Руссо, у котораго вообще мало общаго съ просвѣтителями) не шли дальше. Такъ, напримѣръ, такой точки зрѣнія взаимодѣйствія держится Монтескье въ своихъ знаменитыхъ сочиненіяхъ: «Grandeur et Décadence des Romains» и «De l'Esprit des lois [1]). И это, конечно, справедливая точка зрѣнія. Взаимодѣйствіе безспорно существуетъ между всѣми сторонами общественной жизни. Къ сожалѣнію, эта справедливая точка зрѣнія объясняетъ очень и очень немногое по той простой причинѣ, что она не даетъ никакихъ указаній на счетъ происхожденія взаимодѣйствующихъ силъ. Если государственное устройство само предполагаетъ тѣ нравы, на которые оно вліяетъ, то очевидно, что не ему обязаны эти нравы своимъ первымъ появленіемъ. То же надо сказать и о нравахъ; если они уже предполагаютъ то государственное устройство, на которое они вліяютъ, то ясно, что не они его создали. Чтобы раздѣлаться съ этой путаницей, мы должны найти тотъ историческій факторъ, который произвелъ и нравы даннаго народа, и его государственное устройство, а тѣмъ создалъ и самую возможность ихъ взаимодѣйствія. Если мы найдемъ такой факторъ, мы откроемъ искомую правильную точку зрѣнія, и тогда мы безъ всякаго труда разрѣшимъ смущающее насъ противорѣчіе.

Въ примѣненіи къ коренному противорѣчію французскаго матеріализма это означаетъ вотъ что: очень ошибались французскіе матеріалисты, когда, противорѣча своему обычному взгляду на исторію, они говорили, что идеи не значатъ ничего, такъ какъ среда значитъ все. Не менѣе ошибоченъ и этотъ обычный взглядъ ихъ на исторію (c'est l'opinion qui gouverne le monde), объявляющій мнѣнія главной основной причиной существованія всякой данной общественной среды. Между мнѣніями и средой существуетъ несомнѣнное вза-

---

[1]) Гольбахъ, въ своей „Politique naturelle", стоитъ на точкѣ зрѣнія взаимодѣйствія между нравами и государственнымъ устройствомъ. Но такъ какъ ему приходится тамъ имѣть дѣло съ практическими вопросами, то эта точка зрѣнія заводитъ его въ заколдованный кругъ: чтобы улучшить нравы, надо усовершенствовать государственное устройство, а чтобы улучшить государственное устройство, надо улучшить нравы. Гольбаха выводитъ изъ этого круга воображаемый, желанный всѣми просвѣтителями bon prince, который, являясь какъ deus ex machina, разрѣшаетъ противорѣчіе, улучшая и нравы и государственное устройство

имодѣйствіе. Но научное изслѣдованіе не можетъ остановиться на признаніи этого взаимодѣйствія, такъ какъ взаимодѣйствіе далеко не объясняетъ намъ общественныхъ явленій. Чтобы понять исторію человѣчества,—т. е. въ данномъ случаѣ исторію его мнѣній, съ одной стороны, и исторію тѣхъ общественныхъ отношеній, черезъ которыя оно прошло въ своемъ развитіи, съ другой,—надо возвыситься надъ точкой зрѣнія взаимодѣйствія, надо открыть, если это возможно, тотъ факторъ, который опредѣляетъ собою и развитіе общественной среды, и развитіе мнѣній. Задача общественной науки XIX вѣка заключалась именно въ открытіи этого фактора.

Міръ управляется мнѣніями. Но вѣдь мнѣнія не остаются неизмѣнными. Чѣмъ обусловливаются ихъ измѣненія? «Распространеніемъ просвѣщенія»,—отвѣчалъ еще въ XVII вѣкѣ Ля-Мотъ лэ-Вэйе. Это самое отвлеченное и самое поверхностное выраженіе мысли о господствѣ мнѣній надъ міромъ. Просвѣтители XVIII вѣка крѣпко за него держались, дополняя его иногда меланхолическими разсужденіями о томъ, что судьба просвѣщенія, къ сожалѣнію, вообще мало надежна. Но у наиболѣе талантливыхъ изъ нихъ уже замѣтно сознаніе неудовлетворительности такого взгляда. Гельвецій замѣчаетъ, что развитіе знаній подчиняется извѣстнымъ законамъ и что, слѣдовательно, существуютъ какія-то скрытыя, неизвѣстныя причины, отъ которыхъ оно зависитъ. Онъ дѣлаетъ въ высшей степени интересную, до сихъ поръ не оцѣненную по достоинству попытку объяснить общественное и умственное развитіе человѣчества матеріальными его нуждами. Эта попытка окончилась, да по многимъ причинамъ и не могла не окончиться, неудачей. Но она осталась какъ бы завѣщаніемъ для тѣхъ мыслителей слѣдующаго вѣка, которые захотѣли бы продолжить дѣло французскихъ матеріалистовъ.

ГЛАВА II.

Французскіе историки временъ реставраціи.

«Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ, которые можно сдѣлать на основаніи изученія исторіи, это—тотъ, что правительство есть самая дѣйствительная причина характера народа; что достоинства и недостатки націй, ихъ энергія или ихъ слабость, ихъ таланты, ихъ просвѣщеніе или ихъ невѣжество, почти никогда не бываютъ слѣдствіемъ климата или свойствъ данной расы; что природа даетъ всѣ всѣмъ, а правительства сохраняютъ или уничтожаютъ въ подчиненныхъ имъ людяхъ тѣ качества, которыя составляютъ первоначально общее достояніе человѣческаго рода». Въ Италіи не произошло измѣненій ни въ климатѣ, ни въ расѣ (приливъ варваровъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы измѣнить ея свойства): «природа была та же для итальянцевъ всѣхъ временъ; измѣнялись только правительства—и эти перемѣны всегда предшествовали измѣненіямъ національнаго характера, или сопровождали ихъ».

Такъ оспаривалъ Сисмонди ученіе, ставящее историческую судьбу народовъ въ исключительную зависимость отъ географической среды [1]). Его возраженія не лишены основательности. Дѣйствительно, географія далеко не все объясняетъ въ исторіи, именно потому, что эта послѣдняя есть исторія, т. е. потому, что, по выраженію Сисмонди, правительства измѣняются, несмотря на то, что географическая среда остается неизмѣнной. Но это мимоходомъ; насъ интересуетъ здѣсь совсѣмъ другой вопросъ.

Читатель замѣтилъ уже, вѣроятно, что, сопоставляя неизмѣнность географической среды съ измѣнчивостью историческихъ судебъ народовъ, Сисмонди пріурочиваетъ эти судьбы къ одному основному фак-

[1]) „Histoire des Républiques italiennes du moyen âge". Nouvelle edition, t. I. Paris. Introduction. pp. V—VI.

тору: «къ правительству», т. е. къ политическому строю данной страны. Характеръ народа всецѣло опредѣляется характеромъ правительства. Правда, категорически высказавъ это положеніе, Сисмонди тотчасъ же и весьма существенно смягчаетъ его: политическія перемѣны, говоритъ онъ, предшествовали измѣненіямъ національнаго характера, или сопровождали ихъ. Тутъ уже выходитъ, что характеръ правительства иногда опредѣляется характеромъ народа. Но въ этомъ случаѣ историческая философія Сисмонди сталкивается съ знакомымъ уже намъ противорѣчіемъ, смущавшимъ французскихъ просвѣтителей: нравы даннаго народа зависятъ отъ его политическаго устройства; политическое устройство зависитъ отъ нравовъ. Сисмонди такъ же мало былъ способенъ разрѣшить это противорѣчіе, какъ и просвѣтители: онъ принужденъ былъ поочередно класть въ основу своихъ разсужденій то одинъ, то другой членъ этой антиноміи. Но какъ бы то ни было, разъ остановившись на одномъ изъ нихъ, именно на томъ, который гласитъ, что характеръ народа зависитъ отъ его правительства, онъ придавалъ понятію правительство преувеличенно-широкое значеніе: оно охватывало у него рѣшительно всѣ свойства данной соціальной среды, всѣ особенности данныхъ общественныхъ отношеній. Точнѣе будетъ сказать, что у него рѣшительно всѣ свойства данной соціальной среды являются дѣломъ «правительства», результатомъ политическаго устройства. Это точка зрѣнія XVIII вѣка. Когда французскіе матеріалисты хотѣли кратко и сильно выразить свое убѣжденіе относительно всемогущаго вліянія окружающей среды на человѣка, они говорили: c'est la législation qui fait tout (все зависитъ отъ законодательства). А когда у нихъ заходила рѣчь о законодательствѣ, они имѣли въ виду почти исключительно политическое законодательство, государственный строй. Между сочиненіями знаменитаго Ж. Б. Вико есть маленькая статейка, озаглавленная: «Опытъ системы юриспруденціи, въ которой гражданское право римлянъ объясняется ихъ политическими революціями» [1]). Хотя этотъ «опытъ» на-

[1]) Мы переводимъ названіе статейки съ французскаго и спѣшимъ замѣтить при этомъ, что сама статейка извѣстна намъ лишь по нѣкоторымъ французскимъ извлеченіямъ изъ нея. Мы не могли достать ея итальянскаго подлинника, такъ какъ она, насколько мы знаемъ, была напечатана лишь въ одномъ изданіи соч. Вико (1818 г.); ея уже нѣтъ въ шеститомномъ миланскомъ изданіи 1835 г. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ важно не то, какъ исполнилъ Вико свою задачу, а то, какую именно задачу онъ себѣ ставилъ.

Предупредимъ здѣсь, кстати, одинъ упрекъ, который намъ поторопятся,

писанъ былъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, но выраженный въ немъ взглядъ на отношеніе гражданскаго права къ государственному строю господствовалъ до французской реставраціи; просвѣтители все сводили къ «политикѣ».

Но политическая дѣятельность «законодателя» есть во всякомъ случаѣ дѣятельность сознательная, хотя, разумѣется, и не всегда цѣлесообразная. Сознательная дѣятельность человѣка зависитъ отъ его «мнѣній». Такимъ образомъ, французскіе просвѣтители незамѣтно для себя возвращались къ мысли о всемогуществѣ мнѣній даже въ томъ случаѣ, когда хотѣли ярко выразить мысль о всемогуществѣ среды.

Сисмонди стоитъ еще на точкѣ зрѣнія XVIII вѣка [1]). Болѣе молодые французскіе историки держатся уже другихъ взглядовъ.

Ходъ и исходъ французской революціи, съ ея сюрпризами, ставившими втупикъ самыхъ «просвѣщенныхъ» мыслителей, явились до послѣдней степени наглядымъ опроверженіемъ мысли о всемогуществѣ мнѣній. Тогда многіе совсѣмъ разочаровались въ силѣ «разума», а другіе, не поддавшіеся разочарованію, стали тѣмъ болѣе склоняться къ принятію мысли о всемогуществѣ среды и къ изученію хода ея развитія. Но и на среду стали смотрѣть во время реставраціи съ новой точки зрѣнія. Великія историческія событія такъ насмѣялись и надъ «законодателями», и надъ политическими конституціями, что теперь уже странно казалось пріурочивать къ этимъ послѣднимъ, какъ къ основному фактору, всѣ свойства данной общественной среды; теперь политическія конституціи стали разсматривать какъ нѣчто производное, какъ слѣдствіе, а не какъ причину.

«Большая часть писателей, ученыхъ, историковъ или публицистовъ,—говоритъ Гизо въ своихъ «Essais sur l'histoire de France» [2]),—старалась объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи политическими учрежденіями этого общества. Было бы

вѣроятно, сдѣлать догадливые критики: „вы безразлично употребляете выраженіе: „просвѣтители“ и „матеріалисты“, скажутъ намъ, а между тѣмъ далеко не всѣ „просвѣтители“ были матеріалистами; многіе изъ нихъ, напримѣръ, хоть Вольтэръ, горячо возставали противъ матеріалистовъ“. Это такъ; но, съ другой стороны, еще Гегель показалъ, что возставшіе противъ матеріализма просвѣтители сами были лишь непослѣдовательными матеріалистами.

[1]) Онъ началъ работать надъ исторіей итальянскихъ республикъ еще въ 1796 году.

[2]) Первое изданіе ихъ вышло въ 1821 году.

благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества, для того, чтобы узнать и понять его политическія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ; общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы о состояніи народа судить по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество, его составъ, образъ жизни отдѣльныхъ лицъ, въ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія, отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ, гражданскій бытъ людей (l'état des personnes),—таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ жили народы, и публициста, желающаго знать, какъ они управлялись» [1]).

Это—взглядъ, прямо противоположный взгляду Вико. У того исторія гражданскаго права объясняется политическими революціями, у Гизо политическій строй объясняется гражданскимъ бытомъ, т. е. гражданскимъ правомъ. Но французскій историкъ идетъ еще дальше въ анализѣ «общественнаго состава». По его словамъ, у всѣхъ народовъ, явившихся на историческую сцену послѣ паденія западной Римской имперіи, «гражданскій бытъ» людей находился въ тѣсной связи съ поземельными отношеніями (état des terres), а потому изученіе ихъ поземельныхъ отношеній должно предшествовать изученію ихъ гражданскаго быта: «чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные слои, существующіе въ обществѣ, и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать природу поземельныхъ отношеній» [2]). Съ этой точки зрѣнія Гизо и изучаетъ исторію Франціи первыхъ двухъ династій. Она является у него исторіей борьбы различныхъ слоевъ тогдашняго общества. Въ своей исторіи англійской революціи онъ дѣлаетъ новый шагъ впередъ, изображая это событіе, какъ борьбу буржуазіи противъ аристократіи, и молчаливо признавая такимъ образомъ, что для объясненія политической жизни данной страны надо изучить не только ея поземельныя отношенія, но и всѣ ея имущественныя отношенія вообще [3]).

---

[1]) „Essais", dixième édition. Paris, 1860, pp. 73—74.

[2]) Ibid., p. 75—76.

[3]) Борьба религіозныхъ и политическихъ партій въ Англіи XVII вѣка «прикрывала собой соціальный вопросъ, борьбу различныхъ классовъ за власть и вліяніе. Правда, въ Англіи эти классы были не такъ рѣзко разграничены и не такъ враждебны другъ къ другу, какъ въ прочихъ странахъ.

Такой взглядъ на политическую исторію Европы далеко не былъ тогда исключительной принадлежностью Гизо. Его раздѣляли многіе другіе историки, изъ которыхъ мы укажемъ на Огюстэна Тьерри и Минье.

Въ своихъ «Vues des révolutions d'Angleterre» Ог. Тьерри изображаетъ исторію англійскихъ революцій какъ борьбу буржуазіи съ аристократіей. «Всякій тотъ, чьи предки принадлежали къ числу завоевателей Англіи,—говоритъ онъ о первой революціи,—покидалъ свой замокъ и ѣхалъ въ королевскій лагерь, гдѣ и занималъ положеніе, соотвѣтствующее его званію. Жители городовъ толпами шли въ противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что арміи собирались—одна во имя праздности и власти, другая во имя труда и свободы. Всѣ праздношатающіеся, каково бы ни было ихъ происхожденіе, всѣ тѣ, которые искали въ жизни лишь достающихся безъ труда наслажденій, становились подъ королевскія знамена, защищая интересы, подобные ихъ собственнымъ интересамъ; и наоборотъ, тѣ изъ потомковъ прежнихъ завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединялись къ партіи общинъ» [1]).

Религіозное движеніе того времени было, по мнѣнію Тьерри, лишь отраженіемъ положительныхъ житейскихъ интересовъ. «Съ обѣихъ сторонъ война велась за положительные интересы. Все остальное было внѣшностью или предлогомъ. Люди, отстаивавшіе дѣло поддан-

---

Народъ не забылъ, что сильные бароны боролись не только за свою собственную, но и за народную свободу. Сельскіе дворяне и городскіе буржуа въ продолженіе трехъ столѣтій вмѣстѣ засѣдали въ парламентѣ именемъ англійскихъ общинъ. Но въ теченіе послѣдняго вѣка произошли большія измѣненія относительной силы различныхъ классовъ общества, не сопровождавшіяся соотвѣтственными измѣненіями въ политическомъ устройствѣ... Буржуазія, сельское дворянство, фермеры и мелкіе землевладѣльцы, очень многочисленные въ тогдашнихъ деревняхъ, не имѣли надъ ходъ общественныхъ дѣлъ того вліянія, которое соотвѣтствовало бы важности ихъ общественной роли. Они выросли, но не возвысились. Отсюда въ этомъ слоѣ, равно какъ и въ другихъ слояхъ, лежавшихъ ниже его, явился могущественный духъ самолюбія, готовый схватиться за первый встрѣчный поводъ для своего бурнаго проявленія». Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre. Berlin, 1850 pp. 9—10.

Ср. у того же автора всѣ шесть томовъ, относящіеся къ исторіи первой англійской революціи, и очерки жизни различныхъ общественныхъ дѣятелей того времени. Гизо рѣдко покидаетъ тамъ точку зрѣнія борьбы классовъ.

[1]) Dix ans d'études historiques, шестой томъ полнаго собранія сочиненій Тьерри, изданіе десятое, стр. 66.

ныхъ, были по большей части пресвитеріанами, т. е. они не хотѣли никакого подчиненія, даже въ религіи. Тѣ, которые примыкали къ противной партіи, принадлежали къ англиканскому или католическому исповѣданію; это потому, что даже въ религіозной области они стремились къ власти и къ обложенію людей налогами». Тьерри цитируетъ при этомъ слѣдующія слова Фокса изъ его «History of the reign of James the Second»: «на всѣ религіозныя мнѣнія виги смотрѣли глазами политиковъ. Даже ненависть ихъ къ папизму вызывалась не столько суевѣріями или такъ называемымъ идолопоклонствомъ этой непопулярной секты, сколько ея стремленіями установить абсолютную власть въ государствѣ».

По мнѣнію Минье, «общественное движеніе опредѣляется господствующими интересами. Посреди различныхъ препятствій, это движеніе стремится къ своей цѣли, останавливается, разъ она достигнута, и уступаетъ мѣсто другому движенію, которое сначала незамѣтно и обнаруживается только тогда, когда становится преобладающимъ. Таковъ былъ ходъ развитія феодализма. Феодализмъ существовалъ въ нуждахъ людей, еще не существуя фактически,—первая эпоха; во вторую эпоху онъ существовалъ фактически, постепенно переставая соотвѣтствовать нуждамъ, отчего прекратилось, наконецъ, и его фактическое существованіе. Еще ни одна революція не совершалась другимъ путемъ» [1]).

Въ своей исторіи французской революціи Минье смотритъ на событія именно съ точки зрѣнія «нуждъ» различныхъ общественныхъ классовъ. Борьба этихъ классовъ составляетъ у него главную пружину политическихъ событій. Разумѣется, такой взглядъ не могъ быть по вкусу эклектикамъ даже въ то доброе старое время, когда ихъ головы работали много больше, чѣмъ работаютъ теперь. Эклектики упрекали сторонниковъ новыхъ историческихъ теорій въ фатализмѣ, въ пристрастіи къ системѣ (esprit de système). Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, эклектики вовсе не замѣчали дѣйствительно слабыхъ сторонъ новыхъ теорій, но за то съ тѣмъ большей энергіей нападали на ихъ безспорно сильныя стороны. Впрочемъ, это старо, какъ міръ, и потому мало интересно. Гораздо интереснѣе то обстоятельство, что эти новые взгляды защищалъ сэнъ-симонистъ Базаръ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей тогдашняго соціализма.

Базаръ не считалъ безупречной книгу Минье о французской рево-

---

[1]) De la féodalité, des institutions de St.-Louis et de l'influence de la législation de ce prince. Paris, 1822, pp. 76—77.

люціи. Ея недостаткомъ было въ его глазахъ, между прочимъ, то, что она изображаетъ описываемое событіе какъ отдѣльный фактъ, стоящій безъ всякой связи съ «той длинной цѣпью усилій, которая, свергнувъ старый общественный порядокъ, должна была облегчить установленіе новаго строя». Но въ книгѣ есть и несомнѣнныя достоинства. «Авторъ задался цѣлью характеризовать тѣ партіи, которыя одна послѣ другой направляютъ революцію, обнаружить связь этихъ партій съ различными общественными классами, показать, какая именно цѣпь событій ставитъ ихъ одну за другой во главѣ движенія, и какъ, наконецъ, онѣ исчезаютъ». Тотъ самый «духъ системы и фатализма», который эклектики ставили въ упрекъ историкамъ новаго направленія, выгодно отличаетъ, по мнѣнію Базара, работы Гизо и Минье отъ произведеній «историковъ-литераторовъ (т. е. историковъ, заботящихся лишь о красотѣ «стиля»), которые, при всей своей многочисленности, ни на шагъ не подвинули впередъ историческую науку со времени XVIII вѣка»).

Если бы Огюстэна Тьерри, Гизо или Минье спросили,— нравы ли даннаго народа создаютъ его государственное устройство, или же, наоборотъ, его государственное устройство создаетъ его нравы, каждый изъ нихъ отвѣтилъ бы, что какъ ни велико и какъ ни безспорно взаимодѣйствіе между нравами народа и его государственнымъ устройствомъ, но въ послѣднемъ счетѣ и то, и другое обязаны своимъ существованіемъ третьему, глубже лежащему фактору: «*гражданскому быту людей, ихъ имущественнымъ отношеніямъ*». Такимъ образомъ, противорѣчіе, въ которомъ путались философы XVIII вѣка, было бы разрѣшено, и всякій безпристрастный человѣкъ призналъ бы, что Базаръ правъ, что наука сдѣлала шагъ впередъ въ лицѣ представителей новыхъ историческихъ взглядовъ.

Но мы уже знаемъ, что упомянутое противорѣчіе есть лишь частный случай коренного противорѣчія общественныхъ взглядовъ XVIII вѣка: 1) человѣкъ со всѣми своими мыслями и чувствами есть плодъ среды; 2) среда есть созданіе человѣка, плодъ его «мнѣній». Можно ли сказать, что новые историческіе взгляды разрѣшили это коренное противорѣчіе французскаго матеріализма? Посмотримъ, какъ объясняли себѣ французскіе историки временъ реставраціи происхожденіе того гражданскаго быта, тѣхъ имущественныхъ отношеній, внимательное изученіе которыхъ одно только и могло, по ихъ мнѣнію, дать ключъ къ пониманію историческихъ событій.

---

1) Considérations sur l'histoire, въ IV ч. „Producteur"а.

Имущественныя отношенія людей принадлежатъ къ области ихъ правовыхъ отношеній; собственность есть прежде всего правовой институтъ. Сказать, что ключа къ пониманію историческихъ явленій надо искать въ имущественныхъ отношеніяхъ людей, значитъ сказать, что этотъ ключъ лежитъ въ учрежденіяхъ права. Но откуда берутся эти учрежденія? Гизо совершенно справедливо говоритъ, что политическія конституціи были слѣдствіемъ прежде, чѣмъ стать причиной; что общество прежде создало ихъ, а потомъ стало видоизмѣняться подъ ихъ вліяніемъ. Но развѣ нельзя сказать то же самое и по адресу имущественныхъ отношеній? Развѣ они не были, въ свою очередь, слѣдствіемъ прежде, чѣмъ стать причиной? Развѣ общество не должно было создать ихъ прежде, чѣмъ испытать на себѣ ихъ рѣшительное вліяніе? На эти вполнѣ резонные вопросы Гизо отвѣчаетъ въ высшей степени неудовлетворительно.

У народовъ, явившихся на историческую сцену послѣ паденія западной Римской имперіи, гражданскій бытъ стоитъ въ тѣсной причинной связи съ землевладѣніемъ [1]): отношеніе человѣка къ землѣ опредѣляло его общественное положеніе. Въ теченіе всей эпохи феодализма всѣ общественныя учрежденія обусловливались въ послѣднемъ счетѣ поземельными отношеніями. Что же касается этихъ отношеній, то они, по словамъ того же Гизо, «первоначально, въ первое время послѣ нашествія варваровъ», опредѣлялись общественнымъ положеніемъ землевладѣльцевъ: «земля получала тотъ или другой характеръ, смотря по тому, въ какой степени былъ силенъ землевладѣлецъ [2]). Но чѣмъ же опредѣлялось въ такомъ случаѣ общественное положеніе землевладѣльцевъ? Чѣмъ опредѣлялась «первоначально, въ первое время послѣ нашествія варваровъ», большая или меньшая степень свободы, большая или меньшая степень могущества землевладѣльцевъ? Прежними политическими отношеніями въ средѣ варваровъ-завоевателей? Но вѣдь Гизо уже сказалъ намъ, что политическія отношенія—слѣдствіе,

---

[1]) Стало быть, только у новѣйшихъ народовъ? Это ограниченіе тѣмъ болѣе странно, что уже греческіе и римскіе писатели видѣли тѣсную связь гражданскаго и политическаго быта своихъ странъ съ поземельными отношеніями. Впрочемъ, это странное ограниченіе не помѣшало Гизо поставить паденіе Римской имперіи въ связь съ ея государственнымъ хозяйствомъ. См. его первый „Опытъ“: „Du régime municipal dans l'empire romain au V siécle de l'ère chrétienne“.

[2]) Т. е. владѣніе землею имѣло тотъ или другой правовой характеръ, иначе сказать,—обладаніе ею было связано съ большей или меньшей степенью зависимости, смотря по силѣ и свободѣ землевладѣльца. L. c., p. 75.

а не причина. Чтобы понять политическій бытъ варваровъ въ эпоху, предшествовавшую паденію Римской имперіи, мы должны были бы, согласно совѣту нашего автора, изучить ихъ гражданскій бытъ, ихъ соціальный строй, отношенія различныхъ классовъ въ ихъ средѣ и проч.; а такое изученіе опять привело бы насъ къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣляются имущественныя отношенія людей, чѣмъ создаются существующія въ данномъ обществѣ формы собственности. И понятно, что мы ничего не выиграли бы, если бы, для объясненія положенія различныхъ общественныхъ классовъ, мы стали ссылаться на относительныя степени ихъ свободы и могущества. Это былъ бы не отвѣтъ, это было бы повтореніе вопроса въ новомъ видѣ, съ нѣкоторыми подробностями.

Вопросъ о происхожденіи имущественныхъ отношеній, едва ли даже возникалъ въ головѣ Гизо въ видѣ строго и точно поставленнаго научнаго вопроса. Мы видѣли, что не считаться съ нимъ ему было совершенно невозможно, но уже запутанность тѣхъ отвѣтовъ, которые онъ давалъ на него, свидѣтельствуетъ о неясности его формулировки. Въ послѣднемъ анализѣ развитіе формъ собственности объяснялось у Гизо до крайности туманными ссылками на человѣческую природу. Неудивительно, что этотъ историкъ, котораго эклектики обвиняли въ излишней систематичности воззрѣній, самъ оказался порядочнымъ эклектикомъ, напримѣръ, въ своихъ сочиненіяхъ по исторіи цивилизаціи.

Ог. Тьерри, разсматривавшій борьбу религіозныхъ сектъ и политическихъ партій съ точки зрѣнія «положительныхъ интересовъ» различныхъ общественныхъ классовъ и страстно сочувствовавшій борьбѣ третьяго сословія противъ аристократіи, объяснялъ происхожденіе этихъ классовъ и сословій завоеваніемъ. «Tout cela date d' une conquête; il y a une conquête là dessous» (все это пошло со временъ завоеванія; подъ всѣмъ этимъ лежитъ завоеваніе),—говоритъ онъ о классовыхъ и сословныхъ отношеніяхъ у новѣйшихъ народовъ, о которыхъ у него исключительно идетъ рѣчь. Эту мысль онъ безъ устали развиваетъ на разные лады какъ въ публицистическихъ статьяхъ, такъ и въ позднѣйшихъ ученыхъ своихъ сочиненіяхъ. Но уже не говоря о томъ, что «завоеваніе»—политическій международный актъ—возвращало Тьерри къ точкѣ зрѣнія XVIII вѣка, который объяснялъ всю общественную жизнь дѣятельностью законодателя, т. е. политической власти, всякій фактъ завоеванія неизбѣжно возбуждаетъ вопросъ: почему же соціальныя послѣдствія его были именно тѣ, а не иныя? Прежде нашествія германскихъ варваровъ Галлія уже пережила рим-

ское завоеваніе. Соціальныя послѣдствія этого завоеванія были очень отличны отъ тѣхъ, которыя были вызваны завоеваніемъ германскимъ. Соціальныя послѣдствія завоеванія Китая монголами очень мало похожи на соціальныя послѣдствія завоеванія Англіи норманнами. Откуда берутся подобныя различія? Сказать, что они опредѣляются различіями въ соціальномъ строѣ различныхъ народовъ, сталкивающихся между собою въ разныя времена, значитъ не сказать ничего, потому что остается неизвѣстнымъ, чѣмъ же опредѣляется этотъ соціальный строй. Ссылаться по поводу этого вопроса на какія нибудь прежнія завоеванія, значитъ вертѣться въ заколдованномъ кругѣ. Сколько ни перечисляйте завоеваній, вы все-таки придете въ концѣ концовъ къ тому неизбѣжному заключенію, что въ общественной жизни народовъ есть какой-то х, какой-то непзвѣстный факторъ, который не только не обусловливается завоеваніемъ, но который, напротивъ, обусловливаетъ собою послѣдствія завоеваній и даже часто, а можетъ быть и всегда, и самыя завоеванія, являясь коренной причиной международныхъ столкновеній. Тьерри въ своей «Исторіи завоеванія Англіи норманнами» самъ указываетъ, на основаніи старыхъ памятниковъ, тѣ побужденія, которыя руководили англо-саксами въ ихъ отчаянной борьбѣ за свою независимость. «Мы должны бороться, —говоритъ одинъ изъ ихъ герцоговъ,—какова бы ни была опасность, потому что тутъ дѣло идетъ не о признаніи новаго господина... а совсѣмъ о другомъ. Предводитель норманновъ роздалъ уже наши земли своимъ рыцарямъ и всѣмъ людямъ, которые по большей части уже и признали себя за это его вассалами. Они захотятъ воспользоваться этими пожалованіями, если норманнскій герцогъ станетъ нашимъ королемъ, а онъ вынужденъ будетъ отдать въ ихъ власть наши земли, нашихъ женъ, нашихъ дочерей: все это имъ обѣщано уже заранѣе. Они хотятъ разорить не только насъ, но и нашихъ потомковъ, они хотятъ отнять у насъ землю нашихъ предковъ» и т. д. Съ своей стороны, Вильгельмъ Завоеватель говоритъ своимъ спутникамъ: «Сражайтесь храбро, убивайте всѣхъ; если мы побѣдимъ, мы всѣ разбогатѣемъ. То, что пріобрѣту я, пріобрѣтете вы всѣ, что завоюю я, завоюете вы; если у меня будетъ земля, будетъ земля и у васъ»). Тутъ какъ нельзя болѣе ясно, что завоеваніе не было само себѣ цѣлью, что «подъ нимъ» лежали извѣстные «положительные», т. е. экономическіе интересы. Спрашивается, что же придало этимъ интересамъ тотъ видъ, который они тогда имѣли? Отчего и туземцы, и завое-

) Histoire de la conquête и т. д., Paris, t. I, pp. 295 et 300.

ватели склонялись именно къ феодальному, а не къ какому нибудь другому землевладѣнію? «Завоеваніе» ничего не объясняетъ въ этомъ случаѣ.

Въ „Histoire du tiers etat“ того же Тьерри и во всѣхъ его очеркахъ по исторіи внутреннихъ отношеній Франціи и Англіи мы имѣемъ уже довольно полную картину историческаго движенія буржуазіи. Достаточно ознакомиться хотя бы съ этой картиной, чтобы видѣть, до какой степени неудовлетворителенъ взглядъ, пріурочивающій къ завоеванію происхожденіе и развитіе даннаго соціальнаго строя: вѣдь, это развитіе шло совершенно въ разрѣзъ съ интересами и желаніями феодальной аристократіи, т. е. завоевателей и ихъ потомковъ.

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что самъ Ог. Тьерри позаботился о томъ, чтобы своими историческими изслѣдованіями опровергнуть свой собственный взглядъ на историческую роль завоеваній [1]).

У Минье — та же путаница. Онъ говоритъ о вліяніи землевладѣнія на политическія формы. Но отчего зависятъ, почему развиваются формы землевладѣнія въ ту или другую сторону, этого Минье не знаетъ. Въ послѣднемъ счетѣ и у него формы землевладѣнія пріурочиваются къ завоеванію [2]).

Онъ чувствуетъ, что и въ исторіи международныхъ столкновеній мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченными понятіями: — «завоеватели», «завоеванные», — а съ людьми, обладающими живою плотью, имѣющими опредѣленныя права и общественныя отношенія, но и здѣсь его анализъ идетъ не далеко. «Когда два народа, живя на одной почвѣ, смѣшиваются другъ съ другомъ, — говоритъ онъ, — они утрачиваютъ свои слабыя стороны и сообщаютъ свои сильныя стороны одинъ другому» [3]). Это не глубоко, да и не совсѣмъ ясно.

---

[1]) Интересно, что уже сэнъ-симонисты видѣли эту слабую сторону историческихъ взглядовъ Тьерри. Такъ, Базаръ въ тицированной выше статьѣ замѣчаетъ, что завоеваніе въ дѣйствительности оказало на развитіе европейскаго общества гораздо меньше вліянія, чѣмъ думаетъ Тьерри. „Всякій, понимающій законы развитія человѣчества, видитъ, что роль завоеванія совершенно подчиненная“. Но въ этомъ случаѣ Тьерри ближе ко взглядамъ своего бывшаго учителя Сэнъ-Симона, чѣмъ Базаръ: у Сэнъ-Симона исторія Западной Европы съ XV столѣтія разсматривается съ точки зрѣнія развитія экономическихъ отношеній, а средневѣковый общественный строй объясняется просто, какъ продуктъ завоеванія.

[2]) См. De fla éodalité, p. 50.

[3]) См. De fla éodalité, p. 212.

Поставленный лицомъ къ лицу съ вопросомъ о происхожденіи имущественныхъ отношеній, каждый изъ названныхъ французскихъ историковъ временъ реставраціи навѣрное попытался бы, подобно Гизо, выйти изъ затрудненія съ помощью болѣе или менѣе остроумныхъ ссылокъ на «человѣческую природу».

Взглядъ на «человѣческую природу», какъ на высшую инстанцію, въ которой рѣшаются всѣ «казусныя дѣла» изъ области права, морали, политики, экономіи, былъ цѣликомъ унаслѣдованъ писателями XIX вѣка отъ просвѣтителей предшествовавшаго столѣтія.

Если человѣкъ, при своемъ появленіи на свѣтъ, не приноситъ съ собою готоваго запаса врожденныхъ «практическихъ идей»; если добродѣтель уважается не потому, что она прирождена людямъ, а потому, что она полезна, какъ утверждалъ Локкъ; если принципъ общественной пользы есть высшій законъ, какъ говоритъ Гельвеціи; если человѣкъ есть мѣрило вещей всюду, гдѣ рѣчь идетъ о взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ,—то совершенно естественно умозаключить, что природа человѣка и есть та точка зрѣнія, съ которой мы должны судить о пользѣ или вредѣ, о разумности или безсмысленности данныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія и обсуждали просвѣтители XVIII столѣтія какъ существовавшій тогда общественный строй, такъ и тѣ реформы, которыя были для нихъ желательны. Человѣческая природа является у нихъ главнѣйшимъ доводомъ въ спорахъ съ ихъ противниками. До какой степени было велико въ ихъ глазахъ значеніе этого довода, прекрасно показываетъ, напримѣръ, слѣдующее разсужденіе Кондорсэ: «Идеи справедливости и права складываются непремѣнно одинаковымъ образомъ у всѣхъ существъ, одаренныхъ способностью ощущать и пріобрѣтать идеи. Поэтому онѣ будутъ одинаковы». Правда, бываетъ, что люди ихъ искажаютъ (les altèrent). «Но всякій, правильно разсуждающій, человѣкъ такъ же неизбѣжно придетъ къ извѣстнымъ идеямъ въ морали, какъ и въ математикѣ. Эти идеи представляютъ собою необходимый выводъ изъ той неоспоримой истины, что люди суть существа ощущающія и мыслящія». Въ дѣйствительности общественые взгляды французскихъ просвѣтителей не выводились, разумѣется, изъ этой, болѣе чѣмъ тощей истины, а подсказывались имъ окружающею ихъ средою: «Человѣкъ» котораго они имѣли въ виду, отличался не только способностью къ ощущенію и мышленію: его «природа» требовала опредѣленнаго буржуазнаго порядка (сочиненія Гольбаха заключаютъ въ себѣ какъ разъ тѣ требованія, которыя впослѣдствіи были осуществлены Учредительнымъ Собраніемъ); она предписывала свободу торговли, невмѣшатель-

ство государства въ имущественныя отношенія гражданъ (laissez faire; laissez passer! [1]) и проч. и проч. Просвѣтители смотрѣли на человѣческую природу черезъ призму данныхъ общественныхъ нуждъ и отношеній. Но они не подозрѣвали, что исторія поставила передъ ихъ глазами какую нибудь призму; они воображали, что ихъ устами говоритъ сама «природа человѣка», понятая и оцѣненная, наконецъ, просвѣщенными представителями человѣчества.

Не всѣ писатели XVIII вѣка имѣли одинаковое понятіе о человѣческой природѣ. Подчасъ они очень сильно расходились между собою на этотъ счетъ. Но всѣ они одинаково были убѣждены, что только правильный взглядъ на эту природу можетъ дать ключъ къ объясненію общественныхъ явленій.

Выше мы сказали, что многіе изъ французскихъ просвѣтителей замѣчали уже извѣстную законосообразность въ развитіи человѣческаго разума. На мысль объ этой законосообразности ихъ наводила прежде всего исторія литературы: «какой народъ, спрашивали они, не былъ прежде поэтомъ, а потомъ уже мыслителемъ?» [2]) Чѣмъ же объясняется такая послѣдовательность? Общественными нуждами, которыми опредѣляется даже развитіе языка,—отвѣчали просвѣтители: «Искусство говорить, какъ и всѣ искусства, есть плодъ общественныхъ нуждъ и интересовъ», доказывалъ аббатъ Арно въ рѣчи, только-что упомянутой нами въ примѣчаніи. Общественныя нужды измѣняются, а потому измѣняется и ходъ развитія «искусствъ». Но чѣмъ же опредѣляются общественныя нужды? Общественныя нужды, нужды людей, составляющихъ общество, опредѣляются природой человѣка. Слѣдовательно, въ этой природѣ надо искать и объясненія того, а не иного хода умственнаго развитія.

Чтобы играть роль верховнаго мѣрила, человѣческая природа естественно должна была считаться разъ навсегда данной, не-

---

[1]) Правда, не всегда. Иногда во имя той же природы философы совѣтовали „законодателю сглаживать имущественныя неравенства“. Это одно изъ многочисленныхъ противорѣчій французскихъ просвѣтителей. Но намъ здѣсь нѣтъ до него дѣла. Намъ важно лишь то, что отвлеченная „природа человѣка“ въ каждомъ данномъ случаѣ являлась доводомъ въ пользу совершенно конкретныхъ стремленій тѣхъ или другихъ слоевъ общества и при томъ исключительно буржуазнаго общества.

[2]) Гриммъ, Correspondance littéraire за августъ 1774 г. Ставя этотъ вопросъ, Гриммъ только повторяетъ мысль аббата Арно, которую этотъ послѣдній развилъ въ рѣчи, произнесенной имъ во французской Академіи.

измѣнной. Просвѣтители дѣйствительно считали ее такою, какъ это могъ видѣть читатель изъ вышеприведенныхъ словъ Кондорсэ. Но, если человѣческая природа неизмѣнна, то какъ же можно объяснить ею ходъ умственнаго или общественнаго развитія человѣчества? Что такое процессъ всякаго развитія? Рядъ измѣненій. Можно ли эти измѣненія объяснять съ помощью чего-то неизмѣннаго, разъ навсегда даннаго? Оттого ли мѣняется перемѣнная величина, что постоянная остается неизмѣнной? Просвѣтители сознавали, что—нѣтъ, и, чтобы выйти изъ затрудненія, указывали, что сама постоянная величина оказывается, въ извѣстныхъ предѣлахъ, измѣнчивой. Человѣкъ переживаетъ различные возрасты: дѣтство, юность, зрѣлое состояніе и проч. Въ эти различные возрасты нужды его не одинаковы: «Въ дѣтствѣ человѣкъ живетъ чувствами, воображеніемъ и памятью: онъ ищетъ одной забавы, нуждается лишь въ пѣсняхъ и сказкахъ. Потомъ наступаетъ возрастъ страстей; душа требуетъ потрясеній и волненій. Потомъ развивается мыслительная способность, развивается разумъ, который, въ свою очередь, требуетъ упражненія, дѣятельность котораго распространяется на все, что способно затронуть любознательность».

Такъ развивается отдѣльный человѣкъ: эти переходы обусловливаются его природой; и именно потому, что они въ его природѣ, они замѣчаются и въ духовномъ развитіи всего человѣчества; ими, этими переходами, объясняется то, что народы начинаютъ эпосомъ, а кончаютъ философіей [1]).

Легко видѣть, что подобнаго рода «объясненія», не объясняя ровно ничего, лишь придавали извѣстную картинность описанію хода умственнаго развитія человѣчества (сравненіе всегда ярче оттѣняетъ свойства описываемаго предмета). Легко видѣть также, что, давая подобныя объясненія, мыслители XVIII вѣка вращались въ уже знакомомъ намъ заколдованномъ кругѣ: среда создаетъ человѣка; человѣкъ создаетъ среду. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны выходитъ, что умственное развитіе человѣчества, т. е., другими словами, развитіе человѣческой природы, объясняется общественными нуждами, а съ другой—выходитъ, что развитіе общественныхъ нуждъ объясняется развитіемъ человѣческой природы.

Это противорѣчіе не было устранено, какъ мы видимъ, и французскими историками временъ реставраціи: оно лишь приняло у нихъ новый видъ.

---

[1]) Suard, loc. cit., p. 38[illegible]

ГЛАВА III.

Соціалисты-утописты.

Если человѣческая природа неизмѣнна и если, зная основныя свойства, можно выводить изъ нихъ математически достовѣрныя положенія въ области морали и общественной науки, то нетрудно придумать такой общественный строй, который, вполнѣ соотвѣтствуя требованіямъ человѣческой природы, именно поэтому будетъ идеальнымъ общественнымъ строемъ. Уже матеріалисты XVIII вѣка охотно пускаются въ изслѣдованія на тему о совершенномъ законодательствѣ (législation parfaite). Эти изслѣдованія представляютъ собою утопическій элементъ въ литературѣ просвѣщенія [1]).

Соціалисты-утописты первой половины XIX столѣтія всей душой отдаются такимъ изслѣдованіямъ.

Соціалисты-утописты этой эпохи всецѣло держатся антропологическихъ взглядовъ французскихъ матеріалистовъ. Точно такъ же, какъ матеріалисты, они считаютъ человѣка плодомъ окружающей его общественной среды) и точно такъ же, какъ матеріалисты, они попадаютъ въ заколдованный кругъ, объясняя измѣнчивыя свойства среды неизмѣнными свойствами человѣческой природы.

---

1) У Гельвеція, въ его книгѣ «De L'Homme», есть подробный проектъ такого «совершеннаго законодательства». Было бы въ высшей степени интересно и поучительно сравнить эту утопію съ утопіями первой половины XIX вѣка. Но, къ сожалѣнію, и историки соціализма, и историки философіи до сихъ поръ были чужды всякой мысли о подобномъ сопоставленіи. Что касается спеціально историковъ философіи, то они, къ слову сказать, третируютъ Гельвеція самымъ непозволительнымъ образомъ. Даже спокойный и умѣренный Ланге не находитъ для него другой характеристики, кромѣ «поверхностный Гельвецій». Абсолютный идеалистъ Гегель отнесся справедливѣе всѣхъ къ абсолютному матеріалисту Гельвецію.

) «Да, человѣкъ есть то, что дѣлаетъ изъ него всемогущее общество

Всѣ многочисленныя утопіи первой половины нашего вѣка представляютъ собой не что иное, какъ попытки придумать совершенное законодательство, принимая человѣческую природу за верховное мѣрило. Такъ, Фурье беретъ за точку отправленія анализъ человѣческихъ страстей; такъ, Р. Оуэнъ въ своемъ «Outline of the rational system of society» исходитъ изъ «основныхъ принциповъ науки о человѣческой природѣ» («First Principles of Human Nature») и утверждаетъ, что «раціональное правительство» должно прежде всего «опредѣлить человѣческую природу» («ascertain what Human Nature is»); такъ, сэнъ-симонисты заявляютъ, что ихъ философія основывается на новомъ понятіи о человѣческой природѣ (sur une nouvelle conception de la nature humaine) [1]; такъ, фурьеристы говорятъ, что придуманная ихъ учителемъ общественная организація представляетъ собой рядъ неоспоримыхъ выводовъ изъ неизмѣнныхъ законовъ человѣческой природы [2].

Разумѣется, взглядъ на человѣческую природу, какъ на верховное мѣрило, не мѣшалъ различнымъ соціалистическимъ школамъ очень сильно расходиться между собой въ опредѣленіи свойствъ этой природы. Напримѣръ, по мнѣнію сэнъ-симонистовъ, «планы Оуэна до такой степени противорѣчатъ склонностямъ человѣческой природы, что тотъ родъ популярности, которымъ они, повидимому пользуются въ настоящее время (писано въ 1825 г.), кажется на первый взглядъ вещью необъяснимой [3]. Въ полемической брошюрѣ Фурье «Pieges et charlatanisme des deux sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progres», можно найти немало,

---

или всемогущее воспитаніе, принимая это слово въ самомъ широкомъ его смыслѣ, т. е. понимая подъ нимъ не только школьное или книжное воспитаніе, но воспитаніе, даваемое намъ людьми и вещами, событіями и обстоятельствами, воспитаніе, вліяніе котораго на насъ начинается съ колыбели и не прекращается ни на минуту». Кабэ, Voyage en Icarie, изданіе 1848 г. стр. 402.

[1]) См. Le Producteur, t. I, Paris 1825. Introduction.

[2]) Mon but est de donner une Exposition Elémentaire, claire et facilement intelligible, de l'organisation sociale, déduite par Fourier des lois de la nature «humaine». V. Considérant, Destinée Sociale, t. I. 3-me édition, Déclaration.—«Il serait temps enfin de s'accorder sur ce point: est-il á propos, avant de faire des lois, de s'enquérir de la véritable nature de l'homme, afin d'harmoniser la loi, qui est par elle-meme modifiaple avec la nature, qui est immuable et souveraine?» Notions èlémentaires de la science sociale de Fourier, par lauteur de la Défense du Fourièrisme (Henri Grosse. Paris. 1644, p. 35).

[3]) Producteur, t. I, p. 139.

рѣзкихъ указаній на то, что и сэнъ-симонистское ученіе противорѣчитъ всѣмъ склонностямъ человѣческой природы. Теперь, какъ и во время Кондорсэ, оказывалось, что сойтись въ опредѣленіи человѣческой природы много труднѣе, чѣмъ опредѣлить ту или другую геометрическую фигуру.

Поскольку соціалисты-утописты XIX-го вѣка держались точки зрѣнія человѣческой природы, постольку они лишь повторяли ошибки мыслителей XVIII столѣтія,—грѣхъ, которымъ грѣшила, впрочемъ, вся современная имъ общественная наука [1]). Но у нихъ замѣтно сильное стремленіе вырваться изъ тѣсныхъ предѣловъ отвлеченнаго понятія и опереться на конкретную почву. Замѣчательнѣе другихъ въ этомъ отношеніи работы Сэнъ-Симона.

Между тѣмъ какъ французскіе просвѣтители чаще всего смотрѣли на исторію человѣчества, какъ на рядъ болѣе или менѣе счастливо сложившихся случайностей [2]), Сэнъ-Симонъ ищетъ въ исторіи прежде

---

[1]) Мы уже показали это по отношенію къ историкамъ временъ реставраціи. Очень легко было бы показать это и по отношенію къ экономистамъ. Защищая буржуазный общественный порядокъ противъ реакціонеровъ и соціалистовъ, экономисты защищали его именно какъ порядокъ, наиболѣе соотвѣтствующій человѣческой природѣ. Усилія найти отвлеченный «законъ народонаселенія» — выходили ли они изъ соціалистическаго или буржуазнаго лагеря, — тѣсно связаны были со взглядомъ на «человѣческую природу», какъ на основное понятіе общественной науки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить относящееся сюда ученіе Мальтуса съ одной стороны и ученіе Годвина или автора примѣчаній къ Д. С. Миллю — съ другой. И Мальтусъ, и его противники одинаково ищутъ единаго, такъ сказать, абсолютнаго закона народонаселенія. Современная намъ политическая экономія смотритъ иначе: она знаетъ, что каждая фаза общественнаго развитія имѣетъ свой особый законъ народонаселенія. Но объ этомъ ниже.

[2]) Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ упрекъ, который Гельвецій дѣлаетъ Монтескье: «Въ своей книгѣ о причинахъ величія и паденія Рима Монтескье недостаточно оцѣнилъ значеніе счастливыхъ случайностей въ исторіи этого государства. Онъ впалъ въ ошибку, слишкомъ свойственную мыслителямъ, которые хотятъ объяснить все, и въ ошибку кабинетныхъ ученыхъ, которые, забывая природу людей, приписываютъ народнымъ представителямъ неизмѣнные политическіе виды и единообразные принципы. А между тѣмъ, часто одинъ человѣкъ руководитъ по своему усмотрѣнію этими важными собраніями, которые называются сенатами. Pensés et réflexions. CXL, въ III томѣ Oeuvres Complètes de Helvétius. Paris MDCCCXVIII. Не напоминаетъ ли это вамъ, читатель, модной теперь въ Россіи теоріи «героевъ и толпы»? Подождите, дальнѣйшее изложеніе не разъ еще покажетъ, какъ мало оригинальнаго въ россійской «соціологіи».

всего законосообразности. Наука о человѣческомъ обществѣ и должна стать столь же строгой наукой, какъ и естествознаніе. Мы должны изучить факты прошлой жизни человѣчества для того, чтобы открыть въ нихъ законы его прогресса. Будущее способенъ предвидѣть только тотъ, кто понялъ прошедшее. Ставя такимъ образомъ задачу общественной науки, Сэнъ-Симонъ обратился въ особенности къ изученію исторіи западной Европы со временъ паденія Римской имперіи. Насколько новы и широки были его взгляды, видно изъ того, что его ученикъ О. Тьерри могъ совершить чуть не цѣлый переворотъ въ разработкѣ французской исторіи. Сэнъ-Симонъ держался того мнѣнія, что и Гизо заимствовалъ у него свои воззрѣнія. Оставляя нерѣшеннымъ этотъ вопросъ о теоретической собственности, мы замѣтимъ, что Сэнъ-Симонъ умѣлъ дальше прослѣдить пружины внутренняго развитія европейскихъ обществъ, чѣмъ современные ему историки-спеціалисты. Такъ, если и Тьерри, и Минье, и Гизо указывали на имущественныя отношенія, какъ на основу всего общественнаго строя, то Сэнъ-Симонъ, чрезвычайно ярко и впервые освѣтившій исторію этихъ отношеній въ новой Европѣ, пошелъ дальше, спросивъ себя: отчего же именно эти, а не какія либо другія отношенія, играютъ столь важную роль? Отвѣта надо искать, по его мнѣнію, въ нуждахъ промышленнаго развитія: «до XV-го столѣтія свѣтская власть находилась въ рукахъ дворянства, и это было полезно, потому что дворяне были тогда самыми способными промышленниками. Они руководили земледѣльческими работами, а земледѣльческія работы были тогда единственнымъ родомъ важныхъ промышленныхъ занятій»[1]). На вопросъ, почему же нужды промышленности имѣютъ такое рѣшающее значеніе въ исторіи человѣчества, Сэнъ-Симонъ отвѣчалъ: потому, что производство есть цѣль всякаго общественнаго союза (le but de l' organisation sociale, c'est la production). Онъ придавалъ такое значеніе производству, что отождествлялъ полезное съ производительнымъ (l' utile—c' est la production) и категорически заявлялъ, что la politique... c' est la science de la production.

Казалось бы, что логическое развитіе такихъ взглядовъ должно было привести Сэнъ-Симона къ тому выводу, что законы производства и суть тѣ законы, которыми опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ общественное развитіе и изученіе которыхъ должно составлять задачу мыслителя, старающагося предвидѣть будущее. Мѣстами онъ, какъ

---

1) Opinions littéraires, philosophiques et industrielles, Paris, 1825 p. 144, 145, сравни также Catéchisme politique des industrielles.

будто, приближается къ этой мысли, но только мѣстами и только приближается.

Для производства необходимы орудія труда. Эти орудія не даются природой въ готовомъ видѣ, они изобрѣтаются человѣкомъ. Изобрѣтеніе и даже простое употребленіе даннаго орудія предполагаетъ въ производителѣ извѣстную степень умственнаго развитія. Развитіе «промышленности» представляется поэтому безусловнымъ результатомъ умственнаго развитія человѣчества. Кажется, что мнѣніе, «просвѣщеніе» (lumières) и здѣсь безраздѣльно правитъ міромъ. И чѣмъ болѣе выясняется важная роль промышленности, тѣмъ болѣе подтверждается, повидимому, этотъ взглядъ философовъ XVIII вѣка. Сэнъ-Симонъ держится его еще послѣдовательнѣе, чѣмъ французскіе просвѣтители, такъ какъ, считая рѣшеннымъ вопросъ о происхожденіи идей изъ ощущеній, онъ имѣетъ меньше поводовъ задумываться о вліяніи среды на человѣка. Развитіе знаній является у него основнымъ факторомъ историческаго движенія [1]). Онъ старается открыть законы этого развитія; такъ, онъ устанавливаетъ тотъ самый законъ трехъ фазисовъ: теологическаго, метафизическаго и позитивнаго, который впослѣдствіи Огюстъ Контъ съ большимъ успѣхомъ выдалъ за свое собственное «открытіе» [2]). Но

---

1) Сэнъ-Симонъ доводитъ идеалистическій взглядъ на исторію до послѣдней крайности. У него не только идеи («принципы») являются послѣдней основой общественныхъ отношеній, но между идеями главная роль отводится „научнымъ идеямъ“,—„научной системѣ міра“,—изъ которыхъ вытекаютъ религіозныя идеи, въ свою очередь, обусловливающія собою нравственныя понятія людей. Это интеллектуализмъ, господствующій въ то же самое время и въ средѣ нѣмецкихъ философовъ, но принимающій у нихъ совсѣмъ другой видъ.

1) Литтрэ сильно возставалъ противъ Гюббара, когда тотъ указалъ на это... заимствованіе. Онъ приписывалъ Сэнъ-Симону лишь „законъ двухъ фазисовъ“: теологическаго и научнаго. Флинтъ, приведя это мнѣніе Литтрэ, замѣчаетъ: „онъ правъ, говоря, что законъ трехъ фазисовъ не упоминается ни въ одномъ изъ сочиненій Сэнъ-Симона“ (Philosophy of History in France and Germany, Edinburgh and London, MDCCCLXXIV, p. 158). Мы противопоставимъ этому замѣчанію слѣдующую выписку изъ Сэнъ-Симона: „Какой астрономъ, физикъ, химикъ или физіологъ не знаетъ, что въ каждой отрасли науки человѣческій умъ, прежде чѣмъ перейти отъ чисто-теологическихъ идей къ позитивнымъ, долго держится метафизики? Не создается ли у каждаго, кто занимался исторіей наукъ, твердаго убѣжденія въ томъ, что это промежуточное состояніе полезно и безусловно неизбѣжно для перехода?“ (Du système industriel, Paris, MDCCCXXI, préface, pp. vj – vjj). Законъ трехъ фазисовъ имѣлъ такую важность въ глазахъ Сэнъ-Симона, что онъ готовъ

и эти законы объясняются у него въ концѣ концовъ свойствами человѣческой природы. «Общество состоитъ изъ индивидуумовъ,—говоритъ онъ,—поэтому развитіе общественнаго разума можетъ быть лишь воспроизведеніемъ развитія индивидуальнаго разума въ большемъ масштабѣ». Отправляясь отъ этого основного положенія, онъ считаетъ свои «законы» общественнаго развитія окончательно выясненными и доказанными всякій разъ, когда ему удается найти въ подтвержденіе ихъ удачную аналогію въ развитіи индивидуума. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что роль власти въ общественной жизни сведется со временемъ къ нулю [1]). Постепенное, но зато постоянное уменьшеніе этой роли есть одинъ изъ законовъ развитія человѣчества. Какъ же доказывается имъ этотъ законъ? Главный доводъ въ его пользу есть ссылка на индивидуальное развитіе людей: въ низшей школѣ ребенокъ обязанъ безусловно слушаться старшихъ; въ средней и высшей—элементъ послушанія постепенно отходитъ на задній планъ, чтобы окончательно уступить мѣсто самостоятельному дѣйствію въ зрѣломъ возрастѣ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на исторію «власти», всякій согласится теперь, что здѣсь, какъ и вездѣ, сравненіе не доказательство. Эмбріологическое развитіе всякаго даннаго недѣлимаго (онтогенезисъ) представляетъ много аналогій съ исторіей того вида, къ которому принадлежитъ это недѣлимое: онтогенезисъ даетъ много важныхъ указаній относительно филогенезиса. Но что сказали бы мы теперь о біологѣ, который вздумалъ бы утверждать, что въ онтогенезисѣ надо искать послѣдняго объясненія филогенезиса? Современная біологія поступаетъ какъ разъ наоборотъ: она объясняетъ эмбріологическую исторію недѣлимаго исторіей вида.

Апелляція къ человѣческой природѣ придавала совершенно своеобразный видъ всѣмъ «законамъ» общественнаго развитія, формулированнымъ какъ самимъ Сэнъ-Симономъ, такъ и его учениками.

былъ объяснять имъ чисто-политическія явленія, напримѣръ, господство „легистовъ и метафизиковъ“ во время французской революціи. Флинту было бы нетрудно „открыть“ это, прочитавши внимательно сочиненія Сэнъ-Симона. Но, къ сожалѣнію, гораздо легче написать ученую исторію человѣческой мысли, чѣмъ изучить дѣйствительный ходъ ея развитія.

[1]) Эту мысль заимствовалъ у него впослѣдствіи и исказилъ Прудонъ, построившій на ней свою теорію анархіи.

Она заводила и ихъ въ заколдованный кругъ.—Исторія человѣчества объясняется его природой. Но откуда узнаемъ мы природу человѣка? Изъ исторіи.—Ясно, что, вращаясь въ этомъ кругѣ, нельзя понять ни природы человѣка, ни его исторіи, а можно дѣлать лишь тѣ или другія отдѣльныя, болѣе или менѣе глубокія замѣчанія относительно той или другой области общественныхъ явленій. Сэнъ-Симонъ сдѣлалъ нѣсколько тонкихъ, иногда поистинѣ геніальныхъ замѣчаній, но его главная цѣль—найти для «политики» твердую научную основу—осталась недостигнутой.

«Верховный законъ прогресса человѣческаго разума,—говоритъ Сэнъ-Симонъ,—подчиняетъ себѣ все, надо всѣмъ господствуетъ; люди для него только орудія... И хотя эта сила (т. е. этотъ законъ) исходитъ отъ насъ (dérive de nous), мы столь же мало можемъ избавиться отъ ея вліянія или подчинить ее себѣ, какъ измѣнить по своему произволу дѣйствіе силы, заставляющей землю вращаться вокругъ солнца. Мы только и можемъ, что сознательно подчиняться этому закону (нашему истинному провидѣнію), отдавая себѣ отчетъ въ томъ движеніи, которое онъ намъ предписываетъ, вмѣсто того, чтобы подчиняться ему слѣпо. Замѣтимъ мимоходомъ, что именно въ этомъ и будетъ заключаться шагъ впередъ, который суждено совершить философскому сознанію нашего вѣка» [1]).

Итакъ, человѣчество совершенно подчинено закону своего собственнаго умственнаго развитія; оно не могло бы избѣжать его вліянія даже въ томъ случаѣ, если бы оно того пожелало. Разсмотримъ внимательнѣе это положеніе и, для наглядности, возьмемъ законъ трехъ фазисовъ. Человѣчество шло отъ теологическаго мышленія къ метафизическому, отъ метафизическаго къ позитивному. Этотъ законъ дѣйствовалъ съ силою механическихъ законовъ.

Очень можетъ быть, что это и такъ, но спрашивается, какъ понимать ту мысль, что человѣчество даже при желаніи не могло бы измѣнить дѣйствіе этого закона? Значитъ ли это, что оно не могло бы избѣжать метафизики даже въ томъ случаѣ, если бы оно сознало преимущества позитивнаго мышленія еще въ концѣ теологическаго періода? Очевидно—нѣтъ; а если нѣтъ, то не менѣе очевидно, что есть какая-то неясность въ самомъ взглядѣ Сэнъ-Симона на законосообразность умственнаго развитія. Въ чемъ же заключается эта неясность? Откуда она происходитъ?

---

[1]) L'organisateur. стр. 119 IV т. соч. Сэнъ-Симона, составляющаго XX т. полн. соч. собр. Сэнъ-Симона и Анфантэна.

Заключается она въ самомъ противопоставленіи закона желанію измѣнить его дѣйствіе. Разъ явилось у человѣчества подобное желаніе,—оно само составляетъ фактъ изъ исторіи его умственнаго развитія, и законъ долженъ охватить этотъ фактъ, а не приходить съ нимъ въ столкновеніе. Пока мы допускаемъ возможность такого столкновенія, мы еще не уяснили себѣ самого понятія о законѣ и мы непремѣнно попадемъ въ одну изъ двухъ крайностей: или покинемъ точку зрѣнія законосообразности и станемъ на точку зрѣнія желательнаго, или совершенно упустимъ желательное,—вѣрнѣе сказать, желаемое людьми данной эпохи,—изъ нашего поля зрѣнія и тѣмъ придадимъ закону какой-то мистическій оттѣнокъ, превратимъ его въ какой-то фатумъ. Именно такимъ фатумомъ является «законъ» у Сэнъ-Симона и вообще у утопистовъ, поскольку они говорятъ о законосообразности. Замѣтимъ кстати, что когда русскіе «субъективные соціологи» ополчаются на защиту «личности», «идеаловъ» и прочихъ хорошихъ вещей, они воюютъ именно съ утопическимъ, неяснымъ, неполнымъ и потому несостоятельнымъ ученіемъ объ «естественномъ ходѣ вещей». Наши соціологи даже какъ будто и не слыхали, въ чемъ заключается современное научное понятіе о законосообразности общественно-историческаго процесса.

Откуда взялась утопическая неясность въ понятіи о законосообразности? Она произошла изъ указаннаго уже нами коренного недостатка того взгляда на развитіе человѣчества, котораго держались утописты, —да какъ мы уже знаемъ, и не они одни. Исторія человѣчества объяснялась природой человѣка. Разъ дана эта природа, даны и законы историческаго развитія, дана, какъ сказалъ бы Гегель, an sich уже вся исторія. Человѣкъ такъ же мало можетъ вмѣшиваться въ ходъ своего развитія, какъ мало можетъ онъ перестать быть человѣкомъ. Законъ развитія является въ видѣ провидѣнія.

Это—историческій фатализмъ, являющійся въ результатѣ ученіи, которое считало успѣхи знанія,—слѣдовательно, сознательную дѣятельность человѣка,—основной пружиной историческаго движенія.

Но пойдемъ дальше.

Если ключъ къ пониманію исторіи дается изученіемъ природы человѣка, то мнѣ важно не столько фактическое изученіе исторіи, сколько правильное пониманіе именно этой природы. Разъ я усвоилъ вѣрный взглядъ на нее, я теряю почти всякій интересъ къ общественной жизни, какъ она есть, и сосредоточиваю все свое вниманіе на общественной жизни, какъ она должна быть сообразно природѣ человѣка. Фатализмъ въ исторіи нисколько не мѣшаетъ уто-

пическому отношенію къ дѣйствительности на практикѣ. Напротивъ, онъ содѣйствуетъ ему, обрывая нить научнаго изслѣдованія. Фатализмъ, вообще, нерѣдко идетъ рука объ руку съ самымъ крайнимъ субъективизмомъ. Фатализмъ сплошь и рядомъ объявляетъ неотвратимымъ закономъ исторіи свое собственное пастроеніе. Именно о фаталистахъ можно сказать словами поэта:

Was sie den Geist der Geschichte nennen,
Ist nur der Herren eigner Geist.

Сэнъ-Симонисты утверждали, что та доля общественнаго продукта, которая достается эксплуататорамъ чужого труда, постепенно уменьшается. Такое уменьшеніе являлось въ ихъ глазахъ важнѣйшимъ закономъ экономическаго развитія человѣчества. Въ доказательство они ссылались на постепенное пониженіе уровня процента и поземельной ренты. Если бы они держались въ этомъ случаѣ пріемовъ строгонаучнаго изслѣдованія, они должны были бы найти экономическія причины указываемаго ими явленія, и для этого имъ нужно было бы внимательно изучить производство, воспроизведеніе и распредѣленіе продуктовъ. Сдѣлай они это, они увидѣли бы, можетъ быть, что пониженіе уровня процента или даже поземельной ренты, если оно дѣйствительно имѣетъ мѣсто, вовсе еще не доказываетъ уменьшенія доли собственниковъ. Тогда ихъ экономическій «законъ» получилъ бы, конечно, совершенно другую формулировку. Но имъ было не до того. Увѣренность во всемогуществѣ таинственныхъ законовъ, вытекающихъ изъ природы человѣка, направила работу ихъ мысли совершенно въ другую сторону. Тенденція, до сихъ поръ преобладавшая въ исторіи, можетъ только усилиться въ будущемъ,—говорили они,—постоянное уменьшеніе доли эксплуататоровъ необходимо закончится полнымъ ея исчезновеніемъ, т. е. исчезновеніемъ самого класса эксплуататоровъ. Предвидя это, мы теперь же должны придумать новыя формы общественнаго устройства, въ которыхъ уже совсѣмъ не будетъ мѣста эксплуататорамъ. На основаніи другихъ свойствъ человѣческой природы видно, что эти формы должны быть таковы и таковы... Планъ общественнаго переустройства изготовляется очень скоро: чрезвычайно важная научная мысль о законосообразности общественныхъ явленій разрѣшается парой утопическихъ рецептовъ...

Подобные рецепты считались тогдашними утопистами самой важной задачей мыслителя. То или другое положеніе политической экономіи само по себѣ не важно. Оно пріобрѣтаетъ значеніе въ виду тѣхъ практическихъ выводовъ, которые изъ него вытекаютъ.

Ж. Б. Сэй споритъ съ Рикардо о томъ, чѣмъ опредѣляется *мѣновая стоимость* товаровъ. Очень можетъ быть, что это—важный вопросъ съ точки зрѣнія спеціалистовъ. Но еще важнѣе знать, чѣмъ *должна* опредѣляться стоимость, а объ этомъ спеціалисты, къ сожалѣнію, и не думаютъ. Подумаемъ мы за спеціалистовъ. Человѣческая природа внятно говоритъ намъ то и то. Разъ мы начинаемъ прислушиваться къ ея голосу, мы съ удивленіемъ видимъ, что важный въ глазахъ спеціалистовъ споръ, въ сущности, не очень важенъ. Можно согласиться съ Сэемъ, потому что изъ его положеній вытекаютъ выводы, вполнѣ согласные съ требованіями человѣческой природы. Можно согласиться и съ Рикардо, потому что и его взгляды, будучи правильно истолкованы и дополнены, могутъ только подкрѣпить эти требованія. Такъ утопическая мысль безцеремонно вмѣшивается въ тѣ научныя пренія, значеніе которыхъ остается для нея темнымъ. Такъ образованные и богато одаренные отъ природы люди, напримѣръ, *Анфантэнъ*, рѣшали спорные вопросы тогдашней политической экономіи.

Анфантэнъ написалъ немало политико-экономическихъ изслѣдованій, которыхъ нельзя считать серьезнымъ вкладомъ въ науку, но которыхъ нельзя и игнорировать, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ исторіи политической экономіи и соціализма. Экономическія работы Анфантэна имѣютъ свое значеніе, какъ интересный фазисъ въ исторіи развитія соціалистической мысли. Но каково отношеніе его къ спорамъ экономистовъ, достаточно показываетъ слѣдующій примѣръ.

Извѣстно, что *Мальтусъ* настойчиво и, къ слову сказать, очень неудачно оспаривалъ теорію ренты *Рикардо*. Анфантэнъ думаетъ, что истина собственно на сторонѣ перваго, а не второго. Но онъ не оспариваетъ и теоріи Рикардо: онъ не считаетъ этого нужнымъ. По его мнѣнію, всѣ «разсужденія о природѣ ренты и о дѣйствительномъ относительномъ повышеніи или пониженіи части, отнимаемой собственникомъ у работника, должны были бы свестись къ одному вопросу: какова природа тѣхъ отношеній, которыя должны въ интересахъ общества существовать между удалившимся отъ дѣлъ производителемъ (такъ называетъ Анфантэнъ землевладѣльцевъ) и производителемъ активнымъ (т. е. фермеромъ)? Когда эти отношенія станутъ извѣстны, достаточно будетъ выяснить тѣ средства, которыя приведутъ къ установленію такихъ отношеній; при этомъ надо будетъ принять въ соображеніе и современное состояніе общества; но, тѣмъ не менѣе, всякій другой вопросъ (т. е. помимо вопроса, поставлен-

наго выше) былъ бы второстепеннымъ и только мѣшалъ бы тѣмъ комбинаціямъ, которыя должны содѣйствовать употребленію въ дѣло названныхъ средствъ» [1]).

Главнѣйшая задача политической экономіи, которую Анфантэнъ предпочиталъ бы называть «философской исторіей промышленности», заключается въ указаніи какъ взаимныхъ отношеній различныхъ слоевъ производителей, такъ и отношеній всего класса производителей къ другимъ общественнымъ классамъ. Эти указанія должны основываться на изученіи историческаго развитія промышленнаго класса, при чемъ въ основѣ такого изученія должно лежать «новое понятіе о человѣческомъ родѣ», т. е. другими словами, о природѣ человѣка [2]).

У Мальтуса оспариваніе теоріи ренты Рикардо тѣсно вязалось съ оспариваніемъ очень извѣстной,—какъ у насъ говорятъ теперь,—трудовой теоріи стоимости. Мало вникая въ сущность спора, Анфантэнъ торопится разрѣшить его утопическимъ дополненіемъ (какъ у насъ говорятъ теперь, поправкой) къ ученію о рентѣ Рикардо: «Если мы хорошо понимаемъ эту теорію,—говоритъ онъ,—то слѣдовало бы, кажется, прибавить къ ней, что... работники платятъ (т. е. платятъ въ видѣ ренты) нѣкоторымъ людямъ за отдыхъ, которому тѣ предаются, и за право пользоваться средствами производства».

Подъ работниками Анфантэнъ понимаетъ здѣсь также, и даже преимущественно, фермеровъ-предпринимателей. То, что онъ говоритъ объ ихъ отношеніи къ землевладѣльцамъ, совершенно вѣрно. Но все сводится въ его «поправкѣ» лишь къ болѣе рѣзкому выраженію явленія, прекрасно извѣстнаго и Рикардо. Къ тому же, рѣзкое выраженіе это (А. Смитъ выражается подчасъ еще рѣзче) не только не рѣшаетъ вопроса ни о стоимости, ни о рентѣ, а совершенно устраняетъ его изъ поля зрѣнія Анфантэна. Но для него эти вопросы и не существовали; его интересовало исключительно будущее общественное устройство; ему важно было убѣдить читателя въ томъ, что не должна существовать частная собственность на средства производства. Анфантэнъ прямо говоритъ, что если бы не такого рода практическіе вопросы, то всѣ ученые споры о стоимости были бы

---

[1]) Въ статьѣ „Considérations sur la baisse progressive du loyer des odjets mobiliers et immobiliers". Producteur, t. I, p. 564.

[2]) См. въ особенности статью „Considérations sur les progrés de l'economie politique". Producteur, t. IV.

простымъ препирательствомъ о словахъ. Это, такъ сказать, субъективный методъ въ политической экономіи.

Утописты нигдѣ прямо не рекомендовали этого «метода». Но что они были очень склонны къ нему, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что Анфантэнъ упрекалъ Мальтуса (!) въ излишней объективности. Объективность была, будто бы, главнымъ недостаткомъ этого писателя. Кто знакомъ съ сочиненіями Мальтуса, тотъ знаетъ, что именно объективности-то (свойственной, напр., Рикардо) и былъ всегда чуждъ авторъ «Опыта о законѣ народонаселенія». Мы не знаемъ, читалъ ли Анфантэнъ самого Мальтуса (все заставляетъ думать, что напримѣръ, взгляды Рикардо были извѣстны ему лишь по тѣмъ выпискамъ, которыя дѣлали изъ него французскіе экономисты), но если бы и читалъ, то едва ли онъ оцѣнилъ бы ихъ по ихъ истинному достоинству, едва ли онъ сумѣлъ бы показать, что дѣйствительность противорѣчитъ Мальтусу. Занятый соображеніями относительно того, что должно было быть, Анфантэнъ не имѣлъ ни времени, ни охоты внимательно вдумываться въ то, что есть. «Вы правы,—готовъ онъ былъ сказать первому встрѣчному сикофанту,—въ современной общественной жизни дѣло происходитъ какъ разъ такъ, какъ вы его описываете, но вы черезчуръ объективны; взгляните на вопросъ съ гуманной точки зрѣнія и вы увидите, что наша общественная жизнь должна быть перестроена заново». Утопическій диллетантизмъ вынужденъ дѣлать теоретическія уступки всякому, болѣе или менѣе ученому, защитнику буржуазнаго порядка. Утопистъ, чтобы загладить возникающее у него сознаніе своего безсилія, утѣшаетъ себя, упрекая своихъ противниковъ въ объективности: положимъ, дескать, вы ученѣе меня, но за то я добрѣе. Утопистъ не опровергаетъ ученыхъ защитниковъ буржуазіи; онъ лишь дѣлаетъ къ ихъ теоріямъ «примѣчанія» и «поправки». Подобное же, совершенно утопическое, отношеніе къ общественной наукѣ бросается внимательному читателю въ глаза на каждой страницѣ сочиненій «субъективныхъ» соціологовъ. Намъ еще много придется говорить о немъ. Приведемъ пока два яркихъ примѣра. Въ 1871 году вышла диссертація покойнаго Н. Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями». Въ предисловіи авторъ благосклонно, но только мимоходомъ, говоритъ о статьѣ г. Ю. Жуковскаго: «Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ» (статья эта появилась еще въ «Современникѣ» 1864 года). По поводу этого мимоходнаго отзыва г. Михайловскій замѣчаетъ: «Мнѣ пріятно вспомнить, что въ статьѣ «О литературной дѣятельности Ю. Г. Жу-

ковскаго» я отдалъ большую справедливость заслугамъ нашего экономиста. Я указалъ именно, что г. Жуковскій давно уже высказалъ мысль о необходимости возвращенія къ источникамъ политической экономіи, въ которыхъ имѣются всѣ данныя для правильнаго рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, данныя, совершенно извращенныя современною школьною политическою экономіей. Но я тогда же указалъ, что честь права «перваго занятія» этой идеи, оказавшейся послѣ столь плодотворной въ сильныхъ рукахъ Карла Маркса, принадлежитъ въ русской литературѣ не г. Жуковскому, а другому писателю, автору статей «Экономическая дѣятельность и законодательство» («Современникъ» 1859 г.), «Капиталъ и трудъ» (1860), примѣчаній къ Миллю и проч. Кромѣ старшинства по времени разница между этимъ писателемъ и г. Жуковскимъ можетъ выразиться наглядным образомъ такъ. Если, напримѣръ, г. Жуковскій обстоятельно и строго-научно, даже нѣсколько педантически доказываетъ, что трудъ есть мѣра цѣнности и что всякая цѣнность производится трудомъ, то авторъ упомянутыхъ статей, не упуская изъ виду теоретической стороны дѣла, напираетъ преимущественно на логическій практическій выводъ изъ нея: будучи производима и измѣряема трудомъ, всякая цѣнность должна принадлежать труду» [1]). Не нужно быть большимъ знатокомъ политической экономіи, чтобы знать, что «авторъ примѣчаній къ Миллю» совсѣмъ не понялъ той теоріи стоимости, которая впослѣдствіи получила такое блестящее развитіе «въ сильныхъ рукахъ Маркса». И всякій, знающій исторію соціализма, человѣкъ понимаетъ—п о ч е м у этотъ авторъ, вопреки увѣренію г. Михайловскаго, именно «упустилъ изъ виду теоретическую сторону дѣла» и увлекся соображеніями о томъ, по какой нормѣ д о л ж н ы обмѣниваться продукты въ благоустроенномъ обществѣ. Авторъ примѣчаній къ Миллю смотрѣлъ на экономическіе вопросы съ точки зрѣнія у т о п и с т а. Это было совершенно естественно въ его время. Но очень странно, что г. Михайловскій не сумѣлъ разстаться съ этой точкой зрѣнія въ семидесятыхъ годахъ (да не разстался и послѣ, иначе онъ поправилъ бы свою ошибку въ новомъ изданіи своихъ сочиненій), когда легко усвоить, даже изъ популярныхъ сочиненій, болѣе правильный взглядъ на вещи. Г. Михайловскій не понялъ того, что говорилъ о цѣнности «авторъ примѣчаній къ Миллю». Это произошло потому, что и онъ «у п у с т и л ъ и з ъ в и д у т е о-

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, томъ II, изд. 2. С.-Петербургъ, 1888 г., стр. 239-240.

ретическую сторону дѣла», увлекшись «логическимъ практическимъ выводомъ изъ нея», т. е. соображеніемъ о томъ, что «всякая цѣнность должна принадлежать труду». Мы уже знаемъ, что увлеченіе практическими выводами всегда вредно отзывалось на теоретическихъ разсужденіяхъ утопистовъ. А насколько старъ «выводъ», сбившій съ толку г. Михайловскаго, показываетъ то обстоятельство, что его дѣлали изъ теоріи стоимости Рикардо еще англійскіе утописты двадцатыхъ годовъ. Но въ качествѣ утописта г. Михайловскій не интересуется даже исторіей утопій.

Другой примѣръ. Г-нъ В. В., въ 1882 г., такъ объяснялъ появленіе своей книги «Судьбы капитализма въ Россіи»:

«Предлагаемый сборникъ составленъ изъ статей, печатавшихся въ разныхъ журналахъ. Выпуская ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, мы придали имъ лишь внѣшнее единство, нѣсколько иначе расположили матеріалъ, выкинули повторенія (далеко не всѣ; ихъ очень много осталось въ книгѣ В. В.). Содержаніе ихъ осталось прежнее; новыхъ фактовъ и аргументовъ приведено немного; и если, тѣмъ не менѣе, мы рѣшаемся вторично предлагать свои работы вниманію читателя, то дѣлаемъ это съ единственной цѣлью—одновременностью нападенія всѣмъ арсеналомъ на его міросозерцаніе заставить интеллигенцію обратить вниманіе на поднятый вопросъ (картина: г. В. В. «всѣмъ арсеналомъ» нападаетъ на міросозерцаніе читателя, и устрашенная интеллигенція сдастся на капитуляцію, обращаетъ вниманіе и проч.), вызвать нашихъ ученыхъ и присяжныхъ публицистовъ капитализма и народничества на изученіе закона экономическаго развитія Россіи—основу всѣхъ остальныхъ проявленій жизни страны. Безъ знанія этого закона невозможна систематическая и успѣшная общественная дѣятельность, а господствующія у насъ представленія о ближайшемъ будущемъ Россіи врядъ ли могутъ быть названы закономъ (представленія... могутъ быть названы закономъ?!) и врядъ ли способны дать практическому міросозерцанію прочную основу» (Предисловіе, стр. 1).

Въ 1893 г. тотъ же г. В. В., успѣвшій уже сдѣлаться «присяжнымъ», хотя, увы! все еще не «ученымъ», публицистомъ народничества, оказывается уже далекъ отъ мысли о томъ, что законъ экономическаго развитія составляетъ «основу всѣхъ остальныхъ проявленій жизни страны». Теперь онъ «всѣмъ арсеналомъ» нападаетъ на «міросозерцаніе» людей, имѣющихъ такое «воззрѣніе», теперь онъ думаетъ, что въ этомъ «воззрѣніи историческій процессъ, вмѣсто производнаго — человѣка, обращается въ силу производящую, а человѣкъ

въ его послушное орудіе» [1]); теперь онъ считаетъ соціальныя отношенія «производнымъ духовнаго міра человѣка» [2]) и чрезвычайно подозрительно относится къ ученію о законосообразности общественныхъ явленій, противопоставляя ему «научную философію исторіи профессора исторіи Н. И. Карѣева» (разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами самъ г. профессоръ!) [3]).

Какой, съ Божьей помощью, поворотъ! Что его вызвало? А вотъ что. Въ 1882 году г. В. В. искалъ «закона экономическаго развитія Россіи», воображая, что этотъ законъ будетъ лишь научнымъ выраженіемъ его собственныхъ, г. В. В., «идеаловъ». Онъ былъ даже увѣренъ, что нашелъ такой «законъ», именно «законъ» мертворожденности русскаго капитализма. Но послѣ этого онъ не даромъ прожилъ цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ. Онъ долженъ былъ, хотя и не волухъ, сознаться, что мертворожденный капитализмъ все болѣе и болѣе развивается. Вышло такъ, что развитіе капитализма стало едва ли не самымъ неоспоримымъ «закономъ экономическаго развитія Россіи». И вотъ г. В. В. поторопился выворотить наизнанку свою «философію исторіи»: онъ, искавшій «закона», сталъ говорить, что подобное исканіе есть совершенно праздное препровожденіе времени. Русскій утопистъ не прочь опереться на «законъ»; но онъ тотчасъ же отрекается отъ него, какъ Петръ отъ Іисуса, если только «законъ» идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ «идеаломъ», подкрѣплять который ему надлежитъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Впрочемъ, г. В. В. и теперь не навсегда поссорился съ «закономъ». «Естественное стремленіе къ систематизаціи воззрѣній должно бы привести русскую интеллигенцію къ построенію самостоятельной схемы эволюціи экономическихъ отношеній, соотвѣтствующей потребностямъ и условіямъ развитія нашей страны; и такая работа, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣлана въ недалекомъ будущемъ» («Наши направленія», стр. 114). «Строя» свою «самостоятельную схему», русская интеллигенція, очевидно, будетъ предаваться тому же занятію, какому предавался г. В. В. въ «Судьбахъ капитализма», ища «закона». Когда схема будетъ найдена,—а г. В. В. божится, что ее найдутъ въ самомъ недалекомъ будущемъ,—нашъ авторъ столь же торжественно помирится съ законосообразностью, какъ помирился евангельскій отецъ со своимъ блуднымъ сыномъ. Забавники!

---

[1]) Наши направленія. С.-Петербургъ. 1893 г., стр. 138

[2]) L. cit., стр. 9, 13, 140 и многія другія.

[3]) Тамъ же, стр. 143 и слѣд.

Само собою разумѣется, что даже въ то время, когда г. В. В. все еще искалъ «закона», онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какой смыслъ можетъ имѣть это слово въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ. Онъ смотрѣлъ на «законъ», какъ смотрѣли на него утописты двадцатыхъ годовъ. Только этимъ и можно объяснить то, что онъ надѣялся открыть законъ развитія одной страны—Россіи. Но зачѣмъ онъ приписываетъ свои пріемы мысли русскимъ марксистамъ? Онъ ошибается, если думаетъ, что они въ своемъ понятіи о законосообразности общественныхъ явленій не пошли дальше утопистовъ. А что онъ думаетъ это, показываютъ всѣ его возраженія противъ нихъ. Да и не онъ одинъ такъ думаетъ; думаетъ такъ самъ «профессоръ исторіи» г. Карѣевъ; думаютъ такъ всѣ противники «марксизма». Они сначала приписутъ марксистамъ утопическій взглядъ на законосообразность общественныхъ явленій, а тамъ побиваютъ этотъ взглядъ съ болѣе или менѣе сомнительнымъ успѣхомъ. Настоящая борьба съ вѣтряными мельницами!

Кстати, объ ученомъ «профессорѣ исторіи». Вотъ въ какихъ выраженіяхъ рекомендуетъ онъ субъективную точку зрѣнія на историческое развитіе человѣчества: «Если въ философіи исторіи мы интересуемся вопросомъ о прогрессѣ, то этимъ самымъ дается выборъ существеннаго содержанія науки, ея фактовъ и ихъ группировки. Но факты не могутъ быть ни выдуманы, ни поставлены въ придуманныя отношенія (стало быть, ни въ выборѣ, ни въ группировкѣ не должно быть ничего произвольнаго? Стало быть, группировка должна вполнѣ соотвѣтствовать объективной дѣйствительности? Да! Слушайте!), и изображеніе хода исторіи съ извѣстной точки зрѣнія останется объективнымъ въ смыслѣ вѣрности изображенія. Тутъ является на сцену субъективизмъ иного рода: творческій синтезъ можетъ создать цѣлый идеальный міръ нормъ, міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго, съ которымъ будетъ сравниваться дѣйствительная исторія, т. е. объективное изображеніе ея хода, сгруппированное извѣстнымъ образомъ съ точки зрѣнія существенныхъ перемѣнъ въ жизни человѣчества. На основѣ этого сравненія возникаетъ оцѣнка историческаго процесса, которая, однако, также не должна быть произвольна. Нужно дожазать, что сгруппированные факты, какъ они намъ даны, дѣйствительно имѣютъ то значеніе, которое мы имъ приписываемъ, ставши на извѣстную точку зрѣнія, принявши извѣстный критерій для ихъ оцѣнки».

У Щедрина «маститый московскій историкъ», хвалясь своей объективностью, говоритъ: мнѣ все равно, Ярославъ Изяслава по-

билъ, или Изяславъ Ярослава. Г. Карѣевъ, создавшій себѣ «цѣлый идеальный міръ нормъ, міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго», чуждъ такого рода объективности. Онъ сочувствуетъ, положимъ, Ярославу, и хотя онъ не позволитъ себѣ изобразить его пораженіе въ видѣ его побѣды («факты не могутъ быть выдуманы»), но онъ оставляетъ за собой драгоцѣнное право пролить слезу-другую по поводу печальной участи Ярослава, не можетъ удержаться отъ проклятія по адресу его побѣдителя, Изяслава. Трудно возразить что нибудь противъ *такого* «субъективизма». Но напрасно г. Карѣевъ изображаетъ его въ такомъ обезцвѣченномъ и потому обезвреженномъ видѣ. Изображать его такъ, значитъ не понимать его истинной природы, топить его въ водѣ сантиментальной фразеологіи. Въ дѣйствительности, отличительная черта «субъективныхъ» мыслителей заключается въ томъ, что «міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго» стоитъ у нихъ внѣ всякой связи съ объективнымъ ходомъ историческаго развитія: здѣсь — «*должное*», тамъ—«*дѣйствительное*», и эти двѣ области отдѣлены одна отъ другой цѣлой пропастью, той пропастью, которая отдѣляетъ у дуалистовъ міръ матеріальный отъ міра духовнаго. Задача общественной науки XIX столѣтія заключалась, между прочимъ, въ томъ, чтобы построить мостъ черезъ эту, повиднмому, бездонную пропасть. Пока мы не построимъ этого моста, до тѣхъ поръ мы по необходимости будемъ закрывать глаза на *дѣйствительное*, сосредоточивъ все свое вниманіе на «должномъ» (какъ это дѣлали, напримѣръ, сэнъ-симонисты), отъ чего, разумѣется, лишь замедлится осуществленіе этого «*должнаго*», такъ какъ затруднится пріобрѣтеніе правильнаго взгляда на него.

Мы уже знаемъ, что историки временъ реставраціи, въ противность просвѣтителямъ XVIII столѣтія, разсматривали политическія учрежденія всякой данной страны, какъ результатъ ея гражданскаго быта. Этотъ новый взглядъ до такой степени распространился и усилился въ то время, что доходилъ, въ примѣненіи къ практическимъ вопросамъ, до странныхъ, теперь уже почти непонятныхъ намъ крайностей. Такъ, Ж. Б. Сэй утверждалъ, что политическіе вопросы не должны интересовать экономиста, потому что народное хозяйство можетъ одинаково хорошо развиваться даже при діаметрально-противоположныхъ политическихъ порядкахъ. Эту мысль Сэя съ похвалой отмѣчаетъ Сэнъ-Симонъ, влагая въ нее, правда, нѣсколько болѣе глубокое содержаніе. За весьма не

многими исключеніями, всѣ утописты XIX вѣка раздѣляютъ такой взглядъ на «политику».

Теоретически этотъ взглядъ ошибоченъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, державшіеся его люди забывали, что въ общественной жизни, какъ и всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, а не съ отдѣльнымъ явленіемъ, слѣдствіе, въ свою очередь, становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ; короче, они покидали здѣсь, очень некстати, ту самую точку зрѣнія взаимодѣйствія, которою въ другихъ случаяхъ, и тоже некстати, ограничивался ихъ анализъ; во-вторыхъ, если политическія отношенія являются слѣдствіемъ соціальныхъ, то непонятно, какимъ образомъ до крайности различныя слѣдствія (политическія учрежденія — діаметрально противоположнаго характера) могутъ быть вызваны одной и той же причиной,—одинаковымъ состояніемъ «богатства». Очевидно, что тутъ самое понятіе о причинной связи политическихъ учрежденій страны съ ея экономическимъ состояніемъ остается еще до крайности туманнымъ. И дѣйствительно, не трудно было бы показать, какъ туманно оно у всѣхъ утопистовъ.

На практикѣ эта туманность вела за собой двоякаго рода послѣдствія. Съ одной стороны, утописты, такъ много говорившіе объ организаціи труда, готовы были подчасъ повторять старый девизъ XVIII вѣка—«laissez faire, laissez passer». Такъ, Сэнъ-Симонъ, видѣвшій въ организаціи промышленности величайшую задачу XIX столѣтія, говоритъ: «l'industrie a besoin d'être gouvernée le moins possible» (промышленность нуждается въ томъ, чтобы ею управляли какъ можно меньше [1]). Съ другой стороны, утописты, —опять-таки съ нѣкоторыми исключеніями, принадлежащими болѣе позднему времени,—были совершенно равнодушны къ текущей политикѣ, къ политическимъ вопросамъ дня.

Политическій строй есть слѣдствіе, а не причина. Слѣдствіе всегда остается слѣдствіемъ, не становясь, въ свою очередь, причиной. Отсюда слѣдуетъ почти прямой выводъ, что «политика» не можетъ служить средствомъ осуществленія общественно-экономиче-

---

[1]) Просвѣтители XVIII вѣка совершенно такъ же противорѣчили себѣ, хотя ихъ противорѣчіе обнаруживалось съ другой стороны. Они стояли за невмѣшательство государства и, тѣмъ не менѣе, временами требовали отъ законодателя мелочной регламентаціи. Просвѣтителямъ тоже была неясна связь „политики“ (у нихъ считавшейся причиной) съ хозяйствомъ (считавшимся у нихъ слѣдствіемъ).

скихъ «идеаловъ». Понятна, поэтому, психологія утописта, отворачивающагося отъ политики. Но на что же разсчитывали они въ дѣлѣ осуществленія своихъ плановъ общественнаго преобразованія? Что лежало въ основѣ ихъ практическихъ упованій? Все и ничто. Все — въ томъ смыслѣ, что они безразлично ожидали помощи съ самыхъ противоположныхъ сторонъ. Ничто—въ томъ, что всѣ ихъ надежды были совсѣмъ неосновательны.

Утописты воображали себя чрезвычайно практичными людьми. Они ненавидѣли «доктринеровъ» и всѣ самые громкіе ихъ принципы они, не задумываясь, приносили въ жертву своимъ idées fixes. Они не были ни либералами, ни консерваторами, ни монархистами, ни республиканцами. Они безразлично готовы были идти и съ либералами, и съ консерваторами, и съ монархистами, и съ республиканцами, лишь бы осуществить свои «практическіе» и, какъ имъ казалось, чрезвычайно практичные планы. Изъ старыхъ утопистовъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Фурье. Онъ, какъ гоголевскій Костанжогло, старался всякую дрянь употребить въ дѣло. То онъ соблазнялъ ростовщиковъ перспективой огромныхъ процентовъ, которые имъ станутъ приносить ихъ капиталы въ будущемъ обществѣ; то онъ взывалъ къ любителямъ дынь и артишоковъ, прельщая ихъ отличными дынями и артишоками будущаго; то онъ увѣрялъ Луи-Филиппа, что у принцессъ Орлеанскаго дома, которыми теперь пренебрегаютъ принцы крови, отбою не будетъ отъ жениховъ при новомъ общественномъ строѣ. Онъ хватался за каждую соломинку. Но, увы! Ни ростовщики, ни любители дынь и артишоковъ, ни «король-гражданинъ», что называется и ухомъ не вели, не обращали ни малѣйшаго вниманія на самые, казалось бы, убѣдительные разсчеты Фурье. Его практичность оказалась заранѣе осужденной на неудачу, безотрадной погоней за счастливой случайностью.

Погоней за счастливой случайностью усердно занимались еще просвѣтители XVIII вѣка. Именно въ надеждѣ на такую случайность и старались они, всѣми правдами и неправдами, вступать въ дружескія сношенія съ болѣе или менѣе просвѣщенными «законодателями» и аристократами того времени. Обыкновенно думаютъ, что разъ человѣкъ сказалъ себѣ: мнѣніе правитъ міромъ, то у него уже нѣтъ поводовъ унывать на счетъ будущаго: la raison finira pas avoir raison. Но это не такъ. Когда, какимъ путемъ восторжествуетъ разумъ? Просвѣтители говорили, что въ общественной жизни все зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ «законодателя». Поэтому они

и уловляли законодателей. Но тѣ же просвѣтители хорошо знали, что характеръ и взгляды человѣка зависятъ отъ воспитанія и что, вообще говоря, воспитаніе не предрасполагало «законодателей» къ усвоенію просвѣтительныхъ ученій. Поэтому, они не могли не сознавать, что мало надежды на законодателей. Оставалось уповать на счастливую случайность. Вообразите, что у васъ есть огромный ящикъ, въ которомъ очень много черныхъ шаровъ и два—три бѣлыхъ. Вы вынимаете шаръ за шаромъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ у васъ несравненно меньше шансовъ вынуть бѣлый шаръ, нежели черный. Но, повторивъ операцію достаточное число разъ, вы вынете, наконецъ, и бѣлый. Тоже и съ «законодателями». Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ несравненно вѣроятнѣе, что законодатель будетъ противъ «философовъ», но явится же, наконецъ, и согласный съ философами законодатель. Этотъ сдѣлаетъ все, что предписываетъ разумъ. Такъ, буквально такъ, разсуждалъ Гельвецій [1]). Субъективно-идеалистическій взглядъ на исторію («мнѣнія правятъ міромъ»), повидимому отводящій такое широкое мѣсто свободѣ человѣка, на самомъ дѣлѣ представляетъ его игрушкой случайности. Вотъ почему этотъ взглядъ въ сущности очень безотраденъ.

Такъ, напримѣръ, мы не знаемъ ничего безотраднѣе взглядовъ утопистовъ конца XIX вѣка, т. е. русскихъ народниковъ и субъективныхъ соціологовъ. У каждаго изъ нихъ есть готовый планъ спасенія общины, а съ нею и крестьянства вообще, у каждаго—своя «формула прогресса». Но, увы! Жизнь идетъ своихъ ходомъ, не обращая вниманія на ихъ формулы, которымъ не остается ничего другого, какъ тоже прокладывать себѣ свой, независимый отъ жизни, путь въ области абстракціи, фантазіи и логическихъ злоключеній. Вотъ, напримѣръ, послушаемъ Ахилла субъективной школы, г. Михайловскаго.

«Рабочій вопросъ въ Европѣ есть вопросъ революціонный, ибо тамъ онъ требуетъ передачи условій (?) труда въ руки работника, экспропріаціи теперешнихъ собственниковъ. Рабочій вопросъ въ Россіи есть вопросъ консервативный, ибо тутъ требуется только сохраненіе условій труда въ рукахъ работника, гарантія теперешнимъ собственникамъ ихъ собственности. У насъ подъ самымъ

---

[1]) „Dans un temps plus ou moins long il faut disent les sages, que toutes les possibilités se réalisent: pourquoi désesperer du bonheur futur de l'humanité?“ и т. д.

Петербургомъ . . . въ мѣстности, испещренной фабриками, заводами, парками, дачами существуютъ деревни, жители которыхъ живутъ на своей землѣ, жгутъ свой лѣсъ, ѣдятъ свой хлѣбъ, одѣваются въ армяки и тулупы своей работы изъ шерсти своихъ овецъ. Гарантируйте имъ прочно это свое, и русскій рабочій вопросъ рѣшенъ. А ради этой цѣли можно все отдать, если какъ слѣдуетъ понимать значеніе прочной гарантіи. Скажутъ: нельзя же вѣчно оставаться при сохѣ и трехпольномъ хозяйствѣ, при допотопныхъ способахъ фабрикаціи армяковъ и тулуповъ. Нельзя. Изъ этого затрудненія существуютъ два выхода. Одинъ, одобряемый практическою точкою зрѣнія, очень простъ и удобенъ: поднимите тарифъ, распустите общину, да пожалуй и довольно, — промышленность, на подобіе англійской, какъ грибъ вырастетъ. Но она съѣстъ работника, экспропріируетъ его. Есть и другой путь, конечно, гораздо труднѣе,—но легкое разрѣшеніе вопроса не значитъ еще правильное. Другой путь состоитъ въ развитіи тѣхъ отношеній труда и собственности, которыя уже существуютъ въ наличности, но въ крайне грубомъ, первобытномъ видѣ. Понятно, что цѣль эта не можетъ быть достигнута безъ широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе общины [1]).

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую,
Какимъ идти!

Намъ сдается, что все разсужденіе нашего автора сильно пахнетъ дынями и артишоками. И едва ли обманываетъ насъ обоняніе. Чѣмъ грѣшилъ Фурье въ дѣлѣ съ дынями и артишоками? Тѣмъ, что вдавался въ «субъективную соціологію». Объективный соціологъ спросилъ бы себя: есть ли какое нибудь вѣроятіе, что увлекутся нарисованною мной картиной любители дынь и артишоковъ? Онъ спросилъ бы себя затѣмъ: въ состояніи ли любители дынь и артишоковъ измѣнить существующія общественныя отношенія и данный ходъ ихъ развитія? Всего вѣрнѣе, что онъ отвѣтилъ бы себѣ отрицательно на каждый изъ этихъ вопросовъ и потому не сталъ бы и времени тратить на бесѣду съ «любителями». Но такъ поступилъ бы объективный соціологъ, т. е. человѣкъ, основывающій всѣ свои раз-

[1]) Сочиненія Н. Михайловскаго, т. II, изд. 2-е, стр. 102–103.

счеты на данномъ законосообразномъ ходѣ общественнаго развитія. Субъективный же соціологъ изгоняетъ законосообразность во имя «желательнаго», и потому для него не остается другого выхода, какъ уповать на случайность. На грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь — вотъ единственное утѣшительное соображеніе, на которое можетъ опереться добрый субъективный соціологъ.

На грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь. Но, вѣдь палка о двухъ концахъ, и неизвѣстно, какимъ концомъ она стрѣляетъ. Наши народники и, если можно такъ выразиться, субъективисты перепробовали уже великое множество палокъ (даже соображеніе объ удобствѣ взиманія недоимокъ при общинномъ землевладѣніи являлось иногда въ роли магической палки). Въ огромномъ большинствѣ случаевъ палки оказывались къ роли ружья совершенно неспособными, а когда случайно и стрѣляли, то пули попадали въ самихъ гг. народниковъ и субъективистовъ. Припомнимъ Крестьянскій банкъ. Какихъ надеждъ не возлагали на него въ смыслѣ укрѣпленія «устоевъ»? Какъ ликовали гг. народники при его открытіи, и что же вышло? Палка выстрѣлила именно въ ликовавшихъ: теперь они сами признаютъ, что крестьянскій банкъ—учрежденіе во всякомъ случаѣ очень полезное—только разлагаетъ «устои»; а это признаніе равносильно сознанію въ томъ, что они, ликовавшіе, были, — по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени, — также и праздноболтавшими.

— Но вѣдь банкъ разлагаетъ устои только потому, что его уставъ и его практика не вполнѣ соотвѣтствуютъ нашей идеѣ. Если бы была цѣликомъ проведена наша идея, то результаты были бы совсѣмъ другіе . . .

— Во-первыхъ, вовсе не другіе: банкъ во всякомъ случаѣ содѣйствовалъ бы развитію денежнаго хозяйства, а денежное хозяйство непремѣнно подрывало бы «устои». А во-вторыхъ, когда мы слышимъ эти безчисленныя «если», намъ все почему-то кажется, что у насъ подъ окномъ разносчикъ выкрикиваетъ: «вотъ дыни, дыни, артишоки хоро-о-ошіе!»

Уже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія французскіе утописты неустанно указывали на «консервативный» характеръ придуманныхъ ими реформъ. Сэнъ-Симонъ прямо пугалъ и правительство и, какъ говорятъ у насъ, общество народнымъ возстаніемъ, которое должно было рисоваться тогда въ воображеніи «консерваторовъ» въ видѣ страшнаго, всѣмъ живо памятнаго движенія санкюлотовъ. Но изъ этого пуганья, разумѣется, ничего не вышло, и если исторія дѣйствительно даетъ намъ какіе нибудь уроки, то

однимъ изъ самыхъ поучительныхъ оказывается тотъ, который свидѣтельствуетъ о полнѣйшей непрактичности всѣхъ плановъ всѣхъ, будто бы, практичныхъ, утопистовъ.

Когда, указывая на консервативный характеръ своихъ плановъ, утописты старались склонить правительство къ ихъ осуществленію, они, въ подтвержденіе своей мысли, представляли обыкновенно обзоръ историческаго развитія своей страны за болѣе или менѣе продолжительную эпоху, обзоръ, изъ котораго явствовало, что тогда-то и тогда-то были сдѣланы «ошибки», придавшія совершенно новый и до крайности нежелательный видъ всѣмъ общественнымъ отношеніямъ. Правительству стоило только сознать и исправить эти «ошибки», чтобы немедленно водворить на землѣ чуть-чуть что не царство небесное.

Такъ, Сэнъ-Симонъ увѣрялъ Бурбоновъ, что до революціи главной отличительной чертой внутренняго развитія Франціи былъ союзъ монархіи и промышленниковъ. Этотъ союзъ одинаково былъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ. Во время революціи правительство, по недоразумѣнію, пошло противъ законныхъ требованій промышленниковъ, а промышленники, по столь же печальному недоразумѣнію, возстали противъ монархіи. Отсюда—все зло послѣдующаго времени. Но теперь, когда корень зла открытъ, дѣло очень легко поправимо, такъ какъ промышленникамъ стоитъ только примириться на извѣстныхъ условіяхъ съ правительствомъ. Это и было бы самымъ разумнымъ, консервативнымъ выходомъ изъ многочисленныхъ затрудненій обѣихъ сторонъ. Излишне прибавлять теперь, что ни Бурбоны, ни промышленники не послѣдовали благому совѣту Сэнъ-Симона.

«Вмѣсто того, чтобы твердо держаться нашихъ вѣковыхъ традицій; вмѣсто того, чтобы развивать принципъ тѣсной связи средствъ производства съ непосредственнымъ производителемъ, унаслѣдованный нами; вмѣсто того, чтобы воспользоваться пріобрѣтеніями западно-европейской науки и приложить ихъ для развитія формы промышленности, основанной на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства; вмѣсто того, чтобы увеличить производительность его труда сосредоточеніемъ средствъ производства въ его рукахъ; вмѣсто того, чтобы воспользоваться не формою производства, а самою его организаціею, какъ она является въ западной Европѣ... вмѣсто всего этого мы стали на путь совершенно противуположный. Мы не только не воспрепятствовали развитію капиталистическихъ формъ производства, несмотря на то, что онѣ основаны на экспропріаціи

крестьянства, но напротивъ того, всѣми силами постарались содѣйствовать коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни, ломкѣ, приведшей къ голоду 1891 года» [1]). Такъ печалуется г. Н—онъ, рекомендуя «обществу» поправить эту ошибку, рѣшивъ «крайне трудную», но не «невозможную» задачу: «развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ» [2]). Все дѣло въ томъ, чтобы поправить «ошибку».

Интересно, что г. Н—онъ воображаетъ себя какъ нельзя болѣе чуждымъ всякихъ утопій. Онъ поминутно ссылается на людей, которымъ мы обязаны научной критикой утопическаго соціализма. Все дѣло въ экономіи страны, повторяетъ онъ кстати и некстати вслѣдъ за этими людьми, все зло оттуда: «поэтому средство для устраненія зла, разъ оно найдено, должно заключаться именно также въ измѣненіи самыхъ условій производства». Въ поясненіе—опять ссылка на одного изъ критиковъ утопическаго соціализма: «средства эти не должны быть изобрѣтаемы головой, но помощью мысли они должны быть найдены въ наличныхъ матеріальныхъ условіяхъ производства».

Но въ чемъ же заключаются тѣ «матеріальныя условія производства», которыя подвинутъ общество рѣшить или хотя бы только поднять задачу, предлагаемую ему г. Н.—оном̀ъ? Это остается тайной не только для читателей, но, конечно, и для самого автора, который своей «задачей» очень убѣдительно показалъ, что въ своихъ историческихъ взглядахъ онъ остается чистокровнымъ утопистомъ, несмотря на цитаты изъ сочиненій совсѣмъ неутопическихъ писателей [3]).

---

[1]) Николай—онъ. „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства". С.-Петербургъ, 1893 г., стр. 322—323.

[2]) Тамъ же, стр. 343.

[3]) Сообразно съ этимъ, и практическіе планы г. Н.—она представляютъ собою почти буквальное повтореніе тѣхъ „требованій", которыя давно уже и, разумѣется, совершенно безплодно предъявляли наши утописты-народники, напримѣръ, въ лицѣ г. Пругавина. „Конечными же цѣлями и задачами общественно-государственной дѣятельности (какъ видите, тутъ не забыто ни общество, ни государство) въ области фабричнаго хозяйства должны служить: съ одной стороны—выкупъ въ пользу государства всѣхъ орудій труда и предоставленіе послѣднихъ народу во временное, арендное пользованіе; съ другой—установленіе такой организаціи условій производства (г. Пругавинъ хочетъ сказать просто: производства, но, по обычаю всѣхъ русскихъ писателей, съ г. Михайловскимъ

Можно ли сказать, что планы Фурье противорѣчили «матеріальнымъ условіямъ» современнаго ему производства? Нѣтъ, не только не противорѣчили, но цѣликомъ основывались, даже въ недостаткахъ своихъ, на этихъ условіяхъ. Но это не помѣшало Фурье быть утопистомъ, потому что, разъ обосновавъ свой планъ съ «помощью мысли» на матеріальныхъ условіяхъ современнаго ему производства, онъ не сумѣлъ пріурочить къ тѣмъ же условіямъ его осуществленіе, и потому совершенно безъ толку приставалъ съ «великой задачей» къ такимъ общественнымъ слоямъ и классамъ, которые, въ силу тѣхъ же матеріальныхъ условій, не могли имѣть ни склонности браться за ея рѣшеніе, ни возможности рѣшить ее. Г. Н—онъ грѣшенъ этимъ грѣхомъ столько же, сколько Фурье или нелюбимый имъ Родбертусъ: скорѣе всего, онъ напоминаетъ именно Родбертуса, потому что ссылка г. Н—она на вѣковые устои какъ разъ въ духѣ этого консервативнаго писателя.

Для вразумленія «общества», г. Н—онъ указываетъ на устрашающій примѣръ Западной Европы. Подобными указаніями наши утописты издавна старались придать себѣ видъ людей положительныхъ, не увлекающихся фантазіями, а только умѣющихъ пользоваться «уроками исторіи». Но и этотъ пріемъ совсѣмъ не новъ. Уже французскіе утописты пытались устрашить и образумить своихъ современниковъ примѣромъ Англіи, гдѣ «огромное разстояніе отдѣляетъ предпринимателя отъ рабочаго» и гдѣ надъ этимъ послѣднимъ тяготѣетъ иго особаго рода деспотизма. «Прочія страны, слѣдующія за Англіей по пути промышленнаго развитія,—говорилъ «Producteur»,—должны понять, что слѣдуетъ помѣшать подобному порядку возникнуть на ихъ собственной почвѣ» [1]). Единственной дѣйствительной помѣхой возникновенію англійскихъ порядковъ въ другихъ странахъ могла служить сэнъ-симонистская «организація работы и работниковъ» [2]). Съ развитіемъ рабочаго движенія во

во главѣ, онъ употребляетъ выраженіе—„условія производства“, не понимая, что оно значитъ), въ основаніи которой лежали бы потребности народа и государства, а не интересы рынка, сбыта и конкуренціи, что имѣетъ мѣсто при товарно-капиталистической организаціи экономическихъ силъ страны“ (В. С. Пругавинъ, „Кустарь на выставкѣ“. Москва, 1882, стр. 15). Пусть читатель сравнитъ это мѣсто со сдѣланной выше выпиской изъ книги г. Н—она.

[1]) Т. I, р. 140.

[2]) Объ этой организаціи смотри въ „Globe“ 1831—1832 гг., гдѣ она подробно изложена даже съ подготовительными, переходными реформами.

Франціи, главнымъ театромъ мечтаній о минованіи капитализма становится Германія, которая, въ лицѣ своихъ утопистовъ, долго и упорно противопоставляетъ себя «Западной Европѣ» (den westlichen Ländern). Въ западныхъ странахъ, говорили нѣмецкіе утописты, носителемъ идей новой общественной организаціи является рабочій классъ, у насъ—образованные классы (то, что называется въ Россіи интеллигенціей). Именно нѣмецкая «интеллигенція» считалась призванной отвратить отъ Германіи чашу капитализма [1]). Капитализмъ такъ страшенъ былъ нѣмецкимъ утопистамъ, что они, для минованія его, готовы были въ крайнемъ случаѣ помириться съ полнымъ застоемъ. Торжество конституціоннаго порядка, разсуждали они, повело бы къ господству денежной аристократіи. Поэтому, пусть

---

[1]) „Unsere National-Oekonomen streben mit allen Kräften Deutschland af die Stufe der Industrie zu heben, von welcher herab England jetzt die andern Länder noch beherrscht. England ist ihr Ideal. Gewiss: England sieht sich gern schön an; England hat seine Besitzungen in allen Welttheilen, es weiss seinen Einfluss aller Orten geltend zu machen, es hat die reichste Handels-und Kriegsflotte, es weiss bei allen Handestraktaten die Gegenkontrahenten immer hinters Licht zu führen, es hat die spekulativsten Kaufleute, die bedeutendsten Kapitalisten, die erfindungsreichsten Köpfe, die prächtigsten Eisenbahnen, die grossartigsten Maschinenanlagen; gewiss England ist, von dieser Seite betrachtet, ein glückliches Land, aber—es läst sich auch ein anderer Gesichtspunkt bei der Schätzung Englands gewinnen und unter diesem möchte doch wohl das Glück desselben von seinem Unglück bedeutend überwogen werden. England ist auch das Land, in welhhem das Elend auf die höchste Spitze getrieben ist, in welchem jährlich Hunderte notorisch Hungers sterben, in welchem die Arbeiter zu fünfzigtausenden zu arbeiten verweigern, da sie trotz all' ihrer Mühe und Leiden nicht so viel verdienen, dass sie nothdürftig leben können. England ist das Land, in welchem die Wohlthätigkeit durch die Armensteuer zum äusserlichen Gesetz gemacht werden musste. Seht doch ihr, Nationalökonomen, in den Fabriken die wankenden, gebückten und verwachsenen Gestalten, seht die bleichen, abgehärmten, schwindsüchtigen Gesichter, seht all' das geistige und das leibliche Elend, und ihr wollt Deutschland noch zu einen zweiten England machen? England konnte nur durch Unglück und Jammer zu dem Höhenpunkt der Industrie gelanden, auf dem es jetzt steht, und Deutschland könnte nur durch dieselben Opfer ähnliche Resultate erreichen, d. h. erreichen, dass die Reichen noch reicher und die Armen noch ärmer werden". Triersche Zeitung, 4 Mai 1846, перепечатано въ первомъ томѣ обозрѣнія, выходившаго подъ редакціей М. Гесса подъ названіемъ: Der Gesellschaftsspiegel. Die Gesellschaftliche Zustände der civilisierten Welt. I. Band. Iserlohn und Elberfeld. 1846.

лучше не будетъ конституціоннаго порядка [1]). Германія не миновала капитализма. Теперь о томъ же миованіи толкуютъ русскіе утописты. Такъ путешествуютъ утопическія идеи отъ Запада къ Востоку, всюду являясь предвозвѣстницами побѣды того самаго капитализма, противъ котораго онѣ возстаютъ и борются. Но чѣмъ далѣе забираются онѣ на Востокъ, тѣмъ болѣе измѣняется ихъ историческое значеніе. Французскіе утописты были въ свое время смѣлыми, геніальными новаторами; нѣмецкіе—оказались гораздо ниже ихъ; русскіе же способны теперь только пугать западныхъ людей своимъ допотопнымъ видомъ.

Интересно, что еще у французскихъ просвѣтителей является мысль объ избѣжаніи капитализма. Такъ, Гольбахъ сильно сокрушается о томъ, что торжество конституціоннаго порядка въ Англіи повело къ полному господству de l'intèrêt sordide des marchands. Его очень печалитъ то обстоятельство, что англичане неустанно ищутъ новыхъ рынковъ. Такая погоня за рынками отвлекаетъ ихъ отъ философіи. Гольбахъ осуждаетъ также существующее въ Англіи неравенство имуществъ. Ему, какъ и Гельвецію, хотѣлось бы подготовить торжество разума и равенства, а не купеческихъ интересовъ. Но ни Гольбахъ, ни Гельвецій и ни одинъ изъ просвѣтителей не могъ противопоставить тогдашнему ходу вещей ничего, кромѣ панегириковъ разуму и нравоучительныхъ наставленій по адресу du «peuple d'Albion». Въ этомъ отношеніи они были также безсильны, какъ наши, современные намъ, русскіе утописты.

Еще одно замѣчаніе—и мы покончимъ съ утопистами. Точка зрѣнія «человѣческой природы» вызвала въ первой половинѣ XIX вѣка то злоупотребленіе біологическими аналогіями, которое и до сихъ поръ даетъ очень сильно чувствовать себя въ западной соціологической, а особенно въ русской quasi-соціологической литературѣ.

Если разгадки всего историческаго общественнаго движенія надо искать въ природѣ человѣка и если, какъ справедливо замѣтилъ еще Сэнъ-Симонъ, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, то природа индивидуума и должна дать ключъ къ объясненію исторіи.

---

[1]) „Solte es den Constitutionellen gelingen,—говорилъ Бюхнеръ,—die deutschen Regierungen zu stürzen und eine allgemeine Monarchie oder so bekommen wir hier einen Geldaristokratismus, wie in Frankreich, und lieber soll es bleiben, wie es jetzt ist". См. Georg Büchners Sämmtliche Werke, изд. подъ редакціей Франсоза, S 122.

Природу индивидуума изучаетъ физіологія въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. наука, охватывающая также и психическія явленія. Вотъ почему физіологія въ глазахъ Сэнъ-Симона и его учениковъ являлась основой соціологіи, которую они называли соціальной физикой. Въ изданныхъ еще при жизни Сэнъ-Симона и при его дѣятельнѣйшемъ участіи «Opinions philosophiques, littéraires et industrielles» напечатана чрезвычайно интересная, къ сожалѣнію, неоконченная статья анонимнаго доктора медицины подъ заглавіемъ «De la physiologie appliquée à l'amelioration des institutions sociales» (о физіологіи въ примѣненіи къ улучшенію общественныхъ учрежденій). Авторъ разсматриваетъ науку объ обществѣ, какъ составную часть «общей физіологіи», которая, обогатившись наблюденіями и опытами «спеціальной физіологіи» надъ индивидуумами, «предается соображеніямъ высшаго порядка». Индивидуумы являются для нея «лишь органами общественнаго тѣла», функціи котораго она изучаетъ «подобно тому, какъ спеціальная физіологія изучаетъ функціи индивидуумовъ». Общая физіологія изучаетъ (авторъ говоритъ—выражаетъ) законы общественнаго существованія, съ которыми и должны сообразоваться писаные законы. Впослѣдствіи буржуазные соціологи, напримѣръ, Спенсеръ, пользовались ученіемъ объ общественномъ организмѣ для самыхъ консервативныхъ выводовъ. Но цитируемый нами докторъ медицины прежде всего реформаторъ. Онъ изучаетъ «общественное тѣло» въ видахъ общественнаго переустройства, такъ какъ только «соціальная физіологія» и тѣсно связанная съ нею «гигіена» даютъ «положительныя основы, на которыхъ можно построить требуемую современнымъ состояніемъ цивилизованнаго міра систему общественной организаціи». Но, какъ видно, соціальная физіологія и гигіена не много дали пищи реформаторской фантазіи автора, потому что, въ концѣ концовъ, онъ видитъ себя вынужденнымъ обратиться къ медикамъ, т. е. къ людямъ, имѣющимъ дѣло съ индивидуальными организмами, прося ихъ дать обществу, «въ видѣ гигіеническаго рецепта», «систему соціальнаго устройства».

Этотъ взглядъ на «соціальную физику» впослѣдствіи переживывалъ или, если хотите, развивалъ О. Контъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. Вотъ что говорилъ онъ объ общественной наукѣ еще въ молодости, когда сотрудничалъ въ сэнъ-симонистскомъ Producteur'ѣ: «Общественныя явленія, какъ явленія человѣческія,

безъ сомнѣнія, должны быть отнесены къ числу явленій физіологическихъ. Но хотя соціальная физика должна поэтому имѣть свою точку отправленія въ индивидуальной физіологіи и быть съ нею въ постоянной связи, ее надо тѣмъ не менѣе разсматривать и разработывать, какъ совершенно отдѣльную науку, по той причинѣ, что различныя поколѣнія людей прогрессивно вліяютъ одно на другое. Держась чисто физіологической точки зрѣнія, нельзя какъ слѣдуетъ изучить это вліяніе, оцѣнкѣ котораго должно быть отведено въ соціальной физикѣ главное мѣсто [1]).

Посмотрите же, въ какія безвыходныя противорѣчія попадаютъ люди, смотрящіе на общество съ этой точки зрѣнія.

Во-первыхъ, поскольку «соціальная физика» имѣетъ «своей точкой отправленія» индивидуальную физіологію, она строится на чисто матеріалистической основѣ: въ физіологіи нѣтъ мѣста идеалистическому взгляду на предметъ. Но та же соціальная физика должна, главнымъ образомъ, заниматься оцѣнкой прогрессивнаго вліянія одного поколѣнія на другое. Данное поколѣніе вліяетъ на послѣдующее, передавая ему какъ тѣ знанія, которыя оно унаслѣдовало отъ предыдущихъ поколѣній, такъ и знанія, пріобрѣтенныя имъ самимъ. «Соціальная физика» разсматриваетъ, слѣдовательно, развитіе человѣческаго рода съ точки зрѣнія развитія знанія и вообще «просвѣщенія» (lumieres). Это уже чисто идеалистическая точка зрѣнія XVIII вѣка: мнѣнія правятъ міромъ. «Тѣсно связавъ», по совѣту Конта, эту идеалистическую точку зрѣнія съ чисто матеріалистической точкой зрѣнія индивидуальной физіологіи, мы оказываемся дуалистами чистой воды, и нѣтъ ничего легче, какъ прослѣдить вредное вліяніе этого дуализма на соціологическія воззрѣнія хотя бы того же Конта. Но это не все. Вѣдь еще мыслители XVIII вѣка замѣчали, что въ развитіи знаній есть извѣстная законосообразность. Контъ крѣпко держится за такую законосообразность, выдвигая на первый планъ пресловутый законъ трехъ фазисовъ: теологическаго, метафизическаго и позитивнаго.

Но почему же развитіе знаній проходитъ именно черезъ эти три фазиса? Такова ужъ природа человѣческаго ума, отвѣчаетъ Контъ: «по своей природѣ (par sa nature) человѣческій умъ проходитъ повсюду, гдѣ онъ дѣйствуетъ, черезъ три различныхъ теоретическихъ

---

[1]) „Considérations sur les sciences et les savants“ въ первомъ томѣ Producteur'a, стр. 355—356.

состоянія» [1]). Прекрасно; ну а для изученія «природы» намъ приходится обратиться къ индивидуальной физіологіи, а индивидуальная физіологія не даетъ намъ достаточнаго объясненія, и мы опять сошлемся на «поколѣнія», а «поколѣнія» отошлютъ насъ къ «природѣ». Это называется наукой, но науки тутъ нѣтъ и слѣда: тутъ есть только безконечное движеніе въ безвыходномъ кругѣ.

Наши, будто бы оригинальные, «субъективные» соціологи цѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія французскаго утописта двадцатыхъ годовъ.

«Еще подъ вліяніемъ Ножина,—повѣствуетъ о себѣ г. Михайловскій,—и отчасти подъ его руководствомъ, я заинтересовался вопросомъ о границахъ біологіи и соціологіи и возможностью ихъ сближенія... Не могу достаточно высоко оцѣнить пользу, доставленную мнѣ общеніемъ съ кругомъ идей Ножина, но въ нихъ было все-таки много случайнаго, частью потому, что онѣ въ самомъ Ножинѣ еще только развивались, частью по малому знакомству его съ областью естествознанія. Я получилъ отъ Ножина собственно только толчокъ въ извѣстномъ направленіи, но толчекъ сильный, рѣшительный и благотворный. Не помышляя о спеціальныхъ занятіяхъ біологіей, я однако много читалъ по указанію Ножина и какъ бы по его завѣщанію. Эта новая струя чтенія бросила своеобразный и чрезвычайно меня занимавшій отблескъ на тотъ значительный, хотя и безпорядочный, а частью просто негодный матеріалъ, фактическій и идейный, которымъ я запасся раньше» [2]).

Ножинъ выведенъ г. Михайловскимъ въ его очеркахъ «Въ перемежку» подъ имемемъ Бухарцева. Бухарцевъ «мечталъ о реформѣ общественныхъ наукъ при помощи естествознанія и выработалъ уже обширный планъ ея». Каковы были пріемы этой реформаторской дѣятельности, видно изъ слѣдующаго. Бухарцевъ, взявшись перевести на русскій языкъ съ латинскаго обширный трактатъ по зоологіи, снабжаетъ переводъ своими примѣчаніями, куда разсчитываетъ «вложить результаты всѣхъ своихъ самостоятельныхъ работъ», а къ примѣчаніямъ дѣлаетъ новыя примѣчанія, «соціологическаго» характера. Г. Михайловскій услужливо знакомитъ читателя съ однимъ такимъ примѣчаніемъ второго этажа: «Я вообще не могу въ моихъ дополненіяхъ къ Вандеръ-Гевену слишкомъ вдаваться въ теоретическія соображенія и выводы относительно примѣненія всѣхъ этихъ, чисто анатомическихъ,

[1]) Тамъ же, стр. 304.

[2]) Литература и жизнь, „Русская Мысль“, 1891 г. кн. IV, стр. 195.

вопросовъ къ рѣшенію вопросовъ общественно-экономическихъ. Поэтому я опять только обращаю вниманіе читателя на то, что вся моя анатомическая и эмбріологическая теорія имѣетъ главною своею цѣлью отысканіе законовъ физіологіи общества, и потому всѣ мои дальнѣйшія сочиненія будутъ, конечно, основаны на научныхъ данныхъ, излагаемыхъ мною въ этой книгѣ» [1]).

Анатомическая и эмбріологическая теорія «имѣетъ главной цѣлью отысканіе законовъ физіологіи общества»! Это очень нескладно сказано, но тѣмъ не менѣе очень характерно для соціолога-утописта. Онъ строитъ анатомическую теорію, опираясь на которую онъ собирается прописать рядъ «гигіеническихъ рецептовъ» окружающему его обществу. Къ этимъ рецептамъ и сводится у него общественная «физіологія». Общественная «физіологія» Бухарцева есть собственно не «физіологія», а уже знакомая намъ «гигіена», не наука о томъ, что есть, а наука о томъ, что должно было бы быть на основаніи... «анатомической и эмбріологической теоріи» того же Бухарцева.

Хотя Бухарцевъ и списанъ съ Ножина, но все-таки онъ представляетъ собой до извѣстной степени продуктъ художественнаго творчества г. Михайловскаго (если только можно говорить о художественномъ творчествѣ въ примѣненіи къ цитируемымъ очеркамъ). Поэтому и нескладное примѣчаніе его, можетъ быть, никогда не существовало въ дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ оно тѣмъ болѣе характерно для г. Михайловскаго, который говоритъ о немъ съ большимъ почтеніемъ.

«Мнѣ случалось все-таки встрѣчать въ литературѣ прямое отраженіе идей незабвеннаго друга-учителя»,—говоритъ Темкинъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Идеи Бухарцева-Ножина отражалъ и отражаетъ г. Михайловскій.

Г. Михайловскій имѣетъ свою «формулу прогресса». Эта формула гласитъ: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ [2]).

Каково можетъ быть научное значеніе этой формулы? Объяс-

---

[1]) Соч. Н. К. Михайловскаго, т. IV, изд. второе, стр. 265—266.

[2]) Тамъ же, стр. 186—187.

няетъ-ли она историческое движеніе общества? Говоритъ-ли она, какъ оно совершалось, и почему оно совершалось такъ, а не иначе? Нисколько, да и не въ томъ ея «главная цѣль». Она говоритъ не о томъ, какъ шла исторія, а о томъ, какъ она должна была бы идти, чтобы заслужить одобреніе г. Михайловскаго. Это «гигіеническій рецептъ», придуманный утопистомъ на основаніи «точныхъ изслѣдованій законовъ органическаго развитія». Это именно то, чего искалъ медикъ сэнъ-симонистъ.

...«Мы сказали, что исключительное употребленіе въ соціологіи метода объективнаго равнялось бы, если бы оно было возможно, складыванію аршинъ съ пудами, изъ чего, между прочимъ, слѣдуетъ не то, что объективный методъ долженъ быть совершенно удаленъ изъ этой области изслѣдованій, а только то, что высшій контроль долженъ здѣсь принадлежать субъективному методу» [1]).

«Эта область изслѣдованій» есть именно «физіологія» желательнаго общества, область утопіи. Нечего и говорить, что употребленіе въ ней «субъективнаго метода» очень облегчаетъ работу «изслѣдователя». Но основывается это употребленіе совсѣмъ не на какихъ-нибудь «законахъ», а на «чарованьи красныхъ вымысловъ»; кто разъ поддался ему, тотъ не возстанетъ даже и противъ примѣненія въ одной и той же «области», правда, на разныхъ правахъ, обоихъ методовъ, субъективнаго и объективнаго, хотя подобная методологическая путаница есть настоящее «складываніе аршинъ съ пудами» [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 185.

[2]) Впрочемъ, уже самыя выраженія: „объективный методъ", „субъективный методъ" представляютъ собою огромную, по крайней мѣрѣ терминологическую, путаницу.

ГЛАВА IV.

Идеалистическая нѣмецкая философія.

Матеріалисты XVIII вѣка были твердо увѣрены, что имъ удалось нанести смертельный ударъ идеализму. Они смотрѣли на него, какъ на устарѣлую, навсегда покинутую теорію. Но уже въ концѣ того вѣка начинается реакція противъ матеріализма, а въ первой половинѣ XIX столѣтія самъ матеріализмъ попадаетъ въ положеніе системы, которую всѣ считаютъ устарѣлой, окончательно похороненной. Идеализмъ не только снова воскресаетъ къ жизни, но и получаетъ небывалое, поистинѣ блестящее, развитіе. На это были, конечно, свои общественныя причины, но мы, не касаясь ихъ здѣсь, разсмотримъ только, имѣлъ-ли идеализмъ XIX вѣка какія-нибудь преимущества передъ матеріализмомъ предыдущей эпохи, и если да, то въ чемъ эти преимущества заключались.

Французскій матеріализмъ обнаруживалъ поразительную, просто мало вѣроятную нынѣ, слабость всякій разъ, когда ему приходилось сталкиваться съ вопросами развитія въ природѣ или въ исторіи. Возьмемъ хоть происхожденіе человѣка. Хотя мысль о постепенномъ развитіи этого вида и не казалась матеріалистамъ «противорѣчивой», но они считали такую «догадку» очень мало вѣроятной. Авторы «Système de la nature» (см. шестую главу первой части) говорятъ, что если бы кто-нибудь возсталъ противъ подобной догадки, если бы кто-нибудь возразилъ, «что природа дѣйствуетъ съ помощью извѣстной суммы общихъ и неизмѣнныхъ законовъ», и прибавилъ при этомъ, что «человѣкъ, четвероногое, рыба, насѣкомое, растеніе и т. д. существуютъ отъ вѣка и остаются вѣчно неизмѣнными», то они «не воспротивились бы и этому». Они замѣтили бы только, что и такой взглядъ не противорѣчитъ излагаемымъ ими истинамъ. «Человѣку не дано знать все: ему не дано знать свое происхожденіе»,—вотъ все, что говорятъ въ концѣ концовъ авторы «Système de la nature» по поводу этого важнаго вопроса.

Гельвецій какъ будто больше склоняется къ мысли о постепенномъ развитіи человѣка. «Матерія вѣчна, но формы ея измѣнчивы», замѣчаетъ онъ, напоминая, что и теперь человѣческія породы видоизмѣняются дѣйствіемъ климата [1]). Онъ даже вообще считаетъ измѣнчивыми всѣ животные виды. Но эта здравая мысль формулируется имъ очень странно. У него выходитъ, что причины «несходства» между различными видами животныхъ и растеній лежатъ *или* уже въ свойствѣ ихъ зародышей, *или* въ различіи окружающей ихъ среды, въ различіи ихъ «воспитанія» [2]).

Наслѣдственность исключаетъ такимъ образомъ *измѣнчивость* и наоборотъ. Принявъ теорію измѣнчивости, мы должны, слѣдовательно, предположить, что изъ каждаго даннаго «зародыша» можетъ получиться при надлежащей обстановкѣ любое животное или растеніе: изъ зародыша дуба, напримѣръ, быкъ или жирафа. Само собой разумѣется, что *подобная* «догадка» не могла пролить свѣта на вопросъ о происхожденіи видовъ, и самъ Гельвецій, разъ высказавъ ее мимоходомъ, уже не возвращается къ ней ни разу.

Столь же плохо умѣли объяснить французскіе матеріалисты и явленія *общественнаго* развитія. Различныя системы «законодательства» изображаются ими исключительно какъ плодъ сознательной творческой дѣятельности «законодателей»; различныя религіозныя системы, какъ плодъ хитрости жрецовъ и т. д.

Это безсиліе французскаго матеріализма передъ вопросами развитія въ природѣ и въ исторіи дѣлало очень бѣднымъ его философское содержаніе. Въ ученіи о природѣ содержаніе это сводилось къ борьбѣ противъ односторонняго понятія *дуалистовъ* о матеріи; въ ученіи о человѣкѣ оно ограничилось безконечнымъ повтореніемъ и нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ локковскаго положенія: *нѣтъ врожденныхъ идей*. Какъ ни полезно было такое повтореніе въ борьбѣ противъ отжившихъ нравственныхъ и политическихъ теорій, — серьезное научное значеніе оно могло имѣть только въ томъ случаѣ, если бы матеріалистамъ удалось примѣнить свою мысль къ объясненію духовнаго развитія человѣчества. Мы уже сказали выше, что нѣкоторыя, очень замѣчательныя попытки сдѣланы были въ этомъ направленіи французскими матеріалистами (т. е. собственно Гельвеціемъ), но что онѣ окончились неудачей (а если бы онѣ удались, то французскій матеріализмъ оказался бы

[1]) Le vrai sens du système de la nature, à Londres, 1774, p. 15.

[2]) De l'homme, oeuvres, complètes d. Helvetius. Paris, 1818, t. II, p. 120.

очень сильнымъ въ вопросахъ развитія), и матеріалисты, въ своемъ взглядѣ на исторію, стали на чисто идеалистическую точку зрѣнія: мнѣнія правятъ міромъ. Лишь по временамъ, лишь очень рѣдко матеріализмъ врывался въ ихъ историческія разсужденія въ видѣ замѣчаній на ту тему, что одинъ какой-нибудь шальной атомъ, попавшій въ голову «законодателя» и причинившій въ ней разстройство мозговыхъ отправленій, можетъ на цѣлые вѣка измѣнить ходъ исторіи. Такой матеріализмъ былъ въ сущности фатализмомъ и не оставлялъ мѣста для предвидѣнія событій, т. е., иначе сказать, для сознательной исторической дѣятельности мыслящихъ личностей.

Неудивительно поэтому, что способнымъ и талантливымъ людямъ, не вовлеченнымъ въ ту борьбу общественныхъ силъ, въ которой матеріализмъ являлся страшнымъ теоретическимъ оружіемъ крайней лѣвой партіи, это ученіе казалось сухимъ, мрачнымъ, печальнымъ. Такъ отзывался о немъ, напримѣръ, Гёте. Чтобы этотъ упрекъ пересталъ быть заслуженнымъ, матеріализмъ долженъ былъ покинуть сухія, отвлеченныя разсужденія и попытаться понять и объяснить съ своей точки зрѣнія «живую жизнь», сложную и пеструю цѣпь конкретныхъ явленій. Но въ своемъ тогдашнемъ видѣ онъ не способенъ былъ рѣшить эту великую задачу, и ею овладѣла идеалистическая философія.

Главнымъ, конечнымъ звеномъ въ развитіи этой философіи является гегелевская система, поэтому мы и будемъ указывать преимущественно на нее въ нашемъ изложеніи.

Гегель называлъ метафизической точку зрѣнія тѣхъ мыслителей—безразлично, идеалистовъ, или матеріалистовъ,—которые, не умѣя понять процесса развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ діалектику, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи.

По Гегелю, діалектика есть принципъ всякой жизни. Нерѣдко встрѣчаются люди, которые, высказавъ извѣстное отвлеченное положеніе, охотно признаютъ, что, можетъ быть, они ошибаются и, что, можетъ быть, правиленъ прямо противоположный взглядъ. Это—благовоспитанные люди, до конца ногтей проникнутые «терпимостью»: живи и жить давай другимъ, говорятъ они своему разсудку. Діалектика не имѣетъ ничего общаго со скептической терпимостью свѣтскихъ людей, но и она умѣетъ соглашать прямопротивоположныя отвлеченныя положенія. Человѣкъ смертенъ, гово-

римъ мы, разсматривая смерть какъ нѣчто коренящееся во внѣшнихъ обстоятельствахъ и совершенно чуждое природѣ живого человѣка. Выходитъ, что у человѣка есть два свойства: во-первыхъ, быть живымъ, а во-вторыхъ—быть также и смертнымъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что жизнь сама носитъ въ себѣ зародышъ смерти, и что вообще всякое явленіе противорѣчиво въ томъ смыслѣ, что оно само изъ себя развиваетъ тѣ элементы, которые, рано или поздно, положатъ конецъ его существованію, превратятъ его въ его собственную противоположность. Все течетъ, все измѣняется, и нѣтъ силы, которая могла бы задержать это постоянное теченіе, остановить это вѣчное движеніе; нѣтъ силы, которая могла бы противиться діалектикѣ явленій. Гёте олицетворяетъ діалектику въ образѣ духа:

In Lebensfluthen, im Thatensturm
Wall' ich auf und ab,
Webe hin und her!
Geburt und Grab,
Ein ewiges Meer,
Ein wechselnd Weben,
Ein glühend Leben,
So schaff' ich am sausenden Webstuhl der Zeit,
Und wirke der Gottheit lebendiges Kleid [1]).

Въ данную минуту движущееся тѣло находится въ данной точкѣ, но въ то же время находится и внѣ ея, потому что, если бы оно находилось только въ ней, оно, по крайней мѣрѣ на это мгновеніе, стало бы неподвижнымъ. Всякое движеніе есть діалектическій процессъ, живое противорѣчіе, а такъ какъ нѣтъ ни одного явленія природы, при объясненіи котораго намъ не пришлось бы въ послѣднемъ счетѣ апеллировать къ движенію, то надо согласиться съ Гегелемъ, который говорилъ, что діалектика есть душа всякаго научнаго познанія. И это относится не только къ познанію природы. Что означаетъ, напримѣръ, старый афоризмъ:

---

[1]) Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Я подымаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденіе—
Вѣчное море;
Жизнь и движеніе
Въ вѣчномъ просторѣ...
Такъ на станкѣ переходящихъ вѣковъ
Тку я живую одежду боговъ.
(Переводъ И. Холодковскаго)

summum jus summa injuria? То ли, что справедливѣе всего мы поступаемъ тогда, когда, отдавши дань праву, мы въ то же время отдадимъ должное и безправію? Нѣтъ, такъ разсуждаетъ только «пошлый опытъ, умъ глупцовъ». Этотъ афоризмъ означаетъ, что всякое отвлеченное право, дойдя до своего логическаго конца, превращается въ безправіе, т. е. въ свою собственную противоположность. «Венеціанскій купецъ» Шекспира служитъ этому блестящей иллюстраціей. Взгляните теперь на экономическія явленія. Каковъ логическій конецъ «свободнаго соперничества?» Каждый предприниматель стремится побить своихъ соперниковъ, остаться единоличнымъ хозяиномъ рынка. И, конечно, нерѣдки случаи, когда ка кому-нибудь Ротшильду или Вандербильду удается счастливо осуществить это стремленіе. Но это показываетъ, что свободное соперничество ведетъ къ монополіи, то-есть къ отрицанію соперничества, т. е. къ своей собственной противоположности. Или посмотрите, къ чему ведетъ прославленный нашей народнической литературою такъ называемый трудовой принципъ собственности. Мнѣ принадлежитъ только то, что создано моимъ трудомъ. Это какъ нельзя болѣе справедливо. И не менѣе справедливо то, что я употребляю созданную мною вещь по своему свободному усмотрѣнію: я пользуюсь ею самъ, или мѣняю ее на другую вещь, почему-либо для меня желательную. Столь же справедливо, наконецъ, и то, что я пользуюсь вымѣненною мною вещью опять-таки по своему свободному усмотрѣнію,—какъ мнѣ пріятнѣе, лучше, выгоднѣе. Положимъ теперь, что я продалъ продуктъ моего собственнаго труда за деньги, а деньги употребилъ на наемъ работника, т. е. купилъ чужую рабочую силу. Воспользовавшись этой чужой силой, я оказываюсь владѣльцемъ стоимости, которая значительно выше стоимости, израсходованной мною на ея покупку. Это, съ одной стороны, очень справедливо, такъ какъ, вѣдь уже признано, что я могу пользоваться вымѣненною вещью какъ мнѣ лучше и выгоднѣе, а съ другой стороны, это очень несправедливо, потому что я эксплоатирую чужой трудъ и тѣмъ отрицаю тотъ принципъ, который лежалъ въ основѣ моего понятія о справедливости. Собственность, пріобрѣтенная моимъ личнымъ трудомъ, родитъ мнѣ собственность, созданную трудомъ другого. Summum jus summa injuria. И такая injuria самою силою вещей порождается въ хозяйствѣ чуть не каждаго зажиточнаго кустаря, чуть не каждаго исправнаго сельскаго домохозяина [1]).

[1]) Г. Михайловскому кажется непонятнымъ это вѣчное и повсюдное господство діалектики: все измѣняется, кромѣ законовъ діалектическаго

Итакъ, каждое явленіе дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ силъ, которыя обусловливаютъ его существованіе, рано или поздно, но неизбѣжно превращается въ свою собственную противоположность.

Мы сказали, что идеалистическая нѣмецкая философія смотрѣла на всѣ явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія, и что это-то и значитъ, смотрѣть на нихъ діалектически. Нужно замѣтить, что метафизики умѣютъ искажать и самое ученіе о развитіи. Они твердятъ, что ни въ природѣ, ни въ исторіи скачковъ не бываетъ. Когда они говорятъ о возникновеніи какого-нибудь явленія или общественнаго учрежденія, они представляютъ дѣло такъ, какъ-будто это явленіе или учрежденіе было когда-то очень маленькимъ, совсѣмъ незамѣтнымъ, а потомъ постепенно подростало. Когда рѣчь идетъ объ уничтоженіи того же явленія и учрежденія, предполагается, наоборотъ, постепенное его уменьшеніе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока явленіе станетъ совсѣмъ незамѣтнымъ въ силу своихъ микроскопическихъ размѣровъ. Понимаемое такимъ образомъ развитіе ровно ничего не объясняетъ; оно предполагаетъ существованіе тѣхъ самыхъ явленій, которыя оно должно объяснить, и считается лишь съ совершающимися въ нихъ количественными измѣненіями. Господство метафизическаго мышленія было когда-то такъ сильно въ естествознаніи, что многіе натуралисты иначе и не могли представить себѣ развитіе, какъ именно въ видѣ такого постепеннаго увеличенія или уменьшенія размѣровъ изучаемаго явленія. Хотя уже со временъ Гарвея было признано, что «все живое развивается изъ яйца», но съ такимъ развитіемъ изъ яйца, очевидно, не связывалось никакого точнаго представленія, и открытіе сперматозоидовъ тотчасъ послужило поводомъ къ возникновенію теоріи, по которой въ сѣменной клѣточкѣ уже заключается готовое, совершенно

движенія, говоритъ онъ съ ехидным скептицизмомъ. Да, это именно такъ, отвѣчаемъ мы, и если васъ это удивляетъ, если вы хотите оспаривать этотъ взглядъ, то помните, что вамъ придется оспаривать основную точку зрѣнія современнаго естествознанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вамъ достаточно припомнить тѣ слова Пляйфайра, которыя Ляйелль взялъ эпиграфомъ къ своему знаменитому сочиненію: „Principes of Geology“: Amid the revolutions of the globe, the economy of Nature has been uniforme, and her laws are the only the that have resisted the general movement. The rivers'and the rocks, the seas and thina continents have been changed all thei parts; but the laws which direct those changes, and the rules to which theare sebject, have remained invariaqly the same“.

развившееся, но микроскопически—маленькое животное, такъ что все «развитіе» его сводится къ росту. Совершенно такъ разсуждаютъ теперь мудрые старцы, а въ ихъ числѣ многіе знаменитые европейскіе соціологи-эволюціонисты, о «развитіи», напримѣръ, политическихъ учрежденій: исторія скачковъ не дѣлаетъ: va piano...

Нѣмецкая идеалистическая философія рѣшительно возстала противъ такого уродливаго понятія о развитіи. Гегель язвительно осмѣивалъ его и неопровержимо доказалъ, что и въ природѣ, и въ человѣческомъ обществѣ скачки составляютъ такой же необходимый моментъ развитія, какъ и постепенныя количественныя измѣненія. «Измѣненія бытія,—говоритъ онъ,—состоятъ не только въ томъ, что одно количество переходитъ въ другое количество, но также и томъ, что качество переходитъ въ количество и наоборотъ; каждый изъ переходовъ этого послѣдняго рода составляетъ перерывъ постепенности (ein Abbrechen des Allmählichen) и даетъ явленію новый видъ, качественно отличный отъ прежняго. Такъ, вода при охлажденіи твердѣетъ не постепенно... а сразу; уже охладившись до точки замерзанія, она остается жидкостью, если только сохраняетъ спокойное состояніе, и тогда достаточно малѣйшаго толчка, чтобы она вдругъ сдѣлалась твердой... Въ мірѣ нравственныхъ явленій... имѣютъ мѣсто такіе же переходы количественнаго въ качественное или, иначе сказать, различія въ качествахъ и тамъ основываются на количественныхъ различіяхъ. Такъ, немножко меньше, немножко больше составляетъ ту границу, за которой легкомысліе перестаетъ быть легкомысліемъ и превращается въ нѣчто совершенно другое, въ преступленіе... Такъ, государства при прочихъ равныхъ условіяхъ получаютъ различный качественный характеръ лишь вслѣдствіе различій въ величинѣ. Данные законы и данное государственное устройство пріобрѣтаютъ совершенно другое значеніе съ расширеніемъ территоріи государства и численности его гражданъ»... [1]).

Современные натуралисты прекрасно знаютъ, какъ часто измѣненія количества ведутъ къ измѣненіямъ качества. Почему одна часть солнечнаго спектра производитъ въ насъ ощущеніе краснаго цвѣта, другая зеленаго и т. д.? Физика отвѣчаетъ, что тутъ все дѣло въ числѣ колебаній частицъ эфира. Извѣстно, что число это измѣняется для каждаго спектральнаго цвѣта, возрастая отъ краснаго къ фіолетовому. Это не все. Напряженіе теплоты въ спектрѣ

[1]) Wissenschaft der Logik, первое изданіе, ч. I, книга I, стр. 313—314.

увеличивается по мѣрѣ приближенія къ наружному краю красной полосы и достигаетъ наибольшей степени на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, по выходѣ изъ спектра. Выходитъ, что въ спектрѣ имѣются особаго рода лучи, которые уже не свѣтятъ, а только грѣютъ. Физика и здѣсь говоритъ, что качества лучей измѣняются вслѣдствіе измѣненія числа колебаній частицъ эфира.

Но и это не все. Солнечные лучи производятъ извѣстное химическое дѣйствіе, какъ это показываетъ, напримѣръ, линяніе матерій отъ солнца. Наибольшей химической силой отличаются фіолетовые и, такъ называемые, за-фіолетовые лучи, которые уже не вызываютъ въ насъ свѣтового ощущенія. Различіе въ химическомъ дѣйствіи солнечныхъ лучей объясняется опять таки ни чѣмъ инымъ, какъ количественными различіями въ колебаніяхъ частицъ эфира: количество переходитъ въ качество.

То же подтверждаетъ химія. Озонъ имѣетъ другія свойства, чѣмъ обыкновенный кислородъ. Откуда это различіе? Въ молекулѣ озона иное число атомовъ, чѣмъ въ молекулѣ обыкновеннаго кислорода. Возьмемъ три угловодородистыхъ соединенія: CH^4 (болотный газъ), C^2H^6 (димэтилъ) и C^3H^8 (мэтилъ-этилъ). Всѣ они составлены по формулѣ: n атомовъ углерода и $2n+2$ атома водоворота. Если n равно единицѣ, вы имѣете болотный газъ; если n равно двумъ, получается димэтилъ; если n равно тремъ, является мэтилъ-этилъ. Такимъ образомъ составляются цѣлые ряды, о значеніи которыхъ вамъ разскажетъ любой химикъ, и всѣ эти ряды единогласно подтверждаютъ положеніе старыхъ діалектиковъ-идеалистовъ: количество переходитъ въ качество.

Теперь мы узнали уже главнѣйшіе отличительные признаки діалектическаго мышленія, но читатель чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ.—А гдѣ же знаменитая тріада, спрашиваетъ онъ, та тріада, въ которой заключается, какъ извѣстно, вся суть гегелевской діалектики? Извините, читатель, мы не говорили о тріадѣ по той простой причинѣ, что она вовсе не играетъ у Гегеля той роли, которую ей приписываютъ люди, не имѣющіе никакого понятія о философіи этого мыслителя, изучавшіе ее, напримѣръ, по учебнику уголознаго права» г. Спасовича [1]). Полные

---

[1]) «Мечтая о карьерѣ адвоката, разсказываетъ г. Михайловскій, я съ жаромъ, хотя и безъ всякаго порядка, читалъ разныя юридическія сочиненія. Въ томъ числѣ былъ учебникъ уголовнаго права г. Спасовича. Въ этомъ сочиненіи есть краткій обзоръ различныхъ философскихъ системъ

святой простоты, эти легкомысленные люди убѣждены, что вся аргументація нѣмецкаго идеалиста сводилась къ ссылкамъ на тріаду; что съ какимъ бы теоретическимъ затрудненіемъ ни сталкивался старикъ, онъ съ спокойной улыбкой предоставлялъ другимъ ломать надъ нимъ свои бѣдныя, «непосвященныя» головы, а самъ немедленно строилъ силлогизмъ: всѣ явленія совершаются по тріадѣ; я имѣю дѣло съ явленіемъ; слѣдовательно, обращусь къ тріадѣ [1]). Это просто сумасшедшіе пустяки, какъ выражается одинъ изъ персонажей Каронина, или неестественное празднословіе, если вамъ больше нравится щедринское выраженіе. Ни въ одномъ изъ 18 томовъ сочиненій Гегеля «тріада» ни разу не играетъ роли довода, и кто хоть немного знакомъ съ его философскимъ ученіемъ, тотъ понимаетъ, что она никоимъ образомъ не могла играть ее. У Гегеля тріада имѣетъ такое же значеніе, какое она имѣла еще у Фихте, философія котораго существенно отличается отъ гегелевской. Понятно, что только круглое невѣжество можетъ считать главнымъ отличительнымъ признакомъ одной философской системы признакъ, свойственный, по меньшей мѣрѣ, двумъ совершенно различнымъ системамъ.

въ ихъ отношеніи къ криминалистикѣ. Я въ особенности поразился знаменитою тріадой Гегеля, въ силу которой наказаніе такъ граціозно становится примиреніемъ противорѣчія между правомъ и преступленіемъ. Извѣстна соблазнительность трехчленной формулы Гегеля въ ея разнообразнѣйшихъ приложеніяхъ... не удивительно, что я былъ плѣненъ ею въ учебникѣ г. Спасовича. Неудивительно, что затѣмъ потянуло и къ Гегелю, и ко многому другому»... («Русская Мысль», 1891, кн. III, отд. II, стр. 188). Жаль, очень жаль, что г. Михайловскій не сообщаетъ, въ какихъ размѣрахъ удовлетворилъ онъ свое тяготѣніе „къ Гегелю“. По всему видно, что онъ не далеко пошелъ въ этомъ отношеніи.

[1]) Г. Михайловскій увѣряетъ, что покойный Н. Зиберъ, доказывая въ своихъ спорахъ съ нимъ неизбѣжность капитализма въ Россіи, «употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія» («Русская Мысль», 1892, кн. VI, отдѣлъ II, стр. 196). Онъ увѣряетъ также, что все, какъ онъ выражается, пророчество Маркса относительно исхода капиталистическаго развитія опирается лишь на „тріаду“. О Марксѣ мы поговоримъ ниже, а о Н. Зиберѣ замѣтимъ, что намъ приходилось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ, и ни разу не слышали мы отъ него ссылокъ на «діалектическое развитіе». Онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и потому оказаніе г. Михайловскаго неопровержимо.

Намъ очень жаль, что «тріада» отвлекаетъ насъ отъ нашего изложенія, но, заговоривъ о ней, надо кончить. Посмотримъ же, что это за птица.

Всякое явленіе, развиваясь до конца, превращается въ свою противоположность; но такъ какъ новое, противоположное первому, явленіе также, въ свою очередь, превращается въ свою противоположность, то третья фаза развитія имѣетъ формальное сходство съ первой. Оставимъ пока вопросъ о томъ, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности такой ходъ развитія, допустимъ, что ошибались люди, думавшіе, что—совершенно соотвѣтствуетъ; во всякомъ случаѣ ясно, что «тріада» только вытекаетъ изъ одного изъ положеній Гегеля, но сама вовсе не служитъ ему основнымъ положеніемъ. Это очень существенная разница, потому что если бы тріада фигурировала въ качествѣ основного положенія, то подъ ея «сѣнью» дѣйствительно могли бы искать защиты люди, отводящіе ей такую важную роль, но такъ какъ она въ этомъ качествѣ не фигурируетъ, то за нее могутъ прятаться развѣ лишь такіе, которые слышали звонъ, да не знаютъ откуда онъ.

Само собою разумѣется, что положеніе дѣлъ не измѣнилось бы въ сущности ни на іоту, если бы, не прячась за «тріаду», діалектики «при малѣйшей опасности» укрывались «подъ сѣнью» того положенія, что всякое явленіе превращается въ свою собственную противоположность. Но и такъ никогда не поступали они, и не поступали потому, что указанное положеніе вовсе не исчерпываетъ ихъ взгляда на развитіе явленій. Они говорятъ, напримѣръ, кромѣ того, что въ процессѣ развитія количество переходитъ въ качество, а качество въ количество. Слѣдовательно, имъ приходится считаться и съ качественной, и съ количественной стороной процесса; а это предполагаетъ внимательное отношеніе къ его дѣйствительному, фактическому ходу; а это значитъ, что они не довольствуются отвлеченными выводами изъ отвлеченныхъ положеній, или, по крайней мѣрѣ, не должны довольствоваться такими выводами, если хотятъ остаться вѣрными своему міросозерцанію.

«На каждой страницѣ своихъ сочиненій Гегель постоянно и неустанно указывалъ, что философія тождественна съ совокупностью эмпиріи, что философія ничего не требуетъ такъ настойчиво, какъ углубленія въ эмпирическія науки... Фактическій матеріалъ безъ мысли имѣетъ только относительное значеніе, мысль безъ фактическаго матеріала является простой химерой... Философія

есть то сознаніе, къ которому приходятъ относительно самихъ себя эмпирическія науки. Она не можетъ быть ни чѣмъ инымъ».

Вотъ какой взглядъ на задачу мыслящаго изслѣдователя вынесъ Лассаль изъ ученія гегелевской философіи [1]): философы должны быть спеціалистами въ тѣхъ наукахъ, которымъ они хотятъ помочь въ достиженіи «самосознанія». Кажется отъ спеціальнаго изученія предмета очень далеко до легкомысленной болтовни во славу «тріады». И пусть не говорятъ намъ, что Лассаль былъ не «настоящій» гегеліанецъ, что онъ принадлежалъ къ «лѣвымъ» и рѣзко упрекалъ «правыхъ» въ томъ, что они занимались отвлеченными построеніями. Вѣдь, человѣкъ прямо говоритъ вамъ, что онъ заимствовалъ свой взглядъ непосредственно отъ Гегеля.

Впрочемъ, вы, можетъ быть, захотите отвести показаніе автора «Системы пріобрѣтенныхъ правъ» подобно тому, какъ отводятъ на судѣ показанія родственниковъ. Мы спорить и пререкословить не станемъ; мы вызовемъ въ качествѣ свидѣтеля совсѣмъ посторонняго человѣка, автора «Очерковъ гоголевскаго періода».

Просимъ вниманія: свидѣтель будетъ говорить долго и, по своему обыкновенію, умно.

«Мы столь же мало послѣдователи Гегеля, какъ и Декарта или Аристотеля. Гегель нынѣ уже принадлежитъ исторіи, настоящее время имѣетъ другую философію и хорошо видитъ недостатки гегелевской системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелемъ, дѣйствительно, были очень близки къ истинѣ, и нѣкоторыя стороны истины были выставлены на видъ этимъ мыслителемъ съ истинно поразительною силою. Изъ этихъ истинъ, открытіе иныхъ составляетъ личную заслугу Гегеля; другія, хотя и принадлежатъ не исключительно его системѣ, а всей нѣмецкой философіи со временъ Канта и Фихте, но ни кѣмъ до Гегеля не были формулированы такъ ясно и высказываемы такъ сильно, какъ въ его системѣ.

«Прежде всего укажемъ на плодотворнѣйшее начало всякаго прогресса, которымъ столь рѣзко и блистательно отличается нѣмецкая философія вообще и въ особенности гегелева система отъ тѣхъ лицемѣрныхъ и трусливыхъ воззрѣній, какія господствовали въ тѣ времена (начало XIX вѣка) у французовъ и англичанъ: «истина— верховная цѣль мышленія; ищите истины, потому что въ истинѣ

[1]) См. его System der erworbenen Rechte, zweite Auflage, Leipzig. 1880, Vorrede, SS. XII-XIII.

благо, какова бы ни была истина, она лучше всего, что неистинно; первый долгъ мыслителя: не отступать ни передъ какими результатами; онъ долженъ быть готовъ жертвовать истинѣ самыми любимыми своими мнѣніями. Заблужденіе—источникъ всякой пагубы; истина—верховное благо и источникъ другихъ благъ». Чтобы оцѣнить чрезвычайную важность этого требованія, общаго всей нѣмецкой философіи со временъ Канта, но особенно энергически высказаннаго Гегелемъ, надобно вспомнить, какими странными и узкими условіями ограничивали истину мыслители другихъ тогдашнихъ школъ: они принимались философствовать не иначе, какъ затѣмъ, чтобы «оправдать дорогія для нихъ убѣжденія», т. е. искали не истины, а поддержки своимъ предубѣжденіямъ; каждый бралъ изъ истины только то, что ему нравилось, а всякую непріятную для него истину отвергалъ, безъ церемоніи признаваясь, что пріятное заблужденіе кажется ему гораздо лучше безпристрастной правды. Эту манеру заботиться не объ истинѣ, а о подтвержденіи пріятныхъ предубѣжденій, нѣмецкіе философы (особенно Гегель) прозвали «субъективнымъ мышленіемъ» (Святители! Да ужъ не за то ли ругаютъ Гегеля схоластикомъ наши субъективные мыслители? *Авторъ*.), философствованіемъ для личнаго удовольствія, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличалъ эту пустую и вредную забаву. (Слушайте! Слушайте!) Какъ необходимое предохранительное средство противъ поползновенія уклониться отъ истины въ угожденіе личнымъ желаніямъ и предразсудкамъ, былъ выставленъ Гегелемъ знаменитый «діалектическій методъ мышленія». Сущность его состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокоиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать: нѣтъ-ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслитъ, качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ; такимъ образомъ, мыслитель былъ принужденъ обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіемъ борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мнѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ односторонпихъ понятій о предметѣ, мало по малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ предмета. Объяснить дѣйствительность стало существенною обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которою прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ (De te fabula narratur!). Такимъ образомъ, добросовѣстное,

неутомимое изысканіе истины стало на мѣстѣ прежнихъ произвольныхъ толкованій. Но, въ дѣйствительности, все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени,—и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе,—что эти общія отвлеченныя изреченія неудовлетворительны: каждый предметъ, каждое явленіе имѣетъ свое собственное значеніе, и судить о немъ должно по соображенію той обстановки, среди которой оно существуетъ; это правило выражалось формулою: «отвлеченной истины нѣтъ; истина конкретна», т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ» [1]).

И такъ, съ одной стороны, намъ говорятъ, что отличительной чертой гегелевой философіи было самое внимательное изслѣдованіе дѣйствительности; самое добросовѣстное отношеніе ко всякому данному предмету; изученіе его среди его живой обстановки, при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, которыя обусловливаютъ

---

[1]) Чернышевскій, „Очерки гоголевскаго періода русской литературы", Спб. 1892, стр. 258—259. Въ особомъ примѣчаніи авторъ «Очерковъ» прекрасно поясняетъ, что собственно означаетъ это разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ данное явленіе. Мы приведемъ и это примѣчаніе. „Напримѣръ: „благо или зло дождь"?—это вопросъ отвлеченный; опредѣленно отвѣчать на него нельзя; иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ; надо спрашивать опредѣленно: „послѣ того, какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, впродолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь,—полезенъ ли былъ онъ для хлѣба?"—только тутъ отвѣтъ ясенъ и имѣетъ смыслъ: „этотъ дождь былъ очень полезенъ".—„Но въ то же лѣто, когда настала пора уборки хлѣба, цѣлую недѣлю шелъ проливной дождь,—хорошо-ли было это для хлѣба?" Отвѣтъ также ясенъ и также справедливъ: „нѣтъ, этотъ дождь былъ вреденъ". Точно также рѣшаются въ гегелевой философіи всѣ вопросы. „Пагубна или благотворна война?" Вообще, нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Для дикихъ народовъ вредъ войны менѣе чувствителенъ, польза ощутительнѣе; для образованныхъ народовъ война приноситъ обыкновенно менѣе пользы и болѣе вреда. Но, напримѣръ, война 1812 года была спасительна для русскаго народа; марѳонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества.—Таковъ смыслъ аксіомы: «отвлеченной истины нѣтъ истина конкретна»—конкретно понятіе о предметѣ тогда, когда онъ представляется со всѣми качествами и особенностями и въ той обстановкѣ среди которой существуетъ, а не въ отвлеченіи отъ этой обстановки и живыхъ своихъ особенностей (какъ представляетъ его отвлеченное мышленіе, сужденія котораго поэтому не имѣютъ смысла для дѣйствительной жизни).»

или сопровождаютъ его существованіе. Показаніе Н. Г. Чернышевскаго тождественно въ этомъ случаѣ съ показаніями Ф. Лассаля. А съ другой стороны, насъ хотятъ увѣрить, что эта философія была пустой схоластикой, весь секретъ которой состоялъ въ софистическомъ употребленіи «тріады». Въ этомъ случаѣ показаніе г. Михайловскаго совершенно согласно съ показаніемъ г. В. В. и цѣлаго легіона другихъ современныхъ россійскихъ писателей. Чѣмъ объяснить это разногласіе свидѣтелей? Объясняйте, чѣмъ хотите, но помните, что Лассаль и авторъ «Очерковъ гоголевскаго періода» *знали* ту философію, о которой говорили, а гг. Михайловскій, В. В. и братія навѣрное не дали себѣ труда изучить хотя бы какое-нибудь одно сочиненіе Гегеля.

И замѣтьте, что при характеристикѣ діалектическаго мышленія авторъ «Очерковъ» ни однимъ словомъ не коснулся тріады. Какъ же это онъ не замѣтилъ того самаго слона, котораго г. Михайловскій и компанія такъ упорно и такъ торжественно выставляютъ на показъ всѣмъ зѣвакамъ? Еще разъ: помните, что авторъ «Очерковъ гоголевскаго періода» зналъ философію Гегеля, а г. Михайловскій и К° не имѣютъ о ней ни малѣйшаго понятія.

Можетъ быть, читателю угодно припомнить кое-какіе другіе отзывы автора «Очерковъ гоголевскаго періода» о Гегелѣ? Можетъ быть, онъ укажетъ намъ на знаменитую статью «*Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія*?» Въ этой статьѣ говорится именно о тріадѣ и, повидимому, она выставляется главнымъ конькомъ нѣмецкаго идеалиста. *Но это только повидимому.* Разсуждая объ исторіи собственности, авторъ утверждаетъ, что въ третьей, высшей фазѣ своего развитія она вернется къ своей исходной точкѣ, т. е. что частная собственность на землю и средства производства уступитъ мѣсто—общественной. Такой возвратъ,—говоритъ онъ,—есть общій законъ, проявляющійся во всякомъ процессѣ развитія. Аргументація автора есть въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, не что иное, какъ ссылка на тріаду. И въ этомъ заключается ея существенный недостатокъ: *она отвлеченна*; развитіе собственности разсматривается безъ отношенія ея къ конкретнымъ историческимъ условіямъ; поэтому и доводы автора остроумны, блестящи, но не убѣдительны; они только поражаютъ, удивляютъ, но не убѣждаютъ. Но виноватъ ли Гегель въ этомъ недостаткѣ аргументаціи автора «Критики философскихъ предубѣжденій»? Какъ вы думаете, была бы аргументація автора отвлеченна, если бы онъ разсмотрѣлъ предметъ именно такъ,

какъ, по его собственнымъ словамъ, Гегель совѣтовалъ разсматривать всѣ предметы, т. е. держась почвы дѣйствительности, взвѣшивая всѣ конкретныя условія, всѣ обстоятельства времени и мѣста? Кажется, что нѣтъ; кажется, что тогда-то именно и не было бы въ статьѣ указаннаго нами недостатка. Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ же былъ порожденъ недостатокъ? Тѣмъ, что авторъ статьи «Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», оспаривая отвлеченные доводы своихъ противниковъ, позабылъ благіе совѣты Гегеля, оказался невѣренъ методу того самаго мыслителя, на котораго онъ ссылался. Намъ жаль, что въ полемическимъ увлеченіи онъ сдѣлалъ такую ошибку. Но, еще разъ, виноватъ ли Гегель въ томъ, что въ этомъ случаѣ авторъ «Критики философскихъ предубѣжденій» не сумѣлъ воспользоваться его методомъ? Съ какихъ это поръ философскія системы оцѣниваются не по ихъ внутреннему содержанію, а по тѣмъ ошибкамъ, которыя случается дѣлать ссылающимся на нихъ людямъ?

И, опять таки, какъ ни настойчиво ссылается авторъ названной статьи на тріаду, онъ и тамъ не выставляетъ ея главнымъ конькомъ діалектическаго метода; она и тамъ является у него не основой, а развѣ что неоспоримымъ слѣдствіемъ. Основа, главная отличительная черта діалектики указывается у него въ слѣдующихъ словахъ: «Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, рожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія...— кто понялъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто научился примѣнять его ко всякому явленію,—о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе» и т. д.

«Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ»...—діалектики дѣйствительно смотрятъ на такую смѣну, на такое «отверженіе формъ», какъ на великій, вѣчный, повсемѣстный законъ. Въ настоящее время этого убѣжденія не раздѣляютъ съ ними только представители нѣкоторыхъ отраслей общественной науки, не имѣющіе мужества взглянуть истинѣ прямо въ глаза, старающіеся отстоять, хотя бы съ помощью заблужденія, дорогіе имъ предразсудки. Тѣмъ болѣе должны мы цѣнить заслуги великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ, которые уже съ самаго начала нынѣшняго столѣтія неустанно твердили о вѣчной смѣнѣ формъ, о вѣчномъ ихъ отверженіи, вслѣдствіе усиленія породившаго эти формы содержанія.

Выше мы оставили «пока» безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, точно ли всякое явленіе превращается, какъ это думали нѣмецкіе идеалисты-діалектики, въ свою собственную противоположность. Теперь, надѣемся, читатель согласится съ нами, что собственно этотъ вопросъ можно и совсѣмъ не разсматривать. Когда вы примѣняете діалектическій методъ къ изученію явленій, вамъ необходимо помнить, что формы вѣчно мѣняются вслѣдствіе «высшаго развитія ихъ содержанія». Этотъ процессъ отверженія формъ вы должны прослѣдить во всей его полнотѣ, если хотите исчерпать предметъ. Но будетъ ли новая форма противоположна старой, — это вамъ покажетъ опытъ, и знать это напередъ вовсе неважно. Правда, именно на основаніи историческаго опыта человѣчества всякій понимающій дѣло юристъ скажетъ вамъ, что всякое правовое учрежденіе рано или поздно превращается въ свою собственную противоположность: нынѣ оно способствуетъ удовлетворенію извѣстныхъ общественныхъ нуждъ; нынѣ оно полезно, необходимо именно въ виду этихъ нуждъ. Потомъ оно начинаетъ все хуже и хуже удовлетворять эти нужды; наконецъ, оно превращается въ препятствіе для ихъ удовлетворенія: изъ необходимаго оно становится вреднымъ,—и тогда оно уничтожается. Возьмите, что хотите,—исторію литературы, исторію видовъ, и всюду, гдѣ есть развитіе, вы увидите подобную діалектику. Но все-таки, кто, пожелавъ вникнуть въ сущность діалектическаго процесса, началъ бы именно съ провѣрки ученія о противоположности явленій, стоящихъ рядомъ въ каждомъ данномъ процессѣ развитія, тотъ подошелъ бы къ дѣлу съ ненадлежащаго конца.

Въ выборѣ точки зрѣнія для такой провѣрки всегда оказалось бы очень много пропзвольнаго. Надо взглянуть на этотъ вопросъ съ его объективной стороны, иначе сказать, надо выяснить себѣ, что такое неизбѣжная смѣна формъ, обусловливаемая развитіемъ даннаго содержанія? Это та же самая мысль, только выраженная другими словами. Но при повѣркѣ ея уже нѣтъ мѣста произволу, потому что точка зрѣнія изслѣдователя опредѣляется самимъ характеромъ формъ и содержанія.

По словамъ Энгельса, заслуга Гегеля заключается въ томъ, что онъ первый взглянулъ на всѣ явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія, съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и уничтоженія. Первый ли онъ это сдѣлалъ, можно спорить,—говоритъ г. Михайловскій,—но во всякомъ случаѣ не послѣдній, и нынѣшнія теоріи развитія—

эволюціонизмъ Спенсера, дарвинизмъ, идеи развитія въ психологіи, физикѣ, геологіи и т. д.—не имѣютъ ничего общаго съ гегельянствомъ» [1]).

Если современное естествознаніе на каждомъ шагу подтверждаетъ геніальную мысль Гегеля о переходѣ количества въ качество, то можно-ли сказать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ гегельянствомъ? Правда, Гегель не былъ «послѣднимъ» изъ говорившихъ о такомъ переходѣ, но это именно по той же причинѣ, по какой Дарвинъ не былъ «послѣднимъ» изъ людей, говорившихъ объ измѣняемости видовъ, а Ньютонъ не былъ «послѣднимъ» ньютонистомъ. Что прикажете? Таковъ ужъ ходъ развитія человѣческаго разума! Выскажете вы правильную мысль, и вы навѣрное не будете «послѣднимъ» изъ защищавшихъ ее; скажете вздоръ,—и хотя люди очень лакомы до него, но вы все-таки рискуете оказаться «послѣднимъ» его защитникомъ и носителемъ. Такъ, по нашему скромному мнѣнію, г. Михайловскій сильно рискуетъ оказаться «послѣднимъ» сторонникомъ «субъективнаго метода въ соціологіи». Говоря откровенно, мы не видимъ повода печалиться о такомъ ходѣ развитія разума.

Мы предлагаемъ г. Михайловскому,—который «можетъ спорить» обо всемъ на свѣтѣ и о многомъ прочемъ,—опровергнуть слѣдующее наше положеніе: всюду, гдѣ является идея развитія «въ психологіи, физикѣ, геологіи и т. д., она непремѣнно имѣетъ много «общаго съ гегельянствомъ», т. е. въ каждомъ новѣйшемъ ученіи о развитіи непремѣнно повторяются нѣкоторыя общія положенія Гегеля. Говоримъ нѣкоторыя, а не всѣ, потому что многіе изъ современныхъ эволюціонистовъ, будучи лишены надлежащаго философскаго образованія, понимаютъ «эволюцію» отвлеченно, односторонне. Примѣръ: уже помянутые выше господа, увѣряющіе, что ни природа, ни исторія скачковъ не дѣлаютъ. Такіе люди очень много выиграли бы отъ знакомства съ логикой Гегеля. Пусть опровергнетъ насъ г. Михайловскій, но только пусть не забываетъ онъ, что нельзя опровергнуть насъ, зная Гегеля лишь по «учебнику уголовнаго права» г. Спасовича да по «Исторіи философіи» Льюиса. Надо потрудиться изучить самаго Гегеля.

Говоря, что современныя ученія эволюціонистовъ всегда имѣютъ очень много «общаго съ гегельянствомъ», мы не утверждаемъ, что нынѣшніе эволюціонисты заимствовали свои взгляды у Гегеля. Со-

---

[1]) Русское Богатство, 1894, кн. 2, отд., II. стр. 150.

всѣмъ напротивъ. Часто они имѣютъ о немъ столь же ошибочное представленіе, какое имѣетъ г. Михайловскій. И если, тѣмъ не менѣе, ихъ теоріи, хотя отчасти, и именно тамъ, гдѣ онѣ оказываются вѣрными, являются новой иллюстраціей «гегельянства», то это обстоятельство лишь оттѣняетъ поразительную силу мысли нѣмецкаго идеалиста: люди, никогда не читавшіе его, силою фактовъ, очевиднымъ смысломъ «дѣйствительности» вынуждены говорить такъ, какъ говорилъ онъ. Бо̀льшаго торжества нельзя и придумать для философа: его игнорируютъ читатели, но его взгляды подтверждаетъ жизнь.

До сихъ поръ еще трудно сказать, на сколько взгляды нѣмецкихъ идеалистовъ непосредственно повліяли въ указанномъ направленіи на нѣмецкое естествознаніе, хотя несомнѣнно, что въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка даже натуралисты въ Германіи занимались втеченіе университетскаго курса философіей, и хотя такіе знатоки біологическихъ наукъ, какъ Геккель, съ уваженіемъ отзываются теперь объ эволюціонныхъ теоріяхъ натуръ-философовъ. Но философія природы была слабой стороной нѣмецкаго идеализма. Его сила заключалась въ теоріяхъ, касавшихся различныхъ сторонъ историческаго развитія. А что касается этихъ теорій, то пусть г. Михайловскій припомнитъ—если зналъ когда-нибудь,—что именно изъ школы Гегеля вышла вся та блестящая плеяда мыслителей и изслѣдователей, которая придала совершенно новый видъ изученію религіи, эстетики, права, политической экономіи, исторіи, философіи и такъ далѣе. Во всѣхъ этихъ «дисциплинахъ» въ теченіе нѣкотораго,—самаго плодотворнаго,—періода не было ни одного выдающагося работника, не обязаннаго Гегелю своимъ развитіемъ и свѣжими взглядами на свою науку. Думаетъ-ли г. Михайловскій, что и противъ этого «можно спорить»? Если да, то пусть онъ попробуетъ.

Говоря о Гегелѣ, г. Михайловскій старается «сдѣлать это такъ, чтобы быть понятнымъ для людей, непосвященныхъ въ тайны «философскаго колпака Егора Федоровича», какъ непочтительно выражался Бѣлинскій, поднявъ знамя возстанія противъ Гегеля». Онъ беретъ «для этого» два примѣра изъ книги Энгельса «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenchaft». (Почему же не изъ самаго Гегеля? Такъ удобнѣе было поступить писателю, «посвященному въ тайны» и т. д.).

«Зерно овса попадаетъ въ благопріятныя условія: оно пускаетъ ростокъ и тѣмъ самымъ, какъ таковое, какъ зерно, отрицает-

сѣ на его мѣстѣ возникаетъ стебель, который есть **отрицаніе** зерна; растеніе развивается, приноситъ плоды, т. е. новыя зерна овса, и когда эти зерна созрѣваютъ,—стебель погибаетъ: онъ, **отрицаніе** зерна, самъ **отрицается**. И затѣмъ тотъ же процессъ «отрицанія» и «отрицанія отрицанія» повторяется безчисленное число (sic!) разъ. Въ основаніи этого процесса лежитъ **противорѣчіе**: зерно овса есть зерно и въ то же время **не**-зерно, такъ какъ всегда находится въ дѣйствительномъ или возможномъ развитіи». Г. Михайловскій, разумѣется, «можетъ спорить» противъ этого. Вотъ какъ переходитъ у него въ **дѣйствительность** эта привлекательная **возможность**.

«Первая ступень, ступень зерна, есть тезисъ, положеніе; вторая, вплоть до образованія новыхъ зеренъ, есть антитезисъ—противоположеніе; третья—есть синтезисъ или примиреніе (г. Михайловскій рѣшилъ писать популярно и потому не оставляетъ греческихъ словъ безъ объясненія или перевода); все вмѣстѣ составляетъ тріаду или трихотомію. И такова судьба всего живущаго: оно возникаетъ, развивается и даетъ начало своему повторенію, послѣ чего умираетъ, Громадная масса единичныхъ проявленій этого процесса тотчасъ же конечно, встаетъ въ памяти читателя, и законъ Гегеля оказывается, оправданнымъ во всемъ органическомъ мірѣ (мы теперь дальше не идемъ). Если, однако, мы вглядимся въ нашъ примѣръ нѣсколько ближе, то увидимъ крайнюю поверхностность и произвольность нашего обобщенія. Мы взяли зерно, стебель и опять зерно или, вѣрнѣе, группу зеренъ. Но вѣдь прежде, чѣмъ приносить плодъ, растеніе цвѣтетъ. Когда мы говоримъ объ овсѣ или другомъ злакѣ, имѣющемъ хозяйственное значеніе, мы можемъ имѣть въ виду зерно посѣянное, солому и зерно собранное, но этими тремя моментами считать и жизнь растенія истрепанною— не имѣетъ никакого резона. Въ жизни растенія моментъ цвѣтенія сопровождается чрезвычайнымъ и своеобразнымъ напряженіемъ силъ, а такъ какъ цвѣтокъ не непосредственно изъ зерна возникаетъ, то, придерживаясь даже терминологіи Гегеля, мы получаемъ не трихотомію, а, по крайней мѣрѣ тетрахотомію, четверное дѣленіе: стебель отрицаетъ зерно, цвѣтокъ отрицаетъ стебель, плодъ отрицаетъ цвѣтокъ. Пропускъ момента цвѣтенія имѣетъ важное значеніе еще вотъ въ какомъ отношеніи. Во времена Гегеля можетъ быть и позволительно было брать зерно за исходный пунктъ жизни растенія, а съ хозяйственной точки зрѣнія позволительно, пожалуй, это и теперь дѣлать: хозяйственный годъ начинается посѣвомъ зерна. Но жизнь растенія не съ зерна

начинается. Мы теперь очень хорошо знаемъ, что зерно есть нѣчто очень сложное по строенію и само составляетъ продуктъ развитія клѣточки, и что нужныя для размноженія клѣточки образуются именно въ моментъ цвѣтенія. Такимъ образомъ въ примѣрѣ жизни растенія и исходный пунктъ взятъ произвольно и невѣрно, и весь процессъ искусственно и опять таки произвольно втиснутъ въ рамки трихотоміи» [1]). Выводъ: «пора бы перестать вѣрить, что овесъ растетъ по Гегелю».

Все течетъ, все измѣняется! Въ наше время, т. е. когда пишущій эти строки занимался, въ годы своего студенчества, естественными науками, овесъ росъ «по Гегелю», а нынѣ «мы очень хорошо знаемъ», что это вздоръ; теперь «nous avons changé tout cela». Но полно, хорошо-ли «мы знаемъ» то, о чемъ «мы» говоримъ.

Г. Михайловскій излагаетъ заимствованный имъ у Энгельса примѣръ съ овсянымъ зерномъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ изложенъ у самого Энгельса. Энгельсъ говоритъ: «зерно, какъ таковое, уничтожается, оно отрицается, его мѣсто занимаетъ выросшее изъ него растеніе, отрицаніе зерна. Но каковъ нормальный круговоротъ жизни этого растенія? Оно растетъ, цвѣтетъ, оплодотворяется и производитъ, наконецъ, снова овсяныя зерна [2]); когда зерна созрѣваютъ, стебель отмираетъ, отрицается въ свою очередь. Какъ результатъ этого отрицанія мы получаемъ опять овсяное зерно, но уже не одно, а самъ-десять, самъ-двадцать, самъ-тридцать» [3]). Отрицаніемъ зерна является у Энгельса цѣлое растеніе, въ круговоротъ жизни котораго входитъ, между прочимъ, и цвѣтеніе, и оплодотвореніе. Г. Михайловскій «отрицаетъ» растеніе, ставя на его мѣсто слово стебель. Стебель, какъ извѣстно, составляетъ только часть растенія и, разумѣется, отрицается другими его частями: omnis determinatio est negatio. Но именно потому-то г. Михайловскій и «отрицаетъ» выраженіе Энгельса, замѣняя его своимъ собственнымъ: стебель отрицаетъ зерно, кричитъ онъ, цвѣтокъ отрицаетъ стебель, плодъ отрицаетъ цвѣтокъ; тутъ, по крайней мѣрѣ, тетрахотомія!—Конечно, г. Михайловскій, но все это доказываетъ только то, что въ спорѣ съ Энгельсомъ вы не отступаете даже... какъ бы это помягче сказать?—не отступаете

---

[1]) «Русское Богатство», цит. книжка, II отд., стр. 154—157.

[2]) У Энгельса рѣчь идетъ, собственно говоря, о ячменномъ, а не объ овсяномъ зернѣ; но это, конечно, несущественно.

[3]) Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissechaft. 1-е изданіе первая часть стр. 111—112

даже предъ «моментомъ»... видоизмѣненія словъ вашего противника. Это пріемъ нѣсколько... «субъективный».

Разъ «моментъ» подмѣна совершилъ свое дѣло, ненавистная тріада разлетается какъ карточный домикъ. Вы пропустили моментъ цвѣтенія,—упрекаетъ россійскій «соціологъ» нѣмецкаго соціалиста,—а «пропускъ момента цвѣтенія имѣетъ важное значеніе». Читатель видѣлъ, что «моментъ цвѣтенія» пропущенъ не Энгельсомъ, а г. Михайловскимъ при изложеніи мысли Энгельса; онъ знаетъ также, что такого рода «пропускамъ» въ литературѣ придается важное, хотя и совершенно отрицательное, значеніе. Г. Михайловскій и тутъ пустилъ въ дѣло некрасивый «моментъ». Но что же дѣлать? «Тріада» такъ ненавистна, побѣда такъ пріятна, а «люди, совершенно непосвященные въ тайны» извѣстнаго «колпака», такъ легковѣрны!

Мы всѣ невинны отъ рожденья,
Всѣ нашей честью дорожимъ;
Но вѣдь бываютъ столкновенья,
Что просто нехотя грѣшимъ...

Цвѣтокъ есть органъ растенія, и, какъ таковой, такъ же мало отрицаетъ растеніе, какъ голова г. Михайловскаго отрицаетъ г. Михайловскаго. Но «плодъ», т. е., точнѣе, оплодотворенное яйцо есть дѣйствительно отрицаніе даннаго организма въ качествѣ исходной точки развитія новой жизни. Энгельсъ и разсматриваетъ круговоротъ жизни растенія отъ начала развитія его изъ оплодотвореннаго яйца до воспроизведенія имъ оплодотвореннаго яйца. Г. Михайловскій съ ученымъ видомъ знатока замѣчаетъ: «жизнь растенія не съ зерна начинается. Мы теперь очень хорошо знаемъ» и проч.— коротко сказать, мы знаемъ теперь, что яйцо оплодотворяется во время цвѣтенія. Энгельсъ, конечно, знаетъ это не хуже г. Михайловскаго. Но что же это показываетъ? Если угодно г. Михайловскому, мы замѣнимъ зерно—оплодотвореннымъ яйцомъ, но это не измѣнитъ смысла жизненнаго круговорота растенія, не отвергнетъ «тріады». Овесъ все-таки будетъ расти «по Гегелю».

Кстати. Допустимъ на минуту, что «моментъ цвѣтенія» ниспровергаетъ всѣ доводы гегельянцевъ. Какъ прикажетъ поступить г. Михайловскій съ безцвѣтковыми растеніями? Неужели онъ оставитъ ихъ во власти тріады? Это напрасно, потому что тріада будетъ имѣть въ такомъ случаѣ огромное число подданныхъ.

Но этотъ вопросъ мы задаемъ собственно только, чтобы выяснить себѣ мысль г. Михайловскаго. Сами же мы остаемся при томъ убѣж-

денiи, что отъ трiады не отобьешься даже «цвѣткомъ». Да и одни-ли мы такъ думаемъ? Вотъ что говоритъ, напримѣръ, спецiалистъ-ботаникъ *Ф. Ван-Тигэмъ*: «Какова бы ни была форма растенiя и къ какой бы группѣ оно ни принадлежало благодаря этой формѣ, его тѣло происходитъ отъ другого тѣла, которое существовало раньше его и отъ котораго оно отдѣлилось. Въ свою очередь, оно отдѣляетъ отъ своей массы въ извѣстное время извѣстныя части, которыя становятся точкой отправленiя, зародышами новыхъ тѣлъ, и т. д. Словомъ, оно воспроизводится также, какъ и родится: диссоцiацiей» [1]). Извольте видѣть! Почтенный ученый, членъ института, профессоръ въ музеѣ естественной исторiи, а разсуждаетъ какъ истый гегельянецъ: начинается, говоритъ, диссоцiацiей и опять приходитъ къ ней. И ни слова о «моментѣ цвѣтенiя»! Мы и сами понимаемъ, что очень огорчительно должно быть это для г. Михайловскаго; но дѣлать нечего, истина, какъ извѣстно, выше Платона.

Допустимъ еще разъ, что «моментъ цвѣтенiя» ниспровергаетъ трiаду. Тогда, «придерживаясь терминологiи Гегеля, мы получаемъ не трихотомiю, а, по крайней мѣрѣ, тетрахотомiю, четверное дѣленiе». «Терминологiя Гегеля» напоминаетъ намъ объ его «Энциклопедiи». Мы развертываемъ первую ея часть и оттуда узнаемъ, что есть много случаевъ, когда трихотомiя переходитъ въ тетрахотомiю, и что вообще трихотомiя господствуетъ собственно лишь въ области духа [2]). Выходитъ, что овесъ растетъ «по Гегелю», какъ въ этомъ увѣряетъ Ван-Тигэмъ, а Гегель мыслитъ объ овсѣ по г. Михайловскому, какъ за это ручается «Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Чудеса да и только! Она къ нему, а онъ ко мнѣ, а я къ буфетчику Петрушѣ...

Другой примѣръ, заимствованный у Энгельса г. Михайловскимъ для вразумленiя «непосвященныхъ», касается ученiя Руссо.

«По Руссо, люди въ естественномъ состоянiи и дикости были равны равенствомъ животныхъ. Но человѣкъ отличается способностью къ совершенствованiю и это совершенствованiе началось возникновенiемъ неравенства, а затѣмъ каждый дальнѣйшiй шагъ цивилизацiи былъ противорѣчивъ: «повидимому, это были шаги къ усовершенствованiю отдѣльнаго человѣка, въ дѣйствительности же они вели къ упадку человѣческаго рода... Металлургiя и земледѣ-

---

[1]) Traité de Botanique par Ph. Van-Tieghem, 2-me, édition, première partie. Paris. 1891, p. 24.

[2]) Encyclopadie, Erster Theil, § 230, Zusatz.

ліе, вотъ два искусства, открытіе которыхъ произвело великую революцію. Съ точки зрѣнія поэта, золото и серебро, а съ точки зрѣнія философа желѣзо и хлѣбъ—цивилизовали людей и погубили человѣческій родъ». Неравенство продолжаетъ развиваться и, достигнувъ своего апогея, обращается въ восточныхъ диспотіяхъ опять во всеобщее равенство всеобщаго ничтожества, то.есть, возвращается къ своей исходной точкѣ, а затѣмъ дальнѣйшій процессъ такимъ же порядкомъ приводитъ къ равенству общественнаго договора».

Такъ г. Михайловскій передаетъ приведенный Энгельсомъ примѣръ. Какъ это само-собою ясно, онъ «можетъ спорить» и тутъ.

«Можно бы кое-что замѣтить по поводу изложенія Энгельса, но намъ важно только знать, что именно въ трактатѣ Руссо («Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalitè parmi les hommes») цѣнится Энгельсомъ. Онъ не касается вопроса о томъ, вѣрно или невѣрно понимаетъ Руссо ходъ исторіи, онъ интересуется только тѣмъ, что Руссо «мыслитъ діалектически»: усматриваетъ противорѣчіе въ самомъ содержаніи прогресса и располагаетъ свое изложеніе такъ, что его можно подогнать подъ гегельянскую формулу отрицанія и отрицанія отрицанія. И дѣйствительно можно, хотя Руссо и не зналъ гегельянской діалектической формулы».

Это только первое, аванпостное нападеніе на «гегельянство» въ лицѣ Энгельса. Далѣе идетъ аттака sur toute la ligne.

«Руссо, не зная Гегеля, мыслилъ по Гегелю діалектически. Почему именно Руссо, а не Вольтеръ, не первый встрѣчный? Потому что всѣ люди, по самой природѣ своей, мыслятъ діалектически. Однако выбранъ именно Руссо, человѣкъ выдѣлявшійся изъ среды современниковъ не только по своимъ дарованіямъ, — въ этомъ отношеніи ему не уступятъ многіе, — а по самому складу своего ума и характеру міросозерцанія. Столь исключительное явленіе не слѣдовало, казалось бы, брать для провѣрки на немъ всеобщаго правила Но у насъ своя рука владыка. Руссо интересенъ и важенъ прежде всего потому, что онъ первый съ достаточной рѣзкостью показалъ противорѣчивость цивилизаціи, а противорѣчіе составляетъ непремѣнное условіе діалектическаго процесса. Надо, однако, замѣтить, что противорѣчіе, усмотрѣнное Руссо, не имѣетъ ничего общаго съ противорѣчіемъ въ гегельянскомъ смыслѣ слова. Гегелевское противорѣчіе состоитъ въ томъ, что каждая вещь, находясь въ постояномъ процессѣ движенія, измѣненія (и именно послѣдовательно тройственнымъ путемъ), есть въ каждую данную единицу времени «она» и вмѣстѣ съ тѣмъ «не-она». Если оставить въ сторонѣ

обязательныя три стадіи развитія, то противорѣчіе является здѣсь просто какъ бы подкладкою измѣненій, движенія, развитія. Руссо также говоритъ о процессѣ измѣненій. Но отнюдь не въ самомъ фактѣ измѣненій усматриваетъ онъ противорѣчіе. Значительная часть его разсужденій, какъ въ Discours l'inègalitè, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ, можетъ быть резюмирована такъ: умственный прогрессъ сопровождался нравственнымъ регрессомъ. Очевидно, діалектическое мышленіе тутъ рѣшительно не причемъ: тутъ нѣтъ «отрицанія отрицанія», а есть только указаніе на единовременное существованіе добра и зла въ данной группѣ явленій, и все сходство съ діалектическимъ процессомъ держится на словѣ «противорѣчіе». Это однако только одна сторона дѣла. Энгельсъ видитъ, кромѣ того, въ разсужденіи Руссо явственную трихотомію: за первобытнымъ равенствомъ слѣдуетъ его отрицаніе — неравенство, затѣмъ наступаетъ отрицаніе отрицанія — равенство всѣхъ въ восточныхъ деспотіяхъ передъ властью хана, султана, шаха. «Эта послѣдняя степень неравенства и есть крайняя точка, завершающая кругъ и возвращающая насъ къ нашей исходной точкѣ». Но исторія на этомъ не останавливается, развиваетъ новыя неравенства и т. д. Приведенныя въ кавычкахъ слова суть подлинныя слова Руссо, и они-то особенно дороги для Энгельса, какъ очевидное свидѣтельство, что Руссо мыслитъ по Гегелю [1]).

Руссо «рѣзко выдѣлялся изъ среды современниковъ». Это справедливо. Чѣмъ выдѣлялся? Тѣмъ, что мыслилъ діалектически, между тѣмъ какъ его современники были почти сплошь метафизиками. Его взглядъ на происхожденіе неравенства есть именно діалектическій взглядъ, хотя г. Михайловскій и отрицаетъ это.

По словамъ г. Михайловскаго, Руссо лишь указалъ на то, что умственный прогрессъ сопровождался въ исторіи цивилизаціи нравственнымъ регрессомъ. Нѣтъ, Руссо указалъ не только на это. У него умственный прогрессъ являлся причиной нравственнаго регресса. Въ этомъ можно было бы убѣдиться, даже не читавши сочиненій Руссо: достаточно было бы припомнить, на основаніи предыдущей выписки, какую роль играла у него обработка металловъ и земледѣліе, совершившія великую революцію, разрушившія первобытное равенство. Но кто читалъ самого Руссо, тотъ не забылъ, конечно, слѣдующаго мѣста изъ его „Discours sur l'origine de l'iné-

[1]) Всѣ эти выписки взяты изъ цитированной уже книжки „Русскаго Богатства".

galité“: Il me reste à considérer et à rapprocher les différents hasards qui ont pu perfectionner la raison humaine en détérioiva l'espèce, rendre un être méchant en le rendant sociable...“ («Мнѣ остается сдѣлать оцѣнку и сближеніе тѣхъ различныхъ случаевъ, которые могли усовершенствовать человѣческій разумъ, внося порчу въ человѣческій родъ, сдѣлать данное животное злымъ, дѣлая его общественнымъ»)...

Это мѣсто особенно замѣчательно тѣмъ, что оно прекрасно освѣщаетъ взглядъ Руссо на способность человѣческаго рода къ прогрессу. Объ этой особенности не мало говорили и его «современники». Но у нихъ она являлась таинственной силой, которая сама изъ себя творитъ успѣхи разума. По Руссо, эта способность «никогда не могла развиваться сама собою». Для своего развитія она нуждалась въ постоянныхъ толчкахъ со стороны. Это одна изъ важнѣйшихъ особенностей діалектическаго взгляда на умственный прогрессъ сравнительно со взглядомъ метафизическимъ. Намъ придется еще говорить о ней впослѣдствіи. Теперь для насъ важно то, что приведенное мѣсто какъ нельзя болѣе ясно выражаетъ мнѣніе Руссо[1] насчетъ причинной связи нравственнаго регресса съ умственнымъ прогрессомъ [1]). А это очень важно для выясненія взгляда этого писателя на ходъ цивилизаціи. У г. Михайловскаго выходитъ такъ, что Руссо просто указалъ «противорѣчіе» да, можетъ быть, пролилъ по его поводу нѣсколько благородныхъ слезъ. На самомъ дѣлѣ Руссо считалъ это противорѣчіе основной пружиной историческаго развитія цивилизаціи. Основателемъ гражданскаго общества и, слѣдовательно, могильщикомъ первобытнаго равенства былъ человѣкъ, оградившій участокъ земли и сказавшій: «онъ принадлежитъ мнѣ», иначе сказать, основаніемъ гражданскаго общества служитъ собственность, которая вызываетъ столько споровъ между людьми, вызываетъ въ нихъ столько жадности, такъ портитъ ихъ нравственность. Но возникновеніе собственности предполагало извѣстное развитіе «техники и знаній» (de l'industrie et des lumières). Такимъ образомъ, первобытныя отношенія погибли именно благодаря этому развитію; но въ то время, когда это развитіе привело къ торжеству частной собственности, первобытныя отношенія людей, съ

---

[1]) Для сомнѣвающихся есть еще одна выписка: „J'ai assigné ce premier degré de la decadense des moeurs au premier moment de la culture des lettres dans tous les pays du monde“. Lettre à M l'abbé Raynal, Oeuvres de Rousseau, Paris 1820, t. IV, p. 43.

своей стороны, находились уже въ такомъ состояніи, что ихъ дальнѣйшее существованіе стало невозможно [1]). Если судить о Руссо по тому, какъ изображаетъ указанное имъ «противорѣчіе» г. Михайловскій, можно подумать, что знаменитый женевецъ былъ не болѣе, какъ плаксивымъ «субъективнымъ соціологомъ», который въ лучшемъ случаѣ способенъ былъ придумать высоконравственную «формулу прогресса» для уврачеванія ею человѣческихъ бѣдствій. На самомъ дѣлѣ Руссо болѣе всего ненавидѣлъ именно такого рода «формулы» и побивалъ ихъ всякій разъ, когда къ этому представлялся случай.

Гражданское общество возникло на развалинахъ первобытныхъ отношеній, оказавшихся неспособными къ дальнѣйшему существованію. Эти отношенія заключали въ себѣ зародышъ своего собственнаго отрицанія. Доказывая это положеніе, Руссо какъ бы заранѣе иллюстрировалъ мысль Гегеля: всякое явленіе само себя уничтожаетъ, превращается въ свою противоположность. Разсужденіе Руссо о деспотизмѣ можетъ считаться новой иллюстраціей этой мысли.

Судите же сами, какъ много пониманія Гегеля и Руссо обнаруживаетъ г. Михайловскій, говоря: «очевидно, діалектическое мышленіе тутъ рѣшительно не причемъ», и наивно предполагая, что Энгельсъ произвольно зачислилъ Руссо по діалектическому вѣдомству лишь на томъ основаніи, что тотъ употребилъ выраженія: «противорѣчіе», «кругъ», «возвращеніе къ исходной точкѣ» и т. д.

Но почему же Энгельсъ сослался на Руссо, а не на кого другого? «Почему именно Руссо, а не Вольтеръ, не первый встрѣчный? Потому что, вѣдь, всѣ люди, по самой природѣ своей, мыслятъ діалектически»...

Ошибаетесь, г. Михайловскій,—далеко не всѣ: васъ перваго Энгельсъ никогда не принялъ бы за діалектика. Ему достаточно было бы прочесть вашу статью «Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго», чтобы безповоротно отнести васъ къ числу неисправимыхъ метафизиковъ.

О діалектическомъ мышленіи Энгельсъ говоритъ: «Люди мыслили діалектически задолго до того, какъ узнали, что такое діалектика, подобно тому какъ они говорили прозой гораздо раньше появленія слова проза. Законъ отрицанія, который и въ природѣ, и въ исторіи, а также, пока онъ остается непознаннымъ, и въ нашихъ головахъ осуществляется безсознательно, былъ Гегелемъ

[1]) См. начало второй части „Discours sur l'inégalité“.

только впервые рѣзко формулированъ» [1]). Какъ видитъ читатель, здѣсь рѣчь идетъ о безсознательномъ діалектическомъ мышленіи, отъ котораго еще очень далеко до сознательнаго. Когда мы говоримъ: «крайности сходятся», мы, сами того не замѣчая, высказываемъ діалектическій взглядъ на вещи; когда мы движемся, мы, опять-таки не подозрѣвая этого, занимаемся прикладной діалектикой (мы уже сказали выше, что движеніе есть осуществленное противорѣчіе). Но ни движеніе, ни діалектическіе афоризмы еще не спасаютъ насъ отъ метафизики въ области систематической мысли. Напротивъ. Исторія мысли показываетъ, что въ теченіе долгаго времени метафизика все болѣе и болѣе усиливалась—и необходимо должна была усиливаться—,на счетъ первобытной наивной діалектики: «Разложеніе природы на отдѣльныя ея части, распредѣленіе различныхъ явленій и предметовъ природы по опредѣленнымъ классамъ, изслѣдованіе внутреннихъ свойствъ органическихъ тѣлъ, въ связи съ разнообразіемъ ихъ органическаго строенія,—все это было основой тѣхъ исполинскихъ успѣховъ, которыми ознаменовалось естествознаніе въ послѣднія четыре столѣтія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же причина надѣлила насъ привычкой брать явленія и предметы природы въ ихъ обособленности, внѣ ихъ великой совокупной связи, и притомъ не въ движеніи, а въ неподвижномъ состояніи, не какъ существенно измѣняющіеся, а какъ вѣчно неизмѣнные, не какъ живые, а какъ мертвые. И этотъ-то способъ изслѣдованія, перенесенный Бэкономъ и Локкомъ изъ естествознанія въ философію, причинилъ характеристическую односторонность послѣднихъ столѣтій — метафизическое мышленіе».

Такъ говоритъ Энгельсъ, отъ котораго мы узнаемъ также, что «хотя и въ новой философіи діалектика имѣла блестящихъ представителей (Дэкартъ и Спиноза), но, особенно подъ вліяніемъ англійской философіи, она все болѣе и болѣе склонялась къ... метафизическому способу мышленія, почти исключительно овладѣвшему также и французами XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ, въ ихъ спеціально философскихъ трудахъ. Внѣ этой области они смогли, однако, оставить намъ высокіе образцы діалектики: припомнимъ только «Племянника Рамо» Дидро и сочиненіе Руссо «О происхожденіи неравенства между людьми» [2]).

---

[1]) Herrn Eugen Dühring's Umwälzung etc. Zw. Aufl. S. 134.

[2]) Тамъ же стр. 4—6

Кажется, ясно, почему Энгельсъ говоритъ о Руссо, а не о Вольтерѣ и не о первомъ встрѣчномъ. Мы не смѣемъ думать, что г. Михайловскій не прочелъ той самой книги Энгельса, которую онъ цитируетъ, изъ которой беретъ разбираемые имъ «примѣры». И если г. Михайловскій пристаетъ къ Энгельсу «съ первымъ встрѣчнымъ», то остается предположить одно: нашъ авторъ и здѣсь пускаетъ въ ходъ уже знакомый намъ «моментъ» подмѣна, «моментъ»... цѣлесообразнаго искаженія словъ своего противника. Эксплуатація подобнаго «момента» могла показаться ему тѣмъ болѣе удобной, что книга Энгельса не переведена на русскій языкъ и не существуетъ для читателей, незнающихъ по-нѣмецки. Тутъ у насъ «своя рука владыка». Тутъ новое искушеніе, и опять «мы нехотя грѣшимъ».

О, неужли, боги, васъ веселитъ,
Коль *наша честь* кувыркомъ—кувыркомъ полетитъ [1])

Но отдохнемъ отъ г. Михайловскаго. Вернемся къ нѣмецкимъ идеалистамъ an und für sich.

Мы сказали, что философія природы была слабою стороною этихъ мыслителей, главныхъ заслугъ которыхъ надо искать въ различныхъ областяхъ философіи исторіи. Теперь мы прибавимъ, что иначе и быть не могло въ то время. Философія, называвшая себя наукою наукъ, всегда имѣла въ себѣ много «свѣтскаго содержанія», т. е. всегда занималась многими собственно-научными вопросами. Но въ различныя времена «свѣтское содержаніе» ея было различно. Такъ, — чтобы ограничиться здѣсь примѣрами изъ исторіи новой философіи,—въ XVII вѣкѣ философы преимущественно занимались вопросами математики и естественныхъ наукъ. Философія XVIII вѣка воспользовалась для своихъ цѣлей естественно-научными открытіями и теоріями предыдущей эпохи, но сама она занималась естественными науками развѣ въ лицѣ Канта; во Франціи на первый планъ выступили тогда общественные вопросы. Тѣ же вопросы продолжали главнымъ образомъ занимать собою, хотя и съ другой стороны, и философовъ XIX столѣтія. Шеллингъ, напримѣръ, прямо говорилъ, что онъ считаетъ рѣшеніе одного историческаго во-

[1]) Пусть не винитъ нашъ читатель за цитаты изъ «Прекрасной Елены» Мы недавно перечитали статью г. Михайловскаго «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха» и находимся подъ сильнымъ ея впечатлѣніемъ.

проса важнѣйшей задачей трансцендентальной философіи. Каковъ былъ этотъ вопросъ, мы скоро увидимъ.

Если все течетъ, все измѣняется; если всякое явленіе само себя отрицаетъ; если нѣтъ такого полезнаго учрежденія, которое не стало бы, наконецъ, вреднымъ, превратившись такимъ образомъ въ свою собственную противоположность, то выходитъ, что нелѣпо искать «совершеннаго законодательства», что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы лучшимъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ: все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Діалектическое мышленіе исключало всякія утопіи.

Оно тѣмъ болѣе должно было исключать ихъ, что «человѣческая природа», этотъ будто бы постоянный критерій, которымъ, какъ мы видѣли, неизмѣнно пользовались и просвѣтители XVIII вѣка, и соціалисты-утописты первой половины XX-го столѣтія, испытала общую судьбу всѣхъ явленій: она сама была признана измѣнчивой.

Вмѣстѣ съ этимъ исчезъ и тотъ наивно-идеалистическій взглядъ на исторію; котораго также одинаково держались и просвѣтители, и утописты и который выражается въ словахъ: разумъ, мнѣнія, правятъ міромъ. Конечно, разумъ, говорилъ Гегель, правитъ исторіей, но въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ правитъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, т. е. въ смыслѣ законосообразности. Движеніе свѣтилъ законосообразно, но они не имѣютъ, разумѣется, никакого представленія объ этой законосообразности. То же и съ историческимъ движеніемъ человѣчества. Въ немъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть свои законы; но это не значитъ, что люди сознаютъ ихъ и что, такимъ образомъ, человѣческій разумъ, наши знанія, наша «философія», являются главными факторами историческаго движенія. Сова Минервы начинаетъ летать только ночью. Когда философія начинаетъ выводить свои сѣрые узоры на сѣромъ фонѣ, когда люди начинаютъ вдумываться въ свой собственный общественный строй, вы можете съ увѣренностью сказать, что этотъ строй отжилъ свое время и готовится уступить мѣсто новому порядку, истинный характеръ котораго опять станетъ ясенъ людямъ лишь послѣ того, какъ сыграетъ свою историческую роль: сова Минервы опять вылетитъ только ночью. Нечего и говорить, что періодическія воздушныя путешествія мудрой птицы очень полезны; они даже совершенно необходимы. Но они ровно ничего не объясняютъ; они сами нуждаются въ объясненіи и, навѣрное, подлежатъ ему, потому что въ нихъ есть своя законосообразность.

Признаніе законосообразности въ полетѣ совы Минервы легло въ основаніе совершенно новаго взгляда на исторію умственнаго развитія человѣчества. Метафизики всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ и всѣхъ направленій, разъ усвоивъ извѣстную философскую систему, считали ее истинно, а всѣ другія системы безусловно ложными. Они знали только отвлеченную противоположность между отвлеченными представленіями: истина, заблужденіе. Поэтому исторія мысли была для нихъ лишь хаотическимъ сплетеніемъ частью грустныхъ, частью смѣшныхъ ошибокъ, дикая пляска которыхъ продолжалась вплоть до того блаженнаго времени, когда придумана была, наконецъ, истинная философская система. Такъ смотрѣлъ на исторію своей науки еще Ж. Б. Сэй, этотъ метафизикъ изъ метафизиковъ. Онъ не совѣтовалъ изучать ее, потому что въ ней нѣтъ ничего, кромѣ заблужденій. Идеалисты-діалектики смотрѣли на дѣло иначе. Философія есть умственное выраженіе своего времени, говорили они, каждая философія истинна для своего времени и ошибочна для другого.

Но если разумъ правитъ міромъ только въ смыслѣ законосообразности явленій; если не идеи, не знаніе, не «просвѣщеніе» руководятъ людьми въ ихъ, такъ сказать, общественномъ домостроительствѣ и въ историческомъ движеніи, то гдѣ же человѣческая свобода? Гдѣ та область, въ которой человѣкъ «судитъ и выбираетъ», не тѣша себя, какъ ребенокъ, праздной забавой, не служа игрушкой въ рукахъ посторонней ему, хотя, можетъ быть, и не слѣпой силы?

Старый, но вѣчно новый вопросъ о свободѣ и необходимости возникалъ передъ идеалистами XIX вѣка, какъ возникалъ онъ передъ метафизиками предшествовавшаго столѣтія, какъ возникалъ онъ рѣшительно передъ всѣми философами, задававшимися вопросами объ отношеніи бытія къ мышленію. Онъ, какъ сфинксъ, говорилъ каждому изъ такихъ мыслителей: разгадай меня, или я пожру твою систему!

Вопросъ о свободѣ и необходимости и былъ тотъ вопросъ, рѣшеніе котораго въ примѣненіи къ исторіи Шеллингъ считалъ величайшей задачей трансцендентальной философіи. Рѣшила ли его? Какъ рѣшила его эта философія?

И замѣтьте:—для Шеллинга, какъ и для Гегеля, вопросъ этотъ представлялъ трудности въ примѣненіи именно къ исторіи. Съ точки зрѣнія чисто-антропологической онъ уже могъ считаться рѣшеннымъ.

Тутъ необходимо поясненіе, и мы дадимъ его, прося читателя отнестись къ нему внимательно въ виду огромной важности предмета.

Магнитная стрѣлка обращается къ сѣверу. Это происходитъ отъ дѣйствія особой матеріи, которая сама подчиняется извѣстнымъ законамъ: законамъ матеріальнаго міра. Но для стрѣлки незамѣтны движенія этой матеріи; она не имѣетъ о нихъ ни малѣйшаго представленія. Ей кажется, что она обращается къ сѣверу совершенно независимо отъ какой-либо посторонней причины, просто потому, что ей пріятно туда обращаться. Матеріальная необходимость представляется ей въ видѣ ея собственной, свободной духовной дѣятельности.

Этимъ примѣромъ Лейбницъ хотѣлъ пояснить свой взглядъ на свободу воли. Подобнымъ же примѣромъ поясняетъ свой совершенно тождественный взглядъ Спиноза.

Нѣкоторая внѣшняя причина сообщила камню извѣстное количество движенія. Движеніе продолжается, конечно, въ теченіе извѣстнаго времени и послѣ того, какъ причина перестала дѣйствовать. Это продолженіе его необходимо по законамъ матеріальнаго міра. Но вообразите, что камень мыслитъ, что онъ сознаетъ свое движеніе, доставляющее ему удовольствіе, но не знаетъ его причины, не знаетъ даже, что вообще есть для него какая бы то ни было внѣшняя причина. Какъ представится въ такомъ случаѣ камню его собственное движеніе? Непремѣнно, какъ результатъ его собственнаго желанія, его собственнаго свободнаго выбора; онъ скажетъ себѣ: я движусь, потому что хочу двигаться. «Такова и та человѣческая свобода, которою такъ гордятся всѣ люди. Сущность ея сводится къ тому, что люди сознаютъ свои стремленія, но не знаютъ внѣшнихъ причинъ, вызывающихъ эти стремленія. Такъ, дитя воображаетъ, что оно свободно желаетъ того молока, которое составляетъ его пищу»...

Многимъ даже изъ нынѣшнихъ читателей такое объясненіе покажется «грубо-матеріалистическимъ», и они удивятся, какъ могъ давать его Лейбницъ, идеалистъ чистой воды. Они скажутъ къ тому же, что и вообще сравненіе не доказательство, и что еще менѣе доказательно фантастическое сравненіе человѣка съ магнитной стрѣлкой или съ камнемъ. На это мы замѣтимъ, что сравненіе перестанетъ быть фантастическимъ, какъ только мы припомнимъ явленія, каждодневно совершающіяся въ человѣческой головѣ. Уже матеріалисты XVIII-го вѣка указывали на то обсто-

ятельство, что каждому волевому движенію въ мозгу соотвѣтствуетъ извѣстное движеніе мозговыхъ фибръ. То, что по отношенію къ магнитной стрѣлкѣ или къ камню является фантазіей, становится безспорнымъ фактомъ по отношенію къ мозгу: совершающееся по роковымъ законамъ необходимости движеніе матеріи, дѣйствительно, сопровождается въ немъ тѣмъ, что называется свободной дѣятельностью мысли. А что касается довольно естественнаго на первый взглядъ удивленія по поводу матеріалистическаго разсужденія идеалиста Лейбница, то нужно помнить, что,—какъ мы уже говорили,—всѣ послѣдовательные идеалисты были монистами, т. е. что въ ихъ міросозерцаніи совсѣмъ не было мѣста для той непереходимой пропасти, которая отдѣляетъ матерію отъ духа согласно воззрѣніямъ дуалистовъ. По мнѣнію дуалиста, данный аггрегатъ матеріи можетъ оказаться способнымъ къ мышленію только въ томъ случаѣ, если въ него вселится частица духа: матерія и духъ въ глазахъ дуалиста—двѣ совершенно самостоятельныя субстанціи, не имѣющія ничего общаго между собою. Сравненіе Лейбница покажется ему дикимъ по той простой причинѣ, что магнитная стрѣлка никакой души не имѣетъ. Но представьте себѣ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, который разсуждаетъ такъ: стрѣлка—дѣйствительно нѣчто совершенно матеріальное. Но что такое сама матерія? Я думаю, что она обязана своимъ существованіемъ духу, и не въ томъ смыслѣ, что она создана духомъ, а въ томъ, что она сама есть тотъ же духъ, но только существующій въ другомъ видѣ. Этотъ видъ не соотвѣтствуетъ его истинной природѣ, онъ даже прямо противоположенъ ей, но это не мѣшаетъ ему быть видомъ существованія духа, потому что, по самой природѣ своей, духъ долженъ превращаться въ свою собственную противоположность.—Васъ можетъ удивить и это разсужденіе, но вы во всякомъ случаѣ согласитесь, что человѣкъ, признающій его убѣдительнымъ, человѣкъ, видящій въ матеріи лишь «инобытіе духа», не смутится тѣми объясненіями, которыя матеріи приписываютъ функціи духа, или функціи этого послѣдняго ставятъ въ тѣсную зависимость отъ законовъ матеріи. Такой человѣкъ можетъ принять матеріалистическое объясненіе психическихъ явленій и въ то же время придать ему (съ натяжками или безъ натяжекъ—это другой вопросъ) строго идеалистическій смыслъ. Такъ и поступали нѣмецкіе идеалисты.

Психическая дѣятельность человѣка подчинена законамъ матеріальной необходимости. Но это ни мало не уничтожаетъ человѣ-

ческой свободы. Законы матеріальной необходимости сами суть не что иное, какъ законы дѣятельности духа. Свобода предполагаетъ необходимость, необходимость цѣликомъ переходитъ въ свободу, и потому свобода человѣка въ дѣйствительности несравненно шире, чѣмъ полагаютъ дуалисты, которые, стремясь отграничить свободную дѣятельность отъ необходимой, тѣмъ самымъ отрываютъ отъ царства свободы всю ту,—даже по ихъ мнѣнію, очень широкую—область, которую они отводятъ необходимости.

Такъ разсуждали идеалисты-діалектики. Какъ видитъ читатель, они крѣпко держались за «магнитную стрѣлку» Лейбница; только стрѣлка эта совершенно преображалась, такъ сказать, одухотворялась въ ихъ рукахъ.

Но преображеніе стрѣлки еще не разрѣшало всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ вопросомъ объ отношеніи свободы къ необходимости. Положимъ, что отдѣльный человѣкъ совершенно свободенъ, несмотря на свое подчиненіе законамъ необходимости, болѣе того—именно вслѣдствіе этого подчиненія. Но въ обществѣ, а слѣдовательно и въ исторіи мы имѣемъ дѣло не съ индивидуумомъ, а съ цѣлой массой индивидуумовъ. Спрашивается, не нарушается ли свобода каждаго свободою остальныхъ? Я вознамѣрился сдѣлать то и то, напримѣръ, осуществить истину и справедливость въ общественныхъ отношеніяхъ. Это мое намѣреніе свободно принято мною и не менѣе свободны будутъ тѣ мои дѣйствія, съ помощью которыхъ я буду стараться осуществить его. Но мои ближніе мѣшаютъ мнѣ въ преслѣдованіи моей цѣли. Они возстали противъ моего намѣренія такъ же свободно, какъ я его принялъ. И такъ же свободны ихъ, направленныя противъ меня, дѣйствія. Какъ я преодолѣю создаваемыя ими препятствія? Разумѣется, я буду спорить съ ними, убѣждать, можетъ, быть даже упрашивать или стращать ихъ. Но какъ знать, приведетъ ли это къ чему-нибудь? Французскіе просвѣтители говорили: la raison finira par avoir raison. Но, вѣдь, для того, чтобы мой разумъ восторжествовалъ, мнѣ нужно, чтобы мои ближніе признали его также и своимъ разумомъ. А какія у меня основанія надѣяться на это? Поскольку ихъ дѣятельность свободна,—а она совершенно свободна,—поскольку, невѣдомыми мнѣ путями, матеріальная необходимость перешла въ свободу,—а она, по предположенію, цѣликомъ перешла въ нее,—постольку поступки моихъ согражданъ ускользаютъ отъ всякаго предвидѣнія. Я могъ бы надѣяться предвидѣть

ихъ только при томъ условіи, если бы я могъ разсматривать ихъ такъ, какъ я разсматриваю всѣ другія явленія окружающаго меня міра, т. е. какъ необходимыя слѣдствія опредѣленныхъ причинъ, которыя уже извѣстны или могутъ быть извѣстны мнѣ. Иначе сказать, моя свобода не была бы пустымъ словомъ только въ томъ случаѣ, если бы ея сознаніе могло сопровождаться пониманіемъ причинъ, вызывающихъ свободные поступки моихъ ближнихъ, т. е. если бы я могъ разсматривать ихъ со стороны ихъ необходимости. Совершенно то же могутъ сказать мои ближніе о моихъ поступкахъ. А это что означаетъ? Это означаетъ, что возможность свободной (сознательной) исторической дѣятельности всякаго даннаго лица сводится къ нулю въ томъ случаѣ, если въ основѣ свободныхъ человѣческихъ поступковъ не лежитъ доступная пониманію дѣятеля необходимость.

Мы видѣли, что метафизическій французскій матеріализмъ приводилъ собственно къ фатализму. Въ самомъ дѣлѣ, если судьба цѣлаго народа зависитъ отъ одного шального атома, то намъ остается только скрестить на груди руки, потому что мы рѣшительно не въ состояніи и никогда не будемъ въ состояніи ни предвидѣть такія продѣлки отдѣльныхъ атомовъ, ни предупреждать ихъ.

Теперь мы видимъ, что идеализмъ можетъ привести къ такому же фатализму. Если въ поступкахъ моихъ согражданъ нѣтъ ничего необходимаго или если они недоступны моему пониманію со стороны ихъ необходимости, то мнѣ остается уповать на благое Провидѣніе: самые разумные мои планы, самыя благородныя мои желанія разобьются о совершенно непредвидѣнныя дѣйствія милліоновъ другихъ людей. Тогда, по выраженію, Лукреція изо всего можетъ выйти все.

И интересно, что чѣмъ болѣе идеализмъ сталъ бы оттѣнять сторону свободы въ теоріи, тѣмъ болѣе онъ вынужденъ былъ бы сводить ее на нѣтъ въ области практической дѣятельности, гдѣ онъ не въ силахъ былъ бы совладать со случайностью, вооруженной всею силою свободы.

Это прекрасно понимали идеалисты-діалектики. Въ ихъ практической философіи необходимость является вѣрнѣйшимъ, единственнымъ надежнымъ залогомъ свободы. Даже нравственный долгъ не можетъ успокоить меня относительно результатовъ моихъ дѣйствій,—говорилъ Шеллингъ,—если результаты эти зависятъ только отъ свободы. «Въ свободѣ должна быть необходимость».

Но о какой же собственно необходимости можетъ идти рѣчь въ этомъ случаѣ? Едва ли много утѣшенія принесетъ мнѣ постоянное повтореніе той мысли, что извѣстныя волевыя движенія необходимо соотвѣтствуютъ извѣстнымъ движеніямъ мозгового вещества. На такомъ отвлеченномъ положеніи нельзя построить никакихъ практическихъ разсчетовъ, а дальше мнѣ нѣтъ и ходу съ этой стороны, потому что голова моего ближняго не стеклянный улей, а его мозговыя фибры не пчелы, и я не могъ бы наблюдать ихъ движенія даже въ томъ случаѣ, если бы я твердо зналъ,—а мы всѣ еще далеки отъ этого,—что вотъ, вслѣдъ за такимъ-то движеніемъ такого-то нервнаго волокна, послѣдуетъ такое-то намѣреніе въ душѣ моего согражданина. Надо, стало быть, подойти къ изученію необходимости человѣческихъ дѣйствій съ другой стороны.

Тѣмъ болѣе надо, что сова Минервы вылетаетъ, какъ мы знаемъ, только вечеромъ, т. е. что общественныя отношенія людей *не представляютъ собою плода ихъ сознательной дѣятельности*. Люди сознательно преслѣдуютъ свои частныя, личныя цѣли. Каждый изъ нихъ сознательно стремится, положимъ, къ округленію своего состоянія, а изъ совокупности ихъ отдѣльныхъ дѣйствій выходятъ извѣстные общественные результаты, которыхъ они, можетъ быть, совсѣмъ не желали и, навѣрное, не предвидѣли. Зажиточные римскіе граждане скупали земли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Каждый изъ нихъ зналъ, конечно, что, благодаря его содѣйствіямъ, такіе-то Тулій и Юлій становятся безземельными пролетаріями. Но кто изъ нихъ предвидѣлъ, что латифундіи погубятъ республику, а съ нею и Италію? Кто изъ нихъ давалъ, кто *могъ* дать себѣ отчетъ относительно историческихъ послѣдствій своего пріобрѣтательства? Никто не могъ; никто не давалъ. А между тѣмъ послѣдствія были: благодаря латифундіямъ, погибла и республика, и Италія.

Изъ сознательныхъ свободныхъ поступковъ отдѣльныхъ людей необходимо вытекаютъ неожиданныя для нихъ, непредвидѣнныя ими послѣдствія, касающіяся всего общества, т. е. вліяющія на совокупность взаимныхъ отношеній тѣхъ же людей. *Изъ области свободы мы переходимъ такимъ образомъ въ область необходимости.*

Если несознаваемыя людьми общественныя послѣдствія ихъ индивидуальныхъ дѣйствій ведутъ къ измѣненію общественнаго строя,—что происходитъ всегда, хотя далеко не одинаково быстро,—то передъ людьми выростаютъ новыя индивидуальныя цѣли. Ихъ

свободная сознательная дѣятельность необходимо пріобрѣтаетъ новый видъ. Изъ области необходимости мы опять переходимъ въ область свободы.

Всякій необходимый процессъ есть процессъ законосообразный. Измѣненія общественныхъ отношеній, непредвидимыя людьми, но необходимо являющіяся въ результатѣ ихъ дѣйствій, очевидно совершаются по опредѣленнымъ законамъ. Теоретическая философія должна открыть ихъ.

Измѣненія, вносимыя въ жизненныя цѣли, въ свободную дѣятельность людей измѣнившимися общественными отношеніями,— очевидно тоже. Другими словами: переходъ необходимости въ свободу тоже совершается по опредѣленнымъ законамъ, которые могутъ и должны быть открыты теоретической философіей.

А разъ теоретическая философія исполнитъ эту задачу, она дастъ совершенно новую, непоколебимую основу философіи практической. Разъ мнѣ извѣстны законы общественно-историческаго движенія, я могу вліять на него сообразно моимъ цѣлямъ, не смущаясь ни продѣлками шальныхъ атомовъ, ни тѣмъ соображеніемъ, что мои соотечественники, въ качествѣ существъ, одаренныхъ свободной волей, готовятъ мнѣ каждую данную минуту цѣлые вороха самыхъ удивительныхъ сюрпризовъ. Я, разумѣется, не въ состояніи буду поручиться за каждаго отдѣльнаго соотечественника, особенно если онъ принадлежитъ къ «интеллигентному классу», но въ общихъ чертахъ мнѣ будетъ извѣстно направленіе общественныхъ силъ, и мнѣ останется только опереться на ихъ равнодѣйствующую для достиженія моихъ цѣлей.

И такъ, если я могу придти, напримѣръ, къ тому отрадному убѣжденію, что въ Россіи, не въ примѣръ прочимъ странамъ, восторжествуютъ «устои», то лишь постольку, поскольку мнѣ удастся понять дѣйствія доблестныхъ «россовъ», какъ дѣйствія законосообразныя, разсмотрѣть ихъ съ точки зрѣнія необходимости, а не съ точки зрѣнія свободы. Всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы,—говоритъ Гегель,—прогрессъ, который мы должны понять въ его необходимости».

Далѣе. Какъ бы хорошо мы ни изучили «природу человѣка», мы все-таки будемъ далеки отъ пониманія тѣхъ общественныхъ результатовъ, которые вытекаютъ изъ дѣйствій отдѣльныхъ людей. Положимъ, что мы признали вмѣстѣ съ экономистами старой школы, что стремленіе къ наживѣ есть главный отличительный признакъ

человѣческой природы. Будемъ-ли мы въ состояніи предвидѣть тѣ формы, которыя приметъ это стремленіе? При данныхъ, опредѣленныхъ, извѣстныхъ намъ общественныхъ отношеніяхъ,—да; но эти данныя, опредѣленныя, извѣстныя намъ общественныя отношенія сами будутъ измѣняться подъ напоромъ «человѣческой природы», подъ вліяніемъ пріобрѣтательской дѣятельности гражданъ. Въ какую сторону измѣнятся они? Это намъ будетъ также мало извѣстно, какъ и то новое направленіе, которое приметъ стремленіе къ наживѣ при новыхъ, измѣнившихся общественныхъ отношеніяхъ. Совершено въ такомъ же положеніи очутимся мы, если, вмѣстѣ съ нѣмецкими катедеръ-соціалистами, станемъ твердить, что природа человѣка не исчерпывается однимъ стремленіемъ къ наживѣ, что у него есть также и «общественное чувство» (Gemeinsinn). Это будетъ новая погудка на старый ладъ. Чтобы выйти изъ неизвѣстности, прикрываемой болѣе или менѣе ученой терминологіей, намъ отъ изученія природы человѣка надо перейти къ изученію природы общественныхъ отношеній, намъ надо понять эти отношенія, какъ законосообразный, необходимый процессъ. А это возвращаетъ насъ къ вопросу: отъ чего зависитъ, чѣмъ опредѣляется природа общественныхъ отношеній?

Мы видѣли, что ни матеріалисты прошлаго вѣка, ни соціалисты-утописты не дали удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Удалось-ли разрѣшить его идеалистамъ-діалектикамъ?

Нѣтъ, не удалось и имъ, и не удалось именно потому, что они были идеалистами. Чтобы выяснить себѣ ихъ взглядъ, припомнимъ вышеупомянутый споръ о томъ, что отъ чего зависитъ—конституція отъ нравовъ, или нравы отъ конституціи. Гегель справедливо замѣчалъ по поводу этого спора, что вопросъ въ немъ поставленъ совершенно неправильно, такъ какъ въ дѣйствительности хотя нравы даннаго народа несомнѣнно вліяютъ на его конституцію, а конституція на нравы даннаго народа, но и тѣ, и другіе представляютъ собою результатъ чего-то «третьяго», нѣкоторой особой силы, которая создаетъ и нравы, вліяющіе на конституцію, и конституцію, вліяющую на нравы. Но какова, по Гегелю, эта особая сила, эта послѣдняя основа, на которой держится и природа людей, и природа общественныхъ отношеній? Эта сила есть «Понятіе» или,—что то же,—«Идея», осуществленіемъ которой является вся исторія даннаго народа. Каждый народъ осуществляетъ свою особую идею, а каждая особая идея, идея каждаго отдѣльнаго

народа, представляетъ собою ступень въ развитіи Абсолютной Идеи. Исторія оказывается, такимъ образомъ, какъ бы прикладною логикой: объяснить извѣстную историческую эпоху—значитъ показать, какой стадіи логическаго развитія Абсолютной Идеи она соотвѣтствуетъ. Но что же такое эта «Абсолютная Идея»? Не что иное, какъ олицетвореніе нашего собственнаго логическаго процесса. Вотъ что говоритъ о ней человѣкъ, самъ основательно прошедшій школу идеализма, самъ страстно увлекавшійся имъ, но ужъ рано замѣтившій, въ чемъ заключается коренной недостатокъ этого философскаго направленія:

«Когда я, на основаніи знакомства съ дѣйствительными яблоками, грушами, земляникой, миндалемъ, вырабатываю въ себѣ представленіе: Плодъ; когда я затѣмъ иду дальше и воображаю, что мое... отвлеченное представленіе: «Плодъ» существуетъ внѣ меня и даже составляетъ истинную сущность грушъ, яблоковъ и т. д., то я, — выражаясь языкомъ умозрительный философіи, — объявляю «Плодъ» «Субстанціей» грушъ, яблоковъ миндаля и т. д. Я говорю: для груши не существенно то обстоятельство, что она является въ видѣ груши, для яблока не существенно быть яблокомъ. Существенно въ нихъ... мною отъ нихъ же отвлеченное представленіе: «Плодъ». И я объявляю яблоки, груши, миндаль и т. д. простыми видами существованія—Modi «Плода». Мой конечный, опирающійся на внѣшнія чувства, разсудокъ отличаетъ, конечно, яблоко отъ груши, а грушу отъ миндаля, но мой спекулятивный разумъ объявляетъ эти различія неважными, несущественными, онъ видитъ въ яблокѣ то же, что и въ грушѣ, въ грушѣ то же, что и въ миндалѣ: «Плодъ». Различные дѣйствительные плоды разсматриваются имъ лишь какъ плоды—призраки, истиной, сущностью, «Субстанціей» которыхъ является «Плодъ».

«Ясно, что, идя по этому пути, не наживешь большого богатства знаній. Минералогъ, который умѣлъ бы только повторять, что всѣ минералы, въ сущности, представляютъ собою Минералъ, былъ бы минералогомъ только въ своемъ собственномъ воображеніи... Поэтому умозрительная философія,—дѣлающая изъ различныхъ дѣйствительныхъ плодовъ единый отвлеченный «Плодъ»,—чтобы придти къ какому-нибудь положительному содержанію, должна пытаться тѣмъ или другимъ способомъ снова перейти отъ «Плода», отъ «Субстанціи» къ различнымъ дѣйствительнымъ грѣшнымъ плодамъ: къ яблоку, къ грушѣ, къ миндалю и т. д. Но заставить отвлеченное представленіе «Плодъ» породить дѣйствительные плоды

также трудно, какъ легко создать это представленіе на основаніи знакомства съ дѣйствительными плодами. Не покинувъ абстракціи, нельзя придти къ тому, что составляетъ ея прямую противоположность. Поэтому умозрительный философъ и покидаетъ ее, но покидаетъ на особый умозрительный, мистическій ладъ... Онъ только, повидимому, возвышается надъ абстракціей. Онъ разсуждаетъ такъ:

«Если яблоко, груша, миндаль, земляника на самомъ дѣлѣ суть не что иное, какъ «Субстанція», «Плодъ», то спрашивается, почему же плодъ является мнѣ то яблокомъ, то грушей, то миндалемъ; откуда берется этотъ призракъ разнообразія, который сильно противорѣчитъ моему умозрительному представленію Единства, «Субстанціи», «Плода»?

«Это происходитъ отъ того,—отвѣчаетъ умозрительный философъ, что «Плодъ» есть не мертвая, безразличная, неподвижная, а живая, сама изъ себя развивающаяся, подвижная сущность. Разнообразіе дѣйствительныхъ грѣшныхъ плодовъ имѣетъ значеніе не только для моего конечнаго разсудка, но и для самаго «Плода», для умозрительнаго разума. Различные грѣшные плоды представляютъ собою различныя проявленія жизни единаго Плода... въ яблокѣ Плодъ даетъ себѣ яблоковидное, въ грушѣ—грушевидное бытіе... Онъ полагаетъ себя въ видѣ яблока, груши, миндаля; различія, существующія между этими плодами, суть лишь саморазличенія плода, и именно потому различные плоды являются различными членами процесса жизни «Плода»...

Все это очень ѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно справедливо. Олицетворяя нашъ собственный мыслительный процессъ въ видѣ Абсолютной Идеи и ища въ этой Идеѣ разгадки всѣхъ явленій, идеализмъ тѣмъ самымъ заводилъ себя въ тупой переулокъ, изъ котораго выбраться можно было только покинувъ «Идею», т. е. распростившись съ идеализмомъ. Вотъ, напримѣръ, объясняютъ-ли вамъ сколько нибудь природу магнетизма слѣдующія слова Шеллинга: «магнетизмъ есть общій актъ одушевленія, внѣдренія Единства во Множество, Понятія въ Различіе? То самое вторженіе субъективнаго въ объективное, которое въ идеальномъ... есть самосознаніе, является здѣсь выраженнымъ въ бытіи»? Неправда-ли, эти слова ровно ничего не объясняютъ? Такъ же мало удовлетворительны подобныя объясненія и въ области исторіи. Отчего пала Греція? Оттого, что та идея, которая составляла принципъ греческой жизни, центръ греческаго духа (Идея прекра-

снаго), могла быть лишь очень непродолжительной фазой въ развитіи всемірнаго духа. Подобные отвѣты только повторяютъ вопросъ въ положительной и притомъ напыщенной, ходульной формѣ. Гегель,—которому принадлежитъ только что приведенное объясненіе паденія Греціи,—какъ будто и самъ чувствуетъ это и спѣшитъ дополнить свое идеалистическое объясненіе ссылкой на экономическую дѣйствительность древней Греціи: «Лакедемонъ палъ главнымъ образомъ вслѣдствіе неравенства имуществъ»—говоритъ онъ. Итакъ поступаетъ онъ не только тамъ, гдѣ дѣло касается Греціи. Это, можно сказать, его неизмѣнный пріемъ въ философіи исторіи: сначала нѣсколько туманныхъ ссылокъ на свойства Абсолютной Идеи, а затѣмъ—гораздо болѣе пространныя и, конечно, гораздо болѣе убѣдительныя указанія на характеръ и развитіе имущественныхъ отношеній у того народа, о которомъ идетъ рѣчь. Собственно въ объясненіяхъ этого послѣдняго рода нѣтъ уже ровно ничего идеалистическаго, и, прибѣгая къ нимъ, Гегель,—говорившій, что «идеализмъ оказывается истиной матеріализма»,—подписывалъ свидѣтельство о бѣдности именно идеализму, какъ бы молчаливо признавая, что въ сущности дѣло обстоитъ совсѣмъ наоборотъ, что матеріализмъ оказывается истиной идеализма.

Впрочемъ, матеріализмъ, къ которому подходилъ здѣсь Гегель, былъ совершенно неразвитый, зачаточный матеріализмъ, немедленно снова переходившій въ идеализмъ, какъ только оказывалось нужнымъ объяснить, откуда же берутся тѣ или другія имущественныя отношенія. Правда, и тутъ Гегелю случалось нерѣдко высказывать совершенно матеріалистическіе взгляды. Но, говоря вообще, имущественныя отношенія разсматриваются имъ, какъ осуществленіе правовыхъ понятій, которыя развиваются своей собственной внутренней силой.

Итакъ, что же мы узнали объ идеалистахъ-діалектикахъ?

Они покинули точку зрѣнія человѣческой природы и, благодаря этому, отдѣлались отъ утопическаго взгляда на общественныя явленія, стали разсматривать общественную жизнь, какъ необходимый процессъ, имѣющій свои собственные законы. Но окольнымъ путемъ олицетворенія процесса нашего логическаго мышленія (т. е одной изъ сторонъ человѣческой природы) они вернулись къ той же неудовлетворительной точкѣ зрѣнія, и потому имъ осталась непонятной истинная природа общественныхъ отношеній.

Теперь опять маленькое отступленіе въ область нашего домашняго, россійскаго любомудрія.

Г. Михайловскій слышалъ отъ г. Филиппова, который, въ свою очередь, слышалъ отъ американца Фрэзера, что вся философія Гегеля сводится къ «гальваническому мистицизму». Уже изъ того, что мы сказали о задачахъ, которыя ставила себѣ идеалистическая нѣмецкая философія, читатель видитъ, какъ вздорно мнѣніе Фрэзера. Гг. Филипповъ и Михайловскій сами чувствуютъ, что ихъ американецъ «хватилъ черезъ край»: «Достаточно вспомнить преемственный ходъ и вліяніе (на Гегеля) предыдущей метафизики, начиная съ древнихъ, съ Гераклита ..»—говоритъ г. Михайловскій, тутъ же прибавляя, однако: «Тѣмъ не менѣе указанія Фрэзера въ высшей степени интересны и, несомнѣнно, заключаютъ въ себѣ извѣстную долю истины». Надо сознаться, хотя нельзя не признаться... Щедринъ давно уже осмѣялъ эту «формулу». Но что прикажете дѣлать его бывшему сотруднику, г. Михайловскому, который взялся истолковать «непосвященнымъ» философа, извѣстнаго ему только по-наслышкѣ? Поневолѣ будешь повторять съ ученымъ видомъ знатока ничего не говорящія фразы...

Вспомнимъ, однако, «преемственный ходъ» развитія нѣмецкаго идеализма. «Опыты гальванизма производятъ впечатлѣніе на всѣхъ мыслящихъ людей Европы, въ томъ числѣ и на, молодого тогда, нѣмецкаго философа Гегеля,—говоритъ г. Михайловскій.—Гегель создаетъ колоссальную метафизическую систему, гремящую на весь міръ, такъ что отъ нея нѣтъ проходу даже на берегахъ Москвы рѣки»... Тутъ дѣло изображается такъ, какъ будто Гегель непосредственно отъ физиковъ заразился «гальваническимъ мистицизмомъ». Но, вѣдь, система Гегеля представляетъ собою лишь дальнѣйшее развитіе взглядовъ Шеллинга; ясно, что зараза должна была подѣйствовать прежде на этого послѣдняго. Она и подѣйствовала, успокоительно отвѣчаетъ г. Михайловскій или г. Филипповъ или Фрэзеръ: «Шеллингъ, и особенно нѣкоторые врачи, бывшіе его учениками, довели ученіе о полярности до послѣдней крайности». Хорошо. Но предшественникомъ Шеллинга былъ, какъ извѣстно, Фихте. Какъ на него повліяла гальваническая зараза? На этотъ счетъ ничего не говоритъ г. Михайловскій: вѣроятно, онъ думаетъ, что никакъ не повліяла. И онъ совершенно правъ, если дѣйствительно такъ думаетъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать одно изъ первыхъ философскихъ сочиненій Фихте: «Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre», Leip-

zig 1794. Въ этомъ сочиненіи никакой микроскопъ не откроетъ вліянія «гальванизма», а между тѣмъ и тамъ фигурируетъ та же самая пресловутая «тріада», которая, по мнѣнію г. Михайловскаго, составляетъ главный отличительный признакъ гегелевой философіи, и родословную которой Фрэзеръ, будто бы съ «значительной долей истины», ведетъ отъ «опытовъ Гальвани и Вольты»... Надо сознаться, что все это очень странно, хотя и нельзя не признаться, что все-таки Гегель и проч. и проч.

Читатель уже знаетъ, какъ смотрѣлъ Шеллингъ на магнетизмъ Недостатокъ нѣмецкаго идеализма заключался совсѣмъ не въ томъ, что въ его основѣ лежало, будто бы, излишнее, неосновательное, принявшее мистическую форму, увлеченіе естественно-научными открытіями того времени, а, какъ разъ наоборотъ, въ томъ, что онъ всѣ явленія природы и исторіи старался объяснить съ помощью олицетвореннаго имъ процесса мышленія.

Въ заключеніе—отрадное извѣстіе. Г. Михайловскій нашелъ что «метафизика и капитализмъ находятся въ тѣснѣйшей связи между собой; что, говоря языкомъ экономическаго матеріализма, метафизика есть необходимая составная часть «надстройки» надъ капиталистической формой производства, хотя въ то же время капиталъ поглощаетъ, приспособляетъ къ себѣ всѣ техническія приложенія враждебной метафизикѣ науки, основывающейся на опытѣ и наблюденіи». Г. Михайловскій обѣщаетъ поговорить объ «этомъ любопытномъ противорѣчіи» когда нибудь въ другой разъ. По истинѣ, «любопытно» будетъ изслѣдованіе г. Михайловскаго! Подумайте сами: то, что онъ называетъ метафизикой, получило блестящее развитіе въ древней Греціи и въ Германіи XVIII и первой половины XIX вѣка. До сихъ поръ думали, что древняя Греція вовсе не была капиталистической страной, а въ Германіи указаннаго времени капитализмъ только что началъ развиваться. Изслѣдованіе г. Михайловскаго покажетъ, что съ точки зрѣнія «субъективной соціологіи» это совсѣмъ невѣрно, что именно древняя Греція и Германія временъ Фихте-Гегеля были классическими странами капитализма. Вы видите теперь, «почему сіе важно». Пусть же поторопится нашъ авторъ опубликовать свое замѣчательное открытіе. **Спой, свѣтикъ, не** стыдись!

ГЛАВА V.

Современный матеріализмъ.

Несостоятельность идеалистической точки зрѣнія въ дѣлѣ объясненія явленій природы и общественнаго развитія должна была заставить и дѣйствительно заставила мыслящихъ людей (т. е. не эклектиковъ, не дуалистовъ) вернуться къ матеріалистическому взгляду на міръ. Но новый матеріализмъ не могъ уже быть простымъ повтореніемъ ученій французскихъ матеріалистовъ конца XVII вѣка. Матеріализмъ воскресъ, обогащенный всѣми пріобрѣтеніями идеализма. Важнѣйшимъ изъ этихъ пріобрѣтеній былъ діалектическій методъ, разсмотрѣніе явленій въ ихъ развитіи, въ ихъ возникновеніи и уничтоженіи. Геніальнымъ представителемъ этого новаго направленія былъ Карлъ Марксъ.

Марксъ не первый возсталъ противъ идеализма. Знамя возстанія было поднято Людвигомъ Фейербахомъ. Затѣмъ, нѣсколько позже Фейербаха, выступили на литературную сцену братья Бауэры, взгляды которыхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны современнаго русскаго читателя.

Взгляды Бауэровъ были реакціей противъ идеализма Гегеля. И тѣмъ не менѣе они сами были насквозь пропитаны очень поверхностнымъ, одностороннимъ, эклектическимъ идеализмомъ.

Мы видѣли, что великимъ нѣмецкимъ идеалистамъ не удалось понять истинную природу, найти реальную основу общественныхъ отношеній. Они видѣли въ общественномъ развитіи необходимый, законосообразный процессъ и, въ этомъ случаѣ, они были совершенно правы. Но когда заходила рѣчь объ основномъ двигателѣ историческаго развитія, они обращались къ Абсолютной Идеѣ, свойства которой должны были дать послѣднее, самое глубокое объясненіе этого процесса. Въ этомъ заключалась слабая сторона идеализма, противъ которой и направилась прежде всего философская рево-

люція: крайнее лѣвое крыло гегелевской школы рѣшительно возстало противъ «Абсолютной Идеи».

Абсолютная Идея существуетъ (если, конечно, существуетъ) внѣ времени и пространства и, ужъ во всякомъ случаѣ, внѣ головы каждаго отдѣльнаго человѣка. Воспроизводя въ своемъ историческомъ развитіи ходъ логическаго развитія идеи, человѣчество повинуется чуждой ему, внѣ его стоящей силѣ. Возставая противъ Абсолютной Идеи, молодые гегельянцы возстали прежде всего во имя самодѣятельности людей, во имя конечнаго человѣческаго разума.

«Умозрительная философія, — писалъ Эдгаръ Бауэръ, — очень ошибается, говоря о разумѣ, какъ о нѣкоторой отвлеченной, абсолютной силѣ... Разумъ не есть объективная, отвлеченная сила, по отношенію къ которой человѣкъ представлялъ бы собою лишь нѣчто субъективное, случайное, преходящее; нѣтъ, господствующая сила есть именно самъ человѣкъ, его самосознаніе, а разумъ есть лишь сила этого самосознанія. Слѣдовательно нѣтъ никакого Абсолютнаго Разума, а есть лишь разумъ, вѣчно видоизмѣняющійся съ развитіемъ самосознанія; онъ вовсе не существуетъ въ окончательномъ видѣ, онъ вѣчно видоизмѣняется» [1]).

Итакъ, нѣтъ Абсолютной Идеи, нѣтъ отвлеченнаго Разума, а есть только самосознаніе людей, конечный, вѣчно измѣняющійся человѣческій разумъ. Это вполнѣ справедливо; противъ этого не сталъ бы спорить даже г. Михайловскій, который, какъ мы уже знаемъ, противъ всего «можетъ спорить»... съ болѣе или менѣе сомнительнымъ успѣхомъ. Но странное дѣло! Чѣмъ болѣе мы оттѣняемъ эту справедливую мысль, тѣмъ затруднительнѣе становится наше положеніе. У старыхъ нѣмецкихъ идеалистовъ къ Абсолютной Идеѣ пріурочивалась законосообразность всякаго процесса въ природѣ и въ исторіи. Спрашивается, къ чему будемъ пріурочивать мы эту законосообразность, разрушивъ ея носительницу, Абсолютную Идею? Положимъ, что по отношенію къ природѣ удовлетворительный отвѣтъ можетъ быть данъ въ нѣсколькихъ словахъ: мы пріурочиваемъ ее къ свойствамъ матеріи. Но по отношенію къ исторіи дѣло выходитъ далеко не такъ просто: господствующей силойвъ исторіи оказывается человѣческое самосознаніе, вѣчно измѣняющійся, конечный человѣческій разумъ. Есть-ли какая-нибудь законосообразность въ развитіи

---

[1]) Der Streit der Kritik mit Kirche und Staat. Von Edgar Bauer. Bern, 1844. S. 184.

этого разума? Эдгаръ Бауэръ отвѣтилъ бы, разумѣется, утвердительно, потому что для него человѣкъ, а слѣдовательно, и его разумъ, вовсе не былъ, какъ мы видѣли, чѣмъ-то случайнымъ. Но если бы вы попросили того же Бауэра выяснить вамъ свое понятіе о законосообразности въ развитіи человѣческаго разума, если бы вы спросили его, напримѣръ, почему въ данную историческую эпоху разумъ развивался такъ, а въ другую иначе, то не получили бы отъ него, собственно говоря, никакого отвѣта. Онъ сказалъ бы вамъ, что «вѣчно развивающійся человѣческій разумъ создаетъ общественныя формы», что «историческій разумъ есть движущаяся сила всемірной исторіи», и что, поэтому, всякій данный общественный строй оказывается отжившимъ свой вѣкъ, какъ только разумъ дѣлаетъ новый шагъ въ своемъ развитіи [1]). Но всѣ эти и тому подобныя увѣренія были бы не отвѣтомъ на вопросъ, а блужданіемъ вокругъ вопроса о томъ, отчего человѣческій разумъ дѣлаетъ новые шаги въ своемъ развитіи, и почему онъ дѣлаетъ ихъ въ ту, а не въ другую сторону. Вынужденный вами считаться именно съ этимъ вопросомъ, Э. Бауэръ поспѣшилъ бы отдѣлаться безсодержательной ссылкой на свойства конечнаго, вѣчно измѣняющагося человѣческаго разума, подобно тому какъ старые идеалисты отдѣлывались ссылкой на свойства Абсолютной Идеи.

Считать разумъ движущей силой всемірной исторіи и объяснять его развитіе какими-то особыми, ему самому присущими, внутренними свойствами, значило превращать его въ нѣчто безусловное или, другими словами, воскрешать въ новомъ видѣ ту самую Абсолютную Идею, которую только-что объявили похороненной на вѣки. Главнѣйшимъ недостаткомъ этой воскресшей Абсолютной Идеи было то обстоятельство, что она мирно уживалась съ самымъ абсолютнымъ дуализмомъ, точнѣе сказать, даже непремѣнно предполагала его. Такъ какъ процессы природы не обусловливаются конечнымъ, вѣчно измѣняющимся человѣческимъ разумомъ, то у насъ оказывается на лицо двѣ силы: въ природѣ—матерія, въ исторіи—человѣческій разумъ, и нѣтъ моста, который соединилъ бы движеніе матеріи съ развитіемъ разума, царство необходимости съ царствомъ свободы. Вотъ почему мы и сказали, что взгляды Бауера были насквозь пропитаны очень поверхностнымъ, одностороннимъ, эклектическимъ идеализмомъ.

Мнѣніе правитъ міромъ,—такъ говорили французскіе просвѣ-

[1]) L. c. S. 185.

тители. Такъ же говорили, какъ мы видимъ, и братья Бауеры, возставшіе противъ гегелевскаго идеализма. Но если мнѣніе правитъ міромъ, то главными двигателями исторіи являются тѣ люди, мысль которыхъ критикуетъ старыя и создаетъ новыя мнѣнія. Братьи Бауэры, дѣйствительно, такъ и думали. Сущность историческаго процесса сводилась для нихъ къ переработкѣ «критическимъ духомъ» существующаго запаса мнѣній и обусловленныхъ этимъ запасомъ формъ общежитія. Эти взгляды Бауэровъ были цѣликомъ перенесены въ русскую литературу авторомъ «Историческихъ писемъ», который, впрочемъ, говорилъ уже не о критическомъ «духѣ», а о критической «мысли», по той причинѣ, что говорить о духѣ было запрещено «Современникомъ».

Разъ вообразивъ себя главнымъ архитекторомъ, Деміургомъ исторіи, «критически мыслящій» человѣкъ тѣмъ самымъ выдѣляетъ себя и себѣ подобныхъ въ особую, высшую разновидность человѣческаго рода. Этой высшей разновидности противостоитъ чуждая критической мысли масса, способная лишь играть роль глины въ творческихъ рукахъ «критически мыслящихъ» личностей,— «героямъ» противостоитъ «толпа». Какъ ни любитъ герой толпу, какъ ни полонъ онъ сочувствія къ ея вѣковой нуждѣ, къ ея безпрерывнымъ страданіямъ,—онъ не можетъ не смотрѣть на нее сверху внизъ, не можетъ не сознавать, что все дѣло въ немъ, въ героѣ, между тѣмъ какъ толпа есть чуждая всякаго творческаго элемента масса, что-то въ родѣ огромнаго количества нулей, получающихъ благотворное значеніе только въ томъ случаѣ, когда во главѣ ихъ снисходительно становится добрая, «критически мыслящая» единица. Эклектическій идеализмъ братьевъ Бауэръ былъ основою страшнаго, можно сказать, отвратительнаго самомнѣнія «критически мыслящей» нѣмецкой «интеллигенціи» сороковыхъ годовъ, а въ настоящее время онъ, черезъ посредство своихъ россійскихъ сторонниковъ, порождаетъ тотъ же недостатокъ и въ интеллигенціи Россіи. Безпощаднымъ врагомъ и обличителемъ этого самомнѣнія явился Марксъ, къ которому мы теперь и переходимъ.

Марксъ говорилъ, что противопоставленіе «критически мыслящихъ» личностей «массѣ» есть не болѣе, какъ каррикатура гегелевскаго взгляда на исторію,—взгляда, который, въ свою очередь, былъ лишь спекулятивнымъ слѣдствіемъ стараго ученія о противоположности Духа и Матеріи. «Уже у Гегеля Абсолютный Духъ исторіи [1])

[1]) То же, что Абсолютная Идея. Н. Б.

относится къ массѣ, какъ къ матеріалу, находя свое истинное выраженіе лишь въ философіи. Однако, у него философъ является лишь органомъ, черезъ посредство котораго творецъ исторіи, Абсолютный Духъ, приходитъ къ самосознанію, по окончаніи движенія. Этимъ, по окончаніи движенія являющимся, сознаніемъ и ограничивается участіе философа въ исторіи, потому что дѣйствительное историческое движеніе Абсолютный Духъ вызываетъ безсознательно [1]). Такимъ образомъ, философъ приходитъ post-festum.— Гегель непослѣдователенъ вдвойнѣ: во-первыхъ, тѣмъ, что онъ, по ученію котораго Абсолютный Духъ только въ философіи достигаетъ самосознанія, а слѣдовательно и существованія, отказывается признать Абсолютнымъ Духомъ дѣйствительнаго философа, индивидуума; а во-вторыхъ, тѣмъ, что у него Абсолютный Духъ только повидимому дѣлаетъ исторію. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ Абсолютный Духъ только въ лицѣ философа и только post festum сознаетъ себя творческимъ Духомъ, то его фабрикація исторіи существуетъ лишь въ сознаніи, въ мнѣніи и представленіи философа, т. е. только въ спекулятивномъ воображеніи. Г. Бруно Бауэръ устраняетъ непослѣдовательность Гегеля [2]). Во-первыхъ, онъ объявляетъ критику Абсолютнымъ Духомъ, а себя самого Критикой. Подобно тому, какъ элементъ критики изгоняется изъ массы,—элементъ массы изгоняется изъ критики. Поэтому Критика видитъ себя воплощенной не въ массѣ, а въ маленькой горсточкѣ избранниковъ, въ г. Бауэрѣ и его ученикахъ. Далѣе, г. Бауэръ устраняетъ другую непослѣдовательность Гегеля: онъ уже не довольствуется ролью гегелевскаго духа, творящаго исторію лишь въ области фантазіи и post festum: онъ сознательно играетъ роль Всемірнаго Духа, въ противоположность къ массѣ остального человѣчества; онъ уже въ настоящемъ становится къ ней въ драматическое отношеніе, онъ сочиняетъ и творитъ исторію по зрѣломъ размышленіи, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. По одну сторону стоитъ Масса, этотъ матеріальный, пассивный, неодухотворенный и неисторическій элементъ исторіи; по другую сторону —Духъ, Критика, г. Бруно и комп., въ качествѣ активнаго элемента, отъ котораго исходитъ всякое историческое дѣйствіе.

---

[1]) Читатель не забылъ вышеприведеннаго выраженія Гегеля: сова Минервы начинаетъ летать только вечеромъ. Г. П.

[2]) Бруно Бауеръ—старшій братъ упоминавшагося выше Эдгара Бауэра, авторъ знаменитой въ свое время „Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker“.

Актъ общественнаго преобразованія сводится къ мозговой дѣятельности критической критики» [1]).

Эти строки производятъ странную иллюзію: кажется, что онѣ написаны не пятьдесятъ лѣтъ, а какой-нибудь мѣсяцъ тому назадъ, и направлены не противъ нѣмецкихъ лѣвыхъ гегельянцевъ, а противъ русскихъ «субъективныхъ» соціологовъ. Иллюзія еще больше усиливается по прочтеніи слѣдующаго отрывка изъ статьи Энгельса:

«Самодовлѣющая Критика естественно не должна признавать исторію, какъ она дѣйствительно совершалась, потому что это значило бы имеино признать пошлую Массу въ ея совершенной массовидной массовидности, между тѣмъ какъ дѣло идетъ какъ разъ объ искупленіи Массы отъ массовидности. Поэтому, исторія освобождается отъ ея массовидности, и критика, свободно относящаяся къ своему предмету, кричитъ исторіи: ты должна была идти такъ и такъ! Законы критики имѣютъ обратное дѣйствіе; до ея декретовъ исторія шла совсѣмъ иначе, чѣмъ она оказывается шедшей послѣ нихъ. Поэтому такъ называемая дѣйствительная, массовидная исторія значительно отличается отъ критической» [2]).

О комъ говорится въ этомъ отрывкѣ? О нѣмецкихъ писателяхъ сороковыхъ годовъ, или же о нѣкоторыхъ современныхъ намъ «соціологахъ», съ апломбомъ разсуждающихъ на ту тему, что, дескать, католикъ представляетъ себѣ ходъ историческихъ событій на одинъ ладъ, протестантъ—на другой, монархистъ—на третій, республиканецъ—на четвертый и что, поэтому, хорошему субъективному человѣку не только можно, но и должно придумать для себя, для своего душевнаго обихода, такую исторію, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы наилучшему изъ идеаловъ? Неужели Энгельсъ предвидѣлъ наши россійскія благоглупости? Нисколько! Онъ, разумѣется, и не думалъ о нихъ, и если его иронія на разстояніи полувѣка попадаетъ не въ бровь, а въ глазъ нашимъ субъективнымъ мыслителямъ, то дѣло объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что въ нашемъ субъективномъ вздорѣ нѣтъ рѣшительно ничего оригинальнаго: онъ

---

[1]) Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten, Von F. Engels und K. Marx. Frankfurt a. Main, 1845. SS. 126—128. Книга эта представляетъ собою сборникъ статей Энгельса и Маркса, направленныхъ противъ различныхъ взглядовъ «критической критики". Цитированное мѣсто заимствовано изъ статьи Маркса противъ статьи Бруно Бауэра. У Маркса же взята приведенная въ предыдущей главѣ страница.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

представляетъ собою не болѣе, какъ лубочный, «суздальскій» снимокъ съ каррикатуры той самой «гегельянщины», противъ которой онъ такъ неудачно воюетъ...

Съ точки зрѣнія «критической Критики» всѣ великія историческія столкновенія сводились къ столкновенію идей. Марксъ замѣчаетъ, что идеи «посрамлялись» всякій разъ, когда онѣ не совпадали съ реальными, экономическими интересами того общественнаго слоя, который является въ данное время носителемъ историческаго прогресса. Только пониманіе этихъ интересовъ и можетъ дать ключъ къ пониманію дѣйствительнаго хода историческаго развитія.

Мы уже знаемъ, что и французскіе просвѣтители не закрывали глазъ на интересы, что и они не прочь были обращаться къ нимъ для объясненія даннаго состоянія даннаго общества. Но у нихъ этотъ взглядъ на рѣшающее значеніе интересовъ являлся лишь видоизмѣненіемъ «формулы»—мнѣнія правятъ міромъ; у нихъ выходило, что и самые интересы людей зависятъ отъ ихъ мнѣній и измѣняются съ измѣненіемъ этихъ послѣднихъ. Такое истолкованіе значенія интересовъ представляетъ собою торжество идеализма въ его примѣненіи къ исторіи. Оно далеко оставляетъ за собою даже нѣмецкій діалектическій идеализмъ, по смыслу котораго у людей являются новые матеріальные интересы всякій разъ, когда Абсолютной Идеѣ оказывается нужнымъ сдѣлать новый шагъ въ своемъ логическомъ развитіи. Марксъ понимаетъ значеніе матеріальныхъ интересовъ совершенно иначе.

Обыкновенному русскому читателю историческая теорія Маркса кажется какимъ-то гнуснымъ пасквилемъ на человѣческій родъ. У Г. И. Успенскаго, если не ошибаемся въ «Раззорепіи», есть старуха-чиновница, которая даже въ предсмертномъ бреду упорно повторяетъ гнусное правило всей своей жизни: «въ карманъ норови, въ карманъ!» Русская интеллигенція наивно думаетъ, будто Марксъ приписываетъ это гнусное правило всему человѣчеству; будто онъ утверждаетъ, что чѣмъ бы ни занимались сыны человѣческіе, они всегда, исключительно и сознательно «норовили въ карманъ». Безкорыстному русскому «интеллигенту» подобный взглядъ естественно столь же «несимпатиченъ», какъ «несимпатична» теорія Дарвина какой-нибудь титулярной совѣтницѣ, которая думаетъ, что весь смыслъ этой теоріи сводится къ тому возмутительному положенію, что вотъ, дескать, она, почтенная чиновница, представляетъ собою не болѣе, какъ наряженную въ чепчикъ обезьяну. Въ дѣйстви-

тельности Марксъ такъ же мало клевещетъ на «интеллигентовъ», какъ Дарвинъ—на титулярныхъ совѣтницъ.

Чтобы понять историческіе взгляды Маркса, нужно припомнить, къ какимъ результатамъ пришла философія и общественно-историческая наука въ періодъ, непосредственно предшествовавшій его появленію. Французскіе историки временъ реставраціи пришли, какъ мы знаемъ, къ тому убѣжденію, что «гражданскій бытъ»,—«имущественныя отношенія»,—составляютъ коренную основу всего общественнаго строя. Мы знаемъ также, что къ тому же выводу пришла, въ лицѣ Гегеля, и идеалистическая нѣмецкая философія,—пришла противъ воли, вопреки своему духу, просто въ силу недостаточности, несостоятельности идеалистическаго объясненія исторіи. Марксъ, усвоившій себѣ всѣ результаты научнаго знанія и философской мысли своего времени, вполнѣ сходится относительно указаннаго вывода съ французскими историками и съ Гегелемъ. Я убѣдился, говоритъ онъ, что «правовыя отношенія и государственныя формы не объясняются ни своей собственной природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ XVIII вѣка, называлъ «гражданскимъ обществомъ», анатомію же гражданскаго общества надо искать въ его экономіи».

Но отъ чего же зависитъ экономія даннаго общества? Ни французскіе историки, ни соціалисты-утописты, ни Гегель не могли отвѣтить на это сколько нибудь удовлетворительно. Они,—прямо или косвенно,—все ссылались на человѣческую природу. Великая научная заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ подошелъ къ вопросу съ діаметрально противоположной стороны, что онъ на самую природу человѣка взглянулъ какъ на вѣчно измѣняющійся результатъ, историческаго движенія, причина котораго лежитъ внѣ человѣка. Чтобы существовать, человѣкъ долженъ поддерживать свой организмъ, заимствуя необходимыя для него вещества изъ окружающей его внѣшней природы. Это заимствованіе предполагаетъ извѣстное дѣйствіе человѣка на эту, на внѣшнюю природу. Но, «дѣйствуя на внѣшнюю природу, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу». Въ этихъ немногихъ словахъ содержится сущность всей исторической теоріи Маркса, хотя, разумѣется, взятые сами по себѣ, они не даютъ о ней надлежащаго понятія и нуждаются въ поясненіяхъ.

Франклинъ назвалъ человѣка «животнымъ, дѣлающимъ орудія».

Употребленіе и производство орудій, дѣйствительно, составляетъ отличительную черту человѣка. Дарвинъ оспариваетъ то мнѣніе, по которому только человѣкъ и способенъ къ употребленію орудій; онъ приводитъ много примѣровъ, показывающихъ, что въ зачаточномъ видѣ употребленіе ихъ свойственно многимъ млекопитающимъ. И онъ, разумѣется, совершенно правъ съ своей точки зрѣнія, т. е. въ томъ смыслѣ, что въ пресловутой «природѣ человѣка» нѣтъ ни одной черты, которая не встрѣчалась бы у того или другого вида животныхъ, и что, поэтому, нѣтъ рѣшительно никакого основанія считать человѣка какимъ-то особеннымъ существомъ, выдѣлять его въ особое «царство». Но не надо забывать, что количественныя различія переходятъ въ качественныя. То, что существуетъ, какъ зачатокъ, у одного животнаго вида, можетъ стать отличительнымъ признакомъ другого вида животныхъ. Это въ особенности приходится сказать объ употребленіи орудій. Слонъ ломаетъ вѣтви и отмахивается ими отъ мухъ. Это интересно и поучительно. Но въ исторіи развитія вида «слонъ» употребленіе вѣтокъ въ борьбѣ съ мухами, навѣрное, не играло никакой существенной роли: слоны не потому стали слонами, что ихъ болѣе или менѣе слоноподобные предки обмахивались вѣтками. Не то съ человѣкомъ *). Все существованіе австралійскаго дикаря зависитъ отъ его бумеранга, какъ все существованіе современной Англіи зависитъ отъ ея машинъ. Отнимите отъ австралійца его бумерангъ, сдѣлайте его земледѣльцемъ, и онъ по необходимости измѣнитъ весь свой образъ жизни, всѣ свои привычки, весь свой образъ мыслей, всю свою «природу».

Мы сказали: сдѣлайте земледѣльцемъ. На примѣрѣ земледѣлія ясно видно, что процессъ производительнаго воздѣйствія человѣка на природу предполагаетъ не одни только орудія труда. Орудія труда составляютъ только часть средствъ, необходимыхъ для производства. Вотъ почему точнѣе будетъ говорить не о развитіи орудій труда, а вообще о развитіи средствъ производства, производительныхъ силъ, хотя совершенно несомнѣнно, что самая важная роль въ этомъ развитіи принадлежитъ или, по крайней мѣрѣ, принадлежала до сихъ поръ (до появленія

*) „So thoroughly is the use of tools the exclusive attribute of man that the discovery of a single artificially shaped flint in the drift or cave-breccia is deemed proof enough that man has been there". Prehistoric Man, by Daniel Wilson, vol. I. p. 151—152. London, 1876.

важныхъ химическихъ производствъ) именно орудіямъ труда.

Въ орудіяхъ труда человѣкъ пріобрѣтаетъ какъ бы новые органы, измѣняющіе его анатомическое строеніе. Съ того времени, какъ онъ возвысился до [ихъ употребленія, онъ придаетъ совершенно новый видъ исторіи своего развитія: прежде она, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ, сводилась къ видоизмѣненіямъ его естественныхъ органовъ; теперь она становится прежде всего исторіей усовершенствованія его искусственныхъ органовъ, роста его производительныхъ силъ.

Человѣкъ — животное, дѣлающее орудія, — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное животное, происходящее отъ предковъ, жившихъ въ теченіе многихъ поколѣній болѣе или менѣе крупными стадами. Для насъ не важно здѣсь, почему наши предки стали жить стадами,—это должны выяснить и выясняютъ зоологи,—но съ точки зрѣнія философіи исторіи въ высшей степени важно отмѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ искусственные органы человѣка стали играть рѣшающую роль въ его существованіи, сама общественная жизнь его стала видоизмѣняться въ зависимости отъ хода развитія его производительныхъ силъ.

«Многоразличныя отношенія, въ которыя становятся люди при производствѣ продуктовъ, не ограничиваются отношеніемъ ихъ къ природѣ. Производство возможно лишь при извѣстнаго рода совмѣстности и обоюдности дѣйствій производителей. Чтобы производить, люди вступаютъ въ опредѣленныя взаимныя связи и отношенія, и только внутри и черезъ посредство этихъ общественныхъ связей и отношеній возникаютъ тѣ воздѣйствія людей на природу, которыя необходимы для производства» [1]).

Искусственные органы, орудія труда, оказываются, такимъ образомъ, органами не столько индивидуальнаго, сколько общественнаго человѣка. Вотъ почему всякое существенное ихъ измѣненіе ведетъ за собой перемѣны въ общественномъ устройствѣ.

«Въ зависимости отъ характера производительныхъ средствъ измѣняются и общественныя отношенія производителей другъ къ другу, измѣняются отношенія ихъ совмѣстной дѣятельности и ихъ участія во всемъ ходѣ производства. Съ изобрѣтеніемъ новаго военнаго орудія, огнестрѣльнаго оружія, необходимымъ образомъ измѣнилась вся внутренняя организація арміи, равно какъ и всѣ тѣ

[1]) „Lohnarbeit und Kapital“ Карла Маркса.

взаимныя отношенія, въ которыхъ стоятъ входящія въ составъ арміи личности и благодаря которымъ она представляетъ собою организованное цѣлое: наконецъ, измѣнились также и взаимныя отношенія цѣлыхъ армій. Общественныя отношенія производителей, общественныя отношенія производства, мѣняются, слѣдовательно съ измѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства, т. е. производительныхъ силъ. Отношенія производства въ ихъ совокупности образуютъ то, что называется общественными отношеніями, обществомъ и при томъ обществомъ, находящимся на опредѣленной исторической ступени развитія,— обществомъ съ опредѣленнымъ характеромъ. Такія своеобразныя совокупности отношеній производства представляютъ собою античное общество, феодальное общество, буржуазное общество, и каждый изъ этихъ видовъ общественной организаціи соотвѣтствуетъ, въ свою очередь, извѣстной ступени развитія въ исторіи человѣчества» [1]).

Излишне прибавлять, что не менѣе своеобразныя совокупности отношеній производства представляютъ собою и болѣе раннія ступени человѣческаго развитія. Также излишне повторять, что и на этихъ болѣе раннихъ ступеняхъ состояніе производительныхъ силъ имѣло рѣшающее вліяніе на общественныя отношенія людей.

Здѣсь мы должны остановиться, чтобы разсмотрѣть нѣкоторыя, на первый взглядъ довольно убѣдительныя, возраженія.

Первое состоитъ вотъ въ чемъ.

Никто не оспариваетъ важнаго значенія орудій труда, огромной роли производительныхъ силъ въ историческомъ движеніи человѣчества,—говорятъ нерѣдко марксистамъ,—но орудія труда изобрѣтаются и употребляются въ дѣло человѣкомъ. Вы сами признаете, что пользованіе ими предполагаетъ сравнительно очень высокую степень умственнаго развитія. Каждый новый шагъ въ усовершенствованіи орудій труда требуетъ новыхъ усилій человѣческаго ума. Усилія ума—*причина*, развитіе производительныхъ силъ—*слѣдствіе*. Значитъ, умъ есть главный двигатель историческаго прогресса; значитъ, правы были люди, утверждавшіе, что міромъ правятъ мнѣнія, т. е. правитъ человѣческій разумъ.

Нѣтъ ничего естественнѣе такого замѣчанія, но это не мѣшаетъ ему быть неосновательнымъ.

Безспорно, употребленіе орудій труда предполагаетъ высокое раз-

---

[1]) Тамъ же.

витіе ума въ животномъ-человѣкѣ. Но посмотрите, какими причинами объясняетъ это развитіе современное естествознаніе.

«Человѣкъ никогда не достигъ бы господствующаго положенія въ мірѣ безъ употребленія рукъ, этихъ орудій, столь удивительно послушныхъ его волѣ», говоритъ Дарвинъ [1]). Это не новая мысль, ее высказалъ уже Гельвецій. Но Гельвецій, не умѣвшій стать твердой ногой на точку зрѣнія развитія, не умѣлъ придать сколько-нибудь вѣроятный видъ своей собственной мысли. Дарвинъ выдвинулъ на ея защиту цѣлый арсеналъ доводовъ, и хотя всѣ они, разумѣется, имѣютъ лишь гипотетическій характеръ, но въ своей совокупности они достаточно убѣдительны. Что же говоритъ Дарвинъ? Откуда взялись у quasi-человѣка его нынѣшнія, совершенно человѣческія руки, имѣвшія столь замѣчательное вліяніе на успѣхи его «разума»? Вѣроятно, они образовались въ силу нѣкоторыхъ особенностей географической среды, сдѣлавшихъ полезнымъ физіологическое раздѣленіе труда между передними и задними конечностями. Успѣхи «разума» явились отдаленнымъ слѣдствіемъ этого раздѣленія и,—опять-таки при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ,—стали, въ свою очередь, ближайшей причиной появленія у человѣка искусственныхъ органовъ, употребленія орудій. Эти новые искусственные органы оказали его умственному развитію новыя услуги а успѣхи «разума» опять отразились на органахъ. Тутъ передъ нами длинный процессъ, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются. Но ошибочно было бы разсматривать этотъ процессъ съ точки зрѣнія простого взаимодѣйствія. Чтобы человѣкъ могъ воспользоваться уже достигнутыми успѣхами своего «разума» для усовершенствованія своихъ искусственныхъ орудій, т. е. для увеличенія своей власти надъ природой, онъ долженъ былъ находиться въ извѣстной географической средѣ, способной доставить ему: 1) матеріалы, необходимые для усовершенствованія, 2) предметы, обработка которыхъ предполагала бы усовершенствованныя орудія. Тамъ, гдѣ не было металловъ, собственный разумъ общественнаго человѣка ни въ какомъ случаѣ не могъ вывести его за предѣлы «періода шлифованнаго камня»; точно также для перехода къ пастушескому и земледѣльческому быту нужны были извѣстная фауна и флора, безъ наличности которыхъ «разумъ остался бы неподвижнымъ. Но и это не все. Умственное развитіе первобытныхъ обществъ должно было идти тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше

[1]) La Descendance de l'homme etc. Paris, 1881, p. 51.

было взаимныхъ сношеній между ними, а эти сношенія были, конечно, тѣмъ чаще, чѣмъ разнообразнѣе были географическія условія обитаемыхъ ими мѣстностей, т. е. слѣдовательно, чѣмъ менѣе были сходны продукты, произведенные въ одной мѣстности, съ продуктами, производимыми въ другой [1]). Наконецъ, всѣмъ извѣстно, какъ важны въ этомъ отношеніи естественные пути сообщенія; уже Гегель говорилъ, что горы раздѣляютъ людей, рѣки и моря ихъ сближаютъ [2]).

Географическая среда оказываетъ не менѣе рѣшительное вліяніе и на судьбу болѣе крупныхъ обществъ, на судьбу государствъ, возникающихъ на развалинахъ первобытныхъ родовыхъ организацій. «Не абсолютное плодородіе почвы, а ея дифференцированіе, разнообразіе ея естественныхъ произведеній составляетъ естественную основу общественнаго раздѣленія труда и заставляетъ человѣка, въ силу разнообразія окружающихъ его естественныхъ условій, разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и способы производства. Необходимость установить общественный контроль надъ извѣстной силой природы для ея эксплоатаціи въ большихъ размѣрахъ, для ея подчиненія человѣку посредствомъ организованныхъ человѣческихъ усилій, играетъ самую рѣшительную роль въ исторіи промышленности. Таково было значеніе регулированія воды въ Египтѣ, въ Ломбардіи, въ Голландіи, или въ Персіи и въ

---

[1]) Въ извѣстной книгѣ фонъ-Марціуса о первобытныхъ обитателяхъ Бразиліи можно найти нѣсколько интересныхъ примѣровъ, показывающихъ, какъ важны самыя, повидимому, незначительныя особенности мѣстностей въ дѣлѣ развитія взаимныхъ сношеній между ихъ обитателями.

[2]) Впрочемъ, относительно моря надо замѣтить, что оно не всегда сближаетъ людей. Ратцель (Antropo-Geographie, Stuttgart, 1882, стр. 92) справедливо замѣчаетъ, что на извѣстной, низкой стадіи развитія море является абсолютной границей, т. е. дѣлаетъ невозможными какія бы то ни было сношенія между раздѣленными имъ народами. Съ своей стороны, сношенія, возможность которыхъ обусловливается первоначально исключительно свойствами географической среды, накладываютъ свою печать на физіономію первобытныхъ племенъ. Островитяне сильно отличаются отъ обитателей континентовъ. «Die Bevölkerungen der Inseln sind in einigen Fallen vollig andere als die des nachst gelegen Festlandes oder der nachsten grösseren Insel; aber auch wo sie ursprünglich derselben Rasse oder Völkergruppe angehören, sind sie immer weit von derselben verschieden; und zwar, kann man hinzusetzen, in der Regel weiter als die entsprechenden festländischen Abzweigungen dieser Rasse oder Gruppe untereinander (Ratzel, l. c., S. 96). Тутъ повторяется тотъ же законъ, что и въ образованіи животныхъ видовъ и разновидностей.

Индіи, гдѣ орошеніе посредствомъ искусственныхъ каналовъ приноситъ землѣ не только необходимую воду, но въ то же время въ ея илѣ минеральное удобреніе съ горъ. Тайна промышленнаго процвѣтанія Испаніи и Сициліи при арабахъ заключается въ канализаціи» [1]).

Такимъ образомъ, только благодаря нѣкоторымъ особеннымъ свойствамъ географической среды, наши антропоморфные предки могли подняться на ту высоту умственнаго развитія, которая была необходима для превращенія ихъ въ tool-making animals. И точно такъ же только нѣкоторыя особенности той же среды могли дать просторъ для употребленія въ дѣло и постояннаго усовершенствованія этой новой способности «дѣланія орудій». Въ историческомъ процессѣ развитія производительныхъ силъ способность человѣка къ «дѣланію орудій» приходится разсматривать прежде всего, какъ величину постоянную, а окружающія внѣшнія условія употребленія въ дѣло этой способности, какъ величину постоянно измѣняющуюся [2]).

---

[1]) Марксъ, Das Kapital, dritte Auflage, SS. 524—526. Въ примѣчаніи (стр. 526) Марксъ прибавляетъ: „Однимъ изъ естественныхъ основаній государственной власти надъ лишенными взаимной связи маленькими производительными организмами Индіи было регулированіе притока воды. Магометанскіе владыки Индіи поняли это лучше, чѣмъ ихъ англійскіе преемники". Съ приведеннымъ въ текстѣ мнѣніемъ Маркса сопоставимъ мнѣніе новѣйшаго изслѣдованія: „Unter dem, was die lebende Natur dem Menschen an Gaben bietet, ist nicht der Reichtum an Stoffen, sondern der an Kräften, oder besser gesagt, Kräfteanregungen am höchsten zu schätzen". Ratzel., l. cit., S. 343.

[2]) „Мы должны остерегаться,—говоритъ Л. Гейгеръ,—приписывать размышленію слишкомъ большое участіе въ происхожденіи орудій. Открытіе первыхъ, въ высшей степени важныхъ, орудій произошло, конечно, случайно, какъ и многія великія открытія новѣйшаго времени. Они были, конечно, скорѣе найдены, чѣмъ изобрѣтены. Къ этому взгляду я пришелъ въ особенности въ силу того обстоятельства, что названія орудій никогда не производятся отъ ихъ обработки, что они (т. е. названія) никогда не имѣютъ генетическаго характера, а происходятъ отъ того употребленія, которое дается орудіямъ. Такъ, въ нѣмецкомъ языкѣ Scheere (ножницы). Säge (пила), Hacke (кирка) суть предметы, обрѣзывающіе (scheeren), пилящіе (sägen), рубящіе (hacken). Этотъ законъ языка долженъ тѣмъ болѣе обращать на себя вниманіе, что названія приспособленій, которыя не представляютъ изъ себя орудій, образуются генетическимъ, пассивнымъ

Различіе результатовъ (ступеней культурнаго развитія), достигнутыхъ различными человѣческими обществами, объясняется именно тѣмъ, что окружающія условія не позволили различнымъ человѣческимъ племенамъ въ одинаковой мѣрѣ употребить въ дѣло свою способность «изобрѣтать». Есть школа антропологовъ, пріурочивающая различіе названныхъ результатовъ къ различнымъ свойствамъ человѣческихъ расъ. Но взглядъ этой школы не выдерживаетъ критики: онъ представляетъ собою лишь новую варіацію стараго пріема объясненія историческихъ явленій ссылками на «человѣческую природу» (т. е. здѣсь ссылками на природу расы) и по своей научной глубинѣ не далеко ушелъ отъ взглядовъ мольеровскаго доктора, глубокомысленно изрекшаго: опій усыпляетъ, потому что имѣетъ свойство усыплять (раса отстала, потому что имѣла свойство отставать).

Дѣйствуя на природу внѣ его, человѣкъ измѣняетъ свою собственную природу. Онъ развиваетъ всѣ свои способности, а между ними и способность къ «дѣланію орудій». Но въ каждое данное время мѣра этой способности опредѣляется мѣрой уже достигнутаго развитія производительныхъ силъ.

Разъ орудіе труда становится предметомъ производства, самая возможность, равно какъ большая или меньшая степень совершенства его изготовленія, цѣликомъ зависитъ отъ тѣхъ орудій труда, съ помощью которыхъ оно выдѣлывается. Это понятно всякому и безъ всякихъ поясненій. Но вотъ что, напримѣръ, можетъ показаться на первый взглядъ совсѣмъ непонятнымъ: Плутархъ, упомянувъ объ изобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Архимедомъ во время

путемъ отъ того матеріала или той работы, изъ которой или благодаря которой они возникаютъ. Напримѣръ, мѣхъ, какъ вмѣстилище для вина, во многихъ языкахъ первоначально обозначаетъ содранную съ животнаго шкуру: нѣмецкому Schlauch соотвѣтствуетъ англійское slough—змѣиная шкура; греческое ascòs одновременно—мѣхъ, въ смыслѣ вмѣстилища, и звѣриная шкура. Тутъ, стало быть, языкъ вполнѣ явственно показываетъ намъ, какъ и изъ чего приготовлено приспособленіе, именуемое мѣхомъ. Не то по отношенію къ орудіямъ; и они первоначально, если основываться на языкѣ, не были вовсе изготовлены: такъ, первымъ ножемъ могъ явиться случайно найденный и, я бы сказалъ, играючи пущенный въ дѣло, заостренный камень". L. Geiger. Die Urgeschichte der Menschheit im Lichte der Sprache. Mit besonderer Beziehung auf die Entstehung des Werkzeugs. S. 36—37. Въ сборникѣ: Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1878.

*

осады Сиракузъ римлянами, находитъ нужнымъ извинить изобрѣтателя: философу, конечно, неприлично заниматься такого рода вещами, разсуждаетъ онъ, но Архимеда оправдываетъ крайность, въ которой находилось его отечество. Мы спрашиваемъ, кому придетъ теперь въ голову искать обстоятельствъ, смягчающихъ вину Эдисона? Мы не считаемъ теперь постыднымъ—совсѣмъ напротивъ!—употребленіе человѣкомъ въ дѣло его способности къ механическимъ изобрѣтеніямъ, а греки (или, если хотите, римляне), какъ видите, смотрѣли на это совсѣмъ иначе. Оттого ходъ механическихъ открытій и изобрѣтеній долженъ былъ совершаться у нихъ,—и дѣйствительно совершался,—несравненно медленнѣе, чѣмъ у насъ. Тутъ какъ будто опять выходитъ, что мнѣнія правятъ міромъ. Но откуда взялось у грековъ такое странное «мнѣніе»? Происхожденія его нельзя объяснить свойствами человѣческаго «разума». Остается припомнить ихъ общественныя отношенія. Греческое и римское общества были, какъ извѣстно, обществами рабовладѣльцевъ. Въ такихъ обществахъ весь физическій трудъ, все дѣло производства достается на долю рабовъ. Свободный человѣкъ стыдится такого труда, и потому естественно устанавливается презрительное отношеніе даже къ важнѣйшимъ изобрѣтеніямъ, касающимся производительныхъ процессовъ и, между прочимъ, къ изобрѣтеніямъ механическимъ. Вотъ почему Плутархъ смотрѣлъ на Архимеда не такъ, какъ мы смотримъ теперь на Эдисона [1]). Но почему же въ Греціи установилось рабство? Не потому ли, что греки, въ силу нѣкоторыхъ промаховъ своего «разума», считали рабскій строй наилучшимъ? Нѣтъ, не потому. Было

---

[1]) „Основателями (этой механики) .... явились Эвдоксъ и Архитъ, которые дали геометріи болѣе пестрое и интересное содержаніе, игнорируя, ради непосредственно осязаемыхъ и технически важныхъ примѣненій этой науки, ея отвлеченныя и недоступныя графическому изображенію проблемы ... А когда Платонъ съ негодованіемъ указалъ имъ, что они уничтожаютъ величіе геометріи, которая въ ихъ рукахъ удаляется отъ предметовъ безтѣлесныхъ и отвлеченныхъ и обращается къ предметамъ чувственнымъ, нуждающимся въ грубой ремесленной обработкѣ, то механика, изгнанная изъ математики, отдѣлилась отъ нея и, не пользуясь долгое время никакимъ вниманіемъ со стороны философіи, сдѣлалась одной изъ вспомогательныхъ наукъ военнаго искусства“ (Plutarchi VITA MARCELLI, edit. Teubneriana C. Sintenis. Lipsiae. 1883, Cap. XIV, p.p. 135—136).

Какъ видитъ читатель, взглядъ Плутарха былъ далеко не новъ въ то время.

время, когда и у грековъ не было рабства, и тогда они вовсе не считали рабовладѣльческаго общественнаго строя естественнымъ и неизбѣжнымъ. Потомъ возникло у грековъ рабство и постепенно стало играть болѣе и болѣе важную роль въ ихъ жизни. Тогда измѣнился и взглядъ на него греческихъ гражданъ: они стали отстаивать его, какъ совершенно естественное и безусловно необходимое учрежденіе. Но почему же возникло и развилось у грековъ рабство? Вѣроятно, по той же самой причинѣ, по какой возникало и развивалось оно и въ другихъ странахъ на извѣстной стадіи ихъ общественнаго развитія. А эта причина извѣстна: она заключается въ состояніи производительныхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы мнѣ изъ побѣжденнаго непріятеля выгоднѣе было сдѣлать раба, чѣмъ жаркое, нужно, чтобы продуктомъ его подневольнаго труда могло поддерживаться не только его собственное, а, по крайней мѣрѣ отчасти, и мое существованіе, другими словами,— нужна извѣстная степень развитія находящихся въ моемъ распоряженіи производительныхъ силъ. Именно черезъ эту дверь и входитъ рабство въ исторію. Рабскій трудъ мало благопріятствуетъ развитію производительныхъ силъ; при немъ оно подвигается крайне медленно, но все таки оно подвигается, и наступаетъ, наконецъ, такой моментъ, когда эксплоатація рабскаго труда оказывается менѣе выгодной, чѣмъ эксплоатація труда свободнаго. Тогда рабство отмѣняется или постепенно отмираетъ. Ему указываетъ на дверь то самое развитіе производительныхъ силъ, которое ввело его въ исторію [1]). Такимъ образомъ, мы, возвращаясь къ Плутарху, видимъ, что его взглядъ на изобрѣтенія Архимеда былъ

[1]) Извѣстно, что въ теченіе долгаго времени русскіе крестьяне сами могли имѣть и нерѣдко имѣли крѣпостныхъ. Состояніе крѣпостного не могло быть пріятно крестьянину. Но, при тогдашнемъ состояніи производительныхъ силъ Россіи, ни одинъ крестьянинъ не могъ находить это состояніе ненормальнымъ. Запасшійся деньжонками „мужичекъ“ такъ же естественно задумывался о покупкѣ крѣпостныхъ, какъ римскій вольноотпущенникъ стремился къ пріобрѣтенію рабовъ. Возставшіе подъ предводительствомъ Спартака рабы вели войну съ своими господами, но не съ рабствомъ; если бы имъ удалось завоевать себѣ свободу, они, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сами и съ самою спокойною совѣстью сдѣлались бы рабовладѣльцами. Невольно вспоминаются при этомъ, пріобрѣтая новый смыслъ, слова Шеллинга: свобода должна быть необходима. Исторія показываетъ, что любой изъ видовъ свободы является только тамъ, гдѣ онъ становится экономической необходимостью.

обусловленъ состояніемъ производительныхъ силъ въ его время. А такъ какъ взгляды такого рода несомнѣнно имѣютъ огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ открытій и изобрѣтеній, то мы тѣмъ болѣе можемъ сказать, что у каждаго даннаго народа, въ каждый данный періодъ его исторіи, дальнѣйшее развитіе его производительныхъ силъ опредѣляется состояніемъ ихъ въ разсматриваемый періодъ.

Само собою разумѣется, что всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ открытіями и изобрѣтеніями, мы имѣемъ дѣло и съ «разумомъ». Безъ разума открытія и изобрѣтенія, были бы такъ же невозможны, какъ невозможны они были до появленія на землѣ человѣка. Излагаемое нами ученіе вовсе не упускаетъ изъ виду роли разума; оно только старается объяснить, почему разумъ въ каждое данное время дѣйствовалъ такъ, а не иначе; оно не пренебрегаетъ успѣхами разума, а только старается найти для нихъ достаточную причину.

Противъ того же ученія стали охотно дѣлать въ послѣднее время другое возраженіе, которое мы предоставимъ изложить г. Карѣеву:

«Съ теченіемъ времени,—говоритъ этотъ писатель, съ грѣхомъ пополамъ изложивъ историческую философію Энгельса,—Энгельсъ дополнилъ свой взглядъ новыми соображеніями, которыя внесли въ него существенное измѣненіе. Если ранѣе онъ признавалъ за основу матеріальнаго пониманія исторіи только изслѣдованіе экономической структуры общества, то позднѣе онъ призналъ равносильное значеніе и за изслѣдованіемъ семейнаго устройства, что случилось подъ вліяніемъ новаго представленія о первобытныхъ формахъ брачныхъ и семейныхъ отношеній, заставившаго его принять въ разсчетъ не одинъ только процессъ производства продуктовъ, но и процессъ воспроизведенія человѣческихъ поколѣній. Въ данномъ отношеніи вліяніе шло въ частности со стороны «Древняго общества» Моргана» [1]), и проч.

Итакъ, если раньше Энгельсъ «признавалъ за основу матеріальнаго (?) пониманія исторіи изслѣдованіе экономической структуры общества», то позднѣе, «признавъ равносильное значеніе» и проч., онъ, собственно говоря, пересталъ быть «экономическимъ» матеріа-

---

[1]) См. „Экономическій матеріализмъ въ исторіи". „Вѣст. Евр.". Августъ 1894 г., стр. 601.

льстомъ. Г. Карѣевъ излагаетъ это происшествіе тономъ безпристрастнаго историка, а г. Михайловскій по поводу его «скачетъ и играетъ», но оба они говорятъ въ сущности одно и то же и оба повторяютъ то, что раньше ихъ сказалъ крайне поверхностный нѣмецкій писатель Вейзенгрюнъ въ своей книгѣ «Entwickelungsgesetze der Menschheit».

Вполнѣ естественно, что такой замѣчательный человѣкъ, какъ Энгельсъ, внимательно слѣдя въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій за научнымъ движеніемъ своего времени, очень существенно «дополнялъ» свой основной взглядъ на исторію человѣчества. Но есть дополненія и дополненія, какъ есть «fagot et fagot». Въ данномъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, *измѣнились ли взгляды* Энгельса въ силу вносимыхъ въ нихъ «дополненій»; былъ ли онъ дѣйствительно вынужденъ признать, рядомъ съ развитіемъ «производства», дѣйствіе другого фактора, будто бы «равносильнаго» первому? Легко отвѣтить на этотъ вопросъ всякому, у кого есть хоть маленькая охота отнестись къ нему внимательно и серьезно.

Слоны отмахиваются иногда отъ мухъ вѣтками, говоритъ Дарвинъ. Мы замѣтили по этому поводу, что, тѣмъ не менѣе, эти вѣтки не играютъ въ жизни слоновъ никакой существенной роли, что слонъ не потому сталъ слономъ, что пользовался вѣтками. Но слонъ размножается. У самца слона существуетъ извѣстное отношеніе къ самкѣ. У самца и самки существуетъ извѣстное отношеніе къ дѣтенышамъ. Ясно, что не «вѣтками» созданы эти отношенія: они созданы общими условіями жизни этого вида, условіями, въ которыхъ роль «вѣтки» такъ безконечно мала, что ее безъ всякой ошибки можно приравнять *къ нулю*. Но вообразите, что въ жизни слона вѣтка начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе важное значеніе въ томъ смыслѣ, что она начинаетъ все болѣе и болѣе вліять на складъ тѣхъ общихъ условій, отъ которыхъ зависятъ всѣ привычки слоновъ, а наконецъ и самое ихъ существованіе. Вообразите, что вѣтка пріобрѣла, наконецъ *рѣшающее* вліяніе въ дѣлѣ созданія этихъ условій,—тогда придется признать, что ею опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ и отношеніе слона къ самкѣ и къ дѣтенышу. Тогда придется признать, что было время, когда «семейныя» отношенія слоновъ развивались самостоятельно (въ смыслѣ отношенія ихъ къ вѣткѣ), но что потомъ наступило такое время, когда они стали опредѣляться «вѣткою». Будетъ ли что нибудь странное въ такомъ признаніи?

Ровно ничего, кромѣ странности самой гипотезы относительно неожиданнаго пріобрѣтенія вѣткою рѣшающаго значенія въ жизни слона. Мы и сами знаемъ, что по отношенію къ слону эта гипотеза не можетъ не показаться странной; но въ примѣненіи къ исторіи человѣка дѣло обстоитъ иначе.

Человѣкъ лишь постепенно выдѣлился изъ животнаго міра. Было время, когда въ жизни нашихъ человѣкоподобныхъ предковъ орудія играли такую же ничтожную роль, какую играетъ вѣтка въ жизни слона. Въ теченіе этого очень долгаго времени отношенія человѣкоподобныхъ самцевъ къ человѣкоподобнымъ самкамъ, равно какъ и отношеніе тѣхъ и другихъ къ ихъ человѣкоподобнымъ дѣтенышамъ, опредѣлялись общими условіями жизни этого вида, не имѣющими къ орудіямъ труда никакого отношенія. Отъ чего зависѣли тогда «семейныя» отношенія нашихъ предковъ? Объяснить это должны натуралисты. Историку тутъ дѣлать пока еще нечего. Но вотъ орудія труда начинаютъ играть все болѣе и болѣе важную роль въ жизни человѣка, производительныя силы все болѣе и болѣе развиваются, и наступаетъ, наконецъ, такой моментъ, когда они пріобрѣтаютъ рѣшительное вліяніе на весь складъ общественныхъ, т. е., между прочимъ, и семейныхъ отношеній. Тутъ уже начинается дѣло историка: онъ долженъ показать, какъ и почему измѣнялись семейныя отношенія нашихъ предковъ въ связи съ развитіемъ ихъ производительныхъ силъ, какъ развивалась семья въ зависимости отъ экономическихъ отношеній. Но понятно, что разъ онъ возьмется за дѣло такого объясненія, ему, при изученіи первобытной семьи, придется считаться не съ одной только экономіей: вѣдь люди размножались и раньше того, когда орудія труда пріобрѣли рѣшающее значеніе въ человѣческой жизни; вѣдь и раньше этого времени существовали какія-то семейныя отношенія, которыя опредѣлялись общими условіями существованія вида—homo sapiens. Что же собственно придется тутъ дѣлать историку? Ему придется, во-первыхъ, потребовать формулярный списокъ этого вида у натуралиста, сдающаго ему съ рукъ на руки дальнѣйшее изученіе развитія человѣка; ему придется, во-вторыхъ, пополнять этотъ списокъ «собственными средствами». Другими словами, ему придется взять «семью», какъ она создалась, скажемъ, въ зоологическій періодъ развитія человѣчества, и затѣмъ показать, какія измѣненія были внесены въ нее въ теченіе историческаго періода подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, вслѣдствіе измѣненій въ эконо-

мическихъ отношеніяхъ. Вотъ только это и говоритъ Энгельсъ. И мы спрашиваемъ: когда онъ говоритъ это, измѣняетъ-ли онъ хоть немного свой «первоначальный» взглядъ на значеніе производительныхъ силъ въ исторіи человѣчества? Принимаетъ-ли онъ, рядомъ съ дѣйствіемъ этого фактора, дѣйствіе какого-то другого, «равносильнаго» ему? Кажется, ничего не измѣняетъ, кажется, ничего такого не принимаетъ. Ну, а если нѣтъ, то почему же толкуютъ объ измѣненіи его взглядовъ гг. Вейзенгрюнъ и Карѣевъ, почему скачетъ и играетъ г. Михайловскій? Вѣрнѣе всего, что по причинѣ собственнаго легкомыслія.

«Но вѣдь странно же сводить исторію семьи къ исторіи экономическихъ отношеній, хотя бы въ теченіе того, что вы называете историческимъ періодомъ»,—хоромъ кричатъ наши противники. Можетъ быть, странно, а можетъ быть, и не странно: объ этомъ можно спорить, скажемъ мы словами г. Михайловскаго. И мы не прочь поспорить съ вами, господа, но только съ однимъ условіемъ: въ теченіе спора ведите себя серьезно, внимательно вдумывайтесь въ смыслъ нашихъ словъ, не приписывайте намъ вашихъ собственныхъ измышленій и не торопитесь съ открытіемъ у насъ такихъ противорѣчій, которыхъ ни у насъ, ни у нашихъ учителей нѣтъ и никогда не было. Согласны? Очень хорошо, давайте спорить.

Нельзя объяснять исторію семьи исторіей экономическихъ отношеній, говорите вы: это узко, односторонне, ненаучно. Мы утверждаемъ противное и обращаемся къ посредничеству спеціальныхъ изслѣдователей.

Вамъ, конечно, знакома книга Жиро-Тэлона: Les origines de la famille? Мы развертываемъ эту знакомую вамъ книгу и находимъ тамъ, напр., такое мѣсто:

«Причины, которыя вызвали возникновеніе внутри первобытнаго племени (Жиро-Тэлонъ говоритъ, собственно, «внутри орды»: de la horde) обособленныхъ семейныхъ группъ, повидимому, связываются съ ростомъ богатства этого племени. Введеніе въ употребленіе или открытіе какого-нибудь хлѣбнаго растенія, прирученіе какого-нибудь новаго вида животныхъ, могли быть достаточною причиной коренныхъ преобразованій въ дикомъ обществѣ: всѣ великіе успѣхи въ цивилизаціи всегда совпадали съ глубокими измѣненіями въ экономическомъ бытѣ населенія» (стр. 138 [1]).

---

[1]) Мы цитируемъ по французскому изданію 1874 г.

Нѣсколькими страницами далѣе:

«Повидимому, переходъ отъ системы женскаго родства къ системѣ родства мужского въ особенности ознаменовался столкновеніями юридическаго характера на почвѣ права собственности» (стр. 141).

Еще далѣе: «Организація семьи, въ которой преобладаетъ мужское право, повсюду, кажется мнѣ, вызвана была дѣйствіемъ силы столько же простой, какъ и стихійной... дѣйствіемъ права собственности» (стр. 146).

Вамъ извѣстно, конечно, какое значеніе въ исторіи первобытной семьи приписываетъ Макъ-Леннанъ убійству дѣтей женскаго пола? Энгельсъ, какъ извѣстно, относится очень отрицательно къ изслѣдованіямъ Макъ-Леннана; но тѣмъ интереснѣе для насъ, въ данномъ случаѣ, ознакомиться со взглядомъ этого послѣдняго на причину, вызвавшую появленіе дѣтоубійства, которое, будто бы, оказало столь рѣшительное вліяніе на исторію семьи.

«Для племенъ, окруженныхъ врагами, и, при слабомъ развитіи техники, лишь съ трудомъ поддерживающихъ свое существованіе, сыновья являются источникомъ силы, какъ въ смыслѣ защиты, такъ и въ смыслѣ добыванія пищи, дочери—источникомъ слабости» [1]).

Что же вызвало, по мнѣнію Макъ-Леннана, убійство первобытными племенами дѣтей женскаго пола? Недостатокъ средствъ существованія, слабость производительныхъ силъ, такъ какъ, будь у этихъ племенъ достаточно пищи, то, вѣроятно, не стали бы они убивать своихъ дѣвочекъ изъ боязни, что современемъ придутъ непріятели и, пожалуй, убьютъ ихъ или возьмутъ въ плѣнъ.

Повторяемъ, Энгельсъ не раздѣляетъ взгляда Макъ-Леннана на исторію семьи, да и намъ онъ кажется очень неудовлетворительнымъ; но для насъ важно здѣсь то, что и Макъ-Леннанъ грѣшитъ тѣмъ же грѣхомъ, въ которомъ упрекаютъ Энгельса: и онъ ищетъ въ состояніи производительныхъ силъ разгадки исторіи семейныхъ отношеній.

Продолжать ли намъ наши выписки, цитировать ли Липперта, Моргана? Мы не видимъ въ этомъ надобности: кто читалъ ихъ, тотъ знаетъ, что въ этомъ отношеніи они такіе же грѣшники, какъ Макъ-Леннанъ или Энгельсъ. Не безъ грѣха въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, и Спенсеръ, соціологическія возрѣнія котораго не имѣютъ, однако, ровно ничего общаго съ «экономическимъ матеріализмомъ».

---

[1]) Studies in ancient history,—primitive marriage. By John Ferg. MacLennan, стр. 75.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ можно воспользоваться, конечно, для полемическихъ цѣлей и сказать: ну вотъ, видите! Стало быть, можно же сходиться съ Марксомъ и Энгельсомъ по тому или другому отдѣльному вопросу и не раздѣлять ихъ общей исторической теоріи! Конечно, можно. Весь вопросъ только въ томъ, на чьей сторонѣ окажется при этомъ логика.

Пойдемъ дальше.

Развитіе семьи опредѣляется развитіемъ права собственности, говоритъ Жиро-Тэлонъ, прибавляя, что всѣ вообще успѣхи цивилизаціи совпадаютъ съ измѣненіями въ экономическомъ бытѣ человѣчества. Читатель, вѣроятно, и самъ замѣтилъ, что Жиро-Тэлонъ держится совсѣмъ не точной терминологіи: у него понятіе «право собственности» какъ бы покрывается понятіемъ «экономическій бытъ». Но вѣдь право есть право, а экономія есть экономія, и не годится смѣшивать эти два понятія. Откуда взялось данное право собственности? Можетъ быть, оно возникло подъ вліяніемъ экономіи даннаго общества (гражданское право служитъ всегда лишь выраженіемъ экономическихъ отношеній, говоритъ Лассаль), а можетъ быть, оно обязано своимъ происхожденіемъ какой нибудь совершенно другой причинѣ. Тутъ надо продолжать анализъ, а не прерывать его именно въ тотъ моментъ, когда онъ пріобрѣтаетъ особенно глубокій, наиболѣе жизненный интересъ.

Мы уже видѣли, что французскіе историки временъ реставраціи не нашли удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи права собственности. Г. Карѣевъ въ своей статьѣ «Экономическій матеріализмъ въ исторіи» касается нѣмецкой исторической школы права. Не мѣшаетъ и намъ припомнить взгляды этой школы.

Вотъ что говоритъ о ней нашъ профессоръ: «Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Германіи возникла такъ называемая «историческая школа права», начавшая разсматривать право не какъ неподвижную систему юридическихъ нормъ, какою оно представлялось прежнимъ юристамъ, а какъ нѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся, то въ этой школѣ обнаружилась сильная тенденція противопоставить историческій взглядъ на право, какъ единственно и исключительно вѣрный, всѣмъ другимъ возможнымъ въ этой области точкамъ зрѣнія; историческое воззрѣніе никогда не допускало существованія научныхъ истинъ, примѣняемыхъ ко всѣмъ временамъ,— т. е. того, что на языкѣ новой науки носитъ названіе общихъ законовъ,—и даже прямо отрицало эти законы, а съ ними и общую теорію права во имя идеи о зависимости права отъ мѣстныхъ условій,—

зависимости, конечно, существующей вездѣ и всегда, но не исключающей началъ, общихъ всѣмъ народамъ» [1]).

Въ этихъ немногихъ строкахъ очень много...—какъ бы это выразиться?—скажемъ хоть неправильностей, противъ которыхъ воспротестовали бы представители и сторонники исторической школы права. Такъ, напримѣръ, они сказали бы, что когда г. Карѣевъ приписываетъ имъ отрицаніе «того, что на языкѣ науки носитъ названіе общихъ законовъ», то онъ или умышленно искажаетъ ихъ взглядъ, или самымъ неприличнымъ для «исторіософа» образомъ путается въ понятіяхъ, смѣшивая тѣ «законы», которые подлежатъ вѣдѣнію исторіи права, съ тѣми, которыми опредѣляется историческое развитіе народовъ: существованія законовъ этого послѣдняго порядка никогда не думала отрицать историческая школа права, она именно старалась найти такіе законы, хотя ея усилія и не увѣнчались успѣхомъ. Но самая причина ея неудачи чрезвычайно поучительна, и если бы г. Карѣевъ далъ себѣ трудъ вдуматься въ нее, то—кто знаетъ?—можетъ быть, онъ и выяснилъ бы себѣ, наконецъ, «с у щ н о с т ь и с т о р и ч е с к а г о п р о ц е с с а».

Въ XVIII вѣкѣ исторію права склонны были объяснять дѣйствіемъ «законодателя». Историческая школа рѣзко возстала противъ этой склонности. Савиньи еще въ 1814 году такъ формулировалъ новый взглядъ: «Совокупность этого взгляда сводится вотъ къ чему: всякое право возникаетъ изъ того, что по общеупотребительному, не совсѣмъ точному, выраженію называется о б ы ч н ы м ъ п р а в о м ъ, т. е. оно порождается сначала обычаемъ и вѣрованіемъ народа, а потомъ уже юриспруденціей; такимъ образомъ, оно повсюду создается внутренними, незамѣтно дѣйствующими силами, а не произволомъ законодателя» [2]).

Этотъ взглядъ Савиньи развилъ впослѣдствіи въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «System des heutigen römischen Rechts». «Положительное право,—говоритъ онъ здѣсь,—живетъ въ общемъ сознаніи народа, и потому мы можемъ также назвать его н а р о д н ы м ъ п р а в о м ъ... Но этого ни въ какомъ случаѣ не надо также понимать въ томъ смыслѣ, что право создано отдѣльными членами народа по ихъ произволу... Положительное право создается духомъ народа.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы". Іюль 1894 г., стр. 12.

[2]) Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Von D. Friedrich Carl von Savigny. Dritte Auflage. Heidelberg, 1840. (Первое изданіе 1814). Стр 14.

живущимъ и дѣйствующимъ въ его отдѣльныхъ членахъ, и потому положительное право не случайно, а по необходимости является однимъ и тѣмъ же правомъ въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ» [1]).

«Если мы,—продолжаетъ Савиньи,—зададимся вопросомъ о происхожденіи государства, то должны будемъ въ такой же мѣрѣ стараться объяснить его себѣ высшею необходимостью, дѣйствіемъ внутренней пластической силы, какъ и происхожденіе права вообще; и мы говоримъ это не только вообще о существованіи государства, но о томъ особомъ видѣ, который государство принимаетъ у каждаго отдѣльнаго народа» [2]).

Право возникаетъ такимъ же «невидимымъ образомъ», какъ и языкъ, а живетъ оно въ общемъ народномъ сознаніи не въ видѣ «отвлеченныхъ правилъ, а въ видѣ живого представленія правовыхъ институтовъ въ ихъ органической связи, такъ что, когда въ этомъ является надобность, отвлеченное правило выдѣляется, въ своей логической формѣ, изъ этого общаго представленія, посредствомъ нѣкотораго искусственнаго процесса (durch einen künstlichen Prozess)» [3]).

Намъ нѣтъ здѣсь никакого дѣла до практическихъ стремленій исторической школы права; что же касается ея теоріи, то уже на основаніи приведенныхъ словъ Савиньи мы можемъ сказать, что она представляетъ собою:

1) реакцію противъ того, распространеннаго въ XVIII вѣкѣ, взгляда, что право создается произволомъ отдѣльныхъ лицъ («законодателей»); попытку найти научное объясненіе исторіи права, понять эту исторію, какъ необходимый, а потому законосообразный процессъ;

2) попытку объяснить этотъ процессъ, исходя изъ совершенно идеалистической точки зрѣнія: «народный духъ», «народное сознаніе» есть послѣдняя инстанція, къ которой апеллировала историческая школа права.

У Пухты идеалистическій характеръ взглядовъ этой школы выражается еще рѣзче.

Первобытное право у Пухты, какъ и у Савиньи, есть обычное право. Но какъ возникаетъ обычное право? Часто высказывается то мнѣніе, что это право создается житейской пратикой (Uebung),

---

[1]) Erster Band, SS. 14—15. (Берлинское изданіе 1840 г.).
[2]) Ibid., S. 22.
[3]) Ibid., S. 16.

но это лишь частный случай матеріалистическаго взгляда на происхожденіе народныхъ понятій. «Справедливъ какъ разъ обратный взглядъ; житейская практика есть лишь послѣдній моментъ, въ ней лишь выражается и воплощается возникшее право, живущее въ убѣжденіи сыновъ даннаго народа. Привычка вліяетъ на убѣжденіе лишь въ томъ смыслѣ, что оно, благодаря ей, становится сознательнѣе и прочнѣе» [1]).

Итакъ, убѣжденіе народа относительно того или другого правового института создается независимо отъ житейской практики, ранѣе «привычки». Откуда же берется это убѣжденіе? Оно вытекаетъ изъ глубины народнаго духа. Данный складъ этого убѣжденія у даннаго народа объясняется особенностями даннаго народнаго духа. Это очень темно, такъ темно, что тутъ нѣтъ и признака научнаго объясненія. Пухта и самъ чувствуетъ, что дѣло тутъ обстоитъ не совсѣмъ ладно и старается поправить его такимъ разсужденіемъ: «Право возникаетъ невидимымъ путемъ. Кто могъ бы взять на себя прослѣдить тѣ пути, которые ведутъ къ возникновенію даннаго убѣжденія, къ его зачатію, къ его росту, къ его расцвѣту, къ его проявленію? Тѣ, которые брались за это, исходили по большей части изъ ошибочныхъ представленій» [2]).

«По большей части...» Значитъ существовали же и такіе изслѣдователи, исходныя представленія которыхъ были правильны. Къ какимъ же заключеніямъ относительно генезиса народноправовыхъ взглядовъ пришли эти люди? Надо думать, что это осталось тайной для Пухты, потому что онъ не идетъ ни на шагъ дальше безсодержательныхъ ссылокъ на свойства народнаго духа.

Ничего не выясняетъ и вышеприведенное замѣчаніе Савиньи относительно того, что право живетъ въ общемъ народномъ сознаніи не въ видѣ отвлеченныхъ правилъ, а «въ видѣ живого представленія правовыхъ институтовъ въ ихъ органической связи». И не трудно понять, что собственно побудило Савиньи сдѣлать намъ это нѣсколько запутанное сообщеніе. Если бы мы предположили, что

---

[1]) Cursus der Institutionen. Erster Band. Leipzig, 1841 S. 31. Въ примѣчаніи Пухта сильно возстаетъ противъ эклектиковъ, стремящихся согласить противоположные взгляды на происхожденіе права, и возстаетъ въ такихъ выраженіяхъ, что невольно является вопросъ: да ужъ не предвидѣлъ ли онъ появленія г. Карѣева? Но, съ другой стороны, надо сказать и то, что въ Германіи временъ Пухты было достаточно и своихъ эклектиковъ: чего-чего другого, а умовъ этого рода вездѣ и всегда непочатый уголъ.

[2]) Ibid., S. 28.

право существуетъ въ сознаніи народа «въ видѣ отвлеченныхъ правилъ», то этимъ самымъ, во-первыхъ, мы столкнулись бы съ «общимъ сознаніемъ» юристовъ, которые отлично знаютъ, какъ туго схватываетъ народъ эти отвлеченныя правила, а во-вторыхъ, наша теорія происхожденія права приняла бы слишкомъ ужъ невѣроятный обликъ. Выходило бы, что прежде, чѣмъ вступить въ какія бы то ни было практическія отношенія другъ съ другомъ, прежде чѣмъ пріобрѣсти какой бы то ни было житейскій опытъ, люди, составляющіе данный народъ, вырабатываютъ себѣ опредѣленныя понятія, запасшись которыми, какъ странникъ сухарями, они и пускаются въ область житейской практики, высупаютъ на историческій путь. Этому, разумѣется, никто не повѣритъ, и вотъ Савиньи устраняетъ «отвлеченныя правила»: право существуетъ въ народномъ сознаніи не въ видѣ опредѣленныхъ понятій, оно представляетъ собою не коллекцію уже готовыхъ кристалловъ, а болѣе или менѣе насыщенный растворъ, изъ котораго, «когда въ этомъ является надобность», т. е. при столкновеніи съ житейской практикой, осаждаются потребные юридическіе кристаллы. Такой пріемъ не лишенъ своей доли остроумія, но само собою разумѣется, что онъ ни мало не приближаетъ насъ къ научному пониманію явленій.

Возьмемъ примѣръ.

У эскимосовъ, по словамъ Ринка, почти нѣтъ правильной собственности; но поскольку можетъ быть рѣчь о ней, онъ насчитываетъ три ея вида:

«1) Собственность, принадлежащая союзу нѣсколькихъ семей, напримѣръ, зимнія жилища...

2) Собственность, принадлежащая одной, или, самое большее, тремъ родственнымъ семьямъ, напримѣръ, лѣтнія палатки и все, что относится къ домашнему хозяйству, какъ лампы, бочки, деревянныя блюда, каменные горшки и т. п.; лодка или уміакъ, служащій для перевозки всѣхъ этихъ предметовъ вмѣстѣ съ палаткою, сани съ собаками . . . , наконецъ, запасъ зимней провизіи...

3) Частная собственность отдѣльныхъ лицъ... одежда, оружіе и орудія, или все то, что человѣкъ самъ лично употребляетъ въ дѣло. Этимъ вещамъ приписывается даже какая-то таинственная связь съ ихъ собственникомъ, напоминающая связь между душою и тѣломъ. Ссужать эти вещи кому нибудь другому не въ обычаѣ» [1]).

---

[1]) Tales and Traditions of the Eskimo by Dr. Henri Rink, pp. 9 and 50

Постараемся представить себѣ происхожденіе этихъ трехъ видовъ собственности съ точки зрѣнія старой исторической школы права.

Такъ какъ, по словамъ Пухты, убѣжденія предшествуютъ житейской практикѣ, а не вырастаютъ на почвѣ привычки, то надо предположить, что дѣло происходило такимъ образомъ: прежде, чѣмъ жить въ зимнихъ домахъ, прежде даже, чѣмъ начать ихъ строить, эскимосы пришли къ убѣжденію, что разъ заведутся у нихъ зимніе дома, они должны будутъ принадлежать союзу нѣсколькихъ семей; точно такъ же убѣдились наши дикари, что разъ заведутся у нихъ лѣтнія палатки, бочки, деревянныя блюда, лодки, горшки, сани и собаки, то все это должно будетъ составлять собственность одной семьи или, самое большее, трехъ родственныхъ семей; наконецъ, не менѣе твердое убѣжденіе было у нихъ относительно того, что одежда, оружіе и орудія должны составлять личную собственность, и что даже ссужать этихъ вещей не слѣдуетъ. Прибавимъ къ этому, что, вѣроятно, всѣ эти «убѣжденія» существовали не въ видѣ отвлеченныхъ правилъ, а «въ видѣ живого представленія правовыхъ институтовъ въ ихъ органической связи», и что изъ этого раствора правовыхъ понятій осаждались потомъ — «когда въ этомъ являлась надобность», — т. е. по мѣрѣ столкновенія съ зимними жилищами, съ лѣтними палатками, съ бочками, съ каменными горшками, съ деревянными блюдами, лодками, санями и собаками, — нормы обычнаго эскимосскаго права въ ихъ болѣе или менѣе «логической формѣ». Свойства же упомянутаго правового раствора опредѣлялись таинственными свойствами эскимосскаго духа.

Это вовсе не научное объясненіе; это простыя Redensarten, какъ говорятъ нѣмцы.

Та разновидность идеализма, которой придерживались сторонники исторической школы права, оказалась, въ дѣлѣ объясненія общественныхъ явленій, еще менѣе состоятельной, чѣмъ гораздо болѣе глубокій идеализмъ Шеллинга и Гегеля.

Какъ вышла наука изъ того тупого переулка, въ которомъ очутился идеализмъ? Послушаемъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей современнаго сравнительнаго правовѣдѣнія, — г. М. Ковалевскаго.

Указавъ на то, что общественный бытъ первобытныхъ племенъ носитъ на себѣ печать коммунизма, г. Ковалевскій (слушайте, г. В. В.: это тоже «профессоръ») говоритъ:

«Если мы спросимъ себя о дѣйствительныхъ основаніяхъ такого порядка, если мы захотимъ узнать причины, которыя заставляли нашихъ первобытныхъ предковъ и еще заставляютъ современныхъ дикарей держаться болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго коммунизма, намъ надо будетъ въ особенности узнать первобытные способы производства. Ибо распредѣленіе и потребленіе богатствъ должно опредѣляться способами ихъ созданія. А на этотъ счетъ вотъ что говоритъ этнографія: у охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ добываніе пищи производится обыкновенно большими группами (en hordes)... Въ Австраліи охота на кенгуру производится вооруженными отрядами изъ нѣсколькихъ десятковъ и даже сотенъ туземцевъ. То же происходитъ въ сѣверныхъ странахъ при охотѣ на оленя... Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ неспособенъ въ одиночку поддерживать свое существованіе; онъ нуждается въ помощи и поддержкѣ, и его силы удесятеряются ассоціаціей... Такимъ образомъ, мы видимъ въ началѣ общественаго развитія общественное производство и, какъ необходимое естественное слѣдствіе этого, общественное потребленіе. Этнографія изобилуетъ фактами, доказывающими это» [1]).

Приведя идеалистичеекую теорію Лермина, по которой частная собственность является изъ самосознанія личности, г. Ковалевскій продолжаетъ:

«Нѣтъ, это не такъ. Не потому первобытный человѣкъ приходитъ къ мысли о личномъ присвоеніи отесаннаго камня, который служитъ ему оружіемъ, или шкуры, которая покрываетъ его тѣло. Онъ приходитъ къ этой мысли вслѣдствіе примѣненія своихъ индивидуальныхъ силъ къ производству предмета. Кремень, служащій ему топоромъ, отесанъ его собственными руками. На охотѣ, которою онъ занимается вмѣстѣ съ многочисленными товарищами, онъ нанесъ послѣдній ударъ животному и потому шкура этого животнаго становится его личной собственностью. Обычное право дикарей отличается большою точностью на этотъ счетъ. Оно заботливо предусматриваетъ, напримѣръ, тотъ случай, когда преслѣдуемое животное пало подъ совмѣстными ударами двухъ охотниковъ: въ этомъ случаѣ шкура животнаго присуждается тому охотнику, стрѣла котораго проникла ближе къ сердцу. Оно предусматриваетъ также и

[1]) M. Kovalevsky. Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété. Stockholm 1890, pp. 52—53. Въ книгѣ покойнаго Н. Зибера „Очерки первобытной экономической культуры“ читатель найдетъ множество фактовъ, какъ нельзя болѣе ясно показывающихъ, что способы присвоенія опредѣляются способами производства.

тотъ случай, когда уже раненое животное было добито случайно подвернувшимся охотникомъ. Приложеніе индивидуальнаго труда логически порождаетъ, слѣдовательно, и индивидуальное присвоеніе. Мы можемъ прослѣдить это явленіе черезъ всю исторію. Тотъ, кто посадилъ фруктовое дерево, становится его собственникомъ... Позднѣе воинъ, завоевавшій извѣстную добычу, становится ея исключительнымъ собственникомъ, такъ что семья его уже не имѣетъ на нее никакихъ правъ; точно такъ же семья жреца не имѣетъ правъ на тѣ жертвы, которыя приносятся вѣрующими и поступаютъ въ его личную собственность. Все это одинаково хорошо подтверждается и индійскими законами, и обычнымъ правомъ южныхъ славянъ, донскихъ казаковъ или древнихъ ирландцевъ. И важно именно не ошибиться относительно истиннаго принципа такого присвоенія, являющагося результатомъ примѣненія личныхъ усилій къ добыванію извѣстнаго предмета. Въ самомъ дѣлѣ, когда къ личнымъ усиліямъ человѣка присоединяется помощь его ближнихъ... добытые предметы уже не становятся частной собственностью» [1]).

Послѣ всего сказаннаго, понятно, что предметами личнаго присвоенія раньше всего становятся: оружіе, одежда, пища, украшеніе и т. п. «Уже съ первыхъ шаговъ приручения животныхъ—собаки, лошади, кошки, рабочій скотъ, составляютъ важнѣйшій фондъ присвоенія личнаго и семейнаго»... [2]) Но до какой степени организація производства продолжаетъ вліять на способы присвоенія, показываетъ, напримѣръ, такой фактъ: у эскимосовъ охота на китовъ совершается въ большихъ лодкахъ, большими отрядами; служащія для этой цѣли лодки составляютъ общественную собственность; а маленькія лодки, служащія для перевозки предметовъ семейной собственности, сами принадлежатъ отдѣльнымъ семьямъ, или, «самое большее,— тремъ родственнымъ семьямъ».

Съ появленіемъ земледѣлія, земля дѣлается также предметомъ присвоенія. Субъектами поземельной собственности становятся болѣе или менѣе крупные кровные союзы. Это, разумѣется, одинъ изъ видовъ общественнаго присвоенія. Какъ объяснить его происхожденіе? «Намъ кажется,—говоритъ г. Ковалевскій,—что причины его лежатъ въ томъ же самомъ общественномъ производствѣ, которое повело за собою нѣкогда присвоеніе большей части движимыхъ предметовъ» [3]).

---

[1]) Ibid., p. 95.
[2]) Ibid., 57.
[3]) Ibid., 93.

Нечего и говорить, что, разъ возникнувъ, частная собственность вступаетъ въ противорѣчіе съ болѣе древнимъ способомъ общественнаго присвоенія. Тамъ, гдѣ быстрое развитіе производительныхъ силъ открываетъ все болѣе и болѣе широкое поле для «единоличныхъ усилій», общественная собственность довольно быстро исчезаетъ или продолжаетъ свое существованіе въ видѣ, такъ сказать, рудиментарнаго института. Ниже мы увидимъ, что этотъ процессъ разложенія первобытной общественной собственности въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, по самой естественной, матеріальной необходимости долженъ былъ отличаться большимъ разнообразіемъ. Теперь же мы отмѣтимъ лишь тотъ общій выводъ современной науки права, что правовыя понятія,—убѣжденія, какъ сказалъ бы Пухта,—изъ сюду опредѣляются способами производства.

Шеллингъ говорилъ когда-то, что явленіе магнетизма надо понимать, какъ внѣдреніе «субъективнаго» въ «объективное». Всѣ попытки найти идеалистическое объясненіе для исторіи права представляютъ собою не болѣе, какъ дополненіе, «Seitenstück», къ идеалистической натурфилософіи. Это все тѣ же, иногда блестящія, остроумныя, но всегда произвольныя, всегда неосновательныя разсужденія на тему о самодовлѣющемъ, саморазвивающемся духѣ.

Правовое убѣжденіе уже по одному тому не могло предшествовать житейской практикѣ, что если бы оно не выросло изъ нея, то оно явилось бы совершенно безпричиннымъ. Эскимосъ стоитъ за личное присвоеніе одежды, оружія и орудій труда по той простой причинѣ, что такое присвоеніе гораздо удобнѣе и что оно подсказывается самими свойствами вещей. Чтобы научиться хорошо владѣть своимъ оружіемъ, своимъ лукомъ или бумерангомъ, первобытный охотникъ долженъ примѣниться къ нему, хорошо изучивъ всѣ его индивидуальныя особенности, и по возможности примѣнить его къ своимъ собственнымъ индивидуальнымъ особенностямъ [1]). Частная собственность здѣсь въ порядкѣ вещей,

---

[1]) Извѣстно, что тѣсная связь между охотникомъ и его оружіемъ существуетъ у всѣхъ первобытныхъ племенъ. «Der Jäger darf sich keiner fremden Waffen bedienen», говоритъ Марціусъ о первобытныхъ обитателяхъ Бразиліи, тутъ же поясняя, откуда взялось у этихъ дикарей такое «убѣжденіе»: «Besonders behaupten diejenigen Wilden, die mit dem Blasrohr schiessen, dass dieses Geschosse durch den Gebrauch eines Fremden verdor-

гораздо болѣе, чѣмъ какой либо другой видъ присвоенія, и потому дикарь «убѣжденъ» въ ея преимуществахъ: онъ, какъ мы знаемъ, даже приписываетъ орудіямъ индивидуальнаго труда и оружію какую то таинственную связь съ ихъ собственникомъ. Но его убѣжденіе выросло на почвѣ житейской практики, а не предшествовало ей, и обязано своимъ происхожденіемъ не свойствамъ его «духа», а свойствамъ тѣхъ вещей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и характеру тѣхъ способовъ производства, которые неизбѣжны для него при данномъ состояніи его производительныхъ силъ.

До какой степени житейская практика предшествуетъ правовому «убѣжденію», показываетъ множество существующихъ въ первобытномъ правѣ символическихъ дѣйствій. Способы производства измѣнились, измѣнились съ ними и взаимныя отношенія людей въ производительномъ процессѣ, измѣнилась житейская практика, а «убѣжденіе» сохранило свой старый видъ. Оно противорѣчитъ новой практикѣ, и вотъ появляются фикціи, символическіе знаки, дѣйствія, единственная цѣль которыхъ заключается въ формальномъ устраненіи этого противорѣчія. Съ теченіемъ времени противорѣчіе устраняется, наконецъ, существеннымъ образомъ: на почвѣ новой экономической практики складывается новое правовое убѣжденіе.

Недостаточно констатировать появленіе въ данномъ обществѣ частной собственности на тѣ или другіе предметы, чтобы тѣмъ самымъ уже опредѣлить характеръ этого института. Частная собственность всегда имѣетъ предѣлы, которые всецѣло зависятъ отъ экономіи общества. «Въ дикомъ состояніи человѣкъ присваиваетъ себѣ лишь вещи, непосредственно ему полезныя. Излишекъ, хотя бы онъ и былъ пріобрѣтенъ трудомъ его рукъ, уступается имъ обыкновенно безвозмездно другимъ: членамъ семьи или клана, или племени»— говоритъ г. Ковалевскій. Совершенно то же самое говоритъ Ринкъ объ эскимосахъ. Откуда же возникаютъ такіе порядки у дикихъ народовъ? По словамъ г. Ковалевскаго, они обязаны своимъ происхожденіемъ тому, что дикари не знакомы со сбереженіемъ [1]).

---

ben werde, und geben es nicht aus ihren Händen».— Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens. München, 1332. S. 50.

Die Führung dieser Waffen (лукъ и стрѣлы) erfordet eine grosse Geschicklichkeit und beständige Uebung. Wo sie bei wilden Völkern im Gebrauche sind, berichten uns die Reisenden, dass schon die Knaben sich mit Kindergeräthen im Schiessen üben". Oscar Peschel, Völkerkunde, Leipzig, 1875, S. 190.

[1]) L. c., p. 56.

Это не совсѣмъ ясное выраженіе неудачно особенно потому, что имъ очень злоупотребляли вульгарные экономисты. Тѣмъ не менѣе понятно, въ какомъ смыслѣ употребляетъ его нашъ авторъ. «Сбереженіе» дѣйствительно незнакомо первобытнымъ народамъ по той простой причинѣ, что имъ неудобно, прямо сказать, невозможно практиковать его. Мясо убитаго звѣря можетъ быть «сбережено» лишь въ незначительной степени: оно портится и тогда становится совершенно негоднымъ для употребленія. Конечно, если бы его можно было продать, то очень легко было бы «сберечь» вырученныя за него деньги. Но деньги еще не существуютъ на этой стадіи экономическаго развитія. Слѣдовательно, сама экономія первобытнаго общества ставитъ тѣсные предѣлы развитію духа «бережливости». Кромѣ того, сегодня мнѣ посчастливилось убить большое животное, и я подѣлился его мясомъ съ другими, а завтра (охота дѣло не вѣрное) я вернулся съ пустыми руками, и со мною дѣлятся добычей другіе члены моего рода. Обычай дѣлиться является, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ взаимнаго страхованія, безъ котораго было бы совершенно невозможно существованіе охотничьихъ племенъ. Наконецъ, не надо забывать, что у такихъ племенъ частная собственность существуетъ лишь въ зачаточномъ состояніи, преобладаетъ же собственность общественная; привычки и обычаи, выросшіе на этой почвѣ, въ свою очередь ставятъ предѣлы произволу личнаго собственника. Убѣжденіе и здѣсь слѣдуетъ за экономіей.

Связь правовыхъ понятій людей съ ихъ экономическимъ бытомъ хорошо выясняется тѣмъ примѣромъ, который охотно и часто приводилъ въ своихъ сочиненіяхъ Родбертусъ. Извѣстно, что древніе римскіе писатели энергично возставали противъ ростовщичества. Катонъ-цензоръ находилъ, что ростовщикъ вдвое хуже вора (такъ и говорилъ старикъ: ровно вдвое). Въ этомъ отношеніи съ языческими писателями совершенно сходились отцы христіанской церкви. Но—замѣчательное дѣло!—и тѣ, и другіе возставали противъ процента, приносимаго денежнымъ капиталомъ. Къ ссудамъ же натурой и къ лихвѣ, приносимой ими, они относились несравненно мягче. Почему эта разница? Потому что именно денежный, ростовщическій капиталъ производилъ страшное опустошеніе въ тогдашнемъ обществѣ; потому что именно онъ «губилъ Италію». Правовое «убѣжденіе» и здѣсь шло рука объ руку съ экономіей.

«Право есть чистый продуктъ необходимости или, точнѣе, нужды,—

говоритъ Постъ,—напрасно стали бы мы искать въ немъ какой бы то ни было идеальной основы» [1]). Мы сказали бы, что это—совершенно въ духѣ новѣйшей науки права, если бы нашъ ученый не обнаруживалъ довольно значительнаго и очень вреднаго по своимъ послѣдствіямъ смѣшенія понятій.

Говоря вообще, всякій соціальный союзъ стремится выработать такую систему права, которая бы наилучше удовлетворяла его нуждамъ, которая была бы наиболѣе полезна для него въ данное время. То обстоятельство, что данная совокупность правовыхъ учрежденій полезна или вредна для общества, никоимъ образомъ не можетъ зависѣть отъ свойствъ какой бы то ни было или чьей бы то ни было «идеи»: оно зависитъ, какъ мы видѣли, отъ тѣхъ способовъ производства и отъ тѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми, которыя создаются этими способами. Въ этомъ смыслѣ у права нѣтъ и не можетъ быть идеальной основы, такъ какъ основа его всегда реальна. Но реальная основа всякой данной системы права не исключаетъ идеальнаго отношенія къ ней со стороны членовъ даннаго общества. Взятое въ цѣломъ, общество только выигрываетъ отъ такого отношенія къ ней его членовъ. Наоборотъ, въ переходныя его эпохи, когда существующая въ обществѣ система права уже не удовлетворяетъ его нуждамъ, выросшимъ вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ, передовая часть населенія можетъ и должна идеализировать новую систему учрежденій, болѣе соотвѣтствующую «духу времени». Французская литература полна примѣрами такой идеализаціи новаго, наступающаго порядка вещей.

Происхожденіе права изъ «нужды» исключаетъ «идеальную» основу права только въ представленіи тѣхъ людей, которые привыкли относить нужды къ области грубой матеріи и противопоставлять эту область «чистому», чуждому всякихъ нуждъ, «духу». Въ дѣйствительности «идеально» только то, что полезно людямъ, и всякое общество при выработкѣ своихъ идеаловъ руководствуется только своими нуждами. Кажущіяся исключенія изъ этого неоспоримо-общаго правила объясняются тѣмъ, что вслѣдствіе раз-

---

[1]) Der Ursprung des Rechts. Prolegomena zu einer allgemeinen verglei chenden Rechtswissenschaft von Dr. Alb. Herm. Post. Oldenburg, 1876.

витія общества, его идеалы нерѣдко отстаютъ отъ его новыхъ нуждъ [1]).

Сознаніе зависимости общественныхъ отношеній отъ состоянія производительныхъ силъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ современную общественную науку, несмотря на неизбѣжный эклектизмъ множества ученыхъ, несмотря на ихъ идеалистическіе предразсудки. «Подобно тому, какъ сравнительная анатомія возвысила на степень научной истины латинскую поговорку: «по когтямъ узнаю льва», такъ народовѣдѣніе можетъ отъ вооруженія даннаго народа съ точностью умозаключить о степени его цивилизаціи»,—говоритъ уже цитированный нами Оскаръ Пешель [2])—... «Со способомъ добыванія пищи тѣснѣйшимъ образомъ связано расчлененіе общества. Всюду, гдѣ человѣкъ соединяется съ человѣкомъ, является извѣстная власть. Слабѣе всего общественныя узы у бродячихъ охотничьихъ ордъ Бразиліи... Пастушескія племена находятся по большей части подъ властью патріархальныхъ владыкъ, такъ какъ стада принадлежатъ обыкновенно одному господину, которому служатъ его соплеменники, или прежде независимые, а впослѣдствіи обѣднѣвшіе обладатели стадъ. Пастушескому образу жизни преимущественно, хотя и не исключительно, свойственны великія передвиженія народовъ, какъ на сѣверѣ Стараго Свѣта, такъ и въ южной Африкѣ; напротивъ, исторія Америки знаетъ только частныя нападенія дикихъ охотничьихъ племенъ на привлекательныя для нихъ нивы культурныхъ народовъ. Цѣлые народы, покидая свои прежнія мѣста

[1]) Постъ именно принадлежитъ къ числу людей, которые далеко еще не покончили съ идеализмомъ. Такъ, напримѣръ, у него родовой союзъ соотвѣтствуетъ охотничьему и кочевому быту; съ появленіемъ же земледѣлія и связанной съ нимъ осѣдлости родовой союзъ уступаетъ мѣсто „Gaugenossenschaft“ (мы сказали бы: сосѣдской общинѣ). Кажется, ясно, что человѣкъ ищетъ ключа къ объясненію исторіи общественныхъ отношеній не въ чемъ ином, какъ въ развитіи производительныхъ силъ? Въ отдѣльныхъ случаяхъ Постъ почти всегда вѣренъ такому направленію. Но это не мѣшаетъ ему смотрѣть на „im Menschen schaffend ewigen Geist“, какъ на основную причину исторіи права. Этотъ человѣкъ какъ будто нарочно созданъ для того, чтобы радовать г. Карѣева.

[2]) L. c., S. 139. Когда мы дѣлали эту выписку, намъ представилось что г. Михайловскій быстро поднимается съ своего мѣста, восклицая: „Я могу спорить противъ этого: китайцы могутъ быть вооружены англійскими ружьями. Позволительно-ли на основаніи этихъ ружей судить о степени ихъ цивилизаціи“? Очень хорошо, г. Михайловскій: отъ англійскихъ ружей нелогично умозаключать въ китайской цивилизаціи; отъ нихъ надо заключать именно къ англійской цивилизаціи.

жительства, могли совершать большіе, продолжительные походы лишь въ сопровожденіи своихъ стадъ, которыя составляли имъ въ пути необходимую пищу. Кромѣ того, степное скотоводство само побуждаетъ къ перемѣнѣ пастбищъ. Съ осѣдлымъ же образомъ жизни и земледѣліемъ тотчасъ является стремленіе воспользоваться трудомъ рабовъ... Рабство рано или поздно ведетъ къ тираніи, такъ какъ тотъ, кто имѣетъ наибольшее число рабовъ, можетъ съ ихъ помощью подчинить своему произволу слабѣйшихъ... Раздѣленіе на свободныхъ и рабовъ есть начало сословнаго раздѣленія общества» [1]).

У Пешеля много соображеній такого рода. Одни изъ нихъ совершенно справедливы и очень поучительны; противъ другихъ «можно спорить» не одному только г. Михайловскому. Но для насъ важны здѣсь не частности, а общее направленіе мысли Пешеля. А это общее направленіе совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое мы замѣтили уже у г. Ковалевскаго: въ способахъ производства, въ состояніи производительныхъ силъ ищетъ онъ объясненія исторіи права и даже всего общественнаго устройства.

А это именно и есть то, что давно уже и настоятельно совѣтовалъ дѣлать Марксъ людямъ общественной науки. А въ этомъ и заключается въ значительной степени, хотя и не вполнѣ (читатель ниже увидитъ, почему мы говоримъ: не вполнѣ), смыслъ того знаменитаго предисловія къ «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», которому такъ не повезло у насъ въ Россіи, которое было такъ страшно и такъ странно плохо понято большинствомъ русскихъ писателей, читавшихъ его въ подлинникѣ или въ извлеченіяхъ.

«Въ общественномъ производствѣ своей жизни люди наталкиваются на извѣстныя, необходимыя, отъ ихъ воли независящія отношенія — отношенія производства, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка».

Гегель говоритъ о Шеллингѣ, что у этого философа основныя положенія системы остаются неразвитыми, и абсолютный духъ является неожиданно, какъ пистолетный выстрѣлъ (wie

[1]) l. c. SS. 252—253.

aus per Pistole geschossen). Когда средній русскій интеллигентъ слышитъ, что у Маркса «все сводится къ экономической основѣ» (иные говорятъ просто: «къ экономическому»), онъ теряется, какъ будто надъ его ухомъ неожиданно выстрѣлили изъ пистолета: «да почему же къ экономическому?»—спрашиваетъ онъ въ тоскѣ и недоумѣніи. «Слова нѣтъ, важно и экономическое (особенно для бѣдныхъ крестьянъ и рабочихъ). Но вѣдь не менѣе же важно и умственное (особенно для насъ, для интеллигенціи)». Предыдущее изложеніе, надѣемся, показало читателю, что недоумѣніе средняго россійскаго интеллигента происходитъ въ этомъ случаѣ лишь оттого, что онъ, интеллигентъ, всегда былъ нѣсколько беззаботенъ на счетъ «особенно важнаго» для него «умственнаго». Когда Марксъ говорилъ, что «анатомію гражданскаго общества надо искать въ его экономіи», онъ вовсе не думалъ смущать ученый міръ неожиданными выстрѣлами: онъ лишь давалъ прямой и точный отвѣтъ на «проклятые вопросы», мучившіе мыслящія головы въ теченіе цѣлаго вѣка.

Французскіе матеріалисты, послѣдовательно развивая свои сенсуалистическіе взгляды, пришли къ тому выводу, что человѣкъ со всѣми своими мыслями, чувствами и стремленіями составляетъ продуктъ окружающей его общественной среды. Чтобы идти дальше въ примѣненіи матеріалистическаго взгляда къ ученію о человѣкѣ, надо было рѣшить вопросъ о томъ, чѣмъ же обусловливается строеніе общественной среды, и каковы законы ея развитія. Французскіе матеріалисты не умѣли отвѣтить на этотъ вопросъ, и тѣмъ самымъ вынуждены были измѣнить себѣ, вернуться на старую, ими столь рѣзко осужденную, идеалистическую точку зрѣнія: они говорили, что среда создается «мнѣніемъ» людей. Не довольствуясь этимъ поверхностнымъ отвѣтомъ, французскіе историки временъ реставраціи поставили себѣ цѣлью анализировать общественную среду. Результатомъ ихъ анализа былъ тотъ чрезвычайно важный для науки выводъ, что политическія конституціи коренятся въ соціальныхъ оношеніяхъ, а соціальныя отношенія опредѣляются состояніемъ собственности. Вмѣстѣ съ этимъ выводомъ передъ наукою возникалъ новый вопросъ, не разрѣшивъ котораго она не могла двинуться дальше: отъ чего же зависитъ состояніе собственности? Разрѣшеніе этого вопроса оказалось не по силамъ французскимъ историкамъ временъ реставраціи, и они вынуждены были отговариваться отъ него ровно ничего не объясняющими соображеніями о свойствахъ человѣческой природы.

Жившіе и дѣйствовавшіе одновременно съ ними великіе идеалисты Германіи,—Шеллингъ и Гегель,—уже хорошо понимали неудовлетворительность точки зрѣнія человѣческой природы: Гегель ѣдко подсмѣивался надъ нею. Они понимали, что ключа къ объясненію историческаго движенія человѣчества надо искать внѣ природы человѣка. Это было большой заслугой съ ихъ стороны, но чтобы эта заслуга оказалась вполнѣ плодотворной для науки, надо было показать, гдѣ же именно слѣдуетъ искать этого ключа. Они искали его въ свойствахъ духа, въ логическихъ законахъ развитія абсолютной идеи. Это было коренной ошибкой великихъ идеалистовъ, возвращавшей ихъ, окольнымъ путемъ, къ точкѣ зрѣнія человѣческой природы, такъ какъ абсолютная идея,—мы уже видѣли это,—есть не что иное, какъ олицетвореніе нашего логическаго процесса мышленія. Геніальное открытіе Маркса исправляетъ эту коренную ошибку идеализма, тѣмъ самымъ нанося ему смертельный ударъ: состояніе собственности, а съ нимъ и всѣ свойства соціальной среды (въ главѣ объ идеалистической философіи мы видѣли, что и Гегель вынужденъ былъ признавать рѣшающее значеніе «состоянія собственности») опредѣляются не свойствами абсолютнаго духа и не характеромъ человѣческой природы, а тѣми взаимными отношеніями, въ которыя люди по необходимости становятся другъ къ другу «въ общественномъ процессѣ производства своей жизни», т. е. въ своей борьбѣ за существованіе. Маркса часто сравнивали съ Дарвиномъ,—сравненіе, приводящее въ смѣшливое настроеніе г.г. Михайловскаго, Карѣева и братію ихъ. Ниже мы скажемъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать это сравненіе, хотя, вѣроятно, и безъ насъ уже видятъ это многіе читатели; теперь же мы позволимъ себѣ, не во гнѣвъ нашимъ субъективнымъ мыслителямъ, другое сравненіе.

До Коперника астрономія учила, что земля есть неподвижный центръ, вокругъ котораго обращаются солнце и другія небесныя свѣтила. Съ помощью этого взгляда невозможно было объяснить очень многія явленія небесной механики. Геніальный полякъ подошелъ къ дѣлу ихъ объясненія съ совершенно противоположной стороны: онъ предположилъ, что не солнце вращается вокругъ земли, а, наоборотъ, земля вокругъ солнца, и правильная точка зрѣнія была найдена, и многое стало ясно изъ того, что было неясно до Коперника.—До Маркса люди общественной науки исходили изъ понятія о человѣческой природѣ; благодаря этому оставались неразрѣшимыми важнѣйшіе вопросы человѣческаго развитія. Ученіе Маркса

придало дѣлу совершенно другой оборотъ: между тѣмъ какъ человѣкъ, для поддержанія своего существованія, сказалъ Марксъ, воздѣйствуетъ на природу внѣ его, онъ измѣняетъ свою собственную природу. Слѣдовательно, дѣло научнаго объясненія историческаго развитія надо начинать съ противоположнаго конца: надо выяснить, какимъ образомъ совершается этотъ процессъ производительнаго воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу. По своей великой важности для науки, это открытіе можетъ быть смѣло поставлено наряду съ открытіемъ Коперника и вообще наряду съ величайшими, плодотворнѣйшими научными открытіями.

Собствено говоря, до Маркса общественная наука была гораздо болѣе лишена твердой основы, чѣмъ астрономія до Коперника. Французы называли и называютъ всѣ науки, имѣющія дѣло съ человѣческимъ обществомъ, sciences morales et politiques, въ отличіе отъ «sciences», «наукъ» въ собственномъ смыслѣ этого слова, которыя признавались и признаются единственно точными науками. И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной. Пока ученые апеллировали къ человѣческой природѣ, какъ къ верховной инстанціи, они по необходимости должны были объяснять общественныя отношенія людей ихъ взглядами, ихъ сознательною дѣятельностью; но сознательная дѣятельность есть такая дѣятельность человѣка, которая необходимо должна представляться ему дѣятельностью свободной. Свободная же дѣятельность исключаетъ понятіе о необходимости, т. е. о законосообразности, а законосообразность есть необходимая основа всякаго научнаго объясненія явленій. Представленіе о свободѣ заслоняло собою понятіе о необходимости и тѣмъ мѣшало развитію науки. Эту аберрацію можно до сихъ поръ съ поразительной ясностью наблюдать въ «соціологическихъ» произведеніяхъ «субъективныхъ» русскихъ писателей.

Но мы уже знаемъ: свобода должна быть необходимостью. Заслоняя понятіе о необходимости, представленіе о свободѣ само сдѣлалось до крайности тусклымъ и очень мало утѣшительнымъ. Выгнанная въ дверь, необходимость влетала въ окно; исходя изъ представленія о свободѣ, изслѣдователи помимо воли наталкивались на необходимость и приходили, въ концѣ концовъ, къ печальному признанію ея рокового, неотразимаго, ничѣмъ непреоборимаго дѣйствія. Къ ихъ ужасу, свобода оказывалась вѣчной, безпомощной и безнадежной данницей, безсильной игрушкой въ ру-

кахъ слѣпой необходимости. И поистинѣ трогательно то отчаяніе, въ которое приходили по временамъ самыя ясныя, самыя благородныя, идеалистическія головы. «Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней я каждую минуту берусь за перо,—говоритъ Георгъ Бюхнеръ,—но не могу написать ни слова. Я изучалъ исторію революціи. Я чувствовалъ себя какъ бы раздавленнымъ ужаснымъ фатализмомъ исторіи. Я вижу въ человѣческой природѣ отвратительную заурядность, въ человѣческихъ же отношеніяхъ непреодолимую силу, принадлежащую всѣмъ вообще и никому въ частности. Отдѣльная личность есть лишь пѣна на поверхности волны, величіе—лишь случай, власть генія—лишь кукольная комедія, смѣшное стремленіе бороться противъ желѣзнаго закона, который въ лучшемъ случаѣ можно лишь узнать, но который невозможно подчинить своей волѣ» [1]). Можно сказать что уже для избѣжанія такихъ припадковъ вполнѣ, впрочемъ, законнаго отчаянія стоило хоть на время покинуть старую точку зрѣнія и попытаться освободить свободу, апеллируя къ этой же самой, глумящейся надъ нею, необходимости; слѣдовало еще разъ пересмотрѣть выдвинутый уже идеалистами-діалектиками вопросъ о томъ, не вытекаетъ ли свобода изъ необходимости, не составляетъ ли эта послѣдняя единственной твердой основы, единственной прочной гарантіи, неизбѣжнаго условія человѣческой свободы?

Мы увидимъ, къ чему приводитъ подобная попытка у Маркса. Но предварительно постараемся выяснить себѣ его историческіе взгляды такъ, чтобы у насъ не оставалось на ихъ счетъ уже никакихъ недоразумѣній.

На почвѣ даннаго состоянія производительныхъ силъ слагаются извѣстныя отношенія производства, которыя получаютъ свое идеальное выраженіе въ правовыхъ понятіяхъ людей и въ болѣе или менѣе «отвлеченныхъ правилахъ», въ неписанныхъ обычаяхъ и писанныхъ законахъ. Доказывать это намъ уже нѣтъ надобности: это, какъ мы видѣли, доказываетъ за насъ современная наука права (пусть читатель припомнитъ, что говоритъ по этому поводу г. Ковалевскій). Но не мѣшаетъ взглянуть на это дѣло съ другой, именно вотъ съ какой стороны. Разъ мы выяснили себѣ, какимъ образомъ

---

[1]) Въ письмѣ къ невѣстѣ, писанномъ въ 1833 г. Примѣчаніе для г. Михайловскаго. Это не тотъ Бюхнеръ, который проповѣдывалъ матеріализмъ въ „общефилософскомъ смыслѣ“; это его рано умершій братъ, авторъ знаменитой трагедіи „Смерть Дантона“.

правовыя понятія людей создаются ихъ отношеніями производства, насъ уже не удивятъ слѣдующія слова Маркса: «Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе (т. е. форму ихъ общественнаго существованія), а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе». Теперь мы уже знаемъ, что, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одной области сознанія, это дѣйствительно такъ, и почему это такъ. Намъ остается только рѣшить, всегда ли это такъ и если да, то почему же это всегда такъ? Будемъ держаться пока тѣхъ же правовыхъ понятій.

«На извѣстной ступени своего развитія производительныя силы общества вступаютъ въ противорѣчіе съ существующими въ этомъ обществѣ отношеніями производства, или, выражая то же самое юридическимъ—языкомъ, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ они развивались до сихъ поръ. Изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ препятствіе для ихъ развитія. Тогда наступаетъ эпоха общественнаго переворота».

Общественная собственность на движимость и недвижимость возникаетъ вслѣдствіе того, что она удобна, больше того—необходима для процесса первобытнаго производства. Она поддерживаетъ существованіе первобытнаго общества, она содѣйствуетъ дальнѣйшему развитію его производительныхъ силъ, и люди держатся за нее, они считаютъ ее естественной и необходимой. Но вотъ, благодаря этимъ отношеніямъ собственности и внутри ихъ, производительныя силы развились настолько, что открылось болѣе широкое поле для приложенія индивидуальныхъ усилій. Теперь общественная собственность становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредной для общества, она препятствуетъ дальнѣйшему развитію его производительныхъ силъ и потому она уступаетъ мѣсто личному присвоенію: въ правовыхъ учрежденіяхъ общества совершается болѣе или менѣе быстрый переворотъ. Этотъ переворотъ необходимо сопровождается переворотомъ въ правовыхъ понятіяхъ людей: люди, которые прежде думали, что хороша только общественная собственность, стали думать теперь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучше единичное присвоеніе. Впрочемъ, нѣтъ, мы выражаемся неточно, мы изображаемъ, какъ два отдѣльныхъ процесса, то, что совершенно нераздѣлимо, что представляетъ лишь двѣ стороны одного и того же процесса: вслѣдствіе развитія производительныхъ силъ должны были измѣниться фактическія отношенія людей въ процессѣ произ-

водства, и эти новыя фактическія отношенія выразились въ новыхъ правовыхъ понятіяхъ.

Г. Карѣевъ увѣряетъ насъ, что матеріализмъ такъ же односторонненъ въ примѣненіи къ исторіи, какъ и идеализмъ. И тотъ, и другой представляютъ собою, по его мнѣнію, лишь «моменты» въ развитіи полной научной истины. «За первымъ и вторымъ моментами надлежитъ наступить третьему моменту: односторонности тезиса и антитезы найдутъ свое примиреніе въ синтезѣ, какъ выраженіи полной истины» [1]). Это будетъ очень интересный синтезъ. «Въ чемъ будетъ заключаться такой синтезъ, — я пока говорить не стану». Жаль! Къ счастью, нашъ «исторіософъ» не очень строго соблюдаетъ эту, наложенную имъ самимъ на себя, заповѣдь молчанія. Онъ немедленно даетъ понять, въ чемъ будетъ заключаться и откуда выростаетъ та полная научная истина, которая современемъ будетъ понята, наконецъ, всѣмъ просвѣщеннымъ человѣчествомъ, а пока извѣстна лишь г. Карѣеву. Она выростетъ изъ слѣдующихъ соображеній: «Каждая человѣческая личность, состоя изъ тѣла и души, ведетъ двоякую жизнь — физическую и психическую, не являясь передъ нами ни исключительно плотью съ ея матеріальными потребностями, ни исключительно духомъ съ его потребностями интеллектуальными и моральными. И у тѣла, и у души человѣка, есть свои потребности, ищущія своего удовлетворенія и ставящія отдѣльную личность въ различное отношеніе къ внѣшнему міру, т. е. къ природѣ и другимъ людямъ, т. е. къ обществу, и эти отношенія бываютъ двоякаго рода» [2]).

Что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, это «синтезъ» справедливый, хотя и не то, чтобы уже очень новый. Если г. профессоръ знакомъ съ исторіей новѣйшей философіи, то онъ долженъ же знать, что объ него, объ этотъ самый синтезъ, она обламывала свои зубы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, не будучи въ состояніи справиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ. И если онъ воображаетъ, что этотъ «синтезъ» откроетъ ему «сущность историческаго процесса», то самъ г. В. В. долженъ будетъ согласиться, что съ его «профессоромъ» происходитъ что-то неладное, и что не г. Карѣеву суждено стать Спинозой «исторіософіи».

Съ развитіемъ производительныхъ силъ, ведущихъ къ измѣненію взаимныхъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ про-

---

[1]) „Вѣстн. Европы". Іюль 1894 г., стр. 6.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

изводства, измѣняются всѣ отношенія собственности. Но вѣдь еще Гизо говорилъ намъ, что въ отношеніяхъ собственности коренятся политическія конституціи. Это вполнѣ подтверждается новѣйшей наукой. Кровный союзъ уступаетъ мѣсто территоріальному союзу именно вслѣдствіе перемѣнъ, возникшихъ въ отношеніяхъ собственности. Болѣе или менѣе крупные территоріальные союзы сливаются въ организмы, называемые государствами, опять таки вслѣдствіе уже совершившихся перемѣнъ въ отношеніяхъ собственности или вслѣдствіе новыхъ нуждъ общественнаго производственнаго процесса. Это прекрасно выяснено, напримѣръ, по отношенію къ крупнымъ государствамъ Востока [1]). Не менѣе хорошо выяснено это и по отношенію къ античнымъ государствамъ [2]). И вообще не трудно показать это по отношенію ко всякому данному государству, о происхожденіи котораго у насъ есть достаточно свѣдѣній. При этомъ нужно только не суживать, умышленно или неумышленно, взглядъ Маркса. Мы хотимъ сказать вотъ что.

Даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ обусловливаются внутреннія отношенія даннаго общества. Но вѣдь этимъ же состояніемъ обусловливаются и внѣшнія его отношенія къ другимъ обществамъ. На почвѣ этихъ внѣшнихъ отношеній у общества являются новыя нужды, для удовлетворенія которыхъ выростаютъ новые органы. При поверхностномъ взглядѣ на дѣло, взаимныя отношенія отдѣльныхъ обществъ представляются, какъ рядъ «политическихъ» дѣйствій, не имѣющихъ прямого отношенія къ экономіи. Въ дѣйствительности, въ основѣ междуобщественыхъ отношеній лежитъ именно экономія, опредѣляющая собою какъ дѣйствительные (а не внѣшніе только) поводы къ междуплеменнымъ и международнымъ отношеніямъ, такъ и ихъ результатъ. Каждой ступени въ развитіи производительныхъ силъ соотвѣтствуетъ своя система вооруженія, своя военная тактика, свое меж-

---

[1]) См. книгу покойнаго Л. Мечникова о „великихъ историческихъ рѣкахъ“. Въ этой книгѣ авторъ, въ сущности, лишь подвелъ итогъ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришли наиболѣе авторитетные историки-спеціалисты, напримѣръ, Ленорманъ. Элизе Реклю въ предисловіи къ названной книгѣ говоритъ, что взглядъ Мечникова составитъ эпоху въ исторіи науки. Это невѣрно въ томъ смыслѣ, что этотъ взглядъ не новъ: еще Гегель высказывалъ его самымъ опредѣленнымъ образомъ. Но несомнѣно, что наука чрезвычайно много выиграетъ, если будетъ послѣдовательно держаться его.

[2]) См. книгу Моргана: „Ancient society“ и книгу Энгельса: „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства“.

дународное право. Конечно, можно указать много случаевъ, въ которыхъ международныя столкновенія не имѣютъ прямого отношенія къ экономіи. И никому изъ послѣдователей Маркса не придетъ въ голову оспаривать существованіе такихъ случаевъ. Они говорятъ только: не останавливайтесь на поверхности явленій, спускайтесь глубже, спросите себя, на какой почвѣ выросло данное международное право? Что создало возможность даннаго рода международныхъ столкновеній?—и вы прійдете въ концѣ концовъ къ экономіи. Правда, разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ затрудняется тѣмъ, что въ борьбу вступаютъ нерѣдко общества, переживающія неодинаковые фазисы экономическаго развитія.

Но тутъ насъ прерываетъ хоръ проницательныхъ противниковъ. «Хорошо,—кричатъ они,—допустимъ, что политическія отношенія коренятся въ экономическихъ. Но разъ даны политическія отношенія, они,—откуда бы ни взялись,—въ свою очередь вліяютъ на экономію. Слѣдовательно, тутъ существуетъ взаимодѣйствіе и ничего кромѣ взаимодѣйствія».

Это возраженіе не придумано нами. До какой степени оно цѣнится противниками «экономическаго матеріализма», показываетъ слѣдующее «истинное происшествіе».

Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» приводитъ факты, показывающіе, что англійская аристократія пользовалась своей политической властью для того, чтобы обдѣлывать свои дѣлишки по части землевладѣнія. Докторъ Пауль Бартъ, написавшій «критическій опытъ» подъ названіемъ: «Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer», ухватился за это, чтобы упрекнуть Маркса въ противорѣчіи: сами же, дескать, признаете, что тутъ существуетъ взаимодѣйствіе, а для доказательства того, что взаимодѣйствіе дѣйствительно существуетъ, нашъ докторъ ссылается на книгу Штэрнега, писателя, много сдѣлавшаго для изслѣдованія экономической исторіи Германіи. Г. Карѣевъ думаетъ, что «страницы, посвященныя въ книгѣ Барта критикѣ экономическаго матеріализма, могутъ быть указаны въ качествѣ образчика того, какъ слѣдуетъ рѣшать вопросъ о роли экономическаго фактора въ исторіи». Само собою разумѣется, что онъ не преминулъ указать читателямъ на возраженія Барта и на авторитетное заявленіе Инамы-Штэрнега, «который даже формулируетъ такое общее положеніе, что взаимодѣйствіе между политикой и хозяйствомъ является основной чертой развитія всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ». Надо хоть немного разобраться въ этой путаницѣ.

Во-первыхъ, что собственно говоритъ Инама-Штэрнегъ? По поводу каролингскаго періода экономической исторіи Германіи онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Взаимодѣйствіе между политикой и хозяйствомъ, составляющее основную черту развитія всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ, можно прослѣдить здѣсь самымъ точнымъ образомъ. Политическая роль, выпадающая на долю даннаго народа, оказываетъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе его силъ, на складъ и выработку его соціальныхъ учрежденій; точно такъ же внутренняя сила, присущая народу, и естественные законы ея развитія опредѣляютъ собою мѣру и родъ его политической дѣятельности. Совершенно такъ, политическая система Каролинговъ не менѣе повліяла на соціальный строй, на хозяйственныя отношенія, въ которыхъ народъ жилъ въ то время, чѣмъ стихійныя силы народа,—его хозяйственная жизнь—повліяла на направленіе этой политической системы, наложивъ на нее своеобразную печать [1]). И только. Это не много, но это немногое считается достаточнымъ для того, чтобы опровергнуть Маркса.

Припомнимъ теперь, во-вторыхъ, что говоритъ Марксъ объ отношеніи экономіи къ праву и политикѣ.

«Правовыя и политическія учрежденія складываются на почвѣ фактическихъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства. До поры, до времени эти учрежденія содѣйствуютъ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ народа, процвѣтанію его экономической жизни». Это точныя слова Маркса; и мы спрашиваемъ перваго встрѣчнаго добросовѣстнаго человѣка, заключается ли въ этихъ словахъ отрицаніе значенія политическихъ отношеній въ развитіи экономіи, и опровергаютъ ли Маркса тѣ люди, которые напоминаютъ ему объ этомъ значеніи? Не правда ли, такого отрицанія у Маркса нѣтъ и слѣда, и что указанные люди ровно ничего не опровергаютъ? До такой степени—правда, что считаться приходится съ вопросомъ не о томъ, опровергнутъ ли Марксъ, а о томъ, отчего же такъ плохо его поняли? А на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить только французской пословицей: la plus belle fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a. Критики Маркса не могутъ превзойти ту мѣру пониманія, которая отпущена имъ благодѣтельной натурой [2])

[1]) Deutsche Wirtschaftgeschichte bis zum schluss der Karolingenperiode. I Band. Leipzig. 1889. SS. 223—234.

[2]) Марксъ говоритъ: всякая классовая борьба есть борьба политическая. Слѣдовательно, умозаключаетъ Бартъ,

Взаимодѣйствіе между политикой и экономіей существуетъ. Это такъ же несомнѣнно, какъ и то, что г. Карѣевъ не понимаетъ Маркса. Но существованіе взаимодѣйствія запрещаетъ ли намъ идти дальше въ дѣлѣ анализа общественной жизни? Нѣтъ, думать такъ, значило бы почти то же самое, что вообразить, будто непониманіе, обнаруживаемое г. Карѣевымъ, можетъ помѣшать намъ добраться правильныхъ «исторіософическихъ» понятій.

Политическія учрежденія вліяютъ на хозяйственную жизнь. Они — или содѣйствуютъ развитію этой жизни, или препятствуютъ ему. Первый случай нисколько не удивителенъ съ точки зрѣнія Маркса, такъ какъ данная политическая система затѣмъ и создается, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ (сознательно или безсознательно создается, для насъ въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно). Второй случай нисколько не противорѣчитъ этой точкѣ зрѣнія, такъ какъ историческій опытъ показываетъ, что разъ данная политическая система перестаетъ соотвѣтствовать состоянію производительныхъ силъ, разъ она превращается въ препятствіе для ихъ дальнѣйшаго развитія, она начинаетъ клониться къ упадку и, наконецъ, устраняется. И мало того, что этотъ случай не противорѣчитъ ученію Маркса: онъ наплучшимъ образомъ его подтверждаетъ, потому что именно онъ показываетъ, въ какомъ смыслѣ экономія

политика, по вашему, совсѣмъ не вліяетъ на экономію, а между тѣмъ вы сами же приводите факты, показывающіе... и прочее.—Браво,—восклицаетъ г. Карѣевъ,—вотъ это я называю образцомъ того, какъ надо спорить съ Марксомъ! „Образецъ“ г. Карѣева вообще обнаруживаетъ удивительную силу мысли. „Руссо,—говоритъ образецъ,—жилъ въ обществѣ, гдѣ до крайности были доведены сословныя различія и привилегіи, гдѣ всѣ подчинены были всемогущему деспотизму; и однако, заимствованный изъ древности методъ раціональнаго построенія государства,—методъ, которымъ пользовались также Гоббсъ и Локкъ, привелъ Руссо къ созданію идеала общества, основаннаго на всеобщемъ равенствѣ и самодержавіи народа. Этотъ идеалъ совершенно противорѣчилъ существовавшему во Франціи строю. Теорія Руссо была осуществлена конвентомъ на практикѣ; стало быть, философія повліяла на политику, а черезъ ея посредство и на экономію“ (L. c. s. 58).

Какъ вамъ нравится эта блестящая аргументація, въ интересахъ которой Руссо, сынъ бѣднаго женевскаго республиканца, оказался продуктомъ аристократическаго общества? Оспаривать г. Барта значитъ вдаваться въ повторенія. Но что сказать о г. Карѣевѣ, рукоплещущемъ Барту? Ахъ, г. В. В., плохъ, ей-богу, плохъ вашъ „профессоръ исторіи“! Совѣтуемъ вамъ совершенно безкорыстно: ищите себѣ новаго „профессора“.

господствуетъ надъ политикой, какимъ образомъ развитіе производительныхъ силъ опережаетъ политическіе развитіе народа.

Экономическая эволюція ведетъ за собою правовые перевороты. Не легко понять это метафизику, который,—хотя и кричитъ о взаимодѣйствіи,—привыкъ разсматривать явленіе одно послѣ другого и одно независимо отъ другого. Напротивъ, безъ труда понимаетъ это человѣкъ, хоть немного способный къ діалектическому мышленію. Онъ знаетъ, что количественныя измѣненія, постепенно накопляясь, приводятъ, наконецъ, къ измѣненіямъ качества и что эти измѣненія качествъ представляютъ собою моменты скачковъ, перерывовъ постепенности.

Тутъ уже наши противники не выдерживаютъ и произносятъ свое «слово и дѣло»: да вѣдь такъ разсуждалъ Гегель, кричатъ они. Такъ поступаетъ вся природа, отвѣчаемъ мы.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Примѣнительно къ исторіи эту пословицу можно видоизмѣнить такъ: сказка сказывается очень просто, а дѣло дѣлается до крайности сложно. Вѣдь это легко сказать: развитіе производительныхъ силъ ведетъ за собою перевороты въ правовыхъ учрежденіяхъ! Перевороты эти представляютъ собою сложные процессы, въ теченіе которыхъ интересы отдѣльныхъ членовъ общества группируются самымъ прихотливымъ образомъ. Однимъ выгодно поддерживать старые порядки,—и они отстаиваютъ ихъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Для другихъ старые порядки стали уже вредны и ненавистны, они нападаютъ на нихъ со всею тою силою, какою они располагаютъ. И это еще не все. Интересы новаторовъ тоже далеко не всегда одинаковы: однимъ важнѣе однѣ реформы, другимъ другія. Споры возникаютъ въ самомъ лагерѣ реформаторовъ, борьба усложняется. И хотя, по справедливому замѣчанію г. Карѣева, человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, борьба за самые несомнѣнные матеріальные интересы необходимо ставитъ передъ спорящими сторонами самый несомнѣнно-духовный вопросъ: вопросъ о справедливости. Насколько противорѣчитъ ей старый порядокъ? Насколько согласны съ нею новыя требованія? Эти вопросы неизбѣжно возникаютъ въ умахъ борющихся, хотя борющіеся не всегда назовутъ справедливость просто справедливостью, а можетъ быть, олицетворятъ ее въ видѣ какой нибудь человѣкоподобной или даже звѣроподобной богини. Такъ, вопреки заклятію, наложенному на нихъ г. Карѣевымъ «тѣло» порождаетъ «душу»: экономическая борьба вызываетъ

нравственные вопросы, а «душа» при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается «тѣломъ»: «справедливость» старовѣровъ нерѣдко оказывается интересомъ эксплуататоровъ.

Тѣ же самые люди, которые съ такой поразительной находчивостью приписываютъ Марксу отрицаніе значенія политики, утверждаютъ, будто онъ не придавалъ ровно никакого значенія ни нравственнымъ, ни философскимъ, ни религіознымъ, ни эстетическимъ понятіямъ людей, вездѣ и всюду видя одно «экономическое». Это опять неестественное празднословіе, какъ выражался Щедринъ. Марксъ не отрицалъ «значенія» всѣхъ этихъ понятій; онъ только выяснилъ ихъ генезисъ.

«Что такое электричество?—Особый родъ движенія. Что такое теплота?—Особый родъ движенія. Что такое свѣтъ?—Особый родъ движенія. А, такъ вотъ какъ! Вы, стало быть, не придаете значенія ни свѣту, ни теплотѣ, ни электричеству! У васъ все одно движеніе; какая односторонность, какая узость по нятій!» Именно такъ, именно узость, господа. Вы прекрасно поняли смыслъ ученія о превращеніи энергіи.

Всякая данная ступень развитія производительныхъ силъ необходимо ведетъ за собою опредѣленную группировку людей въ общественномъ производательномъ процессѣ, т. е. опредѣленныя отношенія производства, т. е. опредѣленную структуру всего общества. А разъ дана структура общества, не трудно понять, что ея характеръ отразится вообще на всей психологіи людей, на всѣхъ ихъ привычкахъ, нравахъ, чувствахъ, взглядахъ, стремленіяхъ и идеалахъ. Привычки, нравы, взгляды, стремленія и идеалы необходимо должны приспособиться къ образу жизни людей, къ ихъ способу добыванія себѣ ропитанія (по выраженію Пешеля). Психологія общества всегда цѣлесообразна по отношенію къ его экономіи, всегда соотвѣтствуетъ ей, всегда опредѣляется ею. Тутъ повторяется то же явленіе, которое еще греческіе философы замѣчали въ природѣ: цѣлесообразность торжествуетъ по той простой причинѣ, что нецѣлесообразное самымъ характеромъ своимъ осуждено на гибель. Выгодно ли для общества въ его борьбѣ за существованіе это приспособленіе его психологіи къ его экономіи, къ условіямъ его жизни? Очень выгодно, потому что привычки и взгляды, не-соотвѣтствующіе экономіи, противорѣчащіе условіямъ существованія, помѣшали бы отстаивать это существованіе. Цѣлесообразная психологія такъ же полезна для общества, какъ хорошо

соотвѣтствующіе своей цѣли органы полезны для организма. Но сказать, что органы животныхъ должны соотвѣтствовать условіямъ ихъ существованія, значитъ ли это сказать, что органы не имѣютъ значенія для животнаго? Совершенно наоборотъ. Это значитъ признать ихъ колоссальное, ихъ существенное значеніе. Только очень слабыя головы могутъ понять дѣло иначе. Вотъ то же самое, какъ разъ то же самое, господа, и съ психологіей. Признавая, что она приспособляется къ экономіи общества, Марксъ тѣмъ самымъ признавалъ ея огромное, ничѣмъ незамѣнимое значеніе.

Разница между Марксомъ и, напр., г. Карѣевымъ сводится здѣсь къ тому, что этотъ послѣдній, не смотря на свою склонность къ «синтезу», остается дуалистомъ чистѣйшей воды. У него—тутъ экономія, тамъ—психологія; въ одномъ карманѣ—душа; въ другомъ—тѣло. Между этими субстанціями есть взаимодѣйствіе, но каждая изъ нихъ ведетъ свое самостоятельное существованіе, происхожденіе котораго покрыто мракомъ неизвѣстности [1]). Точка зрѣнія Маркса устраняетъ этотъ дуализмъ. У него экономія общества и его психологія представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія «производства жизни» людей, ихъ борьбы за существованіе, въ которой они группируются извѣстнымъ образомъ, благодаря данному состоянію производительныхъ силъ. Борьба за существованіе создаетъ ихъ экономію; на ея же почвѣ вырастаетъ и ихъ психологія. Экономія сама есть нѣчто производное, какъ и психологія. И именно потому измѣняется экономія всякаго прогрессирующаго общества: новое состояніе производительныхъ силъ ведетъ за собою новую экономическую структуру, равно какъ и новую психологію, новый «духъ времени». Изъ этого видно, что только въ популярной рѣчи можно говорить объ экономіи, какъ о первичной причинѣ всѣхъ общественныхъ явленій. Далекая отъ того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть слѣдствіе, «функція» производительныхъ силъ.

А теперь слѣдуютъ обѣщанные въ примѣчаніи пункты. «И у тѣла, и у души есть свои потребности, ищущія своего удовлетворенія и ставящія отдѣльную личность въ различное отношеніе къ внѣшнему

---

[1]) Не подумайте, что мы клевещемъ на почтеннаго профессора. Онъ съ большой похвалой проводитъ мнѣніе Барта, по которому „право ведетъ самостоятельное, хотя и не независимое существованіе“. Вотъ эта то „самостоятельность, хотя и не независимость“ и мѣшаетъ г. Карѣеву познать „сущность историческаго процесса“. Какъ именно мѣшаетъ, тому сейчасъ, въ текстѣ, послѣдуютъ пункты.

міру, т. е. къ природѣ и къ другимъ людямъ... отношеніе человѣка къ природѣ въ зависимости отъ физическихъ и духовныхъ потребностей личности создаетъ поэтому, съ одной стороны, разнаго рода искусства, направленныя на то, чтобы обезпечить матеріальное существованіе личности, съ другой стороны—всю умственную и нравственную культуру»... Матеріалистическое отношеніе человѣка къ природѣ коренится въ потребностяхъ тѣла, въ свойствахъ матеріи. Въ потребностяхъ тѣла надо отыскивать «причины звѣроловства, скотоводства, земледѣлія, обрабатывающей промышленности, торговли и денежныхъ операцій».—По здравому разсужденію это, конечно, такъ: вѣдь не будь у насъ тѣла, зачѣмъ намъ понадобились бы скоты и звѣри, земля и машины, торговля и золото? Но, съ другой стороны, надо и то сказать: что такое тѣло безъ души? Не болѣе, какъ матерія, а вѣдь матерія мертва. Вѣдь, сама она ничего создавать не можетъ, если, въ свою очередь, не состоитъ изъ души и тѣла. Стало быть, ловитъ звѣрей, приручаетъ скотовъ, обрабатываетъ землю, торгуетъ и засѣдаетъ въ банкахъ матерія не своимъ умомъ, а по указанію души. Стало быть, въ душѣ надо искать послѣдней причины возникновенія матеріалистическаго отношенія человѣка къ природѣ. Стало быть, у души тоже есть двойственныя потребности; стало быть, она тоже состоитъ изъ души и тѣла, а это выходитъ какъ-то очень несообразно. Да это не все. Невольно беретъ «мнѣніе» и вотъ еще по какому поводу. По г. Карѣеву выходитъ, что на почвѣ тѣлесныхъ потребностей выростаетъ матеріалистическое отношеніе человѣка къ природѣ. Но точно-ли это? Къ одной ли природѣ? Г. Карѣевъ помнитъ, можетъ быть, какъ аббатъ Гибэръ проклиналъ стремившіяся къ своему освобожденію отъ феодальнаго ига городскія общины, эти «гнусныя» учрежденія, единственной цѣлью существованія которыхъ было будто бы уклоненіе отъ справедливаго исполненія феодальныхъ повинностей. Что тутъ говорило въ аббатѣ Гибэрѣ: «тѣло», или «душа»? Если «тѣло», то, опять говоримъ, стало быть, оно тоже состоитъ изъ «тѣла» и «души»; а если «душа» то стало быть, она состоитъ изъ «души» и «тѣла», ибо она обнаружила въ разсматриваемомъ случаѣ очень мало того безкорыстнаго отношенія къ явленіямъ, которое, по словамъ г. Карѣева, составляетъ отличительную особенность «души». Вотъ тутъ и разбирайся! Г-нъ Карѣевъ скажетъ, можетъ быть, что въ аббатѣ Гибэрѣ говорила собственно душа, но говорила подъ диктовку тѣла, и что то же происходитъ при занятіяхъ звѣроловствомъ, банками и т. д. Но, во-первыхъ, чтобы диктовать, тѣло опять должно состоять изъ тѣла и души, а во-вторыхъ, грубый матеріа-

листъ можетъ замѣтить: вѣдь вотъ говоритъ же душа подъ диктовку тѣла, стало быть, то обстоятельство, что человѣкъ состоитъ изъ души тѣла еще ровно ни за что не ручается: можетъ быть, во всей исторіи душа только и дѣлала, что говорила подъ диктовку тѣла? Г. Карѣевъ, конечно, возмутится такимъ предположеніемъ и станетъ опровергать «грубаго матеріалиста». Мы твердо увѣрены, что побѣда останется на сторонѣ почтеннаго профессора, но много ли помощи окажетъ ему въ этой борьбѣ то безспорное обстоятельство, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла?

Да и это еще не все. Мы прочитали у г. Карѣева, что на почвѣ духовныхъ потребностей личности вырастаютъ: «миѳологія и религія... литература и художества» и вообще—«теоретическое отношеніе къ внѣшнему міру (да и къ самому себѣ), къ вопросамъ бытія и познанія», равно какъ и «безкорыстное творческое воспроизведеніе внѣшнихъ явленій (да и собственныхъ своихъ помысловъ)». Мы повѣрили г. Карѣеву. Но... есть у насъ знакомый студентъ-технологъ, который съ жаромъ занимается техникой обрабатывающей промышленности, «теоретическаго» же отношенія у него ко всему перечисленному г. профессоромъ не замѣчается. У насъ и явился вопросъ: да не состоитъ ли нашъ пріятель изъ одного тѣла? Просимъ г. Карѣева поскорѣе разрѣшить это мучительное для насъ и обидное для молодого, чрезвычайно даровитаго, можетъ быть, даже геніальнаго технолога сомнѣніе!

Если разсужденіе г. Карѣева имѣетъ какой нибудь смыслъ, то только вотъ какой: у человѣка есть потребности высшаго и низшаго порядка, есть эгоистическія стремленія, есть альтруистическія чувства. Это самая безспорная истина, совершенно неспособная, однако, лечь въ основу «исторіософіи». Дальше безсодержательныхъ, давно уже избитыхъ разсужденій на тему о природѣ человѣка съ нею не пойдешь: она и сама есть не болѣе, какъ такое разсужденіе.

Пока мы бесѣдовали съ г. Карѣевымъ, наши проницательные критики успѣли поймать насъ на противорѣчіи съ самимъ собою, а главное, съ Марксомъ. Мы сказали, что экономія не есть первичная причина всѣхъ общественныхъ явленій, а въ то же время мы утверждаемъ, что психологія общества приспособляется къ его экономіи—первое противорѣчіе. Мы говоримъ, что экономія и психологія общества представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія, а между тѣмъ самъ Марксъ говоритъ, что экономія есть реальная основа, на которой возвышаются идеологическія надстройки,—второе противорѣчіе, тѣмъ болѣе печальное для насъ,

что тутъ мы расходимся съ человѣкомъ, взгляды котораго взялись излагать. Объяснимся.

Что основная причина общественно-историческаго процесса есть развитіе производительныхъ силъ,—это мы говоримъ слово въ слово съ Марксомъ, такъ что здѣсь никакого противорѣчія не имѣется. Слѣдовательно, если оно гдѣ нибудь существуетъ, то только по вопросу объ отношеніи экономіи общества къ его психологіи. Посмотримъ же, существуетъ ли оно.

Пусть читатель припомнитъ, какъ возникаетъ частная собственность. Развитіе производительныхъ силъ ставитъ людей въ такія отношенія, при которыхъ личное присвоеніе нѣкоторыхъ предметовъ оказывается болѣе удобнымъ для производительнаго процесса. Сообразно съ этимъ измѣняются правовыя понятія первобытнаго человѣка. Психологія общества приспособляется къ его экономіи. На данной экономической основѣ роковымъ образомъ возвышается соотвѣтствующая ей идеологическая надстройка. Но, съ другой стороны, каждый новый шагъ въ развитіи производительныхъ силъ ставитъ людей, въ ихъ повседневной житейской практикѣ, въ новыя взаимныя положенія, не соотвѣтствующія отживающимъ отношеніямъ производства. Эти новыя, небывалыя положенія отражаются на психологіи людей, очень сильно ее измѣняютъ. Въ какомъ же направленіи? Одни члены общества отстаиваютъ старые порядки, это люди застоя. Другіе,—тѣ, которымъ невыгоденъ старый порядокъ,—стоятъ за поступательное движеніе; ихъ психологія видоизмѣняются въ направленіи тѣхъ отношеній производства, которыми замѣнятся современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія. Приспособленіе психологіи къ экономіи, какъ видите, продолжается, но медленная психологическая эволюція предшествуетъ экономической революціи [1]).

Разъ совершилась эта революція, устанавливается полное соотвѣтствіе между психологіей общества и экономіей. Тогда на почвѣ новой экономіи происходитъ полный расцвѣтъ новой психологіи. Въ теченіе нѣкотораго времени это соотвѣтствіе остается ненарушимымъ; оно даже все болѣе и болѣе упрочивается. Но мало-по-малу показываются ростки новагоразлада: психологія передового класса,

---

[1]) По существу, это тотъ же самый психологическій процессъ, который переживаетъ теперь европейскій пролетаріатъ: его психологія уже приспособляется къ новымъ будущимъ отношеніямъ производства.

по указанной выше причинѣ, опять переживаетъ старыя отношенія производства: ни на минуту не переставая приспособляться къ экономіи, она опять приспособляется къ новымъ отношеніямъ производства, составляющимъ зародышъ экономіи будущаго. Ну, развѣ же это не двѣ стороны одного и того же процесса?

До сихъ поръ мы иллюстрировали мысль Маркса главнымъ образомъ примѣрами изъ области имущественнаго права. Это право есть, несомнѣнно, та же идеологія, но идеологія перваго, такъ сказать, низшаго порядка. Какъ надо понимать взглядъ Маркса на идеологіи высшаго порядка: на науку, на философію, на искусство и т. д.?

Въ развитіи этихъ идеологій экономія является основой въ томъ смыслѣ, что общество должно достигнуть извѣстной степени благосостоянія, для того, чтобы выдѣлить изъ себя извѣстный слой людей, посвящающихъ свои силы исключительно научнымъ и прочимъ подобнымъ занятіямъ. Далѣе, вышеприведенный взглядъ Платона и Плутарха показываетъ, что самое направленіе умственной работы въ обществѣ опредѣляется его отношеніями производства. О наукахъ еще Вико сказалъ, что онѣ вырастаютъ изъ общественныхъ нуждъ. По отношенію къ такой наукѣ, какъ политическая экономія, это ясно для всякаго, кто хоть немного знакомъ съ ея исторіей. Графъ Пеккіо справедливо замѣтилъ, что политическая экономія въ особенности подтверждаетъ то правило, что практика всегда и вездѣ предшествуетъ наукѣ [1]). Конечно, и это можно истолковать въ очень отвлеченномъ смыслѣ; можно сказать: «ну, разумѣется, для науки нуженъ опытъ, и чѣмъ больше опыта, тѣмъ полнѣе наука.» Дѣло не въ томъ. Сравните экономическіе взгляды Аристотеля или Ксенофонта со взглядами Адама Смита или Рикардо, и вы увидите, что между экономической наукой древней Греціи съ одной стороны, и экономической наукой буржуазнаго общества — съ другой, существуетъ не только количественная, но и

---

[1]) Quand'essa cominciava appena a nascere nel diciasetteisimo secolo, alcune nazione avevano già da piu secolo fiorito colla lora sola esperianza, da cui poscia la scienza ricavo i suoi detta mi. Storia della Economia publica in Italia etc. Lugano, 1829, p. 11.

Д. С. Милль повторяетъ: „In every department of human affairs, Practice long precedes science ... The conception, accordingly of political Economy as a branch of acience, is extremely modern; but the subject with which its inguiries are conversant has in all ades necessarily constituted one of the chief practical interests of mankind". Principles of political Economy. London, 1843, t. I, p. 1.

качественная разница: совсѣмъ иная точка зрѣнія, совсѣмъ иное отношеніе къ предмету. Чѣмъ объясняется эта разница? Да просто тѣмъ, что измѣнились самыя явленія: отношенія производства въ буржуазномъ обществѣ не похожи на античныя отношенія производства. Различныя отношенія въ производствѣ создаютъ различныя взгляды въ наукѣ. Мало этого. Сравните взгляды Рикардо со взглядами какого-нибудь Бастіа и вы увидите, что эти люди различно смотрятъ на отношенія производства, оставшіяся по своему общему характеру неизмѣнными, — на буржуазныя отношенія производства. Почему это? Потому что въ эпоху Рикардо эти отношенія только еще расцвѣтали, только еще упрочивались, а во время Бастіа они уже начали клониться къ упадку. Различныя состоянія тѣхъ же самыхъ отношеній производства необходимо должны были отразиться на взглядахъ тѣхъ людей, которые ихъ защищали.

Или возьмемъ науку государственнаго права. Какъ, почему развивалась ея теорія? «Научная разработка государственнаго права,—говоритъ профессоръ Гумиловичъ,—начинается лишь тамъ гдѣ господствующіе классы приходятъ между собой въ столкновеніе по поводу принадлежащей каждому изъ нихъ сферы власти. Такъ, первая большая политическая борьба, съ которой мы встрѣчаемся во второй половинѣ европейскихъ среднихъ вѣковъ, борьба между свѣтской и духовной властью, борьба между императоромъ и папой, даетъ первый толчекъ развитію нѣмецкой науки государственнаго права. Вторымъ спорнымъ политическимъ вопросомъ, внесшимъ раздвоеніе въ среду господствующихъ классовъ и давшихъ толчекъ публицистической разработкѣ соотвѣтствующей части государственнаго права, былъ вопросъ объ избраніи императоровъ» [1]) и т. д.

Что такое взаимныя отношенія классовъ? Это прежде всего именно тѣ отношенія, въ которыя люди становятся другъ къ другу въ общественномъ производительномъ процессѣ: отношенія производства. Эти отношенія находятъ свое выраженіе въ политической организаціи общества и въ политической борьбѣ разныхъ классовъ, а эта борьба служитъ толчкомъ для возникновенія и развитія различныхъ политическихъ теорій: на экономической основѣ необходимо возвышается соотвѣтствующая ей идеологическая надстройка.

Но и это все идеологіи, если не перваго, то во всякомъ случаѣ

---

[1]) Rechtsstaat und Socialismus, Innsbruck 1881, ss. 124—125.

и не самаго высшаго порядка. Какъ обстоитъ дѣло, напримѣръ, съ философіей, съ искусствомъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Гельвецій исходилъ изъ того положенія, что l'homme n'est que sensibilité. Съ этой точки зрѣнія ясно, что человѣкъ будетъ избѣгать непріятныхъ ощущеній и стараться пріобрѣсти пріятныя. Это неизбѣжный, естественный эгоизмъ чувствующей матеріи. Но если это такъ, то какимъ образомъ возникаютъ у человѣка совершенно безкорыстныя стремленія: любовь къ истинѣ, героизмъ? Такова была задача, которую нужно было разрѣшить Гельвецію. Онъ не съумѣлъ разрѣшить ее, а чтобы выпутаться изъ затрудненія, онъ просто зачеркнулъ тотъ самый x, ту самую неизвѣстную величину, опредѣлить которую онъ взялся. Онъ сталъ говорить, что нѣтъ ни одного ученаго, который безкорыстно любилъ бы истину, что каждый человѣкъ видитъ въ ней лишь путь къ славѣ, а въ славѣ—путь къ деньгамъ, а въ деньгахъ—средства доставленія себѣ пріятныхъ физическихъ ощущеній, напримѣръ, для покупки вкусной пищи или belles esclaves. Нечего и говорить, насколько несостоятельны такія объясненія. Въ нихъ сказалась лишь отмѣченная нами выше неспособность французскаго метафизическаго матеріализма справляться съ вопросами развитія.

Отцу современнаго діалектическаго матеріализма приписываютъ такой взглядъ на исторію человѣческой мысли, который былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ метафизическихъ разсужденій Гельвеція. Взглядъ Маркса на исторію, напр., философіи часто понимается, приблизительно, такъ: если Кантъ занимался вопросами трансцендентальной эстетики, если онъ говорилъ о категоріяхъ разсудка или объ антиноміяхъ разума, то у него это однѣ фразы: ему въ дѣйствительности вовсе не интересны были ни эстетика, ни антиноміи, ни категоріи; ему нужно было только одно: доставить классу, къ которому онъ принадлежалъ, т. е. нѣмецкой мелкой буржуазіи, какъ можно больше вкусныхъ блюдъ и «прекрасныхъ невольницъ». Категоріи и антиноміи казались ему прекраснымъ средствомъ для этого, вотъ онъ и сталъ «разводить» ихъ.

Нужно ли увѣрять, что это совершеннѣйшіе пустяки?! Когда Марксъ говоритъ, что данная теорія соотвѣтствуетъ такому-то періоду экономическаго развитія общества, то онъ вовсе не хочетъ сказать этимъ, что мыслящіе представители класса, господствовавшаго въ теченіе этого періода, сознательно подгоняли свои взгляды

къ интересамъ своихъ болѣе или менѣе богатыхъ, болѣе или менѣе щедрыхъ благодѣтелей.

Сикофанты были, разумѣется, всегда и вездѣ, но не они двигали впередъ человѣческій разумъ. Тѣ же, которые дѣйствительно двигали его, заботились объ истинѣ, а не объ интересахъ сильныхъ міра сего [1]).

«На различныхъ формахъ собственности,—говоритъ Марксъ,—на общественныхъ условіяхъ существованія возвышается цѣлая надстройка различныхъ своеобразныхъ чувствъ и иллюзій, взглядовъ и понятій. Все это творится и формируется цѣлымъ классомъ на почвѣ матеріальныхъ условій его существованія и соотвѣтствующихъ имъ общественныхъ отношеній». Процессъ возникновенія идеологической надстройки совершается незамѣтнымъ для людей образомъ. Они разсматриваютъ эту надстройку не какъ временный продуктъ временныхъ отношеній, а какъ нѣчто естественное и обязательное по своей собственной сущности. Отдѣльныя лица, взгляды и чувства которыхъ складываются подъ вліяніемъ воспитанія и вообще окружающей обстановки, могутъ быть преисполнены самаго искренняго, вполнѣ самоотверженнаго отношенія къ тѣмъ взглядамъ и къ тѣмъ формамъ общежитія, которыя исторически возникли на почвѣ болѣе или менѣе узкихъ классовыхъ интересовъ. То же и съ цѣлыми партіями. Французскіе демократы 1848 г. выражали стремленія мелкой буржуазіи. Мелкая буржуазія естественно стремилась отстоять свои классовые интересы. Но «было бы однако, ограниченностью думать,—говоритъ Марксъ,—что мелкая буржуазія сознательно стремится отстоять эгоистическій классовый интересъ. Наоборотъ, она полагаетъ, что частныя условія ея освобожденія представляютъ собою общія условія, при которыхъ только и можетъ быть достигнуто спасеніе современнаго общества и устранена борьба классовъ. Точно такъ же не слѣдуетъ думать, будто всѣ представители мелкой буржуазіи—лавочники или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и личному положенію они могутъ быть, какъ небо отъ земли, далеки отъ лавочниковъ. Представителями мелкой буржуазіи ихъ дѣлаетъ то обстоятельство, что ихъ мысль не выходитъ за предѣлы житейской обстановки мелкой буржуазіи, и что, поэтому, они приходятъ къ тѣмъ же за-

[1]) Это не мѣшало имъ иной разъ побаиваться сильныхъ. Такъ, напр., Кантъ говорилъ о себѣ: „никто не заставитъ меня сказать противное тому, что я думаю, но я не хочу сказать все, что я думаю“

дачамъ и рѣшеніямъ въ теоріи, къ которымъ мелкій буржуа приходитъ, благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ и своему общественному положенію, на практикѣ. Таково вообще отношеніе между политическими и литературными представителями даннаго класса съ одной стороны и самимъ этимъ классомъ съ другой [1]).

Это Марксъ говоритъ въ своей книгѣ о coup d'état Наполеона III. Въ другомъ своемъ произведеніи онъ, можетъ быть, еще лучше выясняетъ намъ психологическую діалектику классовъ. Рѣчь идетъ у него о той освободительной роли, которую иногда приходится играть отдѣльнымъ классамъ.

«Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой роли, не вызвавъ на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ теченіе этого времени онъ братается со всѣмъ обществомъ, его признаютъ всеобщимъ представителемъ, ему сочувствуютъ, какъ таковому; въ те-

---

[1]) Доказывая, что условія жизни (les circonstance) вліяютъ на организацію животныхъ, Ламаркъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое полезно будетъ напомнить здѣсь во избѣжаніе недоразумѣній. «Тотъ, кто не пойдетъ дальше буквальнаго смысла моихъ словъ,—говоритъ онъ,—припишетъ мнѣ ошибочный взглядъ. Ибо, каковы бы ни были условія жизни, они не вызываютъ въ формѣ и организаціи животныхъ никакого непосредственнаго измѣненія». Благодаря значительнымъ перемѣнамъ въ условіяхъ жизни у животныхъ являются новыя, отличныя отъ прежнихъ, нужды Если эти новыя нужды остаются очень продолжительное время, то онѣ ведутъ къ появленію новыхъ привычекъ. «А разъ новыя условія жизни... привели къ появленію у животныхъ новыхъ привычекъ, т. е. побудили ихъ къ новымъ дѣйствіямъ, ставшимъ привычными,—въ результатѣ окажется предпочтительное упражненіе однихъ органовъ и, иногда, полное отсутствіе упражненія для другихъ частей, ставшихъ безполезными». Усиленіе упражненія или отсутствіе его не останутся безъ вліянія на строеніе органовъ, а слѣдовательно, и всего организма. (Lamarque, Philosophie zoologique etc., nouvelle édition par Charles Martin 1873, t. I, pp. 223—224).—Вотъ такъ же надо понимать и вліяніе экономическихъ и вытекающихъ изъ нихъ другихъ нуждъ на психологію народа. Тутъ происходитъ медленный процессъ приспособленія вслѣдствіе упражненія или неупражненія; а наши противники «экономическаго» матеріализма воображаютъ, будто, по мнѣнію Маркса, люди, при появленіи у нихъ новыхъ нуждъ, тотчасъ же и умышленно перестраиваютъ свои взгляды. Понятно, что это кажется имъ нелѣпостью. Но сами же они и придумали эту нелѣпость: у Маркса нѣтъ ничего подобнаго. Вообще возраженія этихъ мыслителей напоминаютъ намъ слѣдующую побѣдоносную аргументацію одного священника противъ Дарвина: «Дарвинъ говоритъ: бросьте курицу въ воду, у нея выростетъ плавательная перепонка. Я же утверждаю, что курица просто потонетъ».

ченіе этого времени права и требованія этого класса дѣйствительно являются правами и требованіями всего общества, а самъ онъ— головой этого общества и его сердцемъ. Только во имя всеобщихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ требовать себѣ господства надо всѣми другими. Чтобы взять приступомъ эту роль освободителя и вмѣстѣ съ тѣмъ политическаго эксплуататора всѣхъ общественныхъ сферъ въ интересахъ своей собственной сферы, недостаточно энергіи и духовной самоувѣренности. Чтобы одно сословіе явилось какъ бы охватывающимъ все общество, для этого нужно, чтобы всѣ общественные недуги были, наоборотъ, сконцентрированы въ какомъ нибудь другомъ классѣ, нужно, чтобы извѣстное сословіе явилось сословіемъ, вызывающимъ всеобщее отвращеніе, олицетвореніемъ того, что всѣхъ стѣсняетъ... Чтобы одно сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ par excellence, нужно, чтобы какое нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ-поработителемъ. Отрицательно универсальное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило положительно-универсальное значеніе сосѣдняго съ ними и стоявшаго противъ нихъ класса буржуазіи» [1]).

Послѣ этого предварительнаго объясненія уже нетрудно выяснить себѣ взглядъ Маркса на идеологіи высшаго порядка, напр., на философію и на искусства. Но для большей наглядности мы сопоставимъ его со взглядомъ И. Тэна:

«Чтобы понять данное художественное произведеніе, даннаго артиста, данную группу артистовъ,—говоритъ этотъ писатель,— надо съ точностью представить себѣ общее состояніе умовъ и нравовъ ихъ времени. Тамъ лежитъ послѣднее объясненіе; тамъ находится первая причина, опредѣляющая собою все остальное. Эта истина подтверждается опытомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы прослѣдимъ главныя эпохи исторіи искусства, мы найдемъ, что искусства появляются и исчезаютъ вмѣстѣ съ извѣстными состояніями умовъ и нравовъ, съ которыми они связаны. Напримѣръ, греческая трагедія,—трагедія Эсхила, Софокла и Еврипида,—является вмѣстѣ съ побѣдой грековъ надъ персами, въ героическую эпоху небольшихъ городскихъ республикъ, въ моментъ того великаго напряженія, благодаря которому онѣ завоевали свою независимость и установили свою гегемонію въ цивилизованномъ мірѣ. Эта трагедія

[1]) Deutsch-Franzosische Jahrbücher. Paris, 1844, статья: «Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie, Einleitung». S. 82.

исчезаетъ вмѣстѣ съ этой независимостью и этой энергіей, когда измельчаніе характеровъ и македонское завоеваніе отдаютъ Грецію во власть иностранцевъ.—Точно также готическая архитектура развивается вмѣстѣ съ окончательнымъ установленіемъ феодальнаго порядка въ эпоху полувозрожденія одиннадцатаго столѣтія, въ то время, когда общество, избавленное отъ норманскихъ набѣговъ и отъ разбойниковъ, устанавливается болѣе прочнымъ образомъ: она исчезаетъ въ то время, когда военный режимъ болѣе или менѣе крупныхъ бароновъ разлагается въ концѣ XV столѣтія, вмѣстѣ со всѣми тѣми нравами, которые изъ него вытекали, вслѣдствіе возникновенія новѣйшихъ монархій.—Подобно этому голландская живопись расцвѣтаетъ въ тотъ славный моментъ, когда, благодаря своему упорству и своему мужеству, Голландія окончательно сбрасываетъ испанское иго, успѣшно борется съ Англіей, становится самымъ богатымъ, самымъ промышленнымъ, самымъ цвѣтущимъ государствомъ Европы; она падаетъ въ началѣ XVIII вѣка, когда Голландія спускается до второстепенной роли, уступивъ первую Англіи, и становится просто банкомъ, торговымъ домомъ, содержимымъ въ величайшемъ порядкѣ, мирнымъ и благоустроеннымъ, въ которомъ человѣкъ можетъ вести спокойную жизнь благоразумнаго буржуа, не имѣющаго честолюбивыхъ замысловъ, не испытывающаго глубокихъ потрясеній. Наконецъ, подобно этому и французская трагедія появляется въ то время, когда, при Людовикѣ XIV, прочно установившаяся монархія несетъ съ собою господство приличій, придворную жизнь, блескъ и элегантность прирученной аристократіи и исчезаетъ, когда дворянское общество и придворные нравы упраздняются революціей... Какъ натуралисты изучаютъ физическую температуру, для того чтобы понять появленіе того или другого растенія, овса или маиса, сосны или алоэ, точно также надо изучать моральную температуру для того, чтобы объяснить появленіе того или другого вида искусства: языческой скульптуры или реалистической живописи, мистической архитектуры или классической литературы, сладострастной музыки или идеалистической поэзіи. Произведенія человѣческаго духа, какъ и произведенія живой природы, объясняются только ихъ средою» [1]).

Со всѣмъ этимъ безусловно согласится любой послѣдователь Маркса: да, именно всякое художественное произведеніе, какъ и любую философскую систему, можно объяснить состояніемъ умовъ

[1]) Philosophie de l'art, deuxieme édition. Paris 1872, p. p. 13–17.

и нравовъ даннаго времени. Но чѣмъ объясняется это общее состояніе умовъ и нравовъ? Послѣдователи Маркса думаютъ, что оно объясняется общественнымъ строемъ, свойствами соціальной среды. «Всякое измѣненіе въ положеніи людей ведетъ къ измѣненію въ ихъ психикѣ»[1]), говоритъ тотъ же Тэнъ. И это справедливо. Спрашивается только, чѣмъ же вызываются измѣненія въ положеніи общественнаго человѣка, т. е. въ общественномъ строѣ? Только по этому вопросу «экономическіе матеріалисты» расходятся съ Тэномъ.

Для Тэна задача исторіи, какъ науки, есть въ послѣднемъ счетѣ «психологическая задача». Общее состояніе умовъ и нравовъ создаетъ у него не только различные виды искусства, литературы и философіи, но и промышленность даннаго народа, всѣ его общественныя учрежденія. А это значитъ, что соціальная среда имѣетъ свою послѣднюю причину въ «состояніи умовъ и нравовъ».

Такимъ образомъ выходитъ, что психика общественнаго человѣка опредѣляется его положеніемъ, а его положеніе опредѣляется его психикой. Это уже знакомая намъ антиномія, съ которой никакъ не могли справиться просвѣтители XVIII вѣка. Тэнъ не разрѣшилъ этой антиноміи. Онъ только далъ, въ рядѣ замѣчательныхъ произведеній, множество блестящихъ иллюстрацій ея перваго положенія, тезиса: состояніе умовъ и нравовъ опредѣляется соціальной средой.

Французскіе современники Тэна, оспаривавшіе его эстетическую теорію, выдвигали впередъ антитезисъ: свойства соціальной среды опредѣляются состояніемъ умовъ и нравовъ[2]). Подобный споръ можно вести до второго пришествія, не только не разрѣшая роковой антиноміи, но даже не замѣчая ея существованія.

Только историческая теорія Маркса разрѣшаетъ антиномію и

---

[1]) Philosophie de l'art dans les Pays-Bas. Paris 1869, p. 86

[2]) Nous subissons l'influence du milieu politique ou historique, nous subissons l'influence du milieu social, nous subissons aussi l'influence du milieu physique. Mais il ne faut pas oublier que si nous la subissons, nous pouvons pourtant aussi lui resister et vous savez sans doute qu'il y en a de mémorables exemples... Si nous subissons l'influence du milieu, un pouvoir que nous avons aussi, c'est de ne pas nous laisser faire, ou pour dire encore quelque chose de plus, c'est de conformer, c'est d'adapter le milieu lui-même nos propres convenances. F. Brunetière. L'évolution de la critique depuis la renaissance jusqu'à nos jours. Paris, 1890 d. p. 260—61.

тѣмъ приводитъ споръ къ благополучному окончанію, или, по крайней мѣрѣ, даетъ возможность благополучно закончить его людямъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, и головной мозгъ, чтобы размышлять.

Свойства соціальной среды опредѣляются состояніемъ производительныхъ силъ въ каждое данное время. Разъ дано состояніе производительныхъ силъ, даны и свойства соціальной среды, даны и соотвѣтствующая ей психологія, дано и взаимодѣйствіе между средой съ одной стороны и умами и нравами—съ другой. Брюнэтьеръ совершенно правъ, говоря, что мы не только приспособляемся къ средѣ, но и приспособляемъ ее къ своимъ нуждамъ. Вы спросите, откуда же берутся нужды, не соотвѣтствующія свойствамъ окружающей насъ среды? Онѣ порождаются въ насъ—и, говоря это, мы имѣемъ въ виду не только матеріальныя, но и всѣ такъ называемыя духовныя нужды людей,—все тѣмъ же историческимъ движеніемъ, все тѣмъ же развитіемъ производительныхъ силъ, благодаря которому всякій данный общественный строй рано или поздно оказывается неудовлетворительнымъ, устарѣлымъ, требующимъ радикальной перестройки, а можетъ быть, и прямо годнымъ только на сломъ. Мы уже указали выше на примѣрѣ правовыхъ учрежденій, какимъ образомъ психологія людей можетъ опережать данныя формы ихъ общежитія.

Мы увѣрены, что по прочтеніи этихъ строкъ многіе, даже благосклонные къ намъ, читатели вспомнили массу примѣровъ, массу историческихъ явленій, которыя, повидимому, никакъ нельзя объяснить съ нашей точки зрѣнія. И читатели готовы уже сказать намъ: «вы правы, но не вполнѣ; правы также, и тоже не вполнѣ, люди держащіеся противоположныхъ вашимъ взглядовъ: и вамъ, и имъ видна только половина истины». Но подождите, читатель, не ищите спасенія въ эклектизмѣ, не усвоивъ себѣ всего того, что можетъ дать современный монистическій, т. е. матеріалистическій, взглядъ на исторію.

До сихъ поръ наши положенія по необходимости были очень отвлеченны. Но мы уже знаемъ: отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна. Намъ надо придать нашимъ положеніямъ болѣе конкретный видъ.

Такъ какъ почти каждое общество подвергается вліянію своихъ сосѣдей, то можно сказать, что для каждаго общества существуетъ, въ свою очередь, извѣстная общественная, историческая среда, вліяющая на его развитіе. Сумма

вліяній, испытываемыхъ каждымъ даннымъ обществомъ со стороны его сосѣдей, никогда не можетъ быть равна суммѣ тѣхъ же вліяній, испытываемыхъ въ то же самое время другимъ обществомъ. Поэтому, всякое общество живетъ въ своей особой исторической средѣ, которая можетъ быть—и дѣйствительно часто бываетъ—очень похожа на историческую среду, окружающую другіе народы, но никогда не можетъ быть и никогда не бываетъ тождественна съ нею. Это вноситъ чрезвычайно сильный элементъ разнообразія въ тотъ процессъ общественнаго развитія, который съ нашей прежней, отвлеченной точки зрѣнія представлялся до крайности схематичнымъ.

Примѣръ. Родовой союзъ есть форма общежитія, свойственная всѣмъ человѣческимъ обществамъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Но вліяніе исторической среды очень разнообразитъ судьбы рода у различныхъ племенъ. Оно придаетъ самому роду тотъ или другой, такъ сказать, индивидуальный характеръ, оно замедляетъ или ускоряетъ его разложеніе, оно въ особенности разнообразитъ процессъ этого разложенія. Разнообразіе же въ процессѣ разложенія рода обусловливаетъ собою разнообразіе тѣхъ формъ общежитія, которымъ родовый бытъ уступаетъ свое мѣсто. До сихъ поръ мы говорили: развитіе производительныхъ силъ ведетъ къ появленію частной собственности, къ исчезновенію первобытнаго коммунизма. Теперь мы должны сказать: характеръ частной собственности, возникающей на развалинахъ первобытнаго коммунизма, разнообразится вліяніемъ исторической среды, окружающей каждое данное общество. «Внимательное изученіе формъ азіатской, особенно индійской, общинной собственности показало бы, какъ изъ различныхъ формъ первобытной общины вытекаютъ различные виды ея разложенія. Такъ, напримѣръ, различные типы римской и нѣмецкой частной собственности могли бы быть выведены изъ различныхъ формъ индійской общины» [1]).

Вліяніе исторической среды, окружающей данное общество, сказывается, конечно, и на развитіи его идеологіи. Ослабляютъ ли, и если да, то въ какой мѣрѣ ослабляютъ иностранныя вліянія зависимость этого развитія отъ экономической структуры общества?

Сравните Энеиду съ Одиссеей, или французскую классическую трагедію съ классической трагедіей грековъ. Сравните русскую тра-

---

[1]) Zur Kritik der politischen Oekonomie. S. 10, Anmerkung

гедію XVIII вѣка съ классической французской трагедіей. Что вы увидите? Энеида есть лишь подражаніе Одиссеѣ, классическая трагедія французовъ есть лишь подражаніе греческой трагедіи; русская трагедія XVIII вѣка сотворена, хотя и неумѣлыми руками, по образу и подобію французской. Вездѣ—подражаніе, но подражатель отдѣляется отъ своего образца всѣмъ тѣмъ разстояніемъ, которое существуетъ между обществомъ, породившимъ его, подражателя, и обществомъ, въ которомъ жилъ образецъ. И замѣтьте, что мы говоримъ не о большемъ или меньшемъ совершенствѣ отдѣлки, а о томъ, что составляетъ душу художественнаго произведенія. На кого похожъ расиновскій Ахиллъ: на грека, только что вышедшаго изъ варварскаго состоянія, или на маркиза—talon rouge—XVII столѣтія? О дѣйствующихъ лицахъ Энеиды замѣчали, что они являются римлянами временъ Августа. Правда, о дѣйствующихъ лицахъ русскихъ такъ называемыхъ трагедій XVIII вѣка трудно сказать, что они выводятъ передъ нами русскихъ людей того времени, но самая негодность ихъ свидѣтельствуетъ о состояніи русскаго общества. Они выводятъ передъ нами его незрѣлость.

Еще примѣръ. Локкъ несомнѣнно былъ учителемъ огромнаго большинства французскихъ философовъ XVIII вѣка (Гельвецій называлъ его величайшимъ метафизикомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ). И, однако, между Локкомъ и его французскими учениками какъ разъ то самое разстояніе, которое отдѣляло англійское общество временъ «glorious revolution» отъ французскаго общества, какимъ оно было за нѣсколько десятилѣтій до «great rebellion» французскаго народа.

Третій примѣръ. «Истинные соціалисты» Германіи 40-хъ годовъ ввозили свои идеи прямикомъ изъ Франціи. И, однако, на эти идеи, можно сказать, уже на границѣ налагалось клеймо того общества, въ которомъ имъ предстояло распространяться.

Итакъ, вліяніе литературы одной страны на литературу другой прямо пропорціонально сходству общественныхъ отношеній этихъ странъ. Оно совсѣмъ не существуетъ, когда это сходство равняется нулю. Примѣръ: африканскіе негры до сихъ поръ не испытали на себѣ ни малѣйшаго вліянія европейскихъ литературъ. Это вліяніе односторонне, когда одинъ народъ по своей отсталости не можетъ ничего дать другому ни въ смыслѣ формы, ни въ смыслѣ содержа-

нія. Примѣръ: французская литература прошлаго вѣка, вліяя на русскую литературу, не испытывала на себѣ ни малѣйшаго русскаго вліянія. Наконецъ, это вліяніе взаимно, когда, вслѣдствіе сходства общественнаго быта, а слѣдовательно и культурнаго развитія, каждый изъ двухъ обмѣнивающихся народовъ можетъ что-нибудь заимствовать у другого. Примѣръ: французская литература, вліяя на англійскую, въ свою очередь, испытывала на себѣ ея вліяніе.

Псевдо-классическая англійская литература очень нравилась въ свое время англійской аристократіи. Но англійскіе подражатели никогда не могли сравняться со своими французскими образцами. Это потому, что всѣ усилія англійскихъ аристократовъ не могли перенести въ Англію тѣхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ расцвѣла французская псевдо-классическая литература.

Французскіе философы восхищались философіей Локка. Но они шли гораздо дальше своего учителя. Это потому, что тотъ классъ, который они представляли, во Франціи ушелъ, въ своей борьбѣ противъ стараго режима, гораздо дальше того класса англійскаго общества, стремленія котораго выразились въ философскихъ сочиненіяхъ Локка.

Когда, — какъ, напримѣръ, въ Европѣ новаго времени, — мы имѣемъ цѣлую систему обществъ, чрезвычайно сильно вліяющихъ одно на другое, тогда развитіе идеологій въ каждомъ изъ этихъ обществъ усложняется такъ же сильно, какъ усложняется ею экономическое развитіе подъ вліяніемъ безпрестаннаго торговаго обмѣна съ другими странами.

Мы имѣемъ тогда какъ бы одну литературу, общую всему цивилизованному человѣчеству. Но какъ зоологическій родъ подраздѣляется на виды, такъ эта всемірная литература подраздѣляется на литературы отдѣльныхъ народовъ. Когда Юмъ пріѣхалъ во Францію, французскіе «философы» привѣтствовали его, какъ своего единомышленника. Но вотъ однажды, обѣдая у Гольбаха, этотъ несомнѣнный единомышленникъ французскихъ философовъ заговорилъ объ «естественной религіи». «Что касается до атеистовъ, — сказалъ онъ,—то я не допускаю ихъ существованія: я никогда не встрѣчалъ ни одного». «Вамъ очень не везло до сихъ поръ, — возразилъ ему авторъ «Системы природы»,—на первый разъ вы видите здѣсь за столомъ семнадцать атеистовъ». Тотъ же самый Юмъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Канта, котораго онъ, по собственному признанію

этого послѣдняго, пробудилъ отъ его догматической дремоты. Но философія Канта значительно отличается отъ философіи Юма. Тотъ же самый фондъ идей приводитъ къ воинствующему атеизму французскихъ матеріалистовъ, къ религіозному индифферентизму Юма, къ «практической» религіи Канта. Дѣло въ томъ, что религіозный вопросъ въ Англіи того времени игралъ не ту роль, какую игралъ онъ во Франціи, а во Франціи не ту, какую въ Германіи. А это различіе въ значеніи религіознаго вопроса обусловливалось тѣмъ, что въ каждой изъ этихъ странъ общественныя силы находились не въ томъ взаимномъ отношеніи, въ какомъ находились онѣ въ каждой изъ остальныхъ. Одинаковые по своей природѣ, но не одинаковые по степени развитія, общественные элементы различно сочетались въ различныхъ европейскихъ странахъ и тѣмъ причиняли то, что въ каждой изъ нихъ было очень своеобразное «состояніе умовъ и нравовъ», выразившееся въ національной литературѣ, въ философіи, въ искусствѣ и т. д. Вслѣдствіе этого, одинъ и тотъ же вопросъ могъ до страсти волновать французовъ и оставлять холодными англичанъ, къ одному и тому же доводу передовой нѣмецъ могъ относиться съ почтеніемъ, а передовой французъ съ горячей ненавистью. Чему обязана нѣмецкая философія своими колоссальными успѣхами? Нѣмецкой дѣйствительности, отвѣчаетъ Гегель: французамъ некогда заниматься философіей, жизнь толкаетъ ихъ въ практическую сферу (zum Praktischen), нѣмецкая же дѣйствительность болѣе разумна, и нѣмцы могутъ спокойно совершенствовать теорію (beim Theoretischen stehen bleiben). Въ сущности, эта мнимая разумность нѣмецкой дѣйствительности сводилась къ бѣдности нѣмецкой соціальной и политической жизни, не оставлявшей образованнымъ нѣмцамъ того времени другого выбора, какъ или служить въ качествѣ чиновниковъ непривлекательной «дѣйствительности» (пристроиться къ «Практическому»), или искать утѣшенія въ теоріи, сосредоточивать въ этой области всю силу страсти, всю энергію мысли. Но если бы уходящія въ «Практическое», болѣе передовыя страны не толкали впередъ теоретической мысли нѣмцевъ, если бы онѣ не пробуждали ихъ отъ ихъ «догматической дремоты», то никогда это отрицательное свойство—бѣдность соціальной и политической жизни—не породило бы этого колоссальнаго положительнаго результата: блестящаго расцвѣта нѣмецкой философіи.

У Гете Мефистофель говоритъ: «Vernunft wird Unsinn, Wohlthat—Plage». Въ примѣненіи къ исторіи нѣмецкой философіи

почти можно отважиться на такой парадоксъ: безсмыслица породила разумъ, бѣдствіе оказалось благодѣтельнымъ.

Но, кажется, мы можемъ покончить съ этой частью нашего изложенія. Резюмируемъ сказанное въ ней.

Взаимодѣйствіе существуетъ въ международной жизни, какъ и во внутренней жизни народовъ; оно вполнѣ естественно и безусловно неизбѣжно, но тѣмъ не менѣе, само по себѣ, оно еще ровно ничего не объясняетъ. Чтобы понять взаимодѣйствіе, надо выяснить себѣ свойства взаимодѣйствующихъ силъ, а эти свойства не могутъ найти себѣ послѣднее объясненіе въ фактѣ взаимодѣйствія, какъ бы ни измѣнялись они, благодаря ему. Въ нашемъ случаѣ качества взаимодѣйствующихъ силъ, свойства вліяющихъ одинъ на другой общественныхъ организмовъ, объясняются въ послѣднемъ счетѣ уже извѣстной намъ причиной: экономической структурой этихъ организмовъ, которая опредѣляется состояніемъ ихъ производительныхъ силъ.

Теперь излагаемая нами историческая философія приняла, надѣемся, уже нѣсколько болѣе конкретный видъ. Но она все еще отвлеченна, она все далека отъ «живой жизни». Намъ надо сдѣлать новый шагъ въ направленіи къ этой послѣдней.

Сначала мы говорили объ «обществѣ», потомъ перешли ко взаимодѣйствію обществъ. Но вѣдь общества по своему составу не однородны; вѣдь мы уже знаемъ, что разложеніе первобытнаго коммунизма ведетъ къ неравенству, къ возникновенію классовъ, имѣющихъ различные, часто совершенно противоположные интересы. Мы уже знаемъ, что классы ведутъ между собою почти безпрерывную то скрытую, то явную, то хроническую, то острую борьбу. И эта борьба оказываетъ огромное, въ высшей степени важное вліяніе на развитіе идеологій. Можно безъ преувеличенія сказать, что мы ничего не поймемъ въ этомъ развитіи, не принявъ въ соображеніе классовой борьбы.

«Хотите ли вы узнать,—если можно такъ выразиться,—истинную причину трагедіи Вольтера?» спрашиваетъ Брюнетьеръ. «Ищите ее, во-первыхъ, въ личности Вольтера, а особенно въ тяготѣвшей надъ нимъ необходимости сдѣлать нѣчто отличное отъ того, что уже сдѣлали Расинъ и Кино, и въ то же время идти по ихъ слѣдамъ. О романтической драмѣ, о драмѣ Гюго и Дюма, я позволю себѣ сказать, что ея опредѣленіе цѣликомъ заключается въ опредѣленіи вольтеровской драмы. Если романтизмъ не хотѣлъ дѣлать того или другого на театральныхъ подмосткахъ, то это потому, что онъ хотѣлъ

сдѣлать обратное классицизму... Въ литературѣ, какъ и въ искусствѣ, послѣ вліянія личности, главнѣйшимъ дѣйствіемъ является дѣйствіе однихъ произведеній на другія. Иногда мы стремимся соперничать съ нашими предшественниками въ ихъ собственномъ жанрѣ,—и такимъ путемъ упрочиваются извѣстные пріемы, создаются школы, устанавливаются традиціи. Иногда же мы стараемся дѣлать иначе, чѣмъ дѣлали они,—и тогда развитіе приходитъ въ противорѣчіе съ традиціей, появляются новыя школы, преобразуются пріемы». [1])

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о роли личности, мы замѣтимъ, что давно уже пора было вдуматься въ «дѣйствіе однихъ произведеній на другія». Рѣшительно во всѣхъ идеологіяхъ развитіе совершается путемъ, указаннымъ Брюнатьеромъ. Идеологи одной эпохи—*или* идутъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, развивая ихъ мысли, примѣняя ихъ пріемы и только позволяя себѣ «соперничать» съ ними, *или* же они возстаютъ противъ старыхъ идей и пріемовъ, *вступаютъ въ противорѣчіе съ ними*. *Органическія* эпохи, сказалъ бы Сэнъ-Симонъ, смѣняются *критическими*. Достойны замѣчанія особенно послѣднія.

Возьмите любой вопросъ, напримѣръ, вопросъ о деньгахъ. Для меркантилистовъ деньги были богатствомъ par excellence: они приписывали деньгамъ преувеличенное, почти исключительное значеніе. Люди, возставшіе противъ меркантилистовъ, вступивъ «*въ противорѣчіе*» съ ними, не только исправили ихъ исключительность, но и сами, по крайней мѣрѣ наиболѣе рьяные изъ нихъ, впали въ исключительность, и именно въ прямо противоположную крайность: деньги—это просто условные знаки, сами по себѣ онѣ не имѣютъ ровно никакой стоимости. Такъ смотрѣлъ на деньги, напр., Юмъ. Если взглядъ меркантилистовъ можно объяснить неразвитостью товарнаго производства и обращенія въ ихъ время, то странно было бы объяснять взгляды ихъ противниковъ просто тѣмъ, что товарное производство и обращеніе развилось очень сильно. Вѣдь это послѣдующее развитіе ни на минуту не превращало денегъ въ условные, лишенные внутренней стоимости, знаки. Откуда же произошла исключительность взгляда Юма? Она произошла изъ факта борьбы, изъ «*противорѣчія*» съ меркантилистами. Онъ хотѣлъ «сдѣлать обратное» меркантилистамъ, подобно тому, какъ романтики «хотѣли сдѣлать обратное» классикамъ. Поэтому можно сказать,—подобно тому, какъ Брюнэтьеръ говоритъ о романтической драмѣ,—

[1]) L. c., p. 262—263.

что юмовскій взглядъ на деньги цѣликомъ заключается во взглядѣ меркантилистовъ, будучи его противоположностью.

Другой примѣръ: философы XVIII столѣтія рѣзко и рѣшительно борются противъ всякаго мистицизма. Французскіе утописты всѣ болѣе или менѣе проникнуты религіозностью. Чѣмъ вызванъ былъ этотъ возвратъ къ мистицизму? Неужели такіе люди, какъ авторъ «Новаго Христіанства», имѣли менѣе «lumières», чѣмъ энциклопедисты? Нѣтъ, lumières у нихъ было не меньше, и, говоря вообще, воззрѣнія ихъ были очень тѣсно связаны съ воззрѣніями энциклодистовъ; они происходили отъ нихъ по самой прямой линіи, но они вступили съ ними въ «противорѣчіе» по нѣкоторымъ вопросамъ,— т. е. собственно по вопросу объ общественной организаціи,—и у нихъ явилось стремленіе «сдѣлать обратное» энциклопедистамъ; ихъ отношеніе къ религіи было простою противоположностью отношенія къ нему «философовъ»; ихъ взглядъ на нее уже заключался во взглядѣ этихъ послѣднихъ.

Возьмите, наконецъ, исторію философіи: во Франціи второй половины XVIII вѣка торжествуетъ матеріализмъ; подъ его знаменемъ выступаетъ крайняя фракція французскаго tiers état. Въ Англіи XVII вѣка матеріализмомъ увлекаются защитники стараго режима, аристократы, сторонники абсолютизма. Причина и здѣсь ясна. Тѣ люди, съ которыми находились «въ противорѣчіи» англійскіе аристократы временъ реставраціи, были крайними религіозными фанатиками; чтобы «сдѣлать обратное» имъ,—реакціонерамъ пришлось дойти до матеріализма. Во Франціи XVIII вѣка было какъ разъ наоборотъ: за религію стояли защитники стараго порядка, и къ матеріализму пришли крайніе революціонеры. Такими примѣрами полна исторія человѣческой мысли, и всѣ они подтверждаютъ одно и то же: чтобы понять «состояніе умовъ» каждой данной критической эпохи, чтобы объяснить, почему въ теченіе этой эпохи торжествуютъ именно тѣ, а не другія ученія, надо предварительно ознакомиться съ «состояніемъ умовъ» въ предыдущую эпоху; надо узнать, какія ученія и направленія тогда господствовали. Безъ этого мы совсѣмъ не поймемъ умственнаго состоянія данной эпохи, какъ бы хорошо мы ни узнали ея экономію.

Но и этого не надо понимать отвлеченно, какъ привыкла все понимать русская «интеллигенція». Идеологи одной эпохи никогда не ведутъ со своими предшественниками борьбы sur toute la ligne.

по всѣмъ вопросамъ человѣческихъ знаній и общественныхъ отношеній. Французскіе утописты XIX вѣка совершенно сходились съ энциклопедистами во множествѣ антропологическихъ взглядовъ; англійскіе аристократы временъ реставраціи были совершенно согласны съ ненавистными имъ пуританами во множествѣ вопросовъ, напр., гражданскаго права, и т. д. Психологическая территорія подраздѣляется на провинціи, провинціи на уѣзды, уѣзды на волости и общины, общины представляютъ собою союзы отдѣльныхъ лицъ (т. е. отдѣльныхъ вопросовъ). Когда возникаетъ «противорѣчіе», когда вспыхиваетъ борьба, ея увлеченіе охватываетъ обыкновенно только отдѣльныя провинціи,—если не отдѣльные уѣзды,—лишь отраженнымъ дѣйствіемъ охватывая сосѣднія области. Нападенію подвергается прежде всего та провинція, которой *принадлежала гегемонія* въ предыдущую эпоху. Лишь постепенно «бѣдствія войны» распространяются на ближайшихъ сосѣдей, на вѣрнѣйшихъ союзниковъ атакованной провинціи. Поэтому надо прибавить, что при выясненіи характера всякой данной критической эпохи необходимо узнать не только общія черты психологіи предшествующаго органическаго періода, но также и индивидуальныя особенности этой психологіи. Впродолженіе одного историческаго періода гегемонія принадлежитъ религіи, впродолженіе другого—политикѣ и т. д. Это обстоятельство неизбѣжно отражается на характерѣ соотвѣтствующихъ критическихъ эпохъ, изъ которыхъ каждая, смотря по обстоятельствамъ, или продолжаетъ формально признавать старую гегемонію, внося новое, *противоположное* содержаніе въ господствующія понятія (примѣръ: первая англійская революція), или же совершенно отрицаетъ ихъ, и гегемонія переходитъ къ новымъ провинціямъ мысли (примѣръ: французская литература просвѣщенія). Если мы вспомнимъ, что эти споры изъ-за гегемоніи отдѣльныхъ психологическихъ провинцій распространяются и на ихъ сосѣдей, и притомъ распространяются въ различной мѣрѣ и въ различномъ направленіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то мы поймемъ, до какой степени здѣсь, какъ и вездѣ, нельзя останавливаться на отвлеченныхъ положеніяхъ.

«Все это можетъ быть и такъ,—возражаютъ наши противники,—но мы не видимъ, причемъ здѣсь классовая борьба, и намъ сильно сдается, что вы, начавъ за ея здравіе, кончаете за упокой. Вы сами признаете теперь, что движенія человѣческой мысли подчиняются какимъ-то особымъ законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ законами экономіи или съ тѣмъ развитіемъ производительныхъ

силъ, которымъ вы прожужжали намъ уши». — Спѣшимъ отвѣтить.

Что въ развитіи человѣческой мысли, точнѣе сказать, въ сочетаніи человѣческихъ понятій и представленій есть свои особенные законы, этого, насколько намъ извѣстно, не отрицалъ ни одинъ изъ «экономическихъ» матеріалистовъ. Никто изъ нихъ не отождествлялъ, напр., законовъ логики съ законами товарнаго обращенія. Но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ матеріалистовъ этой разновидности не находилъ возможнымъ искать въ законахъ мышленія послѣдней причины, основного двигателя умственнаго развитія человѣчества. Именно это-то отличаетъ, въ выгодную сторону, «экономическихъ матеріалистовъ» отъ идеалистовъ и особенно отъ эклектиковъ.

Разъ желудокъ снабженъ извѣстнымъ количествомъ пищи, онъ принимается за работу согласно общимъ законамъ желудочнаго пищеваренія. Но можно-ли, съ помощью этихъ законовъ, отвѣтить на вопросъ, почему въ вашъ желудокъ ежедневно отправляется вкусная и питательная пища, а въ моемъ она является рѣдкимъ гостемъ? Объясняютъ-ли эти законы,—почему одни ѣдятъ слишкомъ много, а другіе умираютъ съ голоду? Кажется, что объясненія надо искать въ какой-то другой области, въ дѣйствіи законовъ иного рода. Тоже и съ умомъ человѣка. Разъ онъ поставленъ въ извѣстное, положеніе разъ даетъ ему окружающая среда извѣстныя впечатлѣнія, онъ сочетаетъ ихъ по извѣстнымъ общимъ законамъ (причемъ и здѣсь результаты до крайности разнообразятся разнообразіемъ получаемыхъ впечатлѣній). Но что же ставитъ его въ такое положеніе? Чѣмъ обусловливается притокъ и характеръ новыхъ впечатлѣній? Вотъ вопросъ, котораго не разрѣшить никакими законами мысли.

Далѣе. Вообразите, что упругій шаръ падаетъ съ высокой башни. Его движеніе совершается по всѣмъ извѣстному и очень простому закону механики. Но вотъ шаръ ударился о наклонную плоскость. Его движеніе видоизмѣняется по другому, тоже очень простому и всѣмъ извѣстному механическому закону. Въ результатѣ у насъ получается ломанная линія движенія, о которой можно и должно сказать, что она обязана своимъ происхожденіемъ соединенному дѣйствію обоихъ упомянутыхъ законовъ. Но откуда взялась наклонная плоскость, о которую ударился шаръ? Этого не объясняетъ ни первый, ни второй законъ, ни ихъ соединенное дѣйствіе. Совершенно то же и съ человѣческой мыслью. Откуда взялись тѣ обстоятельства, благодаря которымъ ея движенія подчини-

лись соединенному дѣйствію такихъ-то законовъ? Этого не объясняютъ ни отдѣльные ея законы, ни ихъ совокупное дѣйствіе.

Обстоятельствъ, обусловливающихъ движеніе мысли, надо искать тамъ же, гдѣ искали ихъ французскіе просвѣтители. Но мы теперь уже не останавливаемся у того «предѣла», «прейти» который не могли они. Мы не только говоримъ, что человѣкъ со всѣми своими мыслями и чувствами есть продуктъ общественной среды; мы стараемся понять генезисъ этой среды. Мы говоримъ, что свойства ея опредѣляются такими-то и такими-то, внѣ человѣка лежащими и до сихъ поръ отъ его воли независѣвшими, причинами. Многообразныя измѣненія въ фактическихъ взаимныхъ отношеніяхъ людей необходимо ведутъ за собою перемѣны въ «состояніи умовъ», во взаимныхъ отношеніяхъ идей, чувствъ, вѣрованій. Идеи, чувства и вѣрованія сочетаются по своимъ особымъ законамъ. Но эти законы приводятся въ дѣйствіе внѣшними обстоятельствами, не имѣющими ничего общаго съ этими законами. Тамъ, гдѣ Брюнэтьеръ видитъ лишь вліяніе однихъ литературныхъ произведеній на другія, мы видимъ, кромѣ того, глубже лежащія взаимныя вліянія общественныхъ группъ, слоевъ и классовъ; тамъ, гдѣ онъ просто говоритъ: являлось противорѣчіе, людямъ захотѣлось сдѣлать обратное тому, что дѣлали ихъ предшественники,—мы прибавляемъ: а захотѣлось потому, что явилось новое противорѣчіе въ ихъ фактическихъ отношеніяхъ, что выдвинулся новый общественный слой или классъ, который уже не могъ жить такъ, какъ жили люди стараго времени.

Между тѣмъ какъ Брюнэтьеръ знаетъ только то, что романтикамъ хотѣлось противорѣчить классикамъ, Брандесъ старается объяснить ихъ склонность къ «противорѣчію» положеніемъ того общественнаго класса, къ которому они принадлежали. Вспомните напр., что говоритъ онъ о причинѣ романтическаго настроенія французской молодежи во время реставраціи и при Луи-Филиппѣ.

Когда Марксъ говоритъ: «Чтобы одно сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ par exellence, нужно, чтобы какое нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ-поработителемъ»,—онъ тоже указываетъ особый, и притомъ очень важный, законъ развитія общественной мысли. Но этотъ законъ дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать только въ обществахъ, раздѣленныхъ на классы; онъ не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ ни классовъ, ни ихъ борьбы.

Вдумаемся въ дѣйствіе этого закона. Когда извѣстное сословіе является всеобщимъ поработителемъ въ глазахъ остального населенія, тогда и идеи, господствующія въ средѣ этого сословія, естественно представляются населенію идеями, достойными лишь поработителей. Общественное сознаніе вступаетъ въ «противорѣчіе» съ ними; оно увлекается противоположными идеями. Но мы уже сказали, что такого рода борьба никогда не ведется по всей линіи: всегда остается извѣстная часть идей, одинаково признаваемыхъ и революціонерами, и защитниками стараго порядка. Самая же сильная атака направляется на тѣ идеи, которыя служатъ выраженіемъ самыхъ вредныхъ въ данное время сторонъ отживающаго строя. По отношенію къ этимъ сторонамъ идеологи-революціонеры испытываютъ непреодолимое желаніе «противорѣчить» своимъ предшественникамъ. По отношенію же къ другимъ идеямъ, хотя бы и выросшимъ на почвѣ старыхъ общественныхъ отношеній, они остаются часто совершенно равнодушными, а иногда продолжаютъ, по традиціи, держаться за эти идеи. Такъ, французскіе матеріалисты, ведя борьбу противъ философскихъ и политическихъ идей стараго режима (т. е. противъ духовенства и дворянской монархіи), оставили почти нетронутыми старыя литературныя преданія. Правда, и здѣсь эстетическія теоріи Дидро явились выраженіемъ новыхъ общественныхъ отношеній. Но здѣсь борьба была очень слаба, потому что главныя силы сосредоточились на другомъ полѣ [1]). Здѣсь знамя возстанія было поднято лишь послѣ и, притомъ, такими людьми, которые, горячо сочувствуя свергнутому революціей старому режиму, должны были бы, повидимому, сочувствовать и тѣмъ литературнымъ взглядамъ, которые сложились въ золотое время этого режима. Но и эта кажущаяся странность объясняется началомъ «противорѣчія». Какъ вы хотите, напримѣръ, чтобы Шатобріанъ сочувствовалъ старой эстетической теоріи, когда Вольтеръ,—ненавистный, зловредный Вольтеръ!—былъ однимъ изъ ея представителей.

Der Widerspruch ist das Fortleitende, говоритъ Гегель. Исторія идеологій какъ будто лишній разъ показываетъ, что не ошибся старый «метафизикъ». Подтверждаетъ она, повидимому, и переходъ количественныхъ измѣненій въ качественныя. Но мы просимъ читателя не огорчаться этимъ и выслушать насъ до конца.

---

[1]) Въ Германіи борьба литературныхъ взглядовъ, какъ извѣстно, шла съ гораздо большей энергіей, но здѣсь вниманіе новаторовъ не отвлекалось политической борьбой.

До сихъ поръ мы говорили, что разъ даны производительныя силы общества,—дана и его структура, а слѣдовательно и его психологія. На этомъ основаніи можно было приписать намъ ту мысль, что отъ экономическаго положенія даннаго общества можно съ точностью умозаключить къ складу его идей. Но это не такъ, потому что идеологіи каждаго даннаго времени всегда стоятъ въ тѣснѣйшей,—положительной или отрицательной,—связи съ идеологіями предшествующаго времени. «Состояніе умовъ» всякаго даннаго времени можно понять только въ связи съ состояніемъ умовъ предшествующей эпохи. Конечно, ни одинъ классъ не станетъ увлекаться такими идеями, которыя противорѣчатъ его стремленіямъ. Каждый классъ всегда прекрасно, хотя и безсознательно, приспособляетъ къ своимъ экономическимъ нуждамъ свои «идеалы». Но это приспособленіе можетъ произойти различнымъ образомъ, и почему оно совершается такъ, а не иначе, это объясняется не положеніемъ даннаго класса, взятаго въ отдѣльности, а всѣми частностями отношенія этого класса къ его антагонисту (или къ его антагонистамъ). Съ появленіемъ классовъ, *противорѣчіе* становится не только *двигающимъ*, но и *формующимъ* началомъ [1]).

Но какова же роль личности въ исторіи идеологій? Брюнэтьеръ придаетъ индивидууму огромное значеніе, *независимое* отъ среды. *Гюйо* утверждаетъ, что геній всегда творитъ что-нибудь новое [2]).

Мы скажемъ, что въ области общественныхъ идей геній опережаетъ своихъ современниковъ въ томъ смыслѣ, что *онъ ранѣе ихъ схватываетъ смыслъ новыхъ, нарождающихся общественныхъ отношеній*. Слѣдовательно, здѣсь невозможно и говорить о независимости генія отъ среды. Въ области естествознанія геній открываетъ законы, дѣйствіе которыхъ, конечно, не зависитъ отъ общественныхъ отношеній. Но роль общественной среды въ исторіи всякаго великаго открытія сказывается, во-первыхъ, въ подготовкѣ того запаса знаній, безъ котораго ни одинъ геній ровно ничего не сдѣлаетъ, а, во-вторыхъ, въ напра-

---

[1]) Казалось бы, какое отношеніе къ борьбѣ классовъ имѣетъ исторія такого искусства, какъ, положимъ, архитектура, а между тѣмъ и она тѣсно связана съ этой борьбой. См. Эд. Корруайэ: „L'architectur hothique", особенно въ четвертой части: L'architecture civile.

[2]) „Il introduidt dans le monde des idées et des sentiments, des types nouveaux". L'art au point de vue sociologique, Paris 1889, p. 31.

вленіи вниманія генія въ ту или въ другую сторону [1]). Въ области искусства геній даетъ наилучшее выраженіе преобладающей эстетической склонности даннаго общества или даннаго общественнаго класса [2]). Наконецъ, во всѣхъ этихъ трехъ областяхъ вліяніе об-

---

[1]) Впрочемъ, только формально существуетъ здѣсь двойственный характеръ вліянія. Всякій данный запасъ знаній накопленъ именно потому, что общественныя нужды побуждали людей къ его накопленію, направляли ихъ вниманіе въ соотвѣтствующую сторону.

[2]) А до какой степени эстетическія склонности и сужденія всякаго даннаго класса зависятъ отъ его экономическаго положенія, это зналъ еще авторъ „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности". Прекрасное есть жизнь,—говорилъ онъ,—и поясняль свою мысль такими соображеніями:

„Хорошая жизнь, „жизнь, какъ она должна быть", у простого народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вмѣстѣ съ этимъ, у поселянина въ понятіи „жизнь" всегда заключается понятіе о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ, при большой работѣ, не доходящей, однако, до изнуренія силъ, у молодого поселянина или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку—первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работая много, поэтому будучи крѣпка сложеніемъ, сельская дѣвушка будетъ довольно плотна,—это также необходимое условіе сельской красавицы: свѣтская, „полувоздушная красавица" кажется поселянину рѣшительно „невзрачной", даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе, потому что онъ привыкъ считать худобу слѣдствіемъ болѣзненности или „горькой доли". Но работа не дастъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ „рыхлаго" сложенія, и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ; у сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ—объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ, въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и нешуточной, но не чрезмѣрной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица: уже нѣсколько поколѣній предки ея жили, не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни крови льется въ конечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки—онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества,—жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи... Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять цѣны въ глазахъ человѣка, потому что и въ довольствѣ и въ роскоши плохо жить безъ здоровья,—

щественной среды сказывается въ доставленіи меньшей или большей возможности развитія геніальныхъ способностей отдѣльныхъ лицъ.

Конечно, мы никогда не съумѣемъ объяснить вліяніемъ среды всю индивидуальность генія, но это еще ничего не доказываетъ.

Баллистика умѣетъ объяснить движеніе артиллерійскаго снаряда. Она умѣетъ предвидѣть его движеніе. Но она никогда не съумѣетъ сказать вамъ, на сколько именно частей разорвется данный снарядъ и куда именно полетитъ каждый отдѣльный осколокъ. Однако, этимъ ни мало не ослабляется достовѣрность тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ баллистика. Намъ нѣтъ надобности становиться на идеалистическую (или на эклектическую) точку зрѣнія въ баллистикѣ: съ насъ совершенно достаточно механическихъ объясненій, хотя—кто споритъ?—эти объясненія и оставляютъ темными для насъ «индивидуальныя» судьбы, величину и форму отдѣльныхъ осколковъ.

Странная иронія судьбы! То самое начало противорѣчія, на которое съ такимъ жаромъ ополчаются, какъ на пустую выдумку «метафизика» Гегеля, наши субъективисты, какъ будто сближаетъ насъ avec nos chers amis les ennemis. Если Юмъ отрицаетъ внутреннюю стоимость денегъ ради противорѣчія съ меркантилистами; если романтики создали свою драму только для того, «чтобы сдѣлать обратное» тому, что дѣлали классики, то объективной истины нѣтъ: есть только истинно для меня, для г. Михайловскаго, для князя Мещерскаго и т. д. Истина субъективна, истинно все то, что удовлетворяетъ нашей познавательной потребности.

Нѣтъ, это не такъ! Начало противорѣчія не разрушаетъ объективной истины, а только ведетъ насъ къ ней. Правда, путь, ко-

---

вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственнаго образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ зато часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ „сильныхъ ощущеній, волненій, страстей“, которыми придается цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очаровываться томностью, блѣдностью красавицы, если томность и блѣдность ея служатъ признакомъ, что она много жила“? (См. въ сборникѣ „Эстетика и поэзія“, стр. 6—8).

торымъ оно заставляетъ идти человѣчество, вовсе не прямолинейный путь. Но и въ механикѣ извѣстны такіе случаи, когда то, что проигрывается на разстояніи, выигрывается на скорости: тѣло, двигающееся по циклоидѣ, иногда скорѣе доходитъ отъ одной точки до другой, ниже лежащей, чѣмъ еслибы оно двигалось по прямой линіи. «Противорѣчіе» является тамъ, и только тамъ, гдѣ есть борьба, гдѣ есть движеніе; а тамъ, гдѣ есть движеніе—мысль идетъ впередъ, хотя бы и окольными путями. Противорѣчіе съ меркантилистами привело Юма къ ошибочному взгляду на деньги. Но движеніе общественной жизни, а слѣдовательно и человѣческой мысли, не остановилось на точкѣ, которой оно достигло во время Юма. Оно поставило насъ въ «противорѣчіе» съ Юмомъ, и это противорѣчіе дало въ результатѣ правильный взглядъ на деньги. И этотъ правильный взглядъ, результатъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣйствительности, есть уже объективная истина, которой не устранятъ никакія дальнѣйшія противорѣчія. Еще авторъ примѣчаній къ Миллю съ одушевленіемъ говорилъ:

То, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ...

Въ примѣненіи къ знанію это безусловно вѣрно. Никакой рокъ не въ силахъ отнять теперь у насъ ни открытій Коперника, ни открытія превращенія энергіи, ни открытія измѣняемости видовъ, ни геніальныхъ открытій Маркса.

Общественныя отношенія видоизмѣняются; видоизмѣняются съ ними и научныя теоріи. Въ результатѣ этихъ измѣненій является, наконецъ, всестороннее разсмотрѣніе дѣйствительности, слѣдовательно, и объективная истина. Ксенофонтъ имѣлъ иные экономическіе взгляды, чѣмъ Жанъ Батистъ Сэй. Взгляды Сэя навѣрное показались бы Ксенофонту нелѣпостью; Сэй объявлялъ нелѣпостью взгляды Ксенофонта. А мы знаемъ теперь, откуда взялись взгляды Ксенофонта, откуда взялись взгляды Сэя, откуда взялась ихъ односторонность. И это знаніе есть уже объективная истина, и никакой «рокъ» не сдвинетъ уже насъ съ этой открытой, наконецъ, правильной точки зрѣнія.

— Но вѣдь не остановится же человѣческая мысль на томъ, что вы называете открытіемъ или открытіями Маркса?—Конечно, нѣтъ, господа! Она будетъ дѣлать новыя открытія, которыя будутъ дополнять и подтверждать эту теорію Маркса, какъ новыя открытія въ астрономіи дополняли и подтверждали открытіе Коперника.

«Субъективный методъ» въ соціологіи есть величайшая нелѣпость. Но всякая нелѣпость имѣетъ свою достаточную причину, и мы, скромные послѣдователи великаго человѣка, можемъ не безъ гордости сказать: мы знаемъ достаточную причину этой нелѣпости. Вотъ она:

«Субъективный методъ» открытъ впервые не г. Михайловскимъ и даже не «ангеломъ школы», т. е. не авторомъ «Историческихъ писемъ». Его придерживались еще Бруно Бауэръ и его послѣдователи, тотъ самый Бруно Бауэръ, который родилъ автора «Историческихъ писемъ», того самаго автора «Историческихъ писемъ», который родилъ г. Михайловскаго и братьевъ его.

Объективность историка есть, подобно всякой объективности, не больше, какъ простая болтовня. И вовсе не въ томъ смыслѣ, что объективность есть недостижимый идеалъ. До объективности, т. е. до взгляда, свойственнаго большинству, до міросозерцанія массы, историкъ можетъ только унизиться. А разъ онъ поступаетъ такъ, онъ перестаетъ быть творцомъ, онъ работаетъ изъ-за поштучной платы, онъ становится наемникомъ своего времени» [1]).

Эти строки принадлежатъ Шелигѣ, который былъ рьянымъ послѣдователемъ Бруно Бауэра и надъ которымъ такъ ѣдко смѣялись Марксъ и Энгельсъ въ книгѣ «Die Heilige Familie». Поставьте въ этихъ строкахъ «соціолога» вмѣсто «историка», замѣните «художественное творчество» исторіи творчествомъ общественныхъ «идеаловъ»,—и вы получите «субъективный методъ въ соціологіи».

Вдумайтесь въ психологію идеалиста. Для него «мнѣнія» людей суть основная, послѣдняя причина общественныхъ явленій. Ему кажется, что, по свидѣтельству исторіи, осуществлялись въ общественныхъ отношеніяхъ нерѣдко самыя нелѣпыя мнѣнія. «Почему же,—разсуждаетъ онъ,—не осуществиться и моему мнѣнію, которое, слава Богу, далеко отъ нелѣпости. Разъ существуетъ извѣстный идеалъ, существуетъ, по крайней мѣрѣ, возможность общественныхъ преобразованій, желательныхъ съ точки зрѣнія этого идеала. Что же касается до провѣрки этого идеала посредствомъ какого-нибудь объективнаго мѣрила, то она невозможна, такъ какъ подобнаго мѣрила не существуетъ: мнѣнія большинства не могутъ же служить мѣриломъ истины».

---

[1]) Die Organisation der Arbeit der Menschheit und die Kunst der Geschichtschreibung Schlosser's, Gervinus's, Dahlmann's und Bruno Bauer's. Von Szeliga, Charlottenburg, 1846, S. 6.

Итакъ, есть возможность извѣстныхъ преобразованій, потому что ихъ призываютъ мои идеалы, потому что я считаю эти преобразованія полезными. Считаю же я ихъ полезными потому, что мнѣ хочется считать ихъ такими. За исключеніемъ объективнаго мѣрила у меня нѣтъ другого критерія, кромѣ моихъ желаній. Нраву моему не препятствуй! — вотъ послѣдній доводъ субъективизма. Субъективный методъ есть reductio ad absurdum идеализма, а по пути и эклектизма, такъ какъ на голову этого паразита обрушиваются всѣ ошибки объѣдаемыхъ имъ «хорошихъ господъ» философіи.

Съ точки зрѣнія Маркса невозможно противопоставленіе «субъективныхъ» взглядовъ личности взглядамъ «толпы», «большинства» и т. д., какъ чему-то объективному. Толпа состоитъ изъ людей, а взгляды людей всегда «субъективны», такъ какъ тѣ или другіе взгляды составляютъ одно изъ свойствъ субъекта. Объективны не взгляды «толпы», объективны тѣ отношенія въ природѣ или обществѣ, которыя выражаются въ этихъ взглядахъ. Критерій истины лежитъ не во мнѣ, а въ отношеніяхъ, существующихъ внѣ меня. Истинны взгляды, правильно представляющіе эти отношенія; ошибочны взгляды, искажающіе ихъ. Истинна та естественно-научная теорія, которая вѣрно схватываетъ взаимныя отношенія явленій природы; истинно то историческое описаніе, которое вѣрно изображаетъ общественныя отношенія, существовавшія въ описываемую имъ эпоху. Тамъ, гдѣ историку приходится изображать борьбу противоположныхъ общественныхъ силъ, онъ неизбѣжно будетъ сочувствовать той или другой, если только самъ не превратился въ сухого педанта. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ субъективенъ независимо отъ того, сочувствуетъ ли онъ меньшинству или большинству. Но такой субъективизмъ не помѣшаетъ ему быть совершенно объективнымъ историкомъ, если только онъ не станетъ искажать тѣ реальныя экономическія отношенія, на почвѣ которыхъ выросли борющіяся общественныя силы. Послѣдователь же «субъективнаго» метода забываетъ объ этихъ реальныхъ отношеніяхъ, и потому онъ не можетъ дать ничего, кромѣ своего дорогого сочувствія или своей страшной антипатіи, и потому онъ поднимаетъ большой шумъ, упрекая своихъ противниковъ въ оскорбленіи нравственности, всякій разъ, когда ему говорятъ, что этого мало. Онъ чувствуетъ, что не можетъ проникнуть въ тайну реальныхъ общественныхъ отношеній, и потому

всякій намекъ на ихъ объективную силу кажется ему оскорбленіемъ, насмѣшкой надъ его собственнымъ безсиліемъ. Онъ стремится потопить эти отношенія въ водѣ своего нравственнаго негодованія.

Съ точки зрѣнія Маркса оказывается, стало быть, что идеалы бываютъ всякіе: и низменные, и возвышенные, и правильные, и ошибочные. Правиленъ идеалъ, соотвѣтствующій экономической дѣйствительности. Субъективисты, слышащіе это, скажутъ, что если я стану приспособлять мои идеалы къ дѣйствительности, то я сдѣлаюсь жалкимъ прислужникомъ «ликующихъ». Но они скажутъ это единственно потому, что они, въ своемъ качествѣ метафизиковъ, не понимаютъ двойственнаго антагонистическаго характера всякой дѣйствительности. «Ликующіе» опираются на уже отживающую дѣйствительность, подъ которой зарождается новая дѣйствительность, дѣйствительность будущаго, служить которой значитъ содѣйствовать торжеству «великаго дѣла любви».

Читатель видитъ теперь, соотвѣтствуетъ ли «дѣйствительности» то представленіе о марксистахъ, согласно которому они не придаютъ никакого значенія идеаламъ. Это представленіе оказывается прямой противоположностью «дѣйствительности». Если говорить въ смыслѣ «идеаловъ», то надо сказать, что теорія Маркса есть самая идеалистическая теорія, которая когда либо существовала въ исторіи человѣческой мысли. И это одинаково вѣрно какъ по отношенію къ ея чисто-научнымъ, такъ и по отношенію къ ея практическимъ задачамъ.

«Что прикажете дѣлать, если г. Марксъ не понимаетъ значенія самосознанія и его силы? Что прикажете дѣлать, если онъ такъ низко цѣнитъ сознанную истину самосознанія?»

Эти слова были написаны еще въ 1847 г. однимъ изъ послѣдователей Бруно Бауэра [1]), и хотя нынѣ уже не говорятъ языкомъ сороковыхъ годовъ, но дальше Опица и до сихъ поръ не пошли господа, упрекающіе Маркса въ игнорированіи элемента мысли и чувства въ исторіи. Всѣ они до сихъ поръ убѣждены, что Марксъ,

---

[1]) Die Helden der Masse. Charakteristiken. Herausgegeben von Theodor Opitz. Grünberg. 1848, SS. 6—7. Очень совѣтуемъ г. Михайловскому прочитать это сочиненіе. Онъ встрѣтитъ въ немъ множество своихъ оригинальныхъ мыслей.

*

очень низко цѣнитъ силу человѣческаго самосознанія; всѣ они на разные лады твердятъ одно и то же [1]). Въ дѣйствительности Маркс считалъ объясненіе человѣческаго «самосознанія» важнѣйшей задачей общественной науки.

Онъ говорилъ: «Главный недостатокъ матеріализма, до фейербаховскаго включительно, состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный воспринимаемый внѣшними чувствами міръ, лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно. Поэтому дѣятельную сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно, такъ какъ идеализмъ естественно не признаетъ конкретной дѣятельности, какъ таковой». Вдумывались ли вы, господа, въ эти слова Маркса? Мы скажемъ вамъ, что они означаютъ.

Гольбахъ, Гельвецій и ихъ послѣдователи направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы доказать возможность матеріалистическаго объясненія природы. Даже отрицаніе врожденныхъ идей не вело этихъ матеріалистовъ дальше разсмотрѣнія человѣка, какъ члена животнаго царства, какъ matiére sensible. Они не пытались разъяснить исторію человѣка съ своей точки зрѣнія, а если и пытались (Гельвецій), то ихъ попытки окончились неудачей. Но человѣкъ становится «субъектомъ» только въ исторіи, потому что только въ ней развивается его самосознаніе. Ограничиваться разсмотрѣніемъ человѣка, какъ члена животнаго царства, значитъ ограничиться разсмотрѣніемъ его, какъ «объекта», упустить изъ виду его историческое развитіе, его общественную «практику», конкретную человѣческую дѣятельность. Но упустить изъ виду все это значитъ сдѣлать матеріализмъ «сухимъ, мрачнымъ, печальнымъ» (Гете). Мало того, это значитъ сдѣлать его,—и мы уже показали это выше,—фаталистическимъ, осуждающимъ человѣка на полное подчиненіе слѣпой матеріи. Марксъ замѣтилъ этотъ недостатокъ французскаго, и даже фейербаховскаго, матеріализма и поставилъ себѣ задачей исправить его. Его «экономи-

[1]) Впрочемъ, нѣтъ, не всѣ: никому еще не приходило въ голову побивать Маркса указаніемъ на то, что „человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла“. Г. Карѣевъ оригиналенъ вдвойнѣ: 1) никто до него не спорилъ такъ съ Марксомъ; 2) никто послѣ него, навѣрное, не будетъ такъ спорить съ нимъ. Изъ этого примѣчанія г. В. В. увидитъ, что и мы умѣемъ воздавать должное его „профессору“.

ческій» матеріализмъ является отвѣтомъ на вопросъ, какъ развивается «конкретная дѣятельность» человѣка, какъ, въ силу ея, развивается его самосознаніе, какъ складывается субъективная сторона исторіи. Когда будетъ хоть отчасти рѣшенъ этотъ вопросъ, матеріализмъ перестанетъ быть сухимъ, мрачнымъ, печальнымъ, онъ перестанетъ уступать идеализму первое мѣсто при объясненіи дѣятельной стороны человѣческаго существованія. Тогда онъ избавится отъ свойственнаго ему фатализма.

Чувствительные, но слабоголовые люди потому возмущаются противъ теоріи Маркса, что принимаютъ ея первое слово за послѣднее. Марксъ говоритъ: при объясненіи субъекта посмотримъ, въ какія взаимныя отношенія люди становятся подъ вліяніемъ объективной необходимости. Разъ извѣстны эти отношенія, можно будетъ выяснить, какъ развивается, подъ ихъ вліяніемъ, человѣческое самосознаніе. Объективная дѣйствительность поможетъ намъ выяснить субъективную сторону исторіи. Вотъ тутъ-то и прерываютъ обыкновенно Маркса чувствительные, но слабоголовые люди. Тутъ-то и повторяется обыкновенно нѣчто удивительно похожее на разговоръ Чацкаго съ Фамусовымъ.—«Въ процессѣ производства своей общественной жизни люди наталкиваются на извѣстныя, опредѣленныя, отъ ихъ воли независящія отношенія: отношенія производства...»—Ахъ, батюшки, онъ фаталистъ!...—«На экономической основѣ возвышаются идеологическія надстройки...»—Что говоритъ! и говоритъ, какъ пишетъ! Онъ совсѣмъ не признаетъ роли личности въ исторіи!.. —«Да выслушайте же хоть разъ; вѣдь изъ предыдущаго слѣдуетъ, что»...—Не слушаю, подъ судъ! Подъ нравственный судъ активно-прогрессивныхъ личностей, подъ явный надзоръ субъективной соціологіи!!

Чацкаго выручило, какъ извѣстно, появленіе Скалозуба. Въ спорахъ русскихъ послѣдователей Маркса съ ихъ строгими субъективными цѣнителями дѣло принимало до сихъ поръ другой оборотъ. Скалозубъ зажималъ ротъ Чацкимъ, и тогда Фамусовы субъективной соціологіи вынимали изъ ушей пальцы и говорили съ сознаніемъ своего превосходства: да вѣдь они и сказали-то всего два слова; ихъ взгляды остаются совершенно невыясненными.

Еще Гегель говорилъ, что всякую философію можно свести на безсодержательный формализмъ, если ограничиваться простымъ повтореніемъ ея основныхъ положеній. Но и этимъ грѣхомъ Марксъ не грѣшенъ. Онъ не ограничивался повтореніемъ того, что развитіе производительныхъ силъ лежитъ въ основѣ всего исто-

рическаго движенія человѣчества. Рѣдкій мыслитель сдѣлалъ такъ много, какъ онъ, для развитія своихъ основныхъ положеній.

— Но гдѣ же, гдѣ развилъ онъ свои взгляды?—на разные голоса поютъ, вопіютъ, взываютъ и глаголютъ гг. субъективисты.— Вѣдь вотъ посмотрите на Дарвина, вѣдь у него книга, а у Маркса книги-то и нѣтъ и приходится возстановлять его взгляды.

Что и говорить: «возстановлять» дѣло непріятное и нелегкое, особенно тому, у кого нѣтъ «субъективныхъ» данныхъ для правильнаго пониманія, а потому и для «возстановленія» чужихъ мыслей. Но возстановлять нѣтъ надобности, и книга, объ отсутствіи которой скорбятъ господа субъективисты, давно есть. Есть даже нѣсколько книгъ, одна другой лучше выясняющихъ историческую теорію Маркса.

Первая книга—это исторія философіи и общественной науки, начиная съ конца XVIII вѣка. Ознакомьтесь съ этой интересной книгой (конечно, «Льюиса» тутъ мало): она покажетъ вамъ, почему явилась, почему должна была появиться теорія Маркса, на какіе, до тѣхъ поръ неразрѣшенные и неразрѣшимые вопросы она отвѣтила, и, слѣдовательно, каковъ ея истинный смыслъ.

Вторая книга—это «Капиталъ», тотъ самый «Капиталъ», который всѣ вы «читали», съ которымъ всѣ вы «согласны», но котораго ни одинъ изъ васъ не понялъ, милостивые государи.

Третья книга—это исторія европейскихъ событій, начиная съ 1848 года, т. е. со времени появленія извѣстнаго «манифеста». Дайте себѣ трудъ вникнуть въ содержаніе этой огромной и поучительной книги, и скажите намъ, положа руку на сердце, если только есть безпристрастіе въ вашемъ «субъективномъ» сердцѣ: неужели теорія Маркса не дала ему поразительной, небывалой раньше, способности предвидѣнія событій? Что сталось теперь съ современными ему утопистами реакціи, застоя или прогресса? На какую замазку пошла пыль, въ которую обратились ихъ «идеалы» при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью? Вѣдь не осталось слѣда даже и отъ пыли; а то, что говорилъ Марксъ, осуществлялось, разумѣется, въ главныхъ чертахъ, каждый день и будетъ неизмѣнно осуществляться до тѣхъ поръ, пока не осуществятся, наконецъ, его идеалы.

Кажется, свидѣтельства этихъ трехъ книгъ достаточно? И, кажется, нельзя отрицать существованія ни одной изъ нихъ? Вы скажете, конечно, что мы вычитываемъ оттуда не то, что тамъ написано? Что же, скажите и докажите это; мы съ нетерпѣніемъ ждемъ

вашихъ доказательствъ, а чтобы вы не очень запутались въ нихъ, мы выяснимъ вамъ на первый разъ смыслъ второй книги.

Вы признаете экономическіе взгляды Маркса, отрицая его историческую теорію, говорите вы. Надо сознаться, что этимъ сказано очень много, а именно: этимъ сказано, что вы не понимаете ни исторической его теоріи, ни его экономическихъ взглядовъ.

О чемъ говорится въ первомъ томѣ «Капитала»? Тамъ говорится, напримѣръ, о стоимости. Тамъ говорится, что стоимость есть общественное отношеніе производства. Согласны вы съ этимъ? Если—нѣтъ, то вы отказываетесь отъ своихъ собственныхъ словъ насчетъ согласія съ экономической теоріей Маркса. Если—да, то вы признаете его историческую теорію, хотя, очевидно, и не понимаете ея.

Разъ вы признаете, что существующія независимо отъ воли людей, дѣйствующія за ихъ спиною, ихъ собственныя отношенія производства отражаются въ ихъ головахъ въ видѣ различныхъ категорій политической экономіи: въ видѣ стоимости, въ видѣ денегъ, въ видѣ капитала и т. п., то вы тѣмъ самымъ признаете, что на извѣстной экономической почвѣ непремѣнно выростаютъ извѣстныя, соотвѣтствующія ея характеру, идеологическія надстройки. Въ этомъ случаѣ дѣло вашего обращенія уже на три четверти сдѣлано, ибо вамъ остается примѣнить вашъ «собственный», т. е. заимствованный у Маркса, взглядъ къ анализу идеологическихъ категорій высшаго порядка: права, справедливости, нравственности, равенства и т. п.

Или, можетъ быть, вы соглашаетесь съ Марксомъ только со второго тома его «Капитала»? Вѣдь есть же такіе господа, которые «признаютъ Маркса» лишь постольку, поскольку онъ писалъ такъ называемое письмо къ господину Михайловскому.

Вы не признаете исторической теоріи Маркса? Стало быть, по вашему ошибочна та точка зрѣнія, съ которой онъ оцѣнивалъ, напр., событія французской исторіи 1848 до 1851 года въ своей газетѣ «Neue Rheinische Zeitung» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ того времени, равно какъ въ книгѣ: «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapartes»? Какъ жаль, что вы не потрудились показать ошибочность этой точки зрѣнія; какъ жаль, что ваши взгляды остаются въ неразвитомъ видѣ, и что невозможно даже «возстановить» ихъ за недостаткомъ данныхъ.

Вы не признаете исторической теоріи Маркса? Стало быть, по вашему ошибочна та точка зрѣнія, съ которой онъ, напр., оцѣнивалъ значеніе философскихъ ученій французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка? Жаль, что не опровергли вы Маркса и въ этомъ случаѣ. А можетъ быть, вы даже и не знаете, гдѣ онъ говорилъ объ этомъ предметѣ? Ну, въ такомъ случаѣ, мы не хотимъ васъ выручать изъ затрудненія; вѣдь надо же знать вамъ «литературу предмета», о которомъ вы взялись разсуждать; вѣдь многіе изъ васъ — говоря языкомъ г. Михайловскаго — носятъ званіе ординарныхъ и экстраординарныхъ звонарей науки. Правда, это званіе не помѣшало вамъ заниматься преимущественно «приватными» науками: субъективной соціологіей, субъективной исторіософіей и т. д.

— Но отчего же Марксъ не написалъ такой книги, въ которой была бы изложена, съ его точки зрѣнія, вся исторія человѣчества отъ древности до нашихъ дней и были бы разсмотрѣны всѣ области развитія: экономическаго, юридическаго, религіознаго, философскаго и проч.?

Первый признакъ всякаго образованнаго ума состоитъ въ умѣньѣ ставить вопросы, въ знаніи того, какихъ отвѣтовъ можно и какихъ нельзя требовать отъ современной науки. А вотъ въ противникахъ Маркса этого признака какъ будто и не замѣчается, несмотря на ихъ экстраординарность, а иногда даже и ординарность, а можетъ быть, впрочемъ, и благодаря ей. Неужели вы думаете, что въ біологической литературѣ существуетъ такая книга, въ которой была бы уже изложена вся исторія животнаго и растительнаго царства съ точки зрѣнія Дарвина? Поговорите на этотъ счетъ съ любымъ ботаникомъ или зоологомъ, и онъ, предварительно посмѣявшись надъ вашей дѣтской наивностью, сообщитъ вамъ, что представить всю длинную исторію видовъ съ точки зрѣнія Дарвина — это идеалъ современной науки, котораго она неизвѣстно когда и достигнетъ; теперь же найдена та точка зрѣнія, съ которой только и можетъ быть понята исторія видовъ [1]). Совершенно такъ обстоитъ дѣло и въ современной исторической наукѣ.

[1]) „Alle diese verschiedenen Zweige der Entwickelungsgeschichte, die jetzt noch teilweise weit auseinanderliegen und die von den verschiedensten empirischen Erkenntnissquellen ausgegangen sind, werden von jetzt an mit dem steigenden Bewusstsein ihres einheitlichen Zusammenhanges sich höher entwickeln. Auf den verschiedensten empirischen Wegen wandelnd und mit den mannigfaltigsten Methoden arbeitend werden sie doch alle auf ein und dasselbe Ziel hinstreben, auf das grosse Endziel einer uniwersalen monistischen Entwickelungsgeschichte“. E. Haeckel, „Ziele und Wege heutigen Entwickelungsgeschichte“, Iena, 1875. S. 96.

«Что такое вся работа Дарвина? — спрашиваетъ г. Михайловскій.—Нѣсколько обобщающихъ, тѣснѣйшимъ образомъ между собою связанныхъ идей, вѣнчающихъ цѣлый Монбланъ фактическаго матеріала. Гдѣ же соотвѣтственная работа Маркса? Ея нѣтъ... И не только нѣтъ такой работы Маркса, но ея нѣтъ и во всей марксистской литературѣ, несмотря на всю ея обширность и распространенность... Самыя основанія экономическаго матеріализма, безчисленное множество разъ повторяемыя, какъ аксіомы, до сихъ поръ остаются между собою не связанными и фактически непровѣренными, что особенно заслуживаетъ вниманія въ теоріи, въ принципѣ опирающейся на матеріальные, осязательные факты и усвоивающей себѣ титулъ по преимуществу «научной». [1])

Что самыя основанія теоріи экономическаго матеріализма остаются не связанными между собою—это голая неправда. Стоитъ только прочесть предисловіе къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie», чтобы видѣть—до какой степени стройно и тѣсно связаны они между собою. Что эти положенія не провѣрены—это тоже невѣрно: они провѣрены съ помощью анализа общественныхъ явленій и въ книгѣ «18-ое Брюмера», и въ «Капиталѣ», и притомъ вовсе не «въ особенности» въ главѣ о первоначальномъ накопленіи, какъ это думаетъ г. Михайловскій, а рѣшительно во всѣхъ главахъ отъ первой до послѣдней. Если, тѣмъ не менѣе, эта теорія ни разу не была изложена въ связи съ «цѣлымъ Монбланомъ» фактическаго матеріала, что, по мнѣнію г. Михайловскаго, невыгодно отличаетъ ее отъ теоріи Дарвина, то и тутъ опять одно недоразумѣніе. Съ помощью того фактическаго матеріала, который заключается, положимъ, въ книгѣ «The origin of species», доказывается, главнымъ образомъ, измѣняемость видовъ; исторіи же нѣкоторыхъ отдѣльныхъ видовъ Дарвинъ касается лишь мимоходомъ и то лишь гипотетически: дескать, исторія эта могла идти такъ, могла идти иначе,—одно несомнѣнно: была исторія, измѣнялись виды. Теперь мы спросимъ г. Михайловскаго: нужно ли было доказывать Марксу, что человѣчество не стоитъ на одномъ мѣстѣ, что измѣняются общественныя формы, что смѣняются одни за другими взгляды людей, словомъ, нужно ли было доказывать измѣняемость этого рода явленій? Конечно, не было нужно, хотя для доказательства легко было нагромоздить цѣлый десятокъ «Монблановъ фактическаго ма-

[1]) „Русское Богатство“, январь 1894 г., отд. II, стр. 105—106.

теріала». Что же надо было дѣлать Марксу? Предыдущая исторія общественной науки и философіи накопила «цѣлый Монбланъ» противорѣчій, настоятельно требовавшихъ своего разрѣшенія. Марксъ и разрѣшилъ ихъ съ помощью теоріи, которая, подобно теоріи Дарвина, состоитъ изъ «нѣсколькихъ обобщающихъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ между собою идей». Когда явились эти идеи, тогда выяснилось, что съ помощью ихъ разрѣшаются всѣ смущавшія прежнихъ мыслителей противорѣчія. Марксу нужно было не нагромождать горы собраннаго его предшественниками фактическаго матеріала, а, пользуясь, между прочимъ, и этимъ матеріаломъ, приступить къ изученію дѣйствительной исторіи человѣчества съ новой точки зрѣнія. Это и сдѣлалъ Марксъ, обратившись къ изученію исторіи капиталистической эпохи, въ результатѣ чего явился «Капиталъ (мы уже не говоримъ о монографіяхъ, какъ «18-ое Брюмера»).

Но въ «Капиталѣ», по замѣчанію г. Михайловскаго, «рѣчь идетъ объ одномъ только историческомъ періодѣ, да и въ этихъ предѣлахъ предметъ, конечно, даже и приблизительно не исчерпанъ». Это вѣрно. Но мы опять напомнимъ г. Михайловскому, что первый признакъ образованнаго ума состоитъ въ знаніи того, какія требованія можно предъявлять людямъ науки. Марксъ рѣшительно не могъ охватить въ своемъ изслѣдованіи всѣ историческіе періоды, совершенно такъ же, какъ Дарвинъ не могъ написать исторію всѣхъ животныхъ и растительныхъ видовъ.

Даже въ отношеніи къ одному историческому періоду предметъ не исчерпанъ, хотя бы только приблизительно.—Нѣтъ, г. Михайловскій, не исчерпанъ даже и приблизительно. Но, во-первыхъ, скажите намъ, какой же предметъ исчерпанъ у Дарвина, хотя бы и «приблизительно». А, во-вторыхъ, мы сейчасъ вамъ объяснимъ, какъ и почему не исчерпанъ вопросъ въ «Капиталѣ».

По новой теоріи историческое движеніе человѣчества опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ, ведущихъ къ измѣненіямъ экономическихъ отношеній. Поэтому, дѣло всякаго историческаго изслѣдованія приходится начинать съ изученія состоянія производительныхъ силъ и экономическихъ отношеній данной страны. Но на этомъ, разумѣется, изслѣдованіе не должно останавливаться: оно должно показать, какъ сухой остовъ экономіи покрывается живой плотью соціально-политическихъ формъ, а затѣмъ,—и это самая интереснаи, самая увлекательная сторона задачи,—человѣческихъ

идей, чувствъ, стремленій и идеаловъ. Въ руки изслѣдователя поступаетъ, можно сказать, мертвая матерія (тутъ ужъ, какъ видитъ читатель, мы заговорили отчасти слогомъ г. Карѣева), изъ его рукъ долженъ выйти полный жизни организмъ. Марксу удалось исчерпать, да и то, конечно, лишь приблизительно, только вопросы, относящіеся, главнымъ образомъ, къ матеріальному быту избраннаго имъ періода. Марксъ умеръ не очень старымъ человѣкомъ. Но если бы онъ прожилъ еще 20 лѣтъ, то онъ, вѣроятно, все продолжалъ бы (за исключеніемъ, можетъ быть, опять отдѣльныхъ монографій) исчерпывать вопросы матеріальнаго быта того же періода. Это-то и сердитъ г. Михайловскаго. Подбоченясь, онъ начинаетъ читать нотацію знаменитому мыслителю: «какъ же это ты такъ, братецъ?.. только одинъ періодъ... И притомъ не вполнѣ... Не могу, не могу одобрить... Бралъ бы ты примѣръ съ Дарвина!» На всю эту субъективную рацею бѣдный авторъ «Капитала» отвѣчаетъ лишь глубокимъ вздохомъ, да печальнымъ признаніемъ: Die Kunst ist lang und kurz ist unser Leben!

Г. Михайловскій быстро и грозно поворачивается къ «толпѣ» послѣдователей Маркса: въ такомъ случаѣ вы чего же смотрѣли, почему не поддержали старика, отчего не исчерпали всѣхъ періодовъ?—Некогда намъ было, г. субъективный герой, въ поясъ кланяясь и держа шапки наотлетъ, отвѣчаютъ послѣдователи; другимъ мы были заняты, мы боролись противъ тѣхъ отношеній производства, которыя лежатъ тяжелымъ гнетомъ на современномъ человѣчествѣ Не взыщи! А между прочимъ мы кое-что все-таки и сдѣлали, и вотъ дайте срокъ,—сдѣлаемъ и еще больше.

Г. Михайловскій нѣсколько смягчается: стало быть, вы и сами теперь видите, что не вполнѣ?—Какъ не видѣть! да вѣдь не вполнѣ еще и у дарвинистовъ [1]), не вполнѣ даже въ субъективной соціологіи, а вѣдь это совсѣмъ другая опера.

Упоминаніе о дарвинистахъ вызываетъ новый приступъ раздраженія въ нашемъ авторѣ.—Что вы ко мнѣ лѣзете съ Дарвиномъ!—

---

[1]) Интересно, что противники Дарвина долго твердили, да и до сихъ поръ еще не перестали твердить, что его теоріи недостаетъ именно „Монблана“ фактическихъ доказательствъ. Въ этомъ смыслѣ высказался, какъ извѣстно, Вирховъ на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ въ сентябрѣ 1877 г. Отвѣчая ему, Геккель вѣрно замѣтилъ, что если теорія Дарвина не доказывается тѣми фактами, которые извѣстны намъ уже теперь, то никакіе новые факты ничего не скажутъ въ ея пользу.

кричитъ онъ.—Дарвиномъ увлекались хорошіе господа, его многіе профессора одобряли, а за Марксомъ кто идетъ? Одни рабочіе, да никѣмъ не патентованные приватъ-звонари науки.

Распеканція принимаетъ столь интересный характеръ, что мы поневолѣ продолжаемъ внимать ей.

«Въ книгѣ «О происхожденіи семьи и проч.» Энгельсъ говоритъ, между прочимъ, что «Капиталъ» Маркса былъ «замалчиваемъ» цеховыми нѣмецкими экономистами; въ книгѣ «Людвигъ Фейербахъ и конецъ классической философіи» указываетъ, что теоретики экономическаго матеріализма «съ самаго начала обратились, главнымъ образомъ, къ рабочимъ и встрѣтили у нихъ ту воспріимчивость, которой и не ожидали отъ представителей оффиціальной науки». Насколько вѣрны эти факты и каково ихъ значеніе? Прежде всего «замолчать» на продолжительное время что-нибудь цѣнное едва ли теперь возможно даже у насъ, въ Россіи, при всей слабости и мелкости нашей научной и литературной жизни. Тѣмъ паче невозможно это въ Германіи съ ея многочисленными университетами, съ ея всеобщей грамотностью, съ ея безчисленными газетами, листками всевозможныхъ направленій, съ значеніемъ въ ней не только печатнаго, но и устнаго слова. И если нѣкоторая часть оффиціальныхъ жрецовъ науки въ Германіи и встрѣтила «Капиталъ» на первое время молчаніемъ, то едва ли можно объяснять это желаніемъ «замолчать» работу Маркса. Вѣрнѣе предположить, что мотивомъ молчанія было недоумѣніе, рядомъ съ которымъ быстро выросли и горячая оппозиція, и полное почтеніе, и въ результатѣ теоретическая часть «Капитала» очень быстро заняла уже безспорно высокое мѣсто въ общепризнанной наукѣ. Совсѣмъ не такова судьба экономическаго матеріализма, какъ исторической теоріи, со включеніемъ и тѣхъ перспективъ въ направленіи будущаго, которыя находятся въ «Капиталѣ». Экономическій матеріализмъ, несмотря на свое полувѣковое существованіе, не оказалъ до сихъ поръ сколько нибудь замѣтнаго вліянія на научныя сферы, но дѣйствительно очень быстро распространяется въ рабочемъ классѣ» [1]).

Итакъ, послѣ непродолжительнаго молчанія быстро выросла оппозиція. Это такъ. До такой степени горячая, что ни одинъ доцентъ не получитъ званія профессора, если онъ признаетъ правильной хотя бы «экономическую» теорію Маркса; до такой степени горячая, что всякій, даже самый безталанный, приватъ-доцентъ можетъ рас-

[1]) «Русское Богатство», январь 1894 г. Отд. II, стр. 115—116.

читывать на быстрое повышеніе, если только ему удастся придумать хоть пару завтра же всѣми забываемыхъ возраженій противъ «Капитала». Что правда, то правда: очень горячая оппозиція...

И полное почтеніе... И это вѣрно, г. Михайловскій: дѣйствительно почтеніе. Такое же точно почтеніе, съ какимъ теперь китайцы должны смотрѣть на японское войско: хорошо, молъ, дерется, и непріятно попасть подъ его удары. Такимъ почтеніемъ къ автору «Капитала» были и до сихъ поръ остаются проникнуты нѣмецкіе профессора. И чѣмъ умнѣе профессоръ, чѣмъ больше у него знаній, тѣмъ больше у него такого почтенія, тѣмъ яснѣе сознаетъ онъ, что ему не опровергнуть «Капитала». Вотъ почему ни одно изъ свѣтилъ оффиціальной науки не рѣшается атаковать «Капиталъ». Свѣтила предпочитаютъ посылать въ атаку молодыхъ, неопытныхъ, нуждающихся въ повышеніи, «приватъ-звонарей».

Туда умнаго не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Что и говорить: велико почтеніе этого рода. А о другомъ почтеніи мы не слыхали, да и не можетъ быть его въ профессорѣ, потому что не сдѣлаютъ въ Германіи профессоромъ человѣка, проникнутаго имъ.

Но что же доказываетъ это почтеніе? А доказываетъ оно вотъ что. Поле изслѣдованія, охватываемое «Капиталомъ», есть именно то поле, которое уже обработано съ новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія исторической теоріи Маркса. На это поле и не смѣютъ нападать противники; они «почитаютъ его». И это, разумѣется, очень хорошо, для противниковъ. Но нужна вся наивность «субъективнаго» соціолога, чтобы съ удивленіемъ спрашивать, почему же эти противники до сихъ поръ не берутся за обработку въ духѣ Маркса сосѣднихъ полей собственными силами. «Ишь чего захотѣли вы, милый герой! Тутъ и одно-то поле, обработанное въ этомъ духѣ, жить не даетъ! И съ нимъ-то волкомъ воешь, а вы хотите, чтобы мы воздѣлали по той же системѣ еще и сосѣднія поля!» Плохо вникаетъ въ суть вещей г. Михайловскій, а потому и не понимаетъ «судьбы экономическаго матеріализма, какъ исторической теоріи»; не понимаетъ также и отношенія нѣмецкихъ профессоровъ къ «перспективамъ будущаго». Не до будущаго имъ, батюшка, когда ускользаетъ изъ-подъ ногъ настоящее.

Но вѣдь не всѣ же профессора въ Германіи до такой степени проникнуты духомъ классовой борьбы и «научной» дисциплины.

Вѣдь есть же спеціалисты, которые ни о чемъ не думаютъ, кромѣ науки. Какъ не быть, есть и такіе, разумѣется, и не въ одной Германіи. Но эти спеціалисты,—именно потому, что они спеціалисты,—поглощены своимъ предметомъ; они обрабатываютъ свой небольшой клочекъ научнаго поля и никакими общими философско-историческими теоріями не интересуются. О Марксѣ такіе спеціалисты рѣдко имѣютъ какое-нибудь представленіе, а если и имѣютъ, то развѣ, какъ о непріятномъ человѣкѣ, кого-то и гдѣ-то обезпокоившемъ. Какъ же вы хотите, чтобы они писали въ духѣ Маркса? Въ ихъ монографіяхъ обыкновенно нѣтъ ровно никакого философскаго духа. Но тутъ происходитъ нѣчто, подобное тѣмъ случаямъ, когда камни вопіютъ, если безмолвствуютъ люди. Сами изслѣдователи-спеціалисты ничего не знаютъ о теоріи Маркса, а добытые ими результаты громко кричатъ въ ея пользу. И нѣтъ ни одного серьезнаго спеціальнаго изслѣдованія по исторіи политическихъ отношеній или по исторіи культуры, которое не подтверждало бы ея такъ или иначе. До какой степени весь духъ современной общественной науки вынуждаетъ спеціалистовъ безсознательно становиться на точку зрѣнія исторической теоріи Маркса (именно—исторической, г. Михайловскій), показываетъ множество поразительныхъ примѣровъ. Выше читатель могъ уже замѣтить два такихъ примѣра: Оскара Пешеля и Жиро Тэлона. Теперь приведемъ третій. Въ своемъ сочиненіи: «La cité antique» знаменитый Фюстель-де-Куланжъ высказалъ ту мысль, что религіозные взгляды лежали въ основѣ всѣхъ общественныхъ учрежденій античной древности. Казалось бы, что этой мысли и надо было держаться при изслѣдованіи отдѣльныхъ вопросовъ исторіи Греціи и Рима. Но вотъ случилось Фюстель-де-Куланжу коснуться вопроса о паденіи Спарты. И вышло у него, что причина паденія чисто-экономическая [1]). Случилось ему коснуться вопроса о паденіи римской республики—и онъ опять обращается къ экономіи [2]). Стало быть, что же выходитъ? Въ отдѣльныхъ случаяхъ человѣкъ подтверждаетъ теорію Маркса, а если бы вы назвали его марксистомъ, онъ замахалъ

---

[1]) См. его книгу: „Du droit de propriété á Sparte“. Для насъ здѣсь совершенно безразличенъ содержащійся въ ней, между прочимъ, взглядъ на исторію первобытной собственности.

[2]) Il est assez visible pour quiconque a observé le détail (именно le détail, г. Михайловскій) et le textes que ce sont les intérêts materials du plus grand nombr qui en ont été le vrai mobile и проч. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Les origines du systéme feodal. Paris, 1890, p. 94.

бы, вѣроятно, обѣими руками, чѣмъ несказанно обрадовалъ бы г. Карѣева. Что прикажете дѣлать, если не всѣ люди послѣдовательны до конца?

Но позвольте, прерываетъ насъ г. Михайловскій, и мнѣ привести, съ моей стороны, нѣсколько примѣровъ: «Обращаясь... къ... книгѣ Блосса, мы видимъ, что это очень почтенная работа, на которой, однако, вовсе нѣтъ спеціальныхъ слѣдовъ коренного переворота въ исторической наукѣ. Изъ того, что Блоссъ говоритъ о классовой борьбѣ и объ экономическихъ условіяхъ (сравнительно очень немного), еще не слѣдуетъ, что онъ строитъ исторію на саморазвитіи формъ производства и обмѣна: обойти экономическія условія въ разсказѣ о событіяхъ 1848 года было даже мудрено. Выкиньте изъ книги Блосса панегирикъ Марксу, какъ творцу переворота въ исторической наукѣ, да еще нѣсколько условныхъ фразъ съ марксистской терминологіей, и вамъ не придетъ въ голову, что вы имѣете дѣло съ послѣдователемъ экономическаго матеріализма. Отдѣльныя хорошія страницы историческаго содержанія у Энгельса, Каутскаго и нѣкоторыхъ другихъ тоже могли бы обойтись безъ этикетки экономическаго матеріализма, такъ какъ на дѣлѣ въ нихъ принимается въ соображеніе вся совокупность общественной жизни, хотя бы и съ преобладаніемъ экономической струны въ этомъ аккордѣ [1])».

Г. Михайловскій, очевидно, твердо помнитъ поговорку: «назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ». Онъ разсуждаетъ такъ: если ты экономическій матеріалистъ, то и долженъ ты имѣть въ виду экономическое, а не «касаться всей совокупности общественной жизни, хотя съ преобладаніемъ экономической струны». Но мы уже докладывали г. Михайловскому, что научная задача марксистовъ именно въ томъ и заключается, чтобы, начавъ со «струны», объяснить всю совокупность общественной жизни. Какъ же хочетъ онъ, чтобы они одновременно и отреклись отъ этой задачи, и оставались марксистами. Правда, г. Михайловскій никогда не хотѣлъ вдуматься въ смыслъ этой задачи, но въ этомъ виновата, разумѣется, не историческая теорія Маркса.

Мы понимаемъ, что, пока мы не отречемся отъ этой задачи, г. Михайловскій будетъ часто впадать въ очень затруднительное положеніе: часто онъ, при чтеніи «хорошей страницы историческаго содержанія», будетъ далекъ отъ мысли («въ голову не придетъ!»),

[1]) „Русское Богатство", янв. 1894 г., отд. II, стр. 117

что она написана «экономическимъ» матеріалистомъ. Это именно то положеніе, с которомъ говорится: хуже губернаторскаго! Но по винѣ ли Маркса будетъ попадать въ него г. Михайловскій?

Ахиллъ субъективной школы воображаетъ, что «экономическіе» матеріалисты должны говорить лишь о «саморазвитіи формъ производства и обмѣна». Что же это за «саморазвитіе», глубокомысленный г. Михайловскій? Если вы думаете, что, по мнѣнію Маркса, формы производства могутъ развиваться «сами собою», то вы жестоко ошибаетесь. Что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства! Химикъ говоритъ: матерія состоитъ изъ атомовъ, которые группируются въ молекулы, а молекулы группируются въ болѣе сложныя соединенія. Всѣ химическіе процессы совершаются по опредѣленнымъ законамъ. Изъ этого вы неожиданно заключаете, что, по мнѣнію химика, все дѣло въ законахъ, а что матерія,—атомы и молекулы,—могла бы совсѣмъ не двигаться, отнюдь не помѣшавъ этимъ «саморазвитію» химическихъ соединеній. Всѣмъ ясна нелѣпость такого умозаключенія. Къ сожалѣнію, не всѣмъ ясна еще нелѣпость совершенно аналогичнаго по своей внутренней стоимости противопоставленія личностей—законамъ общественной жизни; дѣятельности людей—внутренней логикѣ формъ ихъ общежитія.

Повторяемъ, г. Михайловскій, задача новой исторической теоріи заключается въ объясненіи «всей совокупности общественной жизни» тѣмъ, что вы называете экономической струною, т. е. на самомъ дѣлѣ развитіемъ производительныхъ силъ. «Струна»—это въ извѣстномъ смыслѣ основа (мы уже объясняли, въ какомъ именно смыслѣ), но напрасно думаетъ г. Михайловскій, что марксистъ «только и дышетъ струною», какъ одинъ изъ персонажей въ «Будкѣ» Г. И. Успенскаго.

Трудное это дѣло — объяснить весь историческій процессъ, послѣдовательно держась одного принципа. Но что прикажете? Наука вообще не легкое дѣло, если только это не «субъективная» наука: въ той всѣ вопросы объясняются съ удивительной легкостью. И разъ у насъ уже зашла рѣчь объ этомъ, мы скажемъ г. Михайловскому, что, можетъ быть, въ вопросахъ, касающихся развитія идеологій, самые лучшіе знатоки «струны» окажутся, подчасъ, безсильными, если не будутъ обладать нѣкоторымъ особымъ дарованіемъ, именно художественнымъ чутьемъ. Психологія

приспособляется къ экономіи Но это приспособленіе есть сложный процессъ, и, чтобы понять весь его ходъ, чтобы наглядно представить себѣ и другимъ, какъ именно онъ совершается, не разъ и не разъ понадобится талантъ художника. Вотъ, напр., уже Бальзакъ много сдѣлалъ для объясненія психологіи различныхъ классовъ современнаго ему общества. Многому можно поучиться намъ и у Ибсена, да и мало ли еще у кого?. Будемъ надѣяться, что современемъ явится много такихъ художниковъ, которые будутъ понимать, съ одной стороны, «желѣзные законы» движенія «струны», а съ другой—сумѣютъ понять и показать, какъ на «струнѣ», и именно благодаря ея движенію, выростаетъ «живая одежда» идеологіи. Вы скажете, что тамъ, гдѣ замѣшалась поэтическая фантазія, не можетъ не имѣть мѣста художественный произволъ, фантастичность догадокъ. Конечно, такъ! дѣло не обойдется и безъ этого. И это прекрасно зналъ Марксъ; потому-то онъ и говоритъ, что надо строго различать между экономическимъ состояніемъ данной эпохи, которое можно опредѣлить съ естественно-научною точностью, и состояніемъ ея идей. Много, очень много еще темнаго для насъ въ этой области. Но еще больше темнаго для идеалистовъ, а еще больше для эклектиковъ, которые, впрочемъ, никогда не понимаютъ значенія встрѣчающихся имъ затрудненій, воображая, что они всегда справятся съ любымъ вопросомъ съ помощью пресловутаго «взаимодѣйствія». Въ дѣйствительности, они никогда ни съ чѣмъ не справляются, а только прячутся за спину встрѣчающихся имъ затрудненій. До сихъ поръ, по выраженію Маркса, конкретную человѣческую дѣятельность объясняли исключительно съ идеалистической точки зрѣнія. Ну и что же? Много нашли удовлетворительныхъ объясненій? Наши сужденія о дѣятельности человѣческаго «духа», по своей малой основательности, напоминаютъ сужденія древнихъ греческихъ философовъ о природѣ: въ лучшемъ случаѣ геніальныя, а то и просто остроумныя гипотезы, подтвердить, доказать которыя невозможно за отсутствіемъ всякой точки опоры для научнаго доказательства. Только тамъ и сдѣлали что-нибудь, гдѣ вынуждены были поставить общественную психологію въ связь со «струною». И вотъ, когда Марксъ, замѣтивъ это, посовѣтовалъ не оставлять разъ начатыхъ попытокъ, когда онъ сказалъ, что надо всегда руководствоваться «струною», его обвинили въ односторонности и узости понятій! Гдѣ тутъ справедливость,—извѣстно развѣ только субъективнымъ соціологамъ.

Толкуйте!—продолжаетъ язвить насъ, г. Михайловскій,—ваше новое слово «50 лѣтъ тому назадъ сказано». Да, г. Михайловскій, около того! И тѣмъ печальнѣе, что вы до сихъ поръ его не поняли. Мало ли такихъ «словъ» въ наукѣ, которыя были произнесены десятки и сотни лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ остаются неизвѣстны цѣлымъ милліонамъ беззаботныхъ на счетъ науки «личностей»? Представьте, что вы встрѣтились съ готтентотомъ и стараетесь увѣрить его, что земля обращается вокругъ солнца. У готтентота и насчетъ солнца, и насчетъ земли—своя «оригинальная» теорія. Ему трудно разстаться съ нею. И вотъ онъ впадаетъ въ язвительность: вы пришли ко мнѣ съ новымъ словомъ, а между тѣмъ сами же вы говорите, что ему уже нѣсколько сотъ лѣтъ!—Что докажетъ готтентотская язвительность? Только то, что готтентотъ есть готтентотъ. Но вѣдь этого не надо и доказывать.

Впрочемъ, язвительность г. Михайловскаго доказываетъ гораздо больше того, что могла бы доказать язвительность готтентота. Она доказываетъ, что нашъ «соціологъ» принадлежитъ къ числу непомнящихъ родства. Его субъективная точка зрѣнія унаслѣдована отъ Бруно Бауэра, Шелпги и прочихъ предшественниковъ Маркса въ хронологическомъ смыслѣ. Слѣдовательно, «новое слово» г. Михайловскаго во всякомъ случаѣ постарше нашего даже хронологически, а по внутреннему содержанію и гораздо постарше, потому что историческій идеализмъ Бруно Бауэра былъ возвратомъ ко взглядамъ матеріалистовъ прошлаго вѣка [1]).

Г. Михайловскаго очень смущаетъ, что «книга американца Моргана о «древнемъ обществѣ» появилось много лѣтъ спустя послѣ того, какъ были провозглашены Марксомъ и Энгельсомъ основы экономическаго матеріализма, и совершенно независимо отъ него». Мы замѣтимъ на это:

Во-первыхъ, что книга Моргана «независима» отъ такъ называемаго экономическаго матеріализма, по той простой причинѣ, что самъ Морганъ стоитъ именно на его точкѣ зрѣнія, какъ въ этомъ

---

[1]) Что же касается примѣненія біологіи къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ, то „новыя слова“ г. Михайловскаго восходятъ, какъ мы видѣли, по своему „типу“ къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго вѣка. Очень почтенные старцы, „новыя слова“ г. Михайловскаго! Въ нихъ русскій умъ и русскій духъ“ подчиненъ „зады твердитъ и лжетъ за двухъ“!

легко убѣдится г. Михайловскій, если прочтетъ указываемую имъ книгу. Правда, къ точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма Морганъ пришелъ независимо отъ Маркса и Энгельса, но это тѣмъ лучше для ихъ теоріи.

Во-вторыхъ, что же за бѣда если теорія Маркса и Энгельса была «много лѣтъ спустя» подтверждена открытіями Моргана? Мы убѣждены, что еще очень много будетъ открытій, подтверждающихъ эту теорію. А вотъ насчетъ г. Михайловскаго мы убѣждены въ противномъ: «субъективной» точки зрѣнія не оправдаетъ ни одно открытіе ни черезъ пять лѣтъ, ни черезъ пять тысячелѣтій.

Изъ одного предисловія Энгельса г. Михайловскій узналъ, что знанія автора «Положенія рабочаго класса въ Англіи» и его друга Маркса въ области экономической исторіи были въ сороковыхъ годахъ «недостаточны» (выраженіе самого Энгельса). Г. Михайловскій скачетъ и играетъ по этому поводу: стало быть, молъ, и вся теорія «экономическаго матеріализма», возникшая именно въ сороковыхъ годахъ, была построена на недостаточномъ основаніи. Это выводъ, достойный остроумнаго гимназиста четвертаго класса. Зрѣлый человѣкъ понялъ бы, что въ примѣненіи къ научнымъ познаніямъ, какъ и ко всему прочему, выраженія: «достаточный», «недостаточный», «малый», «большой», надо брать въ относительномъ смыслѣ. Послѣ того, какъ были провозглашены основанія новой исторической теоріи, Марксъ и Энгельсъ прожили цѣлыя десятилѣтія; они усердно занимались экономической исторіей и сдѣлали въ ней огромные успѣхи, что особенно легко понять въ виду ихъ необыкновенныхъ способностей. Благодаря этимъ успѣхамъ, ихъ прежнія свѣдѣнія должны были казаться имъ «недостаточными», но это еще не доказываетъ, что ихъ теорія была неосновательна. Книга Дарвина о происхожденіи видовъ вышла въ 1859 г. Можно съ увѣренностью сказать, что уже десять лѣтъ спустя Дарвинъ считалъ недостаточными тѣ знанія, которыми онъ обладалъ во время обнародованія своей книги. Что же изъ этого?

Не мало иронизируетъ также г. Михайловскій и на ту тему, что «для теоріи, претендовавшей освѣтить всемірную исторію, спустя сорокъ лѣтъ послѣ ея провозглашенія (т. е. будто бы вплоть до появленія книги Моргана) древняя греческая и германская исторіи оставались неразрѣшенными загадками» [1]). Эта иронія основана единственно на «недоумѣніи».

---

[1]) Тамъ же, стр. 108.

Что въ основѣ греческой и римской исторіи лежала борьба классовъ,—это не могло быть неизвѣстно Марксу и Энгельсу въ концѣ сороковыхъ годовъ уже просто потому, что это извѣстно было еще греческимъ и римскимъ писателямъ. Прочитайте Оукидида, Ксенофонта, Аристотеля, почитайте римскихъ историковъ, даже хотя бы Тита Ливія, который въ описаніи событій слишкомъ часто переносится, впрочемъ, на «субъективную» точку зрѣнія,—и у каждаго изъ нихъ вы увидите твердое убѣжденіе въ томъ, что экономическія отношенія и вызываемая ими борьба классовъ служили основаніемъ внутренней исторіи тогдашнихъ обществъ. Это убѣжденіе имѣло у нихъ непосредственную форму простого констатированія простого, общеизвѣстнаго житейскаго факта, хотя у Полибія есть уже, однако, что-то вродѣ философіи исторіи, построенной на признаніи этого факта. Какъ бы тамъ ни было, но фактъ признавался всѣми, и неужели г. Михайловскій думаетъ, что Марксъ и Энгельсъ «древнихъ не читывали»? Неразрѣшимыми загадками для Маркса и Энгельса, равно какъ и для всѣхъ людей науки, оставались вопросы, касавшіеся формъ доисторическаго быта Греціи, Рима и германскихъ племенъ (какъ это въ другомъ мѣстѣ говоритъ самъ г. Михайловскій). На эти вопросы отвѣтила книга Моргана. Но ужъ не воображаетъ ли нашъ авторъ, что для Дарвина не существовало неразрѣшенныхъ вопросовъ въ біологіи того времени, когда онъ писалъ свою знаменитую книгу?

«Категорія необходимости,—продолжаетъ г. Михайловскій,—столь всеобща и непререкаема, что обнимаетъ собою даже самыя безумныя надежды и самыя безсмысленныя опасенія, съ которыми она, повидимому, призвана воевать. Съ ея точки зрѣнія, надежда прошибить стѣну лбомъ есть не глупость, а необходимость, совершенно такъ же, какъ Квазимодо не уродъ, а необходимость, Каинъ и Іуда не злодѣи, а необходимость. Словомъ, руководясь въ практической жизни ею одною, мы попадемъ въ какое-то фантастическое безграничное пространство, гдѣ нѣтъ идей и вещей, нѣтъ явленій, а есть только одноцвѣтныя тѣни идей и вещей» [1]). Именно такъ, г. Михайловскій, именно даже всякія уродства представляютъ собою такой же продуктъ необходимости, какъ и самыя нормальныя явленія, хотя отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что Іуда не злодѣй, такъ какъ нелѣпо противопоставленіе понятія—«злодѣй» понятію: «необходимость». Но разъ вы лѣзете, милостивый государь, въ герои (а всякій субъек-

[1]) Тамъ же, стр. 113—114.

тивный мыслитель есть герой, такъ сказать, ex professo), то потрудитесь же доказать, что вы не «сумасшедшій» герой, что ваши «надежды» не «безумны», что ваши «опасенія» не «безсмысленны», что вы не «Квазимодо» мысли, что вы не приглашаете толпу «прошибать лбомъ стѣну». Для доказательства всего этого вамъ надо бы обратиться къ категоріи необходимости, а вы не умѣете оперировать съ нею, ваша субъективная точка зрѣнія исключаетъ самую возможность подобныхъ операцій; благодаря этой «категоріи», дѣйствительность превращается для васъ въ царство тѣней. Вотъ тутъ то вы и попадаете въ тупой переулокъ, тутъ-то вы и подписываете своей соціологіи «testimonium paupertatis», тутъ-то вы и начинаете твердить, что «категорія необходимости» не показываетъ ничего, такъ какъ она, будто бы, показываетъ слишкомъ много. Свидѣтельство о теоретической бѣдности есть единственный документъ, которымъ вы снабжаете вашихъ «взыскующихъ града» послѣдователей. Маловато, маловато г. Михайловскій!

Синица увѣряетъ, что она—героическая птица и что ей, въ качествѣ таковой, ничего не стоитъ зажечь море. Когда ее приглашаютъ объяснить, на какихъ физическихъ или химическихъ законахъ основывается ея планъ зажженія моря, она попадаетъ въ затрудненіе и, чтобы выпутаться изъ него, начинаетъ бормотать грустнымъ и неразборчивымъ говоркомъ, что, молъ, это такъ вѣдь говорится «законы», а въ сущности законы ничего не объясняютъ, и никакихъ плановъ на нихъ обосновать невозможно; что надо уповать на счастливый случай, такъ какъ давно уже извѣстно, что на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь, но что вообще la raison finit toujours par avoir raison. Какая легкомысленная, какая непріятная птица!

Сопоставимъ съ этимъ неразборчивымъ бормотаньемъ синицы мужественную, поразительно стройную историческую философію Маркса.

Наши человѣкоподобные предки, какъ и всѣ другія животныя, находились въ полномъ подчиненіи природѣ. Все ихъ развитіе было тѣмъ, совершенно безсознательнымъ развитіемъ, которое обусловливалось приспособленіемъ къ окружающей ихъ средѣ путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе. Это было темное царство физической необходимости. Тогда не загоралась даже заря сознанія, а слѣдовательно, и свободы. Но физическая необходимость привела человѣка на такую степень развитія, на которой онъ сталъ мало-по-малу выдѣляться изъ остального животнаго міра. Онъ сталъ животнымъ, дѣлающимъ

орудія. Орудіе есть органъ, съ помощью котораго человѣкъ воздѣйствуетъ на природу для достиженія своихъ цѣлей. Это органъ, подчиняющій необходимость человѣческому сознанію, хотя на первыхъ порахъ лишь въ очень слабой степени, если можно такъ выразиться, лишь клочками, урывками. Степень развитія производительныхъ силъ опредѣляетъ мѣру власти человѣка надъ природой.

Развитіе производительныхъ силъ само опредѣляется свойствами окружающей людей географической среды. Такимъ образомъ, сама природа даетъ человѣку средства для ея же подчиненія.

Но человѣкъ не въ одиночку ведетъ борьбу съ природой: съ ней борется, по выраженію Маркса, общественный человѣкъ (der Gesellschaftsmensch), т. е. болѣе или менѣе значительный по своимъ размѣрамъ общественный союзъ. Свойства общественнаго человѣка опредѣляются въ каждое данное время степенью развитія производительныхъ силъ, потому что отъ степени развитія этихъ силъ зависитъ весь строй общественнаго союза. Такимъ образомъ, это строеніе опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, свойствами географической среды, дающей людямъ большую или меньшую возможность развитія ихъ производительныхъ силъ. Но разъ возникли извѣстныя общественныя отношенія, дальнѣйшее ихъ развитіе совершается по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ, дѣйствіе которыхъ ускоряетъ или замедляетъ развитіе производительныхъ силъ, обусловливающее историческое движеніе человѣчества. Зависимость человѣка отъ географической среды изъ непосредственной превращается въ посредственную. Географическая среда вліяетъ на человѣка черезъ общественную. Но, благодаря этому, отношеніе человѣка къ окружающей его географической средѣ становится до крайности измѣнчивымъ. На каждой новой ступени развитія производительныхъ силъ оно оказывается не тѣмъ, чѣмъ было прежде. Географическая среда совсѣмъ иначе вліяла на британцевъ временъ Цезаря, чѣмъ вліяетъ она на нынѣшнихъ обитателей Англіи. Такъ разрѣшаетъ современный діалектическій матеріализмъ противорѣчія, съ которыми никакъ не могли справиться просвѣтители XVIII вѣка [1]).

[1]) Монтескье говорилъ: дана географическая среда—даны свойства общественнаго союза: въ одной географической средѣ можетъ существовать только деспотизмъ, въ другой—только небольшія независимыя республиканскія общества и т. д. Нѣтъ, возражалъ Вольтеръ: въ одной и той же географической средѣ, съ теченіемъ времени, появляются различныя об-

Развитіе общественной среды подчиняется своимъ собственнымъ законамъ. Это значитъ, что ея свойства такъ же мало зависятъ отъ воли и отъ сознанія людей, какъ и свойства географической среды. Производительное воздѣйствіе человѣка на природу порождаетъ новый родъ зависимости человѣка, новый видъ его рабства: экономическую необходимость. И чѣмъ болѣе растетъ власть его надъ природой, чѣмъ болѣе развиваются его производительныя силы, тѣмъ болѣе упрочивается это новое рабство: съ развитіемъ производительныхъ силъ усложняются взаимныя отношенія людей въ общественномъ производительномъ процессѣ; ходъ этого процесса совершенно ускользаетъ изъ подъ ихъ контроля, производитель оказывается рабомъ своего собственнаго произведенія (примѣръ: капиталистическая анархія производства).

Но,—подобно тому, какъ окружающая человѣка природа сама дала ему первую возможность развитія его производительныхъ силъ, а слѣдовательно и его постепеннаго освобожденія изъ-подъ ея власти,—отношенія производства, общественныя отношенія, собственной логикой своего развитія, приводятъ человѣка къ сознанію причинъ его порабощенія экономической необходимостью. Этимъ дается возможность новаго и окончательнаго торжества сознанія надъ необходимостью, разума надъ слѣпымъ закономъ.

Сознавъ, что причина его порабощенія его собственнымъ продуктомъ лежитъ въ анархіи производства, производитель («общественный человѣкъ») организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его своей волѣ. Тогда оканчивается царство необходимости, и воцаряется свобода, которая сама оказывается не-

---

щественныя отношенія, слѣдовательно, географическая среда не имѣетъ вліянія на историческую судьбу человѣчества: все дѣло въ мнѣніяхъ людей. —Монтескье видѣлъ одну сторону антиноміи; Вольтеръ и его единомышленники - другую. Разрѣшалась эта антиномія обыкновенно лишь помощью взаимодѣйствія. Діалектическій матеріализмъ признаетъ, какъ мы видимъ, существованіе взаимодѣйствія, но онъ при этомъ объясняетъ его, указывая на развитіе производительныхъ силъ. Антиномія, которую просвѣтители могли, въ лучшемъ случаѣ, лишь спрятать въ карманъ, разрѣшается очень просто; діалектическій разумъ и здѣсь оказывается безконечно сильнѣе здраваго смысла („газсудка“) просвѣтителей.

обходимостью. Прологъ человѣческой исторіи сыгранъ, начинается исторія [1]).

Такимъ образомъ, діалектическій матеріализмъ не только не стремится, какъ это приписываютъ ему противники, убѣдить человѣка, что нелѣпо возставать противъ экономической необходимости, но онъ впервые указываетъ, какъ справиться съ нею. Такъ, устраняется неизбѣжный фаталистическій характеръ, свойственный матеріализму метафизическому. И точно такимъ же образомъ устраняется всякое основаніе для того пессимизма, къ которому, какъ мы это видѣли, необходимо приводитъ послѣдовательное идеалистическое мышленіе. Отдѣльная лич-

---

[1]) Послѣ всего сказаннаго ясно, надѣемся, и отношеніе ученія Маркса къ ученію Дарвина Дарвину удалось рѣшить вопросъ о томъ, какъ происходятъ растительные и животные виды въ борьбѣ за существованіе. Марксу удалось рѣшить вопросъ о томъ, какъ возникаютъ различные виды общественной организаціи въ борьбѣ людей за ихъ существованіе. Логически, изслѣдованіе Маркса начинается какъ разъ тамъ, гдѣ кончается изслѣдованіе Дарвина. Животныя и растенія находятся подъ вліяніемъ физической среды. На общественнаго человѣка физическая среда дѣйствуетъ черезъ посредство тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя возникаютъ на основѣ производительныхъ силъ, первоначально развивающихся болѣе или менѣе быстро, смотря по свойствамъ физической среды. Дарвинъ объясняетъ происхожденіе видовъ не прирожденной будто бы животному организму тенденціей къ развитію, какъ это дѣлалъ еще Ламаркъ, а приспособленіемъ организма къ условіямъ, внѣ его находящимся: не природой организма, а вліяніемъ внѣшней природы. Марксъ объясняетъ историческое развитіе человѣчества не природой человѣка, а свойствами тѣхъ общественныхъ отношеній между людьми, которыя возникаютъ при воздѣйствіи общественнаго человѣка на внѣшнюю природу. Духъ изслѣдованія рѣшительно одинаковъ у обоихъ мыслителей. Вотъ почему можно сказать, что марксизмъ есть дарвинизмъ въ его примѣненіи къ обществознанію (мы знаемъ, что хронологически это не такъ, но это не важно). И это единственное научное его примѣненіе, потому что тѣ выводы, которые дѣлали изъ дарвинизма нѣкоторые буржуазные писатели, были не научнымъ его примѣненіемъ къ изученію развитія общественнаго человѣка, а простой буржуазной утопіей, нравственной проповѣдью очень некрасиваго содержанія подобно тому, какъ г.г. субъективисты занимаются проповѣдями красиваго содержанія. Буржуазные писатели, ссылаясь на Дарвина, въ дѣйствительности рекомендовали своимъ читателямъ не научные пріемы Дарвина, а только звѣрскіе инстинкты тѣхъ животныхъ, о которыхъ у Дарвина шла рѣчь. Марксъ сходится съ Дарвиномъ, буржуазные писатели сходятся со звѣрями и скотами, которыхъ изучалъ Дарвинъ.

ность есть лишь пѣна на поверхности волны, люди подчинены желѣзному закону, который можно лишь узнать, но который невозможно подчинить человѣческой волѣ, говорилъ Георгъ Бюхнеръ. Нѣтъ, отвѣчаетъ Марксъ, разъ мы узнали этотъ желѣзный законъ, отъ насъ зависитъ свергнуть его иго, отъ насъ зависитъ сдѣлать необходимость послушной рабой разума.

Я—червь, говоритъ идеалистъ. Я—червь, пока я невѣжественъ, возражаетъ матеріалистъ-діалектикъ; но я—богъ, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus!

И противъ этой то теоріи, которая впервые прочно обосновала права человѣческаго разума; которая впервые стала разсматривать разумъ не какъ безсильную игрушку случайности, а какъ великую непреоборимую силу, возстаютъ во имя, будто бы, попранныхъ ею правъ того же разума, во имя, будто бы, пренебрегаемыхъ ею идеаловъ! И эту теорію смѣютъ обвинять въ квіетизмѣ, въ стремленіи примириться съ окружающимъ, чуть ли не поддѣлываться къ нему, какъ Молчалинъ поддѣлывался ко всѣмъ, кто былъ выше его чиномъ! Поистинѣ можно сказать, что здѣсь съ больной головы сваливаютъ на здоровую.

Діалектическій матеріализмъ [1]) говоритъ: человѣческій разумъ не могъ быть деміургомъ исторіи, потому что онъ самъ является ея продуктомъ. Но разъ явился этотъ продуктъ, онъ не долженъ и по самой природѣ своей не можетъ подчиниться завѣщанной прежнею исторіей дѣйствительности; онъ по необходимости стремится преобразовать ее по своему образцу и подобію, сдѣлать ее разумнѣе.

Діалектическій матеріализмъ говоритъ, подобно гетевскому Фаусту:

Im Anfang war die That!

Дѣйствіе (законосообразная дѣятельность людей въ общественно-производительномъ процессѣ) объясняетъ матеріалисту-діалектику

---

[1]) Мы употребляемъ терминъ „діалектическій матеріализмъ“, который одинъ только и можетъ правильно характеризовать философію Маркса. Гольбахъ и Гельвецій были матеріалистами-метафизиками. Они боролись съ метафизическимъ идеализмомъ. Ихъ матеріализмъ уступилъ мѣсто діалектическому идеализму, который, въ свою очередь, былъ побѣжденъ діалектическимъ матеріализмомъ. Выраженіе „экономическій матеріализмъ“ крайне неудачно. Марксъ никогда не называлъ себя экономическимъ матеріалистомъ.

историческое развитіе разума общественнаго человѣка [1]). Къ дѣйствію же сводится вся его практическая философія. Діалектическій матеріализмъ есть философія дѣйствія.

Когда субъективный мыслитель говоритъ: «мой идеалъ»,— онъ тѣмъ самымъ говоритъ: торжество слѣпой необходимости. Субъективный мыслитель не умѣетъ обосновать свой идеалъ на процессѣ развитія дѣйствительности; поэтому у него тотчасъ же за стѣнами крошечнаго садика идеала начинается необъятное поле случайности, а слѣдовательно, и слѣпой необходимости. Діалектическій матеріализмъ указываетъ тѣ пріемы, съ помощью которыхъ все это необъятное поле можно превратить въ цвѣтущій садъ идеала. Онъ прибавляетъ только, что средства для этого превращенія скрыты въ нѣдрахъ самого того поля, что надо только найти ихъ и умѣть воспользоваться ими.

Діалектическій матеріализмъ не ограничиваетъ, подобно субъективизму, правъ человѣческаго разума. Онъ знаетъ, что права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы. Онъ говоритъ: все, что есть разумнаго въ человѣческой головѣ, т. е. все то, что представляетъ собою не иллюзію, а истинное познаніе дѣйствительности, непремѣнно перейдетъ въ эту дѣйствительность, непремѣнно внесетъ въ нее свою долю разумности.

Отсюда видно, въ чемъ заключается, по мнѣнію матеріалистовъ-діалектиковъ, роль личности въ исторіи. Далекіе отъ того, чтобы сводить эту роль къ нулю, они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный, терминъ, надо признать совершенно, исключительно идеалистической. Такъ какъ человѣческій разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпой необходимостью, только познавъ ея собственные, внутренніе законы, только побивъ ее ея собственной силой, то развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія является величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности. Licht, mehr Licht! вотъ что нужно прежде всего.

Но если уже давно сказано, что никто не зажигаетъ свѣтильника для того, чтобы оставить его подъ спудомъ, то матеріалисты-діалектики прибавляютъ: не слѣдуетъ оставлять свѣтильника въ тѣсномъ

---

[1]) „Общественная жизнь есть жизнь практическая по преимуществу. Все таинственное, все то, что ведетъ теорію къ мистицизму, находитъ раціональное рѣшеніе въ человѣческой практикѣ и въ пониманіи этой практики“ (Марксъ).

кабинетѣ «интеллигенціи»! Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственныя головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается,—царство разума остается красивой фразой, благородной мечтою. Оно начнетъ приближаться къ намъ семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станетъ героемъ историческаго дѣйствія и когда въ ней, въ этой сѣрой «толпѣ», разовьется соотвѣтствующее этому самосознаніе. Развивайте человѣческое сознаніе, сказали мы. Развивайте самосознаніе производителей, прибавляемъ мы теперь. Субъективная философія кажется намъ вредной именно потому, что она мѣшаетъ интеллигенціи содѣйствовать развитію этого самосознанія, противопоставляя толпу героямъ, воображая, что толпа есть не болѣе, какъ совокупность нулей, значеніе которыхъ зависитъ лишь отъ идеаловъ становящагося во главѣ героя.

Было бы болото, черти будутъ,—грубо говоритъ народная пословица. Были бы герои, толпа для нихъ найдется, говорятъ субъективисты, и эти герои, это—мы, это—субъективная интеллигенція. На это мы отвѣчаемъ: ваше противопоставленіе героевъ толпѣ есть простое самомнѣніе и потому самообманъ. И вы останетесь простыми... говорунами до тѣхъ поръ, пока не поймете, что для торжества вашихъ же идеаловъ надо устранить самую возможность такого противопоставленія, надо разбудить въ толпѣ героическое самосознаніе [1]).

Мнѣнія правятъ міромъ, говорили французскіе матеріалисты; мы—представители мнѣній, поэтому мы деміурги исторіи; мы герои, за которыми толпѣ остается слѣдовать.

Эта узость взглядовъ соотвѣтствовала исключительности положенія французскихъ просвѣтителей. Они были представителями буржуазіи.

Современный діалектическій матеріализмъ стремится къ устраненію классовъ; онъ и появился тогда, когда это устраненіе сдѣлалось исторической необходимостью. Поэтому онъ обращается къ производителямъ, которые должны сдѣлаться героями ближайшаго историческаго періода. Поэтому въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ нашъ міръ существуетъ и земля обращается вокругъ солнца, происходитъ сближеніе науки съ работниками:

---

[1]) „Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist". Marx, Die Heilige Familie, S. 120.

наука спѣшитъ на помощь трудящейся массѣ; трудящаяся масса опирается на выводы науки въ своемъ сознательномъ движеніи.

Если все это не болѣе, какъ метафизика, то мы право уже не знаемъ, что называютъ наши противники метафизикой.

— Но все, что вы говорите, относится лишь къ области пророчествъ; все это одни гаданія, принимающія нѣсколько стройный видъ лишь благодаря фокусамъ гегелевской діалектики; вотъ почему мы называемъ васъ метафизиками, отвѣчаютъ г.г. субъективисты.

Мы уже показали, что припутывать къ нашему спору «тріаду» можно, только не имѣя о ней ни малѣйшаго понятія. Мы уже показали, что у самого Гегеля она никогда не играла роли д о в о д а и что она вовсе не составляетъ отличительной черты его философіи. Мы показали также, смѣемъ думать, что не ссылки на тріаду, а научное изслѣдованіе историческаго процесса составляетъ силу историческаго матеріализма. Поэтому мы могли бы теперь оставить это возраженіе безъ всякаго вниманія. Но мы полагаемъ, что читателю не безполезно будетъ припомнить слѣдующій интересный фактъ изъ исторіи русской литературы семидесятыхъ годовъ.

Разбирая «Капиталъ», г. Ю. Жуковскій замѣтилъ, что авторъ его въ своихъ, какъ теперь говорятъ, гаданіяхъ опирается лишь на «ф о р м а л ь н ы я» соображенія, что его аргументація представляетъ собою лишь безсознательную игру понятіями. Вотъ что отвѣчалъ на это обвиненіе покойный Н. Зиберъ:

«Мы остаемся при томъ убѣжденіи, что изслѣдованіе задачи матеріальной всюду предшествуетъ у Маркса формальной сторонѣ его работы. Мы полагаемъ, что если бы г. Жуковскій прочелъ книгу Маркса внимательнѣе и безпристрастнѣе, то онъ самъ согласился бы съ нами въ этомъ. Тогда онъ несомнѣнно увидалъ бы, что именно изслѣдованіемъ матеріальныхъ-то условій того періода капиталистическаго развитія, который мы переживаемъ, авторъ «Капитала» и доказываетъ, что человѣчество ставитъ себѣ однѣ лишь разрѣшимыя задачи. Марксъ шагъ за шагомъ ведетъ своихъ читателей по лабиринту капиталистическаго производства и, анализируя всѣ составные его элементы, даетъ понять намъ временный его характеръ» [1]).

---

[1]) „Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Ю. Жуковскаго „Карлъ Марксъ и его книга о капиталѣ". Н. Зиберъ. „Отеч. Зап." 1877 г., ноябрь, стр. 6.

«Возьмемъ.. фабричную промышленность,—продолжаетъ Н. Зиберъ,—съ ея безпрерывной перемѣной рукъ при каждой операціи, съ ея лихорадочнымъ движеніемъ, бросающимъ рабочихъ чуть не ежедневно изъ одной фабрики въ другую;—развѣ не являются ея матеріальныя условія подготовительной средою для новыхъ формъ общественнаго склада, общественной кооперації? Развѣ не въ томъ же направленіи идетъ и дѣйствіе періодически повторяющихся экономическихъ кризисовъ? Развѣ не къ той же цѣли стремится сокращеніе рынковъ, уменьшеніе продолжительности рабочаго дня, соперничество разныхъ странъ на общемъ рынкѣ, побѣда большаго капитала надъ капиталомъ незначительныхъ размѣровъ?..» Указавъ затѣмъ на невѣроятно быстрое увеличеніе производительныхъ силъ въ процессѣ развитія капитализма, Н. Зиберъ опять спрашивалъ: «Или все это не матеріальныя, а чисто формальныя преобразованія?.. Развѣ, напр., не фактическое противорѣчіе капиталистической продукціи то обстоятельство, что она заваливаетъ періодически товарами всемірный рынокъ и заставляетъ голодать милліоны въ то время, когда предметовъ потребленія слишкомъ много?.. Развѣ, далѣе, это не фактическое противорѣчіе капитализма, въ которомъ, мимоходомъ будь замѣчено, охотно сознаются сами владѣльцы капитала, что онъ въ одно и то же время освобождаетъ отъ работы множество народа и жалуется на недостатокъ рабочихъ рукъ? Развѣ не фактическое его противорѣчіе,—что средства къ уменьшенію работы, каковы механическія и другія улучшенія и усовершенствованія, онъ превращаетъ въ средства удлиненія рабочаго дня? Развѣ не фактическое противорѣчіе, что, ратуя за неприкосновенность собственности, капитализмъ лишаетъ большинство крестьянъ земли и держитъ на одной задѣльной платѣ громадное большинство народонаселенія? Развѣ все это и многое другое одна лишь метафизика и ничего этого нѣтъ на дѣлѣ? Но достаточно взять въ руки любой нумеръ англійскаго Economist'a, чтобы немедленно убѣдиться въ противномъ. Итакъ, изслѣдователю наличнаго общественно-экономическаго быта нѣтъ вовсе надобности въ искусственномъ подведеніи капиталистическаго производства подъ заранѣе придуманныя формальныя, діалектическія противорѣчія: на его вѣкъ съ избыткомъ хватитъ и однихъ дѣйствительныхъ противорѣчій».

Отвѣтъ Зибера, убѣдительный по своему содержанію, былъ мягокъ по формѣ. Совершенно другой характеръ имѣетъ отвѣтъ тому же г. Жуковскому, послѣдовавшій со стороны г. Михайловскаго.

Нашъ почтенный субъективистъ и до сихъ поръ понимаетъ то сочиненіе, которое онъ защищалъ тогда, крайне «узко», чтобы не сказать однобоко, и старается даже другихъ увѣрить въ томъ, что однобокое его пониманіе именно и есть правильная его оцѣнка. Разумѣется, такой человѣкъ не могъ быть надежнымъ защитникомъ «Капитала». Поэтому его отвѣтъ преисполненъ самыхъ ребяческихъ курьезовъ. Вотъ, напр., одинъ изъ нихъ. Обвиненіе Маркса въ формализмѣ, въ злоупотребленіи гегелевской діалектикой г. Жуковскій подтверждалъ, между прочимъ, ссылкой на одно мѣсто изъ предисловія къ книгѣ «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Г. Михайловскій находилъ, что противникъ Маркса «справедливо видѣлъ отраженіе гегелевской философіи» въ этомъ предисловіи: «если бы Марксъ написалъ только это предисловіе къ «Zur Kritik», то г. Жуковскій былъ бы совершенно правъ» [1]). т. е. было бы доказано, что Марксъ не болѣе, какъ формалистъ и гегельянецъ. Тутъ г. Михайловскій такъ удачно попалъ пальцемъ въ небо, до такой степени «исчерпалъ» актъ подобнаго попаданія, что невольно спрашиваешь себя: — да читалъ ли нашъ, тогда еще подававшій надежды, авторъ указанное предисловіе? [2]) Можно было бы привести и еще нѣсколько подобныхъ курьезовъ (одинъ изъ нихъ будетъ указанъ ниже), но не въ нихъ теперь дѣло. Какъ ни плохо понималъ Маркса г. Михайловскій, онъ все-таки тотчасъ же увидѣлъ, что г. Жуковскій «сболтнулъ» насчетъ «формализма»; онъ все-таки сообразилъ, что такая болтовня есть простой продуктъ без...церемонности.

«Если бы Марксъ сказалъ, — справедливо замѣтилъ г. Михайловскій: — законъ развитія современнаго общества таковъ, что оно само спонтанейно отрицаетъ свое предыдущее состояніе и затѣмъ отрицаетъ это отрицаніе, примиряя противорѣчія пройденныхъ стадій въ единствѣ индивидуальной и общинной собственности; если бы онъ сказалъ это и только это (хотя бы и на многихъ страницахъ), то онъ былъ бы чистымъ гегельянцемъ, строющимъ законы изъ глубины своего духа и успокаивающимся на чисто-формальныхъ, т. е. независимыхъ отъ содержанія, принципахъ. Но вѣдь всякій, читавшій «Капиталъ», знаетъ, что онъ сказалъ не только это». По словамъ г. Михайловскаго, гегельянскую формулу можно такъ же легко снять

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II, стр. 356.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ излагается Марксомъ его матеріалистическое пониманіе исторіи.

съ втиснутаго будто въ нее Марксомъ экономическаго содержанія, какъ перчатку съ руки или шляпу съ головы. «Относительно пройденныхъ ступеней экономическаго развитія тутъ даже никакихъ сомнѣній быть не можетъ... Столь же несомнѣнно и дальнѣйшее теченіе процесса: сосредоточеніе средствъ производства все въ меньшемъ и въ меньшемъ числѣ рукъ. Насчетъ будущаго могутъ быть, конечно, сомнѣнія. Марксъ полагаетъ, что такъ какъ концентрація капитала сопровождается обобществленіемъ труда, то это послѣднее и составитъ ту экономическую и нравственную почву (какъ же это обобществленіе труда «составитъ» нравственную почву? и какъ же быть съ «саморазвитіемъ формъ»? Г. П.), на которой вырастутъ новые юридическіе и политическіе порядки. Г Жуковскій имѣлъ полное право называть это построеніе гадательнымъ, но не имѣлъ никакого права (нравственнаго, разумѣется) совершенно умолчать о значеніи, какое Марксъ придаетъ процессу обобществленія». [1]).

Весь «Капиталъ», — справедливо замѣчаетъ г. Михайловскій, — посвященъ изслѣдованію того, какъ разъ возникшая общественная форма все развивается, усиливаетъ свои типическія черты, подчиняя себѣ, ассимилируя (?) открытія, изобрѣтенія, улучшенія способовъ производства, новые рынки, самую науку, заставляя ихъ работать на себя, и какъ, наконецъ, дальнѣйшихъ измѣненій матеріальныхъ условій данная форма выдержать не можетъ» [2]).

У Маркса «именно анализъ отношеній общественной формы (т. е. капитализма, г. Михайловскій, не правда ли?) къ матеріальнымъ условіямъ ея существованія (т. е. къ производительнымъ силамъ, дѣлающимъ существованіе капиталистической формы производства все болѣе и болѣе непрочнымъ,—не правда ли, г. Михайловскій?) навсегда останется памятникомъ логической системы и громадной эрудиціи. Г. Жуковскій имѣетъ нравственное мужество утверждать, что этотъ вопросъ Марксъ и обходитъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Остается только съ изумленіемъ слѣдить за дальнѣйшими головоломными упражненіями критика, кувыркающагося на потѣху публики, одна часть которой, безъ сомнѣнія, сразу пойметъ, что передъ ней ломается отважный акробатъ, но другая, чего добраго, придастъ достойному удивленія зрѣлищу совсѣмъ другое значеніе» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 353—354.

[2]) Тамъ же, стр. 357.

[3]) Тамъ же, стр. 357—358.

Summa summarum: если г. Жуковскій обвинялъ Маркса въ формализмѣ, то это обвиненіе, по словамъ г. Михайловскаго, представляло «одну большую ложь, состоящую изъ ряда маленькихъ лжей».

Строгъ этотъ приговоръ, но совершенно справедливъ. А если онъ справедливъ по отношенію къ Жуковскому, то онъ справедливъ и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, которые повторяютъ нынѣ, что «гаданія» Маркса основаны лишь на гегелевской тріадѣ. А если такой приговоръ справедливъ по отношенію ко всѣмъ такимъ людямъ, то... потрудитесь прочитать сію выписку:

«Онъ (Марксъ) до такой степени наполнилъ пустую діалектическую схему фактическимъ содержаніемъ, что ее можно снять съ этого содержанія, какъ крышку съ чашки, ничего не измѣнивъ, ничего не повредивъ, за исключеніемъ одного только пункта, правда, огромной важности. А именно, относительно будущаго «имманентные» законы общества поставлены исключительно діалектически. Для правовѣрнаго гегельянца достаточно сказать, что за «отрицаніемъ» должно слѣдовать «отрицаніе отрицанія»; но непричастные къ гегелевской мудрости не могутъ этимъ довольствоваться, для нихъ діалектическій выводъ не есть доказательство, и повѣрившій ему не-гегельянецъ долженъ знать, что онъ именно только повѣрилъ, а не убѣдился» [1]).

Г. Михайловскій произнесъ свой собственный приговоръ.

Г. Михайловскій самъ сознаетъ, что онъ повторяетъ теперь слова г. Ю. Жуковскаго на счетъ «формальности» доводовъ Маркса въ пользу «гаданій». Онъ не забылъ своей статьи «Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго» и даже опасается, какъ бы не вспомнилъ о ней некстати и его читатель. Поэтому, онъ сначала дѣлаетъ видъ, будто и теперь говоритъ то же, что говорилъ въ семидесятыхъ годахъ. Съ этою цѣлью онъ повторяетъ, что «діалектическую схему» можно снять, «какъ крышку», и проч. Затѣмъ слѣдуетъ «одинъ только пунктъ», въ отношеніи къ которому г. Михайловскій, потихоньку отъ читателя, совершенно сходится съ г. Ю. Жуковскимъ. Но этотъ «одинъ пунктъ» и есть тотъ самый пунктъ огромной важности, который послужилъ поводомъ къ изобличенію г. Жуковскаго въ «акробатствѣ».

Въ 1877 г. г. Михайловскій говорилъ, что Марксъ и насчетъ

---

[1]) „Русское Богатство“, февраль 1894 г. Отд. II, стр. 150—151.

будущаго—т. е. именно насчетъ «одного пункта огромной важности»—не ограничился ссылкой на Гегеля. Теперь у г. Михайловскаго выходитъ, что—ограничился. Въ 1877 г. г. Михайловскій говорилъ, что Марксъ съ поразительной «логической силой», съ «громадной эрудиціей» показалъ, какъ «данная форма» (т. е. капитализмъ) «не можетъ выдержать» дальнѣйшихъ измѣненій «матеріальныхъ условій» своего существованія. Это относилось именно къ «одному пункту огромной важности». Теперь г. Михайловскій забылъ, какъ много убѣдительнаго сказалъ Марксъ по поводу этого пункта и какъ много логической силы и громадной эрудиціи онъ при этомъ обнаружилъ. Въ 1877 г. г. Михайловскій удивлялся тому «нравственному мужеству», съ которымъ г. Жуковскій умолчалъ о томъ, что Марксъ, въ подтвержденіе своихъ гаданій, ссылался на обобществленіе труда, уже совершающееся въ капиталистическомъ обществѣ. Это тоже относилось къ «одному пункту огромной важности». Въ настоящее время г. Михайловскій увѣряетъ читателей, что Марксъ насчетъ этого пункта гадаетъ «исключительно діалектически». Въ 1877 году «всякій, читавшій «Капиталъ» зналъ, что Марксъ «сказалъ не только это». Теперь оказывается, что—«только это», и что увѣренность его послѣдователей относительно будущаго «держится исключительно на концѣ гегелевской трехконечной цѣпи» [1]). Какой, съ Божьей помощью, поворотъ!

Г. Михайловскій произнесъ свой собственный приговоръ и сознаетъ, что произнесъ его.

Но съ чего же это вздумалось г. Михайловскому подводить себя подъ дѣйствіе безпощаднаго, имъ же самимъ произнесеннаго приговора? Неужели этотъ человѣкъ, страстно обличавшій прежде литературныхъ «акробатовъ», на старости лѣтъ самъ почувствовалъ склонность къ «акробатскому художеству?» Неужели возможны такія превращенія? Всякія превращенія возможны, читатель! И люди, съ которыми случаются подобныя превращенія, достойны всякаго порицанія. Не мы будемъ оправдывать ихъ. Но и къ нимъ надо относиться, что называется, по-человѣчеству. Припомните глубоко гуманныя слова автора примѣчаній къ Миллю: когда человѣкъ поступаетъ плохо, то тутъ часто не столько вина его, сколько бѣда его; припомните, что говорилъ тотъ же авторъ по поводу литературной дѣятельности Н. А. Полевого:

---

[1]) Та же статья, стр. 166.

«Н. А. Полевой былъ послѣдователемъ Кузена, котораго считалъ разрѣшителемъ всѣхъ премудростей и величайшимъ философомъ въ мірѣ... Послѣдователь Кузена не могъ примириться съ гегелевской философіей, и когда гегелевская философія проникла въ русскую литературу,—ученики Кузена оказались отсталыми людьми,—и ничего нравственно-преступнаго съ ихъ стороны не было въ томъ, что они защищали свои убѣжденія и называли нелѣпымъ то, что говорили люди, опередившіе ихъ въ умственномъ движеніи; нельзя обвинять человѣка за то, что другіе, одаренные болѣе свѣжими силами и большею рѣшительностью, опередили его,—они правы, потому что ближе къ истинѣ, но онъ не виноватъ,—онъ только ошибается[1])».

Г. Михайловскій всю жизнь свою былъ эклектикомъ. Примириться съ исторической философіей Маркса онъ не могъ по всему складу своего ума, по всему характеру своего предыдущаго,—если такъ можно выразиться по отношенію къ г. Михайловскому,—философскаго образованія. Когда идеи Маркса стали проникать въ Россію, онъ сначала пробовалъ защищать ихъ, при чемъ дѣло не обошлось, разумѣется, безъ многочисленныхъ оговорокъ и безъ весьма значительныхъ «недоумѣній». Онъ думалъ тогда, что и эти идеи ему удастся смолоть на своей эклектической мельницѣ и такимъ путемъ внести еще болѣе разнообразія въ свою умственную пищу. Потомъ онъ увидѣлъ, что для украшенія мозаичныхъ работъ, называемыхъ міросозерцаніемъ эклектиковъ, идеи Маркса совсѣмъ не годятся, что ихъ распространеніе грозитъ разрушить любезную ему мозаику. Вотъ онъ и ополчился на эти идеи. Конечно, онъ тотчасъ же оказался при этомъ отсталымъ человѣкомъ, но, право же, намъ кажется, что онъ не виноватъ, что онъ только ошибается.

— Но вѣдь все это не оправдываетъ «акробатства»!

— Да мы и не оправдываемъ его, а только указываемъ на смягчающія обстоятельства: совершенно незамѣтнымъ для себя образомъ г. Михайловскій, благодаря развитію русской общественной мысли, попалъ въ такое положеніе, изъ котораго можно только выпутываться посредствомъ «акробатства». Есть, правда, и еще выходъ, но на него рѣшился бы только человѣкъ, полный истиннаго героизма. Этотъ выходъ: сложить эклектическое оружіе.

---

[1]) „Очерки гоголевскаго періода русской литературы", стр. 24—25

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

До сихъ поръ мы, излагая идеи Маркса, разсматривали преимущественно тѣ возраженія, которыя дѣлаются ему съ теоретической точки зрѣнія. Теперь намъ полезно ознакомиться и съ «практическимъ разумомъ» по крайней мѣрѣ нѣкоторой части его противниковъ. При этомъ мы употребимъ пріемъ сравнительно-историческій. Другими словами, мы разсмотримъ сначала, какъ встрѣтилъ идеи Маркса «практическій разумъ» нѣмецкихъ утопистовъ, а потомъ уже обратимся къ разуму нашихъ дорогихъ и уважаемыхъ соотечественниковъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ у Маркса и Энгельса происходила интересная полемика съ извѣстнымъ Карломъ Гейнценомъ. Полемика сразу приняла очень горячій характеръ. Карлъ Гейнценъ старался, что называется, вышучивать идеи своихъ противниковъ и обнаружилъ въ этомъ занятіи ловкость, которая ни въ чемъ не уступаетъ ловкости г. Михайловскаго. Маркъ и Энгельсъ въ долгу, разумѣется, не оставались. Не обошлось и безъ рѣзкостей. Гейнценъ назвалъ Энгельса «лекомысленнымъ, дерзкимъ мальчишкой»; Марксъ назвалъ Гейнцена представителемъ der grobianichen Literatur, а Энгельсъ объявилъ его «невѣжественнѣйшимъ человѣкомъ своего столѣтія». Вокругъ чего же вертѣлся споръ? Какіе взгляды приписывалъ Гейнценъ Марксу и Энгельсу? А вотъ какіе.

Гейнценъ увѣрялъ, что, съ точки зрѣнія Маркса, нечего было дѣлать въ тогдашней Германіи человѣку, проникнутому мало-мальски благородными намѣреніями. По Марксу, говорилъ Гейнценъ, «должно сначала наступить господство буржуазіи, которое должно сфабриковать фабричный пролетаріатъ», который уже съ своей стороны начнетъ дѣйствовать [1]).

[1]) Die Helden deutschen Kommunismus, Bern 1848, S. 21.

Марксъ и Энгельсъ «не принимали въ соображеніе того пролетаріата, который созданъ тридцатью четырьмя нѣмецкими вампирами», т. е., иначе сказать, всего нѣмецкаго народа, за исключеніемъ фабричныхъ рабочихъ (слово «пролетаріатъ» означаетъ у Гейнцена лишь бѣдственное положеніе этого народа). Этотъ многочисленный пролетаріатъ не имѣлъ, будто бы, по мнѣнію Маркса, никакого права требовать лучшаго будущаго, потому что онъ носилъ на себѣ «лишь клеймо угнетенія, а не фабричный штемпель; онъ долженъ былъ терпѣливо голодать и умирать съ голоду (hungern und verhungern) до тѣхъ поръ, пока Германія не сдѣлается Англіей. Фабрика есть школа, которую народъ долженъ предварительно пройти для того, чтобы имѣть право взяться за улучшеніе своего положенія» [1]).

Всякій, хоть немного знакомый съ исторіей Германіи, знаетъ теперь, до какой степени нелѣпы были эти обвиненія Гейнцена. Всякій знаетъ, закрывали ли Марксъ и Энгельсъ глаза на бѣдственное положеніе нѣмецкаго народа. Всякій понимаетъ, справедливо ли было приписывать имъ ту мысль, что въ Германіи нечего дѣлать благородному человѣку, пока она не сдѣлается Англіей: кажется, эти люди дѣлали кое-что и не дожидаясь подобнаго превращенія своего отечества. Но почему же приписывалъ имъ Гейнценъ весь этотъ вздоръ? Неужели по недобросовѣстности? Нѣтъ, мы опять скажемъ: тутъ была не вина его, а скорѣе бѣда его. Онъ просто не понялъ взглядовъ Маркса и Энгельса, и потому они показались ему вредными, а такъ какъ онъ горячо любилъ свою страну, то онъ и ополчился противъ этихъ, будто бы, вредныхъ для нея взглядовъ. Но непониманіе—плохой совѣтникъ и очень ненадежный помощникъ въ спорѣ. Вотъ почему Гейнценъ и очутился въ самомъ нелѣпомъ положеніи. Онъ былъ очень остроумный человѣкъ, но безъ пониманія на одномъ остроуміи далеко не уѣдешь, и теперь „les rieurs“ не на его сторонѣ.

На Гейнцена, какъ видитъ читатель, приходится смотрѣть тѣми же глазами, какими надо смотрѣть у насъ, по поводу совершенно аналогичнаго спора, напр., на г. Михайловскаго. Да и на одного ли г. Михайловскаго? Вѣдь всѣ тѣ, которые приписываютъ «ученикамъ» стремленіе опредѣлиться на службу къ Колупаевымъ и Разуваевымъ,—а имя имъ легіонъ,—вѣдь всѣ они повторяютъ ошибку Гейнцена, вѣдь никто изъ нихъ не придумалъ ни одного

[1]) Ibid., S. 22.

возраженія противъ «экономическихъ» матеріалистовъ, какое уже не фигурировало бы, почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ аргументаціи Гейнцена. Если у нихъ есть что-нибудь оригинальное, такъ это одно: наивное незнаніе того, до какой степени они не оригинальны. Имъ все хочется найти «новые пути» для Россіи, а по ихъ невѣжеству «бѣдная русская мысль» попадаетъ лишь на старые, полные рытвинъ, давно заброшенные пути европейской мысли. Странно это, но совершенно понятно, если примѣнить къ объясненію этого, повидимому, страннаго явленія «категорію необходимости». На извѣстной стадіи экономическаго развитія данной страны въ головахъ ея интеллигенціи «необходимо» выростаютъ извѣстныя благоглупости.

До чего комично было положеніе Гейнцена въ спорѣ съ Марксомъ, покажетъ слѣдующій примѣръ. Онъ приставалъ къ своимъ противникамъ, требуя отъ нихъ подробнаго «идеала» будущаго: скажите, спрашивалъ онъ ихъ, какъ по вашему должны быть устроены имущественныя отношенія? Каковы должны быть предѣлы частной собственности, съ одной стороны, и общественной—съ другой. Они отвѣчали ему, что въ каждый данный моментъ имущественныя отношенія общества опредѣляются состояніемъ его производительныхъ силъ, и что, поэтому, можно указать лишь общее направленіе общественнаго развитія, но нельзя вырабатывать заранѣе никакихъ точно опредѣленныхъ законопроектовъ. Уже теперь можно сказать, что обобществленіе труда, создаваемое новѣйшей промышленностью, должно повести къ націонализаціи средствъ производства. Но нельзя сказать, въ какихъ предѣлахъ можно было бы осуществить эту націонализацію, положимъ, черезъ десять лѣтъ: это зависѣло бы отъ того, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ оказались бы тогда мелкая и крупная промышленность, крупное землевладѣніе и крестьянская поземельная собственность и т. п.—Ну, стало быть, у васъ нѣтъ никакого идеала, умозаключалъ Гейнценъ; хорошъ идеалъ, который будетъ сфабрикованъ лишь впослѣдствіи машинами.

Гейнценъ стоялъ на утопической точкѣ зрѣнія. Утопистъ, при выработкѣ своего «идеала», всегда исходитъ, какъ мы знаемъ, изъ какого нибудь отвлеченнаго понятія,—напр., понятія о человѣческой природѣ,—или изъ какого нибудь отвлеченнаго принципа, напр., принципа такихъ-то правъ личности, или принципа «индивидуальности» и т. п., и т. п. Разъ данъ такой принципъ,

нетрудно, исходя изъ него, съ совершеннѣйшей точностью, съ мельчайшими подробностями опредѣлить, каковы должны быть (разумѣется, неизвѣстно, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ), положимъ, имущественныя отношенія людей. И понятно, что утопистъ съ удивленіемъ смотритъ на тѣхъ, которые говорятъ ему, что не можетъ быть такихъ имущественныхъ отношеній, которыя были бы хороши сами по себѣ, безъ отношенія къ обстоятельствамъ мѣста и времени. Ему кажется, что у такихъ людей совсѣмъ нѣтъ никакихъ «идеаловъ». Если читатель не совсѣмъ невнимательно слѣдилъ за нашимъ изложеніемъ, то онъ знаетъ, что въ этомъ случаѣ утопистъ очень неправъ. У Маркса и Энгельса былъ идеалъ, и очень опредѣленный идеалъ: подчиненія необходимости—свободѣ, слѣпыхъ экономическихъ силъ—силѣ человѣческаго разума. Исходя изъ этого идеала, они и направляли свою практическую дѣятельность, которая заключалась, разумѣется, не въ служеніи буржуазіи, а въ развитіи самосознанія тѣхъ самыхъ производителей, которые должны современемъ стать господами своихъ продуктовъ.

Марксу и Энгельсу нечего было «заботиться» о превращеніи Германіи въ Англію или, какъ говорятъ теперь у насъ, о служеніи буржуазіи: буржуазія развивалась и безъ ихъ усилій, и невозможно было остановить это развитіе, т. е. не было такихъ общественныхъ силъ, которыя способны были бы сдѣлать это. Да и излишне было бы это дѣлать, потому что старые экономическіе порядки были, въ послѣднемъ счетѣ, не лучше буржуазныхъ и въ сороковыхъ годахъ настолько устарѣли, что стали вредны для всѣхъ. Но невозможность остановить развитіе капиталистическаго производства еще не лишала мыслящихъ людей Германіи возможности служить благосостоянію ея народа. У буржуазіи есть свои неизбѣжные спутники: всѣ тѣ, которые дѣйствительно служатъ ея кошельку въ силу экономической необходимости. Чѣмъ развитѣе сознаніе этихъ невольныхъ слугъ, тѣмъ легче ихъ положеніе, тѣмъ сильнѣе ихъ сопротивленіе Колупаевымъ и Разуваемымъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. Марксъ и Энгельсъ и поставили себѣ задачей развивать это самосознаніе: согласно духу діалектическаго матеріализма, они съ самаго начала поставили передъ собою совершенно, исключительно идеалистическую задачу.

Критеріемъ идеала служитъ экономическая дѣйствительность. Такъ говорили Марксъ и Энгельсъ, и на этомъ основаніи ихъ заподозрѣ-

вали въ какомъ-то экономическомъ молчалинствѣ, въ готовности топтать въ грязь экономически слабаго и подслуживаться къ экономически сильному. Источникомъ такихъ подозрѣній было *метафизическое понятіе того*, что разумѣли Марксъ и Энгельсъ подъ словами: *экономическая дѣйствительность*. Когда метафизикъ слышитъ, что общественный дѣятель долженъ опираться на дѣйствительность, онъ думаетъ, что ему совѣтуютъ мириться съ нею. Онъ не знаетъ, что во всякой экономической дѣйствительности существуютъ *противоположные элементы* и что помириться съ дѣйствительностью значило бы помириться лишь съ однимъ изъ ея элементовъ, съ тѣмъ, который господствуетъ въ данное время. Матеріалисты-діалектики указывали и указываютъ на другой, враждебный этому, элементъ дѣйствительности, *на тотъ*, въ *которомъ зрѣетъ будущее*. Мы спрашиваемъ: опираться на *этотъ* элементъ, брать *его* критеріемъ своихъ «идеаловъ»,—значитъ ли это прислуживаться къ Колупаевымъ и Разуваемымъ?

Но если критеріемъ идеала должна являться экономическая дѣйствительность, то понятно, что *нравственный* критерій идеала оказывается *неудовлетворительнымъ* не потому, что нравственныя чувства людей заслуживаютъ пренебреженія или презрѣнія, а потому, что эти чувства еще не указываютъ намъ правильнаго пути въ дѣлѣ служенія интересамъ нашихъ ближнихъ. Врачу недостаточно сочувствовать положенію своего больного: ему надо считаться съ *физическою дѣйствительностью* организма, опираться на нее въ борьбѣ съ нею же. Если бы врачъ вздумалъ довольствоваться нравственнымъ негодованіемъ противъ болѣзни, то онъ заслуживалъ бы самой злѣйшей насмѣшки. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и осмѣивалъ «*морализирующую критику*» и «*критическую мораль*» своихъ противниковъ. А противники думали, что онъ насмѣхается надъ «*нравственностью*». «Человѣческая нравственность и воля не имѣютъ цѣны въ глазахъ людей, которые сами не имѣютъ ни нравственности, ни воли», восклицалъ Гейнценъ [1]).

Надо, однако, замѣтить, что если наши русскіе противники «экономическихъ» матеріалистовъ въ общемъ только повторяютъ,—sans le savoir,—доводы своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ, то все-таки они нѣсколько разнообразятъ свою аргументацію нѣкоторыми частностями. Такъ, напримѣръ, нѣмецкіе утописты не предавались длиннымъ разсужденіямъ о «законѣ экономическаго развитія» Германіи.

---

[1]) Ibid. S. 22.

У насъ же разсужденія этого рода приняли поистинѣ ужасающіе размѣры. Читатель помнитъ, что г. В. В. еще въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обѣщалъ открыть законъ экономическаго развитія Россіи. Правда, г. В. В. сталъ впослѣдствіи побаиваться такого закона, но онъ самъ же показалъ при этомъ, что боится его лишь временно, лишь до той поры, пока русская интеллигенція не откроетъ очень хорошаго и очень добраго закона. Вообще же и г. В. В. охотно принимаетъ участіе въ безконечныхъ спорахъ о томъ, должна или не должна Россія пройти черезъ фазу капитализма. Еще съ семидесятыхъ годовъ къ этимъ спорамъ припутано было ученіе Маркса.

Какъ ведутся у насъ такіе споры, показываетъ самоновѣйшее слово г. С. Кривенко. Этотъ авторъ, возражая г. П. Струве, совѣтуетъ своему противнику получше вдуматься въ вопросъ объ «обязательности и добрыхъ послѣдствіяхъ капитализма».

«Если капиталистическій режимъ представляетъ роковую, неизбѣжную стадію развитія, черезъ которую должно пройти всякое человѣческое общество, если передъ этою историческою необходимостью остается только склонить голову, то слѣдуетъ ли прибѣгать къ мѣрамъ, которыя могутъ только замедлять наступленіе капиталистическаго порядка, и, наоборотъ, не слѣдуетъ ли облегчать переходъ къ нему и употреблять всѣ усилія къ скорѣйшему его наступленію, т. е. стараться о развитіи капиталистической промышленности и капитализаціи промысловъ, о развитіи кулачества... о разрушеніи общины, объ обезземеленіи населенія и вообще о выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни на фабрики?» [1]).

Г-нъ С. Кривенко ставитъ тутъ собственно два вопроса: 1) представляетъ ли собою капитализмъ роковую, неизбѣжную стадію? 2) если да, то какія вытекаютъ изъ этого практическія задачи? Остановимся на первомъ.

Г. С. Кривенко правильно формулируетъ его въ томъ смыслѣ, что одна, и притомъ огромнѣйшая, часть нашей интеллигенціи въ такомъ именно видѣ и задавалась имъ: представляетъ-ли капитализмъ роковую, неизбѣжную стадію, черезъ которую должно пройти всякое человѣческое общество? Одно время думали, что Марксъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, и очень огорчались этимъ. Когда было обнародовано извѣстное письмо Маркса, будто бы, къ г. Михайловскому [2]), съ удивленіемъ увидѣли, что Марксъ не при-

---

[1]) „Русское Богатство", декабрь 1893 г. Отд. II, стр. 189.

[2]) Въ этомъ черновомъ, не получившемъ окончательной обработки.

знавалъ «обязательности» этой стадіи, и тогда злорадно рѣшили: ну и пристыдилъ же онъ своихъ русскихъ учениковъ! Но злорадствовавшіе забыли французскую пословицу: bien rira qui rira le dernier.

Отъ начала до конца этого спора противники «русскихъ учениковъ» Маркса предавались самому «неестественному празднословію».

Дѣло въ томъ, что, разсуждая о примѣнимости къ Россіи исторической теоріи Маркса, забыли бездѣлицу: забыли выяснить себѣ, въ чемъ же эта теорія заключается. И -поистинѣ великолѣпенъ былъ тотъ просакъ, въ который попали, благодаря этому, наши субъективисты съ г. Михайловскимъ во главѣ.

Г. Михайловскій прочиталъ (если прочиталъ) предисловіе къ «Zur Kritik», въ которомъ изложена философско-историческая теорія Маркса, и рѣшилъ, что это не болѣе, какъ гегельянщина. Не замѣтивъ слона тамъ, гдѣ слонъ дѣйствительно находился, г. Михайловскій сталъ оглядываться по сторонамъ, и ему показалось, что онъ увидѣлъ, наконецъ, искомаго слона въ главѣ о капиталистическомъ накопленіи, гдѣ рѣчь идетъ объ историческомъ движеніи западнаго капитализма, а вовсе не объ исторіи всего человѣчества.

Всякій процессъ безусловно «обязателенъ» тамъ, гдѣ онъ существуетъ. Такъ, напримѣръ, горѣніе спички обязательно для нея, разъ она загорѣлась; спичка «обязательно» гаснетъ, разъ процессъ горѣнія пришелъ къ концу. Въ «Капиталѣ» рѣчь идетъ о ходѣ капиталистическаго развитія, «обязательнаго» для тѣхъ странъ, гдѣ это развитіе имѣетъ мѣсто. Вообразивъ, что въ указанной главѣ «Капитала» онъ имѣетъ передъ собою цѣлую историческую философію, г. Михайловскій рѣшилъ, что, по мнѣнію Маркса, капиталистическое производство обязательно для всѣхъ странъ и для всѣхъ народовъ [1]). Тогда онъ сталъ ныть по поводу затруднительнаго

наброскѣ письма Марксъ обращается не къ г. Михайловскому, а къ редактору „Отеч. Зап.“. О г. Михайловскомъ Марксъ говоритъ въ третьемъ лицѣ.

[1]) См. статью: „Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго“ „О. З.“, окт. 1877. „Въ шестой главѣ“, „Капитала“ имѣется параграфъ, озаглавленный: „Такъ называемое — первоначальное накопленіе“. Здѣсь Марксъ имѣлъ въ виду историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистическаго процесса производства, но далъ нѣчто гораздо большее — цѣлую философско-историческую теорію“. Это, повторяемъ, совсѣмъ пустяки: историческая философія Маркса изложена въ непонятомъ г. Михайловскимъ предисловіи къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, въ видѣ

положенія тѣхъ русскихъ людей, которые и проч., и—шутникъ!—отдавъ должную дань своей субъективной потребности въ нытьѣ, онъ важно произнесъ, обращаясь къ г. Жуковскому: вы видите, и мы умѣемъ критиковать Маркса, и мы не слѣпо слѣдуемъ за тѣмъ, что magister dixit! Само собою разумѣется, что все это ни на шагъ не подвинуло впередъ вопроса объ «обязательности», но, прочитавъ нытье г. Михайловскаго, Марксъ вознамѣрился было пойти къ нему на помощь. Онъ набросалъ въ видѣ письма къ редактору «Отечественныхъ Записокъ» свои замѣчанія на статью г. Михайловскаго. Когда, послѣ смерти Маркса, набросокъ этотъ появился въ нашей печати, русскимъ людямъ, которые и проч., дана была, по крайней мѣрѣ, возможность правильно рѣшить вопросъ объ «обязательности».

Что могъ сказать Марксъ по поводу статьи г. Михайловскаго? Человѣкъ впалъ въ бѣду, принявъ за философско-историческую теорію Маркса то, что вовсе ею не было. Ясно, что этому послѣднему нужно было прежде всего выручить изъ бѣды подававшаго надежды молодого русскаго писателя. Кромѣ того, русскій молодой писатель жаловался, что Марксъ приговариваетъ Россію къ капитализму. Надо было показать русскому писателю, что діалектическій матеріализмъ никакихъ странъ ни къ чему не приговариваетъ, что онъ не указываетъ пути, общаго и «обязательнаго» для всѣхъ народовъ во всякое данное время; что дальнѣйшее развитіе всякаго даннаго общества всегда зависитъ отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его, и что, поэтому, всякому серьезному человѣку надо, не гадая и не нося по поводу какой-то фантастической «обязательности», изучить прежде всего это соотношеніе; только такое изученіе и можетъ показать, что̀ «обязательно» и что «необязательно» для даннаго общества.

„нѣсколькихъ обобщающихъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ между собою идей". Но это мимоходомъ. Г. Михайловскій ухитрился не понять Маркса даже въ томъ, что касалось „обязательности" капиталистическаго процесса для Запада. Онъ увидалъ въ фабричномъ законодательствѣ „поправку" къ фатальной непреклонности историческаго процесса. Воображая, что,—по Марксу,—„экономическое" дѣйствуетъ само по себѣ, безъ всякаго участія людей, онъ былъ послѣдователенъ, видя поправку въ каждомъ вмѣшательствѣ людей въ ходъ своего производительнаго процесса. Онъ не зналъ только, что, по Марксу, само это вмѣшательство, въ каждомъ данномъ своемъ видѣ, есть неизбѣжный продуктъ данныхъ экономическихъ отношеній. Извольте спорить о Марксѣ съ людьми, которые не понимаютъ его съ такимъ замѣчательнымъ постоянствомъ!

Все это и сдѣлалъ Марксъ. Прежде всего онъ обнаружилъ «недоумѣніе» г. Михайловскаго: «Въ главѣ о первоначальномъ накопленіи я хочу нарисовать тотъ путь, какимъ въ Западной Европѣ капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдръ феодально-экономическаго строя. Въ ней, слѣдовательно, прослѣженъ тотъ ходъ историческихъ событій, которымъ производитель былъ оторванъ отъ средствъ производства, причемъ первый превратился въ наемнаго рабочаго (пролетарія въ современномъ смыслѣ слова), а послѣднія—въ капиталъ. Въ этой исторіи каждый переворотъ составляетъ эпоху, служа рычагомъ развитія класса капиталистовъ; главную же основу такого развитія составляетъ экспропріація земледѣльцевъ. Въ концѣ главы я говорю объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія, утверждая, что его послѣднимъ словомъ будетъ превращеніе капиталистической собственности въ собственность общественную. Въ этихъ заключительныхъ словахъ я не привожу никакихъ доказательствъ въ пользу сдѣланнаго утвержденія, по той простой причинѣ, что само оно есть не что иное, какъ общій выводъ длиннаго ряда разсужденій о капиталистическомъ производствѣ».

Для лучшаго уясненія того обстоятельства, что г. Михайловскій принялъ за историческую теорію то, что такой теоріей не было и быть не могло, Марксъ указываетъ на примѣръ древняго Рима. Очень убѣдительный примѣръ! Въ самомъ дѣлѣ, если для всѣхъ народовъ «обязательно» пройти черезъ капитализмъ, то какъ же быть съ Римомъ, какъ быть со Спартой, какъ быть съ государствомъ Инковъ, какъ быть со множествомъ другихъ народовъ, которые сошли съ исторической сцены, не исполнивъ этой своей мнимой обязанности? Марксу судьба этихъ народовъ не осталась неизвѣстной; слѣдовательно, онъ не могъ говорить о повсюдной «обязательности» капиталистическаго процесса.

Моему критику, говоритъ Марксъ, «угодно было мой очеркъ исторіи происхожденія западно-европейскаго капитализма превратить въ цѣлую историко-философскую теорію историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ предначертаннаго для каждаго изъ нихъ, каковы бы ни были условія его историческаго бытія. Но я прошу извинить меня: такое толкованіе для меня одновременно и слишкомъ почетно, и слишкомъ постыдно».

Ну, еще бы нѣтъ! Вѣдь подобное толкованіе превращало Маркса въ одного изъ тѣхъ «людей съ формулами», надъ которыми онъ смѣялся еще въ своей полемикѣ съ Прудономъ. Г. Михайловскій приписалъ Марксу «формулу прогресса», а Марксъ отвѣтилъ: нѣтъ, покорнѣйше васъ благодарю, мнѣ этого добра не нужно.

Мы уже видѣли, какъ смотрѣли утописты на законы историческаго развитія (пусть припомнитъ читатель, что сказали мы о Сэнъ-Симонѣ). Законосообразность историческаго движенія принимала у нихъ мистическій видъ; путь, по которому идетъ человѣчество, былъ, въ ихъ представленіи, какъ бы предначертанъ заранѣе, и никакія историческія событія не могли измѣнить направленія этого пути. Интересная психологическая аберрація! «Человѣческая природа» является у утопистовъ исходнымъ пунктомъ ихъ изслѣдованій. Законы же развитія этой природы, немедленно принимающіе у нихъ таинственный характеръ, переносятся куда то внѣ человѣка и внѣ фактическихъ отношеній людей, въ какую то «супра-историческую» область.

Діалектическій матеріализмъ и здѣсь переноситъ вопросъ на совершенно другую почву, тѣмъ самымъ придавая ему совершенно новый видъ.

Матеріалисты-діалектики «все сводятъ къ экономіи». Мы уже объяснили, какъ надо понимать это. Но что же такое экономія? Это совокупность фактическихъ отношеній людей, составляющихъ данное общество, въ ихъ производительномъ процессѣ. Эти отношенія не представляютъ собою неподвижной метафизической сущности. Они вѣчно измѣняются подъ вліяніемъ развитія производительныхъ силъ, равно какъ подъ вліяніемъ той исторической среды, которая окружаетъ данное общество. Разъ даны фактическія отношенія людей въ процессѣ производства, изъ этихъ отношеній вытекаютъ роковымъ образомъ извѣстныя слѣдствія. Въ этомъ смыслѣ общественное движеніе законосообразно, и никто лучше Маркса не выяснилъ этой законосообразности. Но такъ какъ экономическое движеніе каждаго общества имѣетъ «самобытный» видъ, вслѣдствіе «самобытности» условій, среди которыхъ оно совершается, то не можетъ быть никакой «формулы прогресса», охватывающей прошедшее и предсказывающей будущее экономическое движеніе всѣхъ обществъ. Формула прогресса, это—та отвлеченная истина, которую, по словамъ автора «Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы», такъ любили метафизики. Но, по его же справедливому замѣчанію, отвлеченной истины нѣтъ; истина всегда конкретна: все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. А если все зависитъ отъ этихъ обстоятельствъ, то ихъ, значитъ, и должны изучать люди, которые и проч.

«Для того, чтобы съ увѣренностью судить о ходѣ экономическаго развитія современной Россіи, я выучился по-русски и въ продолженіе

нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ оффиціальные и другіе имѣющіеся въ печати источники по этому вопросу».

Русскіе ученики Маркса и въ этомъ случаѣ вѣрны ему. Конечно, у одного изъ нихъ могутъ быть болѣе, у другого менѣе обширныя экономическія познанія, но дѣло здѣсь не въ размѣрѣ познаній отдѣльныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія. Русскіе ученики Маркса руководствуются не субъективнымъ идеаломъ и не какой-нибудь «формулой прогресса», а обращаются къ экономической дѣйствительности своей страны.

Къ какому же выводу пришелъ Марксъ относительно Россіи? «Если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 года, она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для миованія всѣхъ перипетій капиталистическаго развитія». Нѣсколько ниже Марксъ добавляетъ, что въ послѣдніе годы Россія «довольно потрудилась» въ смыслѣ шествія по названному пути. Съ тѣхъ поръ, какъ писано было это письмо (т. е. съ 1877 года), прибавимъ мы отъ себя, Россія шла по этому пути все дальше и все быстрѣе.

Что же слѣдуетъ изъ письма Маркса?—Три вывода:

1) Пристыдилъ своимъ письмомъ онъ не русскихъ своихъ учениковъ, а гг. субъективистовъ, которые, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ его научной точкѣ зрѣнія, пытались передѣлать его самого по своему собственному образу и подобію, превратить его въ метафизика и утописта.

2) Гг. субъективисты не устыдились письма по той простой причинѣ, что,—вѣрные своему «идеалу»,—они и письма не поняли.

3) Если гг. субъективисты хотятъ разсуждать съ нами по вопросу о томъ, какъ и куда идетъ Россія, то они въ каждую данную минуту должны исходить изъ анализа экономической дѣйствительности.

Изученіе этой дѣйствительности привело Маркса въ семидесятыхъ годахъ къ условному заключенію: «если Россія будетъ продолжать идти по тому пути, на который она вступила со времени освобожденія креетьянъ, то она сдѣлается совершенно капиталистическою страной, а послѣ этого, разъ попавши подъ ярмо капиталистическаго режима, ей придется подчиниться неумолимымъ законамъ капитализма наравнѣ съ другими народами-профанами. Вотъ и все!».

Вотъ и все. Но русскій человѣкъ, желающій трудиться для блага своей родины, не можетъ удовольствоваться такимъ условнымъ вы-

водомъ: у него неизбѣжно возникаетъ вопросъ: будетъ ли продолжать она идти по этому пути? Не существуетъ ли данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что путь этотъ будетъ ею оставленъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо опять-таки обратиться къ изученію фактическаго положенія страны, къ анализу современной ея внутренней жизни. Русскіе ученики Маркса, на основаніи такого анализа, утверждаютъ: да, будетъ продолжать! Нѣтъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро покинетъ путь капиталистическаго развитія, на который она вступила послѣ 1861 года. Вотъ и все!

Гг. субъективисты думаютъ, что «ученики» ошибаются. Имъ надо доказать это съ помощью данныхъ, доставляемыхъ тою же русской дѣйствительностью. «Ученики» говорятъ: Россія будетъ продолжать идти по пути капиталистическаго развитія не потому, что существуетъ какая-то внѣшняя сила, какой-то таинственный законъ, толкающій ее на этотъ путь, а потому, что нѣтъ фактической внутренней силы, которая бы могла сдвинуть ее съ этого пути. Если гг. субъективисты думаютъ, что такая сила есть, то пусть они кажутъ, въ чемъ она заключается, пусть они докажутъ ея присутствіе. Мы очень рады будемъ ихъ выслушать. До сихъ поръ мы не слыхали отъ нихъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго.

— Какъ нѣтъ силы, а наши идеалы на что?—восклицаютъ наши дорогіе противники.

Ахъ, господа, господа! Право, вы наивны до умилительности! Вѣдь вопросъ-то въ томъ и заключается, какъ осуществить, допустимъ, хоть ваши идеалы, хотя они представляютъ собою нѣчто довольно-таки нескладное? Поставленный такимъ образомъ, вопросъ принимаетъ, правда, очень прозаическій характеръ, но пока онъ останется неразрѣшеннымъ, ваши «идеалы» будутъ имѣть лишь «идеальное» значеніе.

Привели добраго молодца въ каменный острогъ, посадили за запоры желѣзные, окружили стражей неусыпною. Добрый молодецъ только усмѣхается. Онъ беретъ заранѣе припасенный уголекъ, рисуетъ на стѣнѣ лодочку, садится въ нее и... прощай тюрьма, прощай стража неусыпная, добрый молодецъ опять гуляетъ по свѣту бѣлому.

Хорошая сказка! Но... только сказка. Въ дѣйствительности, нарисованная на стѣнѣ лодочка еще никогда, никого и никуда не уносила.

Уже со времени отмѣны крѣпостного права, Россія явно высту-

пила на путь капиталистическаго развитія. Гг. субъективисты прекрасно видятъ это, они сами утверждаютъ, что старыя экономическія отношенія разлагаются у насъ съ поразительною, все болѣе и болѣе увеличивающеюся, скоростью. Но это ничего, говорятъ они одинъ другому: мы посадимъ Россію въ лодочку нашихъ идеаловъ, и она уплыветъ съ этого пути за тридевять земель, въ тридесятое царство.

Гг. субъективисты хорошіе сказочники, но... «вотъ и все»! Вотъ и все,—а вѣдь этого страшно мало, и никогда еще сказки не измѣняли историческаго движенія народа, по той же самой прозаической причинѣ, по которой ни одинъ еще соловей не былъ накормленъ баснями.

У гг. субъективистовъ принята странная классификація «русскихъ людей, которые...» на двѣ категоріи: тѣ, которые вѣрятъ въ возможность уплыть на лодочкѣ субъективнаго идеала, признаются хорошими людьми, истинными народными доброжелателями. Тѣмъ же, которые говорятъ, что эта вѣра рѣшительно ни на чемъ не основана, приписывается какая-то неестественная злонамѣренность, стремленіе уморить русскаго мужика съ голоду. Никогда еще ни въ одной мелодрамѣ не фигурировало такихъ злодѣевъ, какими должны были бы быть, по мнѣнію гг. субъективистовъ, послѣдовательные русскіе «экономическіе» матеріалисты. Это удивительное мнѣніе столь же основательно, какъ основательно было уже знакомое читателямъ мнѣніе Гейнцена, который приписывалъ Марксу намѣреніе оставить нѣмецкій народъ «hungern und verhungern».

Г. Михайловскій спрашиваетъ себя, почему именно теперь явились господа, способные «съ спокойной совѣстью обрекать милліоны людей на голодную смерть и нищету»? Г-нъ С. Н. Кривенко думаетъ, что разъ послѣдовательный человѣкъ рѣшилъ, что въ Россіи неизбѣженъ капитализмъ, то ему остается лишь «стараться... о капитализаціи промысловъ, о развитіи кулачества... о разрушеніи общины, объ обезземеленіи населенія и вообще о выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни». Г-нъ С. Н. Кривенко думаетъ такъ единственно потому, что самъ не способенъ къ «послѣдовательному» мышленію.

Гейнценъ признавалъ за Марксомъ, по крайней мѣрѣ, пристрастіе къ труженикамъ, носившимъ на себѣ «фабричный штемпель». Гг. субъективисты не признаютъ, повидимому, въ «русскихъ ученикахъ Маркса» даже и этой маленькой слабости: они, молъ, послѣдовательно ненавидятъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ до единаго.

Всѣхъ ихъ хотѣлось бы имъ уморить съ голоду, за исключеніемъ, пожалуй, представителей купеческаго сословія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы г. Кривенко допускалъ въ «ученикахъ» нѣкоторыя добрыя намѣренія въ отношеніи фабричныхъ рабочихъ, то не написалъ бы онъ только что цитированныхъ строкъ.

«Стараться... вообще о выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни». Съ нами крестная сила! Зачѣмъ же стараться? Вѣдь приливъ новыхъ рабочихъ рукъ въ среду фабричнаго населенія поведетъ къ пониженію заработной платы. Ну а вѣдь даже и г. Кривенко извѣстно, что пониженіе заработной платы не можетъ быть полезно и пріятно рабочимъ. Зачѣмъ же станутъ послѣдовательные «ученики» стараться принести рабочему вредъ, сдѣлать ему непріятность? Ясно, что эти люди послѣдовательны только въ своемъ человѣконенавистничествѣ, что они не любятъ даже и фабричнаго рабочаго! А можетъ быть и любятъ, да на свой особый ладъ: любятъ—и потому стараются навредить: «люблю какъ душу, трясу какъ грушу». Странные люди! Удивительная послѣдовательность!

«Стараться... о развитіи кулачества, о разрушеніи общины, объ обезземеленіи населенія». Какіе ужасы! Но зачѣмъ же стараться обо всемъ этомъ? Вѣдь развитіе кулачества и обезземеленіе населенія можетъ отразиться на пониженіи его покупательной способности, а пониженіе его покупательной способности поведетъ къ пониженію спроса на фабричныя издѣлія, понизитъ спросъ на рабочую силу, т.-е. понизитъ заработную плату. Нѣтъ, послѣдовательные «ученики» не любятъ рабочаго человѣка! Да и одного ли рабочаго человѣка? Вѣдь уменьшеніе покупательной силы населенія вредно отразится даже на интересахъ предпринимателей, составляющихъ, по увѣренію гг. субъективистовъ, предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій для «учениковъ». Нѣтъ, что ни говорите, а удивительные люди эти ученики!

«Стараться... о капитализаціи промысловъ»... не «стѣсняться ни скупкою крестьянской земли, ни открытіемъ лавокъ и кабаковъ, ни иною нечистоплотною дѣятельностью...». Но зачѣмъ же все это будутъ дѣлать послѣдовательные люди? Вѣдь они убѣждены въ неизбѣжности капиталистическаго процесса; слѣдовательно, если бы заведеніе, напримѣръ, кабаковъ было существенной частью этого процесса, то неизбѣжно явились бы кабаки (которыхъ, надо думать, теперь не существуетъ). Г-ну Кривенку кажется, что нечистоплотная дѣятельность должна ускорять движеніе капиталистическаго процесса. Но, опять скажемъ, если капитализмъ неизбѣженъ, «нечистоплотность»

явится сама собою. Чего же такъ «стараться» о ней послѣдовательнымъ ученикамъ Маркса?

— Тутъ уже теорія умолкаетъ у нихъ передъ требованіемъ нравственнаго чувства: видятъ, что нечистоплотность неизбѣжна, обожаютъ ее за эту неизбѣжность и со всѣхъ сторонъ спѣшатъ ей на помощь, а то молъ не скоро управится безъ насъ бѣдная неизбѣжная нечистоплотность.

Такъ, что-ли, г. Кривенко? Если—нѣтъ, то всѣ ваши разсужденія о «послѣдовательныхъ» ученикахъ никуда не годятся. А если—да, то никуда не годится ваша личная послѣдовательность, ваша собственная «познавательная способность».

Возьмите, что вамъ угодно, хотя бы капитализацію промысловъ. Она представляетъ собою двусторонній процессъ: появляются во-первыхъ, *люди, скопляющіе* въ своихъ рукахъ средства производства, а, во-вторыхъ, люди, *употребляющіе въ дѣло* эти производительныя средства за извѣстную плату. Положимъ, что нечистоплотность составляетъ отличительную черту людей перваго разряда, но вѣдь тѣ, которые по найму трудятся на нихъ, могутъ, кажется, и миновать эту «фазу» нравственнаго развитія? А если такъ, то что же будетъ нечистоплотнаго въ моей дѣятельности, если я посвящу ее этимъ самымъ людямъ, если я буду развивать ихъ самосознаніе и отстаивать ихъ матеріальные интересы? Г. Кривенко скажетъ, можетъ быть, что такая дѣятельность замедлитъ развитіе капитализма. Нисколько. Примѣръ Англіи, Франціи и Германіи покажетъ ему, что тамъ такая дѣятельность не только не замедлила развитіе капитализма, но, напротивъ, ускорила его, чѣмъ, между прочимъ, приблизила и практическое рѣшеніе нѣкоторыхъ тамошнихъ проклятыхъ вопросовъ.

Или возьмемъ разрушеніе общины. Это тоже двусторонній процессъ: крестьянскіе надѣлы скопляются въ рукахъ кулаковъ; все большая и большая часть прежде самостоятельныхъ хозяевъ обращается въ пролетаріевъ. Все это, разумѣется, сопровождается столкновеніемъ интересовъ, борьбой. Приходитъ на этотъ шумъ «русскій ученикъ», возсылаетъ краткій, но прочувствованный гимнъ «категоріи необходимости» и... *открываетъ кабакъ*! Такъ поступитъ самый «послѣдовательный»; болѣе умѣренный ограничится открытіемъ *лавочки*. Такъ, что ли, г. Кривенко? А почему бы «ученику» не стать на сторону деревенскихъ бѣдняковъ?

— Но если онъ захочетъ стать на ихъ сторону, онъ долженъ будетъ стараться мѣшать ихъ обезземеленію?—Ну, *положимъ*,

должень стараться.— А это замедлить развитіе капитализма.— Нисколько не замедлить. Напротивъ, даже ускоритъ его. Гг. субъективистамъ все кажется, что община «сама собой» стремится перейти въ какую-то «высшую форму». Они заблуждаются. Единственное дѣйствительное стремленіе общины—это стремленіе къ разложенію, и чѣмъ лучше было бы положеніе крестьянства, тѣмъ скорѣе разложилась бы община. Кромѣ того, разложеніе можетъ произойти при условіяхъ, болѣе или менѣе выгодныхъ для народа. «Ученики» должны «стараться» о томъ, чтобы оно совершилось при условіяхъ, наиболѣе для него выгодныхъ.

— А почему бы не предупредить самого разложенія?

— А почему вы не предупредили голода 1891 года? Не могли? Мы вѣримъ вамъ, и мы сочли бы наше дѣло проиграннымъ, если бы намъ оставалось только относить на счетъ вашей нравственности подобныя независѣвшія отъ васъ событія, вмѣсто того, чтобы опровергать ваши воззрѣнія съ помощью логической аргументаціи. Но зачѣмъ же вы воздаете намъ другою мѣрою? Зачѣмъ вы, въ спорахъ съ нами, изображаете народную нищету, какъ будто бы она была нашимъ дѣломъ? Потому что тамъ, гдѣ не вывозитъ логика, вывозятъ иногда слова, особенно жалкія слова. Вы не могли предупредить голода 1891 года? Кто же поручится, что вы сможете предупредить разложеніе общины, обезземеленіе крестьянства? Возьмемъ столь любезный эклектикамъ средній путь: вообразимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вамъ удастся предупредить все это. Ну, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ваши усилія окажутся неудачными, гдѣ, вопреки имъ, община все-таки разложится, гдѣ крестьяне все-таки окажутся безземельными,—какъ будете вы поступать съ этими жертвами рокового процесса? Харонъ перевозилъ черезъ Стиксъ только такія души, которыя въ состояніи были заплатить ему за этотъ трудъ. Станете ли вы принимать въ вашу лодочку, для перевозки въ царство субъективнаго идеала, только дѣйствительныхъ членовъ общины? Станете ли вы отбиваться веслами отъ сельскихъ пролетаріевъ? Вы, вѣроятно, сами согласитесь, господа, что это было бы очень «нечистоплотно». А разъ вы согласитесь съ этимъ, то вамъ придется поступить по отношенію къ нимъ совершенно такъ, какъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ поступать всякому порядочному человѣку, т. е. не заводить кабаки для продажи имъ дурмана, а увеличивать силу ихъ сопротивленія противъ кабака, противъ кабатчика и противъ

всякаго дурмана, какой только подноситъ или будетъ подносить имъ исторія.

Или, можетъ быть, теперь мы начинаемъ разсказывать сказки? Можетъ быть, община не разлагается? Можетъ быть, обезземеленіе народа не совершается фактически? Можетъ быть, мы выдумали это съ единственной цѣлью ввергнуть въ нищету крестьянина, пользовавшагося до сихъ поръ завиднымъ благосостояніемъ? Но разверните любое изслѣдованіе вашихъ же единомышленниковъ, и оно покажетъ вамъ, какъ обстояло до сихъ поръ, т. е. раньше, чѣмъ хотя бы одинъ «ученикъ» открылъ кабакъ или завелъ лавочку. Когда вы спорите съ нами, вы изображаете дѣло такъ, какъ будто народъ живетъ уже въ царствѣ вашихъ субъективныхъ идеаловъ, а мы, по свойственному намъ человѣконенавистничеству, тащимъ его за ноги внизъ, въ прозу капитализма. Но дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: существуетъ именно капиталистическая проза, а мы спрашиваемъ себя: какъ бороться съ этой прозой, какъ поставить народъ въ положеніе, хоть немного приближающееся къ «идеальному»? Вы можете находить, что мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ неправильно, но зачѣмъ же извращать наши намѣренія? Вѣдь, право же, это «нечистоплотно»; право же, такая «критика» недостойна даже «суздальцевъ».

Но какъ же бороться съ капиталистической прозой, которая, повторяемъ, уже существуетъ независимо отъ нашихъ и отъ вашихъ усилій? У васъ одинъ отвѣтъ: «закрѣпить общину», упрочить связь крестьянина съ землей. А мы отвѣчаемъ вамъ, что это отвѣтъ, достойный лишь утопистовъ. Почему? Потому что это — отвлеченный отвѣтъ. По вашему, община хороша всегда и вездѣ, а, по нашему, отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Было время, когда община могла быть полезной всему народу; есть, вѣроятно, и теперь мѣстности, гдѣ она выгодна для земледѣльцевъ. Не мы станемъ возставать противъ такой общины. Но въ цѣломъ рядѣ случаевъ община превратилась въ средство эксплуатаціи крестьянина. Противъ такой общины мы возстаемъ, какъ противъ всего вреднаго для народа. Припомните того крестьянина, который у Г. И. Успенскаго платитъ «спуста». Какъ слѣдуетъ, по вашему, поступить съ нимъ? Перевезти его въ царство идеала, отвѣчаете вы. Очень хорошо, перевозите съ Господомъ. Но пока онъ еще не перевезенъ, пока онъ еще не сидитъ на лодочкѣ идеала, пока лодочка еще не подъѣхала къ нему и пока еще неизвѣстно, когда она подъѣдетъ, не

лучше ли было бы ему избавиться отъ платежа «спуста»? Не лучше ли ему перестать быть членомъ общины, которая обзпечиваетъ ему только совершенно непроизводительные расходы, да развѣ лишь еще періодическую порку въ волостномъ правленіи? Мы думаемъ, что — лучше, а вы за это обвиняете насъ въ намѣреніи уморить народъ съ голоду. Справедливо ли это? Нѣтъ ли тутъ нѣкоторой «нечистоплотности»? Или, можетъ быть, вы дѣйствительно не способны понять насъ? Неужели это такъ? Чаадаевъ говорилъ когда-то, что русскому человѣку неизвѣстенъ даже силлогизмъ Запада. Неужел-это какъ разъ voire cas? Мы допускаемъ, что г. С. Кривенко совершенно искренно не понимаетъ насъ; допускаемъ это и по отношенію къ г. Карѣеву, и по отношенію къ г. Южакову. Но г. Михайловскій всегда казался намъ человѣкомъ ума значительно болѣе «остраго».

Что придумали вы, господа, для улучшенія судьбы милліоновъ фактически обезземеленныхъ крестьянъ? Когда рѣчь заходитъ о платящихъ «спуста», вы умѣете давать лишь одинъ совѣтъ: хоть и платитъ онъ «спуста», а все-таки надо, чтобы не разрушалась его связь съ общиной, потому что, когда разрушится она, ея ужъ не возстановишь. Конечно, это поведетъ за собою временныя неудобства для платящихъ спуста, но... «не бѣда, что потерпитъ мужикъ».

Такимъ-то образомъ и выходитъ, что наши гг. субъективисты готовы приносить въ жертву своимъ идеаламъ самые насущные интересы народа! Такимъ-то образомъ и выходитъ, что ихъ проповѣдь на дѣлѣ становится все болѣе и болѣе вредоносной для народа.

«Быть энтузіасткой сдѣлалось ея общественнымъ положеніемъ», говоритъ Толстой объ Аннѣ Павловнѣ Шереръ. Ненавидѣть капитализмъ стало общественнымъ положеніемъ нашихъ субъективистовъ. Какую пользу могъ принесть Россіи энтузіазмъ старой дѣвы? Ровно никакой. Какую пользу приноситъ русскимъ производителямъ «субъективная» ненависть къ капитализму? Тоже никакой.

Но энтузіазмъ Анны Павловны былъ, по крайней мѣрѣ, безвреденъ. Утопическая же вражда къ капитализму начинаетъ положительно вредить русскому производителю, потому что дѣлаетъ нашу интеллигенцію крайне неразборчивой по отношенію къ средствамъ закрѣпленія общины. Едва заговорятъ о такомъ закрѣпленіи, тотчасъ наступаетъ тьма, въ которой всѣ кошки кажутся сѣрыми, и гг. субъективисты готовы любезно лобызаться съ «Московскими Вѣдомостями». И все это «субъективное» умопомраченіе идетъ какъ разъ на пользу тому кабаку, который «ученики» собираются, будто бы,

культивировать. Стыдно сказать, а грѣхъ утаить: утопическіе враги капитализма оказываются на дѣлѣ пособниками капитализма въ самомъ грубомъ, въ самомъ гнусномъ и въ самомъ вредномъ его видѣ.

До сихъ поръ мы говорили объ утопистахъ, старавшихся или старающихся нынѣ придумать то или другое возраженіе противъ Маркса. Теперь посмотримъ, какъ ведутъ или вели себя утописты, склонные на него ссылаться.

Гейнценъ, — котораго съ такою поразительною точностью воспроизводятъ нынѣ гг. россійскіе субъективисты въ спорахъ съ «русскими учениками», — былъ утопистомъ демократическо-буржуазнаго направленія. Но въ Германіи сороковыхъ годовъ было много утопистовъ направленія, противоположнаго этому.

Соціально-экономическое положеніе Германіи было тогда въ общихъ чертахъ таково.

Съ одной стороны, быстро развилась буржуазія, настоятельно требовавшая отъ нѣмецкихъ правительствъ всякаго рода вспомоществованій и поддержекъ. Извѣстный Zollvereiп былъ цѣликомъ ея дѣломъ, причемъ агитація въ его пользу велась не только съ помощью «ходатайствъ», но также и посредствомъ болѣе или менѣе научныхъ изслѣдованій: напомнимъ Фридриха Листа. Съ другой стороны, разрушеніе старыхъ экономическихъ «устоевъ» сдѣлало нѣмецкій народъ беззащитнымъ въ отношеніи къ капитализму. Крестьяне и ремесленники были уже достаточно вовлечены въ процессъ капиталистическаго движенія, чтобы испытывать на себѣ всѣ его невыгодныя стороны, особенно сильно дающія себя чувствовать въ переходные періоды. Но трудящаяся масса еще мало способна была тогда къ сопротивленію. Она еще не могла дать сколько-нибудь замѣтнаго отпора представителямъ капитала. Еще въ шестидесятыхъ годахъ Марксъ говорилъ, что Германія страдаетъ одновременно и отъ развитія капитализма, и отъ недостатка его развитія. Въ сороковыхъ годахъ ея страданія отъ недостатка развитія капитализма были еще сильнѣе. Капитализмъ разрушилъ старые устои крестьянской жизни; кустарная промышленность, прежде процвѣтавшая въ Германіи, должна была теперь выдерживать непосильную для нея конкурренцію машиннаго производства. Кустари бѣднѣли, съ каждымъ годомъ попадая все въ болѣе и болѣе тяжелую зависимость отъ скупщиковъ. А въ то же время крестьяне должны были нести цѣлый рядъ такихъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ и государству.

которыя могли, пожалуй, быть неотяготительны въ прежнее время, но въ сороковыхъ годахъ становились тѣмъ тяжелѣе, что онѣ все менѣе и менѣе соотвѣтствовали фактическимъ условіямъ крестьянской жизни. Бѣдность крестьянъ приняла поразительные размѣры; кулакъ сдѣлался полнымъ господиномъ деревни; крестьянскій хлѣбъ нерѣдко покупался имъ еще на корню; нищенство стало родомъ отхожаго промысла. Тогдашніе изслѣдователи указывали на общины, въ которыхъ изъ нѣсколькихъ тысячъ семействъ не нищенствовало только нѣсколько сотъ. Въ иныхъ мѣстахъ, — вещь почти совершенно невѣроятная, но своевременно констатированная нѣмецкой печатью, — крестьяне питались падалью. Покидая деревни, они не находили достаточно заработка въ промышленныхъ центрахъ, и печать указывала на возрастающую безработицу и вызываемую ею эмиграцію

Вотъ какъ рисуетъ одинъ изъ самыхъ передовыхъ органовъ того времени положеніе трудящейся массы: «Сто тысячъ прядильщиковъ въ Равенсбергскомъ округѣ и въ другихъ мѣстностяхъ нѣмецкаго отечества не могутъ уже жить своимъ трудомъ, они не находятъ сбыта своимъ издѣліямъ (рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о кустаряхъ), они ищутъ работы и хлѣба, не находя ни той, ни другого, потому что трудно, если не невозможно, имъ найти заработокъ помимо пряденья. Существуетъ огромная конкурренція между рабочими изъ-за самой ничтожной платы» [1]).

Народная нравственность несомнѣнно падала. Разрушенію старыхъ экономическихъ отношеній соотвѣтствовала разшатка старыхъ нравственныхъ понятій. Газеты и журналы того времени полны жалобъ на пьянство рабочихъ, на половой развратъ въ ихъ средѣ, на франтовство и мотовство, развивающіяся между ними рядомъ съ уменьшеніемъ заработной платы. Въ нѣмецкомъ рабочемъ еще не замѣчалось признаковъ новой нравственности, той нравственности, которая стала быстро развиваться впослѣдствіи на основѣ новаго освободительнаго движенія, вызваннаго самимъ развитіемъ капитализма. Освободительное движеніе массы тогда еще не начиналось. Ея глухое недовольство сказывалось время отъ времени лишь безнадежными стачками, да безцѣльными бунтами, безсмысленнымъ разрушеніемъ машинъ. Но уже въ головы нѣмецкихъ рабочихъ начинали попадать искры сознанія. Книга, составлявшая ненужную роскошь при старыхъ порядкахъ,

[1]) Der Gesellschafts-Spiegel. 1 Band, S. 78. Корреспонденція изъ Вестфаліи.

сдѣлалась предметомъ необходимости при новыхъ. Страсть къ чтенію стала овладѣвать рабочими...

Таково было то положеніе дѣлъ, съ которымъ надо было считаться благомыслящей части нѣмецкой интеллигенціи (der Gebildeten—какъ говорили тогда). Что дѣлать, какъ помочь народу? Устранить капитализмъ, отвѣчала интеллигенція. Появившіяся къ тому времени сочиненія Маркса и Энгельса радостно были встрѣчены частью нѣмецкой интеллигенціи, какъ рядъ новыхъ научныхъ доводовъ въ пользу необходимости устраненія капитализма. «Между тѣмъ какъ либеральные гг. политики съ новой силой затрубили въ Листову трубу покровительственнаго тарифа, стараясь увѣрить.., что они заботятся о подъемѣ промышленности, главнымъ образомъ, въ интересахъ рабочаго класса, а ихъ противники, энтузіасты свободной торговли, старались доказать, что Англія сдѣлалась цвѣтущей классической страной торговли и промышленности вовсе не вслѣдствіе покровительства, чрезвычайно кстати явилась превосходная книга Энгельса о положеніи рабочаго класса въ Англіи, разрушившая послѣднія иллюзіи. Всѣми признано, что эта книга составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новаго времени... Рядомъ неопровержимѣйшихъ доводовъ показываетъ она, въ какую пропасть стремится упасть общество, дѣлающее своимъ двигательнымъ принципомъ личную алчность, свободную конкурренцію частныхъ предпринимателей, для которыхъ деньги—богъ» [1]).

Итакъ, надо устранить капитализмъ, иначе Германія упадетъ въ ту пропасть, на днѣ которой уже лежитъ Англія. Это доказано Энгельсомъ. Кто же устранитъ капитализмъ? Интеллигенція, die Gebildeten. Особенность Германіи, по словамъ одного изъ такихъ Gebildeten, именно состояла въ томъ, что въ ней устранить капитализмъ призвана нѣмецкая интеллигенція, между тѣмъ какъ «на Западѣ (in den westlichen Ländern) съ нимъ борются больше рабочіе [2]). Какъ же устранитъ капитализмъ нѣмецкая интеллигенція? Посредствомъ организаціи производства (Organisation der Arbeit). Что же должна дѣлать интеллигенція для организаціи производства?

---

[1]) Ibid. S. 36. Notizen und Nachrichten.

[2]) См. статью Hess'a въ томъ же томѣ того же толстаго журнала, стр. 1 и слѣдующія. Ср. также „Neue Anekdoten, herausgegeben von Carl Grün, Darmstadt", 1845, стр. 220. Въ Германіи, въ противоположность съ Франціей, борьбой съ капитализмомъ занимается и „обезпечиваетъ побѣду надъ нимъ" образованное меньшинство.

Выходившій въ Кельнѣ въ 1845 г. „Allgemeines Volksblatt“ предлагалъ слѣдующія мѣры:

1) Содѣйствіе народному образованію, организацію народныхъ чтеній, концертовъ и т. п.

2) Устройство большихъ мастерскихъ, въ которыхъ рабочіе, ремесленники и кустари могли бы работать на себя, а не на предпринимателя или на скупщика. «Allgemeines Volksblatt» надѣялся, что со временемъ эти ремесленники-кустари сами собою сгруппируются въ ассоціаціи.

3) Учрежденіе складовъ для продажи издѣлій, которыя будутъ доставляться кустарями и ремесленниками, а также и національными мастерскими.

Эти мѣры спасутъ Германію отъ язвы капитализма. А принять ихъ тѣмъ легче, прибавляетъ цитируемый листокъ, что «здѣсь и тамъ уже начали устраивать постоянные склады, такъ называемые промышленные базары, въ которыхъ ремесленники могутъ выставлять для продажи свои товары», получая подъ нихъ тотчасъ же нѣкоторую ссуду... Далѣе слѣдуетъ изображеніе выгодъ, которыя проистекутъ изо всего этого и для производителя, и для потребителя.

Устранить капитализмъ кажется всего легче тамъ, гдѣ онъ еще слабо развитъ. Поэтому, нѣмецкіе утописты часто и охотно оттѣняли то обстоятельство, что Германія еще не Англія; Гейнценъ даже прямо готовъ былъ отрицать существованіе фабричнаго пролетаріата въ Германіи. Но такъ какъ для утопистовъ главное дѣло заключалось въ томъ, чтобы доказать «обществу» необходимость организаціи производства, то они безъ труда и незамѣтно для себя переходили, по временамъ, на точку зрѣнія людей, утверждающихъ, что нѣмецкій капитализмъ не можетъ уже развиваться далѣе, вслѣдствіе свойственныхъ ему противорѣчій, что внутренній рынокъ уже переполненъ, что покупательная сила населенія падаетъ, завоеваніе внѣшнихъ рынковъ мало вѣроятно и что, поэтому, число занятыхъ въ обрабатывающей промышленности рабочихъ непремѣнно должно все болѣе и болѣе уменьшаться. На такую точку зрѣнія сталъ не разъ цитированный нами журналъ «Der Geseleschafts-Spiegel», одинъ изъ самыхъ главныхъ органовъ тогдашнихъ нѣмецкихъ утопистовъ, послѣ появленія интересной брошюры Л. Буля: «Andeutungen über die Noth der arbeitenden Klassen und über die Aufgabe der Vereine zum Wohl derselben“ Berlin, 1845.

Буль спросилъ себя: въ состояніи ли союзы для поднятія благосостоянія рабочаго класса справиться со своей задачей? А чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ выдвинулъ другой, именно вопросъ о томъ, откуда проистекаетъ въ настоящее время бѣдность рабочаго класса?

Бѣднякъ и пролетарій вовсе не одно и тоже, говоритъ Буль. Бѣднякъ не хочетъ или не можетъ работать; пролетарій ищетъ работы; онъ способенъ къ ней, но ея нѣтъ, и онъ впадаетъ въ нищету. Такое явленіе было совершенно неизвѣстно въ прежнія времена, хотя всегда были бѣдные и всегда были угнетенные, напримѣръ, крѣпостные крестьяне.

Откуда же взялся пролетарій? Его создала конкурренція. Конкурренція, разбивъ старыя узы, связывавшія производство, вызвала небывалый расцвѣтъ промышлонности. Но она же заставляетъ предпринимателей понижать цѣну своихъ продуктовъ. Поэтому они стараются уменьшать заработную плату или число рабочихъ рукъ. Эта послѣдняя цѣль достигается усовершенствованіемъ машинъ, которыя выбрасываютъ на улицу множество рабочихъ. Кромѣ того, ремесленники не могутъ выдержать конкурренцію машиннаго производства и тоже обращаются въ пролетаріевъ. Заработная плата все болѣе и болѣе падаетъ. Буль указываетъ на примѣръ ситценабивного производства, которое процвѣтало въ Германіи еще въ двадцатыхъ годахъ. Заработная плата была тогда очень высока. Хорошій рабочій могъ заработать отъ 18 до 20 талеровъ въ недѣлю. Но явились машины, съ ними женскій и дѣтскій трудъ,—и заработная плата страшно понизилась. Принципъ свободной конкурренціи дѣйствуетъ такъ всегда и всюду, гдѣ онъ достигаетъ господства. Онъ ведетъ къ перепроизводству, а перепроизводство къ безработицѣ. И чѣмъ больше совершенствуется крупная промышленность, тѣмъ болѣе растетъ безработица, тѣмъ меньше становится число занятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ рабочихъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что указанныя бѣдствія имѣютъ мѣсто только въ промышленныхъ странахъ, земледѣльческія же государства ихъ не знаютъ. Но создаваемое свободной конкурренціей положеніе дѣлъ чрезвычайно опасно для общества (für die Gesellschaft), и потому общество не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нему. Что же дѣлать обществу? Здѣсь Буль обращается къ вопросу, который стоитъ, такъ сказать, въ передѣмъ углу его сочиненія: въ состояніи ли вообще какой нибудь союзъ искоренить бѣдность рабочаго класса?

Мѣстный берлинскій союзъ для помощи рабочему классу задался цѣлью «не столько устранять существующую нищету, сколько воспрепятствовать возникновенію нищеты въ будущемъ». Къ этому союзу и обращается теперь Буль. Какъ предупредите вы возникновеніе нищеты въ будущемъ,—спрашиваетъ онъ;—что вы сдѣлаете для этого? Нищета современнаго рабочаго происходитъ отъ недостатка спроса на трудъ. Рабочему нужна не милостыня, а работа. Откуда же возьметъ союзъ работу? Чтобы увеличился спросъ на трудъ, надо чтобы увеличился спросъ на продукты труда. А этотъ спросъ уменьшается, благодаря уменьшенію заработка трудящейся массы. Или, можетъ быть, союзъ откроетъ новые рынки? Буль и этого не считаетъ возможнымъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что задача, которую поставилъ себѣ берлинскій союзъ, есть лишь «благодушная иллюзія».

Буль совѣтуетъ берлинскому союзу получше вдуматься въ причины нищеты рабочаго класса, прежде чѣмъ вступить въ борьбу съ нею. Палліативамъ онъ не придаетъ значенія. «Биржи труда, сберегательныя и пенсіонныя кассы и тому подобное, могутъ, конечно улучшить положеніе немногихъ отдѣльныхъ лицъ, но не вырвутъ корня зла». Не вырвутъ его и ассоціаціи: «и ассоціаціи не избѣжать тяжелой необходимости (dura necessitas) конкурренціи».

Въ чемъ видѣлъ самъ Буль средство для устраненія зла,—это трудно вывести съ точностью изъ его брошюры. Онъ какъ будто намекаетъ, что для помощи злу нужно вмѣшательство государства, прибавляя однако, что результатъ такого вмѣшательства былъ бы сомнителенъ. Какъ бы то ни было, но его брошюра произвела сильное впечатлѣніе на тогдашнюю нѣмецкую интеллигенцію. И вовсе не въ смыслѣ разочарованія. Напротивъ, въ ней увидѣли новое доказательство необходимости организаціи труда.

Вотъ что говоритъ о брошюрѣ Буля журналъ „Der Gesellschafts-Spiegel“.

«Извѣстный берлинскій писатель Л. Буль издалъ сочиненіе подъ названіемъ «Andeutungen» и т. д. Онъ думаетъ,—и мы раздѣляемъ его мнѣніе,—что бѣдствія рабочаго класса происходятъ отъ избытка производительныхъ силъ; что этотъ избытокъ есть слѣдствіе свободной конкурренціи и новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній въ физикѣ и механикѣ; что возвращеніе къ цехамъ и корпораціямъ было бы такъ же вредно, какъ затруднять открытія и изобрѣтенія; что, поэтому, при существующихъ общественныхъ условіяхъ (курсивъ автора рецензіи), нѣтъ дѣйствительныхъ средствъ

для помощи рабочимъ. Предположивъ, что современныя эгоистическія частно-предпринимательскія отношенія останутся неизмѣнными, надо согласиться съ Булемъ, что никакой союзъ не въ состояніи уничтожить существующую нищету. Но такое предположеніе вовсе не необходимо; напротивъ, могли бы возникнуть и уже возникаютъ союзы, которыхъ цѣль есть устраненіе мирнымъ путемъ вышеуказанной эгоистической основы нашего общества. Надо только, чтобы правительство не затрудняло такой дѣятельности союзовъ».

Ясно, что рецензентъ не понялъ или не хотѣлъ понять мысли Буля, но для насъ это не важно. Мы обратились къ Германіи лишь для того, чтобы съ помощью уроковъ, даваемыхъ ея исторіей, лучше разобраться въ нѣкоторыхъ умственныхъ теченіяхъ современной Россіи. А въ этомъ смыслѣ движеніе нѣмецкой интеллигенціи сороковыхъ годовъ заключаетъ въ себѣ много поучительнаго для насъ.

Во-первыхъ, аргументація Буля напоминаетъ намъ аргументацію г. Н—она. И тотъ, и другой начинаютъ указаніемъ на развитіе производительныхъ силъ, какъ на причину пониженія спроса на трудъ и, слѣдовательно, относительнаго уменьшенія числа рабочихъ. И тотъ, и другой говоритъ о переполненіи внутренняго рынка и о вытекающей изъ этого неизбѣжности дальнѣйшаго уменьшенія спроса на рабочую силу. Буль не признавалъ, повидимому, возможности завоеванія нѣмцами иностранныхъ рынковъ; г. Н—онъ рѣшительно не признаетъ этой возможности по отношенію къ русскимъ промышленникамъ. Наконецъ, и у того, и у другого этотъ вопросъ объ иностранныхъ рынкахъ остается совершенно не изслѣдованнымъ: ни тотъ, ни другой не приводятъ въ пользу своего мнѣнія ни одного серьезнаго довода.

Буль не дѣлаетъ изъ своего изслѣдованія другого явнаго вывода, кромѣ того, что надо хорошо вдуматься въ положеніе рабочаго класса, прежде чѣмъ помогать ему. Г. Н—онъ приходитъ къ тому заключенію, что передъ нашимъ обществомъ стоитъ, правда, трудная однако не неразрѣшимая задача организовать наше національное производство. Но если дополнить взгляды Буля тѣми соображеніями, которыя высказалъ по поводу ихъ цитированный нами рецензентъ журнала „Der Gesellschafts-Spiegil“, то получится какъ разъ выводъ г. Н—она. Г. Н—онъ=Буль+рецензентъ. А эта „формула“ наводитъ насъ вотъ на какія размышленія.

Г. Н.—она называютъ у насъ марксистомъ и даже единымъ „истиннымъ“ марксистомъ. Но можно-ли сказать, что сумма взглядовъ Буля и рецензента на положеніе Германіи сороковыхъ годовъ равнялась

взглядамъ Маркса на то же положеніе? Другими словами, былъ-ли Буль,—дополненный рецензентомъ—марксистомъ, и притомъ единымъ истиннымъ марксистомъ, марксистомъ par excellence? Конечно, нѣтъ. Изъ того, что Буль указывалъ на противорѣчіе, въ которое попадаетъ капиталистическое общество, благодаря развитію производительныхъ силъ, еще не слѣдуетъ, что онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Маркса. Онъ разсматривалъ эти противорѣчія съ очень отвлеченной точки зрѣнія, и уже благодаря одному этому его изслѣдованіе не имѣло, по духу своему, ничего общаго со взглядами Маркса. Наслушавшись Буля, можно было подумать, что нѣмецкій капитализмъ не сегодня-завтра задохнется подъ тяжестью собственнаго развитія, что ему дальше итти уже некуда, что промыслы окончательно капитализированы и что число нѣмецкихъ рабочихъ быстро пойдетъ на убыль. Такихъ взглядовъ Марксъ не высказывалъ. Напротивъ, когда ему случалось говорить въ концѣ сороковыхъ годовъ, а въ особенности въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, о ближайшей судьбѣ нѣмецкаго капитализма, онъ говорилъ совсѣмъ другое. Только люди, совершенно не понимавшіе его взглядовъ, могли бы признать истинными марксистами нѣмецкихъ Н.—новъ).

---

[1]) Н.—новъ было много въ тогдашней Германіи, и самыхъ различныхъ направленій. Замѣчательнѣе всего, можетъ быть, консервативные. Такъ, напримѣръ, докторъ Карлъ Фолльграфъ, ordentlicher Professor der Rechte, въ брошюрѣ, носящей чрезвычайно длинное заглавіе (Von der über und unter ihr naturnothwendiges Maas erweiterten und herabgedrückten Concurrenz in allen Nahrungs und Erwerbszweigen des bürgerlichen Lebens, als der nächsten Ursache des allgemeinen, alle Klassen mehr oder weniger drückenden Nothstandes in Deutschland, insonderheit des Getreidewuchers, sowie von den Mitteln zu ihrer Abstellung. Darmstadt, 1848) изображалъ экономическое положеніе „нѣмецкаго отечества“ поразительно сходно съ тѣмъ, какъ изображено русское экономическое положеніе въ книгѣ «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства». Фолльграфъ тоже изображалъ дѣло такъ, какъ будто развитіе производительныхъ силъ уже привело, «подъ вліяніемъ свободной конкурренціи», къ относительному уменьшенію числа занятыхъ въ промышленности рабочихъ. У него подробнѣе, чѣмъ у Буля, изображено вліяніе безработицы на состояніе внутренняго рынка. Производители одной отрасли промышленности являются въ то же время потребителями для продуктовъ другихъ отраслей, но такъ какъ безработица лишаетъ производителей платежной силы, то спросъ уменьшается, вслѣдствіе чего безработица становится всеобщей и возникаетъ полный пауперизмъ (völliger Pauperismus)... «А такъ какъ и крестьянство раззоряется, вслѣдствіе чрезмѣрной конкурренціи, то наступаетъ полный застой въ дѣлахъ. Общественный организмъ разлагается, его физіологи-

Нѣмецкіе Н.—оны разсуждали такъ же отвлеченно, какъ и наши нынѣшніе Були и Фольграфы. Разсуждать отвлеченно значитъ ошибаться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда исходишь изъ совершенно вѣрнаго принципа. Знаете ли вы, читатель, что такое антифизика д'Аламбэра? Д'Аламбэръ говаривалъ, что онъ, на основаніи самыхъ безспорныхъ физическихъ законовъ, докажетъ неизбѣжность явленій, совершенно невозможныхъ въ дѣйствительности. Надо только, слѣдя за дѣйствіемъ каждаго даннаго закона, забыть на время, что существуютъ другіе законы, видоизмѣняющіе его дѣйствіе. Результатъ, навѣрное, получится совершенно нелѣпый. Въ доказательство этого д'Аламбэръ приводилъ нѣсколько дѣйствительно блистательныхъ примѣровъ и собирался даже написать въ свободное время цѣлую антифизику. Гг. Фольграфы и Н.—оны уже не въ шутку, а серьезно пишутъ антиэкономіи. Ихъ пріемъ таковъ. Они берутъ извѣстный неоспоримый экономическій законъ; они правильно указываютъ на его тенденцію; затѣмъ, они забываютъ, что осуществленіе этого закона въ жизни есть цѣлый историческій процессъ, и изображаютъ дѣло такъ, какъ будто тенденція даннаго закона уже цѣликомъ осуществилась въ жизни къ тому времени, когда они стали писать свои изслѣдованія. Если при этомъ данный Фольграфъ, Буль или Н.—онъ нагромоздитъ вороха хотя бы плохо переваренаго статистическаго матеріала, да примется кстати и некстати цитировать Маркса, то его «очеркъ» приметъ видъ научнаго, убѣдительнаго изслѣдованія въ духѣ автора «Капитала». Но это оптическій обманъ, не болѣе того.

ческіе процессы приводятъ къ появленію дикой массы, а голодъ вызываетъ въ этой массѣ броженіе, противъ котораго безсильны государственныя кары и даже оружіе». Свободная конкурренція ведетъ въ деревняхъ къ измельчанію крестьянскихъ участковъ. Ни въ одномъ изъ крестьянскихъ дворовъ рабочія силы не находятъ себѣ достаточнаго приложенія въ теченіе круглаго года. «Такимъ образомъ, въ тысячахъ деревень, особенно въ малоплодородныхъ мѣстностяхъ, почти совершенно какъ въ Ирландіи, бѣдные крестьяне стоятъ безъ работы и безъ занятій передъ дверями своихъ домовъ. Никто изъ нихъ не въ состояніи помочь другому, ибо всѣ они имѣютъ слишкомъ мало, всѣ нуждаются въ заработкѣ, всѣ ищутъ и не находятъ работы». Фольграфъ съ своей стороны придумалъ рядъ «мѣропріятій» для борьбы съ разрушительнымъ дѣйствіемъ «свободной конкурренціи», хотя и не въ духѣ соціалистическаго журнала „Der Gesellschafts-Spiegel".

Что, напримѣръ, Фольграфъ многое упустилъ при анализѣ экономической жизни въ современной ему Германіи, показываетъ то безспорное сбстоятельство, что совершенно не сбылось его пророчество относительно «разложенія общественнаго организма» этой страны. А что г. Н.—онъ совершенно всуе пріемлетъ имя Маркса, подобно тому, какъ г. Ю. Жуковскій всуе прибѣгалъ, бывало, къ интегральному исчисленію, безъ труда поймете даже почтеннѣйшій С. Н. Кривенко.

Вопреки мнѣнію тѣхъ господъ, которые упрекаютъ Маркса въ односторонности, этотъ писатель никогда не разсматривалъ экономическаго движенія данной страны внѣ связи его съ тѣми общественными силами, которыя, выростая на его почвѣ, сами вліяютъ на его дальнѣйшее направленіе (это пока еще не совсѣмъ ясно для васъ, г. С. Н. Кривенко, но—терпѣніе!). Дано извѣстное экономическое состояніе—этимъ самымъ даны извѣстныя общественныя силы, дѣйствіе которыхъ необходимо отразится на дальнѣйшемъ развитіи этого положенія (терпѣніе оставляетъ васъ, г. Кривенко? Вотъ вамъ наглядный примѣръ). Дана экономія Англіи эпохи первоначальнаго капиталистическаго накопленія. Этимъ самымъ были даны тѣ общественныя силы, которыя, между прочимъ, засѣдали въ тогдашнемъ англійскомъ парламентѣ. Дѣйствіе этихъ общественныхъ силъ было необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія даннаго экономическаго положенія, а направленіе ихъ дѣйствія обусловливалось свойствами этого положенія.—Дано экономическое положеніе современной Англіи; этимъ самымъ даны ея современныя общественныя силы, дѣйствіе которыхъ скажется на будущемъ экономическомъ развитіи Англіи. Когда Марксъ занимался тѣмъ, что нѣкоторымъ угодно называть его гаданіями, онъ принималъ въ соображеніе эти общественныя силы и не воображалъ, что ихъ дѣйствіе можетъ остановить по своему произволу та или другая группа лицъ, сильныхъ лишь своими прекрасными намѣреніями. («Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist»).

Нѣмецкіе утописты сороковыхъ годовъ разсуждали иначе. Когда они ставили передъ собою извѣстныя задачи, они имѣли въ виду только неудобства экономическаго положенія своей страны, забывая изслѣдовать тѣ общественныя силы, которыя выросли изъ этого положенія. Экономическое положеніе нашего народа печально, ра-

суждалъ вышеупомянутый рецензентъ: слѣдовательно, передъ нами стоитъ трудная, но не неразрѣшимая задача организаціи производства. А не помѣшаютъ ли этой организаціи тѣ самыя общественныя силы, которыя выросли на почвѣ печальнаго экономическаго положенія? Объ этомъ не спрашивалъ себя благожелательный рецензентъ. Утопистъ никогда не считается въ достаточной мѣрѣ съ общественными силами своего времени, по той простой причинѣ, что онъ, по выраженію Маркса, всегда ставитъ себя надъ обществомъ). А по этой же причинѣ и, по выраженію того же Маркса, всѣ разсчеты утописта оказываются «ohne Wirth gemacht» и вся его «критика» есть не болѣе, какъ полное отсутствіе критики, неумѣнье критически взглянуть на окружающую его дѣйствительность.

Организація производства въ данной странѣ могла бы явиться лишь результатомъ дѣйствія тѣхъ общественныхъ силъ, которыя въ этой странѣ существуютъ. Что нужно для организаціи производства? Сознательное отношеніе производителей къ производительному процессу, взятому во всей его сложности и совокупности. Тамъ, гдѣ пока нѣтъ такого сознательнаго отношенія, могутъ выдвигать организацію производства, какъ ближайшую общественную задачу, лишь люди, которые всю жизнь свою останутся неисправимыми утопистами, хотя бы они пять милліардовъ разъ произнесли имя Маркса съ величайшимъ почтеніемъ. Что говоритъ о сознаніи производителей г. Н.—онъ въ своей пресловутой книгѣ? Ровно ничего: онъ уповаетъ на сознаніе «общества». Если, послѣ этого, его можно и должно признать истиннымъ марксистомъ, то мы не видимъ, почему нельзя было бы признать г. Кривенко единственнымъ истиннымъ гегельянцемъ нашего времени, гегельянцемъ par excellence.

Но пора кончать. Какими результатами подарилъ насъ нашъ сравнительно-историческій пріемъ? Если мы не ошибаемся, слѣдующими:

1) Убѣжденіе Гейнцена и его единомышленниковъ относительно того, что Марксъ своими собственными взглядами былъ осужденъ на бездѣйствіе въ Германіи, оказалось вздоромъ. Такимъ же вздоромъ окажется и убѣжденіе г. Михайловскаго относительно того, будто бы не могутъ принести пользы русскому народу, а напротивъ, должны вредить ему, люди, держащіеся у насъ теперь взглядовъ Маркса.

2) Взгляды Буллей и Фольграфовъ на тогдашнее экономическое

положеніе Германіи оказались узкими, односторонними и ошибочными въ силу своей отвлеченности. Можно опасаться, что дальнѣйшая экономическая исторія Россіи обнаружитъ подобные же недостатки во взглядахъ г. Н.—она.

3) Люди, ставившіе въ Германіи сороковыхъ годовъ организацію производства своей ближайшей задачей, были утопистами. Такими же утопистами являются люди, толкующіе объ организаціи производства въ нынѣшней Россіи.

4) Исторія смела иллюзіи нѣмецкихъ утопистовъ сороковыхъ годовъ Есть всѣ основанія думать, что подобная же участь постигнетъ и иллюзіи нашихъ русскихъ утопистовъ. Капитализмъ насмѣялся надъ первыми; съ болью въ сердцѣ предвидимъ, что насмѣется онъ и надъ вторыми.

Но неужели эти иллюзіи не принесли никакой пользы нѣмецкому народу? Въ экономическомъ отношеніи ровно никакой, или, если вы требуете болѣе точнаго выраженія, почти никакой. Всѣ эти базары для продажи кустарныхъ издѣлій и всѣ эти попытки созданія производительныхъ ассоціацій едва ли облегчили положеніе хотя бы сотни нѣмецкихъ производителей. Но они содѣйствовали пробужденію самосознанія этихъ производителей и тѣмъ принесли имъ большую пользу. Такую же пользу, и уже прямымъ, а не обходнымъ путемъ, принесла просвѣтительная дѣятельность нѣмецкой интеллигенціи: школы, народныя читальни и т. п. Вредныя для нѣмецкаго народа послѣдствія капиталистическаго развитія могли быть въ каждое данное время ослабляемы или устраняемы лишь въ такой мѣрѣ, въ какой развивалось самосознаніе нѣмецкихъ производителей. Марксъ понималъ это лучше утопистовъ, и потому его дѣятельность оказалась болѣе полезной для нѣмецкаго народа.

То же несомнѣнно, окажется и въ Россіи. Не далѣе, какъ въ октябрьской книжкѣ «Рус. Богатства» 1894, г. С. Н. Кривенко «хлопочетъ»,—какъ говорятъ у насъ,—объ организаціи русскаго производства. Ничего не устранитъ, никого не осчастливитъ г. Кривенко этими «хлопотами». Его «хлопоты» неуклюжи, неловки, безплодны: но если онѣ, не смотря на всѣ эти отрицательныя свои качества, разбудятъ самосознаніе хоть одного производителя, онѣ окажутся полезными, и тогда выйдетъ, что г. Кривенко жилъ на свѣтѣ не затѣмъ только, чтобы дѣлать логическія ошибки или невѣрно переводить отрывки изъ «несимпатичныхъ» ему статей написанныхъ на чужомъ языкѣ. Бороться противъ вредныхъ послѣдствій нашего капитализма и у насъ можно будетъ лишь въ той

мѣрѣ, въ какой будетъ развиваться самосознаніе производителя. А изъ этихъ нашихъ словъ господа субъективисты могутъ видѣть, что мы вовсе не «грубые матеріалисты». Если мы «узки», то только въ одномъ смыслѣ: въ томъ, что ставимъ передъ собою, прежде всего, совершенно идеалистическую задачу.

А теперь, до свиданья, г.г. наши противники. Мы заранѣе предвкушаемъ все то величайшее удовольствіе, которое доставятъ намъ ваши возраженія. Только присматривайте вы, господа, за г. Кривенко. Пишетъ онъ, пожалуй, и недурно, по крайней мѣрѣ—съ чувствомъ, но «что къ чему»,—это ему не дано!

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Еще разъ г. Михайловскій, еще разъ «тріада».

Въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Михайловскій, возражая г. П. Струве, опять высказалъ нѣсколько соображеній о философіи Гегеля и объ «экономическомъ» матеріализмѣ.

По его словамъ, матеріалистическое пониманіе исторіи и экономическій матеріализмъ не одно и то же. Экономическіе матеріалисты все выводятъ изъ экономіи. «Ну, а если я буду искать корня или фундамента не только правовыхъ и политическихъ учрежденій, философскихъ и иныхъ воззрѣній общества, но и его экономической структуры, въ расовыхъ или племенныхъ особенностяхъ его членовъ: въ пропорціяхъ продольнаго и поперечнаго діаметровъ ихъ череповъ, въ характерѣ личного угла, въ размѣрахъ и направленіи челюстей, въ размѣрахъ грудной клѣтки, силѣ мускуловъ и т. д., или, съ другой стороны, въ факторахъ чисто географическихъ: въ островномъ положеніи Англіи, въ степномъ характерѣ части Азіи, въ гористой природѣ Швейцаріи, въ замерзаніи рѣкъ на сѣверѣ и т. д.,—развѣ это не будетъ матеріалистическое пониманіе исторіи? Ясно, что экономическій матеріализмъ, какъ историческая теорія, есть лишь частный случай матеріалистическаго пониманія исторіи...» [1]).

Монтескье склоненъ былъ объяснять историческую судьбу народовъ «факторами чисто географическими». Поскольку онъ послѣдовательно держался этихъ факторовъ, онъ былъ, безъ сомнѣнія, матеріалистомъ. Современный діалектическій матеріализмъ не игнорируетъ, какъ мы видѣли, вліянія географической среды на развитіе общества. Онъ только лучше выясняетъ, какимъ образомъ вліяютъ географическіе факторы на «общественнаго человѣка». Онъ показы-

[1]) „Русское Богатство", октябрь 1894 г., отд. II, стр. 50.

ваетъ, что географическая среда обезпечиваетъ людямъ большую или меньшую возможность развитія ихъ производительныхъ силъ и тѣмъ, болѣе или менѣе энергично, толкаетъ ихъ по пути историческаго движенія. Монтескье разсуждалъ такъ: извѣстная географическая среда обусловливаетъ собою извѣстныя физическія и психическія свойства людей, а эти свойства ведутъ за собою то или другое общественное устройство. Діалектическій матеріализмъ обнаруживаетъ, что такое разсужденіе неудовлетворительно, что вліяніе географической среды сказывается прежде всего и въ сильнѣйшей степени на характерѣ общественныхъ отношеній, которыя, въ свою очередь, безконечно сильнѣе вліяютъ на взгляды людей, на ихъ привычки и даже на ихъ физическое развитіе, чѣмъ, напримѣръ, климатъ. Современная географическая наука (напомнимъ опять книгу Мечникова и предисловіе къ ней Элизе Реклю) вполнѣ соглашается въ этомъ случаѣ съ діалектическимъ матеріализмомъ. Этотъ матеріализмъ есть, конечно, частный случай матеріалистическаго взгляда на исторію. Но онъ полнѣе, всестороннѣе объясняетъ ее, чѣмъ могутъ сдѣлать это остальные «частные случаи». Діалектическій матеріализмъ есть высшее развитіе матеріалистическаго пониманія исторіи.

Гольбахъ говорилъ, что историческая судьба народовъ иногда на цѣлое столѣтіе опредѣляется движеніемъ атома, зашалившаго въ мозгу общественнаго человѣка. Это былъ также матеріалистическій взглядъ на исторію. Но онъ ничего не могъ дать въ смыслѣ объясненія историческихъ явленій. Современный діалектическій матеріализмъ несравненно плодотворнѣе въ этомъ отношеніи. Онъ есть, конечно, частный случай матеріалистическаго взгляда на исторію, но именно тотъ частный случай, который одинъ только и соотвѣтствуетъ современному состоянію науки. Безсиліе гольбаховскаго матеріализма сказалось въ возвращеніи его сторонниковъ къ идеализму: «мнѣнія правятъ міромъ». Діалектическій матеріализмъ выбиваетъ нынѣ идеализмъ изъ его послѣднихъ позицій.

Г. Михайловскому кажется, что послѣдовательнымъ матеріалистомъ былъ бы только тотъ, кто сталъ бы объяснять всѣ явленія съ помощью молекулярной механики. Современный, діалектическій матеріализмъ не можетъ найти механическаго объясненія исторіи. Въ этомъ, если хотите, заключается его слабость. Но умѣетъ ли современная біологія дать механическое объясненіе происхожденію и развитію видовъ?—Не умѣетъ. Это ея слабость. Геній, о которомъ мечталъ Лапласъ, былъ бы, разумѣется, выше

такой слабости. Но мы рѣшительно не знаемъ, когда явится этотъ геній, и довольствуемся такими объясненіями явленій, которыя наилучше соотвѣтствуютъ наукѣ нашего времени. Таковъ н а ш ъ «частный случай».

Діалектическій матеріализмъ говоритъ, что не сознаніе людей опредѣляетъ собою ихъ бытіе, а напротивъ, ихъ бытіе опредѣляетъ собою ихъ сознаніе; что не въ философіи, а въ экономіи даннаго общества надо искать ключа къ пониманію его даннаго состоянія. Г. Михайловскій дѣлаетъ по этому поводу нѣсколько замѣчаній; одно изъ нихъ гласитъ такъ:

«... Въ отрицательныхъ половинахъ (!) основной формулы соціологовъ-матеріалистовъ заключается протестъ или реакція не противъ философіи вообще, а, повидимому, противъ гегельянской. Ей именно принадлежитъ «объясненіе бытія изъ сознанія»... основатели экономическаго матеріализма—гегельянцы и, въ качествѣ таковыхъ, потому такъ настойчиво твердятъ: «не изъ философіи», «не изъ сознанія», что не могутъ, да и не пытаются выбиться изъ круга гегельянской мысли» [1]).

Когда мы прочли эти строки, мы подумали, что здѣсь нашъ авторъ, по примѣру г. Карѣева, подбирается къ «синтезу». Конечно, сказали мы себѣ, синтезъ г. Михайловскаго будетъ нѣсколько выше синтеза г. Карѣева; г. Михайловскій не ограничится повтореніемъ той мысли дьякона въ разсказѣ Г. И. Успенскаго «Неизлѣчимый», что «духъ часть особая» и что «какъ матерія имѣетъ на свою пользу разныя спеціи, такъ равно и духъ ихъ имѣетъ»; но все таки не воздержится отъ синтеза и г. Михайловскій: Гегель—тезисъ; экономическій матеріализмъ—антитезисъ, а эклектизмъ современныхъ русскихъ субъективистовъ—синтезисъ. Какъ не соблазниться подобной «тріадой»? И вотъ мы стали припоминать, каково было дѣйствительное отношеніе исторической теоріи Маркса къ философіи Гегеля.

Прежде всего мы «замѣтили», что у Гегеля историческое движеніе объясняется в о в с е н е в з г л я д а м и л ю д е й, в о в с е н е и х ъ ф и л о с о ф і е й. Взглядами, «мнѣніями» людей объясняли исторію ф р а н ц у з с к і е м а т е р і а л и с т ы XVIII в ѣ к а. Гегель подсмѣивается надъ такимъ объясненіемъ: конечно, говорилъ онъ, разумъ правитъ въ исторіи, но вѣдь онъ же правитъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, а развѣ небесныя свѣтила сознаютъ свое дви-

[1]) Тамъ же, стр. 51 и 52.

женіе? Историческое развитіе человѣчества разумно въ томъ смыслѣ, что оно законосообразно, но законосообразность историческаго движенія вовсе еще не доказываетъ, что послѣдней его причины надо искать во взглядахъ людей, въ ихъ мнѣніяхъ; совершенно напротивъ: эта законосообразность показываетъ, что люди дѣлаютъ свою исторію безсознательно.

Мы не помнимъ, продолжали мы, каковы выходятъ историческіе взгляды Гегеля по «Льюису»; но что мы не искажаемъ ихъ, въ этомъ согласится съ нами всякій, прочитавшій знаменитую «Philosophie der Geschichte». Стало быть, твердя, что не философія людей обуславливаетъ собой ихъ общественное бытіе, сторонники «экономическаго» матеріализма оспариваютъ вовсе не Гегеля; стало быть, въ этомъ отношеніи они никакой антитезы ему не представляютъ. А это значитъ, что неудаченъ будетъ синтезъ г. Михайловскаго, хотя нашъ авторъ и не ограничится повтореніемъ мысли дьякона.

По мнѣнію г. Михайловскаго, твердить, что философія, т. е. взгляды людей не объясняютъ ихъ исторіи, можно было только въ Германіи сороковыхъ годовъ, когда еще не замѣчалось возстанія противъ гегелевской системы. Мы видимъ теперь, что такое мнѣніе основано въ лучшемъ случаѣ только на «Льюисѣ».

Но до какой степени Льюисъ плохо знакомитъ г. Михайловскаго съ ходомъ развитія философской мысли въ Германіи, показываетъ, кромѣ вышеуказаннаго, еще слѣдующее обстоятельство. Нашъ авторъ съ восторгомъ цитируетъ извѣстное письмо Бѣлинскаго, въ которомъ тотъ раскланивается «съ философскимъ колпакомъ» Гегеля. Въ этомъ письмѣ Бѣлинскій говоритъ между прочимъ: «судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т. е. гегелевской Allgemeinheit»). По поводу этого письма г. Михайловскій дѣлаетъ много замѣчаній, но онъ не «замѣчаетъ», что у Бѣлинскаго гегелевская Allgemeinheit припутана совершенно некстати. Г. Михайловскій думаетъ, повидимому, что гегелевская Allgemeinheit есть то же самое, что духъ или абсолютная идея, но Allgemeinheit не составляетъ у Гегеля даже главнаго отличительнаго признака абсолютной идеи. Allgemeinheit занимаетъ у него не болѣе почетное мѣсто, чѣмъ, напримѣръ, Besonderheit или Einzelheit. А вслѣдствіе этого и непонятно, почему именно Allgemeinheit именуется китайскимъ императоромъ и заслуживаетъ, не въ примѣръ другимъ своимъ сестрамъ, предупредительно-насмѣшливаго поклона. Это мо-

жетъ показаться мелочью, недостойною вниманія въ настоящее время, но это не такъ: плохо понятая гегелевская Allgemeinheit до сихъ поръ мѣшаетъ, напримѣръ, г. Михайловскому, понять исторію нѣмецкой философіи,—до такой степени мѣшаетъ, что даже и «Льюисъ» не выручаетъ его изъ бѣды.

По мнѣнію г. Михайловскаго, преклоненіе передъ Allgemeinheit приводило Гегеля къ полному отрицанію правъ личности. «Нѣтъ философской системы,—говоритъ онъ,—которая относилась бы къ личности съ такимъ уничтожающимъ презрѣніемъ и такою (?) холодной жестокостью, какъ система Гегеля» (стр. 55). Это вѣрно развѣ только по «Льюису». Почему Гегель считалъ исторію Востока первой, низшей ступенью въ развитіи человѣчества? Потому, что на Востокѣ не развита была и до сихъ поръ не развита личность. Почему Гегель съ восторгомъ говорилъ о древней Греціи, въ исторіи которой современный человѣкъ чувствуетъ себя, наконецъ, «дома»? Потому, что въ Греціи была развита личность «прекрасная личность», «schöne Individualität»). Почему Гегель съ такимъ восторгомъ говорилъ о Сократѣ? Почему онъ, едва ли не первый изъ историковъ философіи, отдалъ справедливость даже софистамъ? Неужели потому, что пренебрегалъ личностью?

Г. Михайловскій слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ.

Гегель не только не пренебрегалъ личностью, но создалъ цѣлый культъ героевъ, цѣликомъ унаслѣдованный впослѣдствіи Бруно Бауэромъ. У Гегеля герои были орудіями всемірнаго духа, и въ этомъ смыслѣ они сами были несвободны. Бруно Бауэръ возставалъ противъ «духа» и тѣмъ освободилъ «героевъ». У него герои «критической мысли» являются настоящими деміургами исторіи въ противоположность «массѣ», которая хотя и раздражаетъ почти до слезъ героевъ своею непонятливостью и неповоротливостью, но кончаетъ все-таки тѣмъ, что идетъ по пути, проложенному героическимъ самосознаніемъ. Противоположеніе «героевъ массѣ» («толпѣ») перешло отъ Бруно Бауэра къ его русскимъ незаконорожденнымъ дѣтямъ, и мы имѣемъ теперь удовольствіе созерцать его въ статьяхъ г. Михайловскаго. Г. Михайловскій не помнитъ своего философскаго родства; это непохвально.

Итакъ, у насъ неожиданно получились элементы для новаго «синтеза». Гегелевскій культъ героевъ, находящихся въ услуженіи у всемірнаго духа—тезисъ; Бауэровскій культъ героевъ «критической мысли», руководимыхъ лишь своимъ «самосознаніемъ»—антитезисъ; наконецъ, теорія Маркса, примиряющая обѣ крайности,

устраняющая всемірный духъ и объясняющая происхожденіе героическаго самосознанія развитіемъ среды—синтезисъ.

Нашимъ, склоннымъ къ «синтезу», противникамъ надо помнить, что теорія Маркса вовсе не была первой, непосредственной реакціей противъ Гегеля, что этой первой—поверхностной, вслѣдствіе своей односторонности,—реакціей явились въ Германіи взгляды Фейербаха и особенно Бруно Бауэра, съ которымъ нашимъ субъективистамъ давно уже пора родными счесться.

Немало и еще несообразностей наговорилъ г. Михайловскій о Гегелѣ и о Марксѣ въ своей статьѣ противъ г. П. Струве. Мѣсто не позволяетъ намъ перечислить ихъ здѣсь. Мы ограничимся тѣмъ, что предложимъ нашимъ читателямъ слѣдующую интересную задачу.

Данъ г. Михайловскій; дано полное незнаніе имъ Гегеля; дано совершенное непониманіе имъ Маркса; дано его неудержимое стремленіе разсуждать о Гегелѣ, о Марксѣ и объ ихъ взаимномъ отношеніи; спрашивается, сколько еще ошибокъ сдѣлаетъ г. Михайловскій, благодаря этому стремленію?

Но едва ли кому удастся рѣшить эту задачу: это уравненіе со многими неизвѣстными. Есть только одно средство замѣнить въ немъ опредѣленными величинами величины неизвѣстныя: именно надо внимательно читать статьи г. Михайловскаго и замѣчать его ошибки. Дѣло это, правда, невеселое и нелегкое, ошибокъ будетъ очень много, если только г. Михайловскій не отдѣлается отъ своей дурной привычки разсуждать о философіи, не посовѣтовавшись предварительно съ людьми, болѣе его свѣдущими.

Мы не станемъ касаться здѣсь нападокъ г. Михайловскаго на г. П. Струве. Поскольку рѣчь идетъ объ этихъ нападкахъ, г. Михайловскій принадлежитъ отнынѣ автору «Критическихъ замѣтокъ къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», а мы не хотимъ посягать на чужую собственность. Впрочемъ, г. Струве, можетъ быть, извинитъ насъ, если мы позволимъ себѣ сдѣлать два маленькихъ «замѣчанія».

Г. Михайловскій обидѣлся тѣмъ, что г. П. Струве «замахнулся» на него вопросительнымъ знакомъ. До такой степени обидѣлся, что, не ограничившись указаніемъ неправильностей въ языкѣ г. Струве, выбранилъ его инородцемъ и даже вспомнилъ анекдотъ о двухъ нѣмцахъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ: «стригнулся», а другой поправилъ его, утверждая, что по-русски надо говорить «стриговался». По поводу чего же поднялъ г. Струве на г. Михайловскаго руку,

вооруженную вопросительнымъ знакомъ? По поводу словъ: «Современный экономическій порядокъ въ Европѣ началъ складываться еще тогда, когда наука, завѣдующая этимъ кругомъ явленій, не существовала» и т. д. Вопросительный знакъ сопровождаетъ слово «завѣдующая». Г. Михайловскій говоритъ: «По-нѣмецки это можетъ быть не хорошо (какъ зло: по-нѣмецки!), но по-русски, увѣряю васъ, г. Струве, ни въ комъ вопроса не возбуждаетъ и вопросительнаго знака не требуетъ». Пишущій эти строки носитъ чисто русскую фамилію и обладаетъ столь же русскою душою, какъ и г. Михайловскій: самый ехидный критикъ не рѣшится обозвать его нѣмцемъ, и, тѣмъ не менѣе, слово «завѣдующая» въ немъ возбуждаетъ вопросъ. Онъ спрашиваетъ себя: если можно сказать, что наука завѣдуетъ извѣстнымъ кругомъ явленій, то нельзя ли послѣ этого произвести техническія искусства въ начальники особыхъ частей? Нельзя ли сказать, напримѣръ: пробирное искусство командуетъ сплавами? По нашему, это неловко, это придало бы искусствамъ слишкомъ военный видъ, совершенно такъ же, какъ слово: завѣдующая придаетъ наукѣ видъ бюрократа. Стало быть, неправъ г. Михайловскій. Г. П. Струве молча схватилъ вопросительный знакъ; неизвѣстно, какъ поправилъ бы онъ неудачное выраженіе г. Михайловскаго. Допустимъ, что онъ сталъ бы «стриговаться». Но что г. Михайловскій ужъ нѣсколько разъ «стригнулся»,—это, къ сожалѣнію, уже совершившійся фактъ. А, кажется, совсѣмъ не инородецъ!

Г. Михайловскій въ своей статьѣ поднялъ смѣшной шумъ по поводу словъ г. Струве: «нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму». Г. Михайловскій хочетъ изобразить дѣло такъ, какъ будто бы эти слова означали: отдадимъ же производителя въ жертву эксплуататору. Г. П. Струве легко будетъ показать тщету усилій г. Михайловскаго, да ее, вѣроятно, и теперь видитъ всякій, внимательно прочитавшій «Критическія замѣтки». Но г. Струве все-таки очень неосторожно выразился, чѣмъ, вѣроятно, ввелъ въ соблазнъ многихъ простяковъ и обрадовалъ нѣсколькихъ акробатовъ. Впередъ—наука, скажемъ мы г. Струве, а гг. акробатамъ напомнимъ, какъ Бѣлинскій ужъ подъ конецъ своей жизни, когда онъ ужъ давно раскланялся съ «Allgemeinheit», въ одномъ изъ своихъ писемъ высказывалъ ту мысль, что культурное будущее Россіи обезпечитъ только буржуазію. У Бѣлинскаго это была тоже очень неловкая угроза. Но чѣмъ была вызвана его неловкость? Благороднымъ

увлеченіемъ западника. Такимъ же увлеченіемъ причинена, увѣрены мы, и неловкость г. Струве. Шумѣть по ея поводу позволительно только тому, кому нечего возражать, напр., на экономическіе доводы этого писателя.

Ополчился на г. П. Струве и г. Кривенко. У того своя обида. Онъ невѣрно перевелъ отрывокъ изъ одной нѣмецкой статьи г. П. Струве, а тотъ уличилъ его въ этомъ. Г. Кривенко оправдывается, старается показать, что переводъ почти совсѣмъ вѣренъ; но оправданія его неудачны, онъ все таки остается виновнымъ въ искаженіи словъ своего противника. Но взять съ г. Кривенко нечего, въ виду несомнѣннаго его сходства съ нѣкоей птицей, о которой сказано:

Райская птица Сирень,
Гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ,
Когда Господа воспѣваетъ,
Сама себя позабываетъ.

Когда г. Кривенко «учениковъ» пристыжаетъ, онъ самъ себя позабываетъ. Что же вы пристаете къ нему, г. Струве?

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Нѣсколько словъ нашимъ противникамъ.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ снова поднятъ вопросъ о томъ, по какому пути пойдетъ экономическое развитіе Россіи. Объ этомъ вопросѣ говорятъ много и горячо, такъ горячо, что люди, извѣстные въ общежитіи подъ именемъ разсудительныхъ, даже смущаются излишнею будто бы горячностью спорящихъ сторонъ: зачѣмъ волноваться, зачѣмъ бросать противникамъ гордые вызовы и горькіе упреки, зачѣмъ насмѣхаться надъ ними, — говорятъ разсудительные люди,—не лучше ли хладнокровно разсмотрѣть вопросъ, который, дѣйствительно, имѣетъ громадную важность для нашей страны, но именно вслѣдствіе своей громадной важности требуетъ хладнокровнаго обсужденія?

Какъ это всегда было и бываетъ, разсудительные люди правы и неправы въ одно и то же время. Зачѣмъ волнуются и горячатся писатели, принадлежащіе къ двумъ лагерямъ, изъ которыхъ каждый,—что бы тамъ ни говорили его противники,—стремится отстоять, по мѣрѣ пониманія, силъ и возможности, самые важные, самые насущные интересы народа? Повидимому, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы немедленно разрѣшить его разъ навсегда съ помощью двухъ-трехъ сентенцій, годныхъ въ любую пропись: терпимость прекрасная вещь; уважать чужія мнѣнія надо даже тогда, когда они радикально расходятся съ нашими, и т. п... Все это очень справедливо, и давно уже все это «твердили міру». Но не менѣе справедливо и то, что человѣчество горячилось, горячится и будетъ горячиться всякій разъ, когда заходила, заходитъ или зайдетъ рѣчь объ его насущныхъ интересахъ. Такова уже природа человѣка,—сказали бы мы, если бы не знали, какъ часто и какъ сильно злоупотребляли этимъ выраженіемъ. Но это еще не все. Главное въ томъ, что че-

ловѣчеству и нѣтъ основаній сожалѣть о таковой своей «природѣ». Ни одинъ великій шагъ въ исторіи не былъ сдѣланъ безъ помощи страсти, которая, удесятеряя нравственныя силы и изощряя умственныя способности дѣятелей, сама является великой прогрессивной силой. Хладнокровно обсуждаются только такіе общественные вопросы, которые совсѣмъ неважны сами по себѣ или еще не стали очередными вопросами данной страны и данной эпохи, а потому и интересуютъ собою только горсть кабинетныхъ мыслителей. А разъ вышелъ на очередь тотъ или другой великій общественный вопросъ, онъ непремѣнно возбудитъ великія страсти, сколько бы ни кричали о хладнокровіи сторонники умѣренности.

Вопросъ объ экономическомъ развитіи нашей страны есть именно тотъ великій общественный вопросъ, который не можетъ теперь обсуждаться у насъ съ умѣренностью по той простой причинѣ, что онъ сталъ очереднымъ вопросомъ. Это не значитъ, конечно, что только теперь экономія пріобрѣла рѣшающее значеніе въ нашемъ общественномъ развитіи. Ей всегда и вездѣ принадлежало такое значеніе. Но у насъ,—какъ и вездѣ,—это значеніе не всегда сознавалось людьми, интересовавшимися общественными дѣлами, а потому люди эти сосредоточивали силу своей страсти на вопросахъ, касающихся экономіи лишь самымъ отдаленнымъ образомъ. Вспомните хоть наши сороковые годы. Теперь не то. Теперь коренное, великое значеніе экономіи сознается у насъ даже тѣми, которые горячо возстаютъ противъ «узкой» исторической теоріи Маркса. Теперь всѣ мыслящіе люди сознаютъ, что все наше будущее сложится сообразно тому, какъ рѣшится вопросъ нашего экономическаго развитія. Оттого и сосредоточиваютъ на этомъ вопросѣ всю силу своей страсти даже совсѣмъ не «узкіе» мыслители. Но если нельзя намъ теперь обсуждать этотъ вопросъ съ умѣренностью, то и теперь можно и должно заботиться намъ объ отсутствіи распущенности какъ въ опредѣленіи нашихъ собственныхъ мыслей, такъ и въ нашихъ полемическихъ пріемахъ. Противъ этого требованія рѣшительно ничего возразить невозможно. Западные люди прекрасно знаютъ, что серьезная страсть исключаетъ всякую распущенность. Правда, у насъ до сихъ поръ полагаютъ иногда, что страсть и распущенность родныя сестры, но пора же и намъ цивилизоваться.

По части литературныхъ приличій мы цивилизовались, повидимому, ужъ очень значительно, такъ значительно, что нашъ «передовой» человѣкъ, г. Михайловскій, читаетъ нотацію нѣмцамъ (Марксу,

Энгельсу, Дюрингу), у которыхъ въ полемикѣ можно будто бы найти вещи, или совершенно безплодныя, или даже извращающія предметъ и отталкивающія своей грубостью. Г. Михайловскій припоминаетъ замѣчаніе Берне, что нѣмцы всегда «были грубы въ полемикѣ!» «И я боюсь, прибавляетъ онъ, что вмѣстѣ съ другими нѣмецкими вліяніями, къ намъ проникнетъ эта традиціонная нѣмецкая грубость, осложнившись еще собственной дикостью, и полемика превратится въ реплику, влагаемую гр. Толстымъ въ уста царевнѣ по адресу Потока-богатыря:

Шарамыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
Поросенокъ, теленокъ, свинья, эѳіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иного словечка сказать не велитъ
Я тебя, прощелыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала! [1])

Г. Михайловскій не въ первый разъ вспомнилъ здѣсь о неприличной толстовской царевнѣ. Онъ не разъ уже совѣтовалъ русскимъ писателямъ не уподобляться ей въ своей полемикѣ. Совѣтъ, нечего и говорить, прекрасный. Жаль только, что нашъ авторъ самъ не всегда слѣдовалъ ему. Такъ, одного изъ своихъ противниковъ онъ назвалъ, какъ извѣстно, клопомъ, другого—литературнымъ акробатомъ. Свою полемику съ г. де-ла-Серда онъ украсилъ такимъ замѣчаніемъ: «слово la cerda изъ всѣхъ европейскихъ языковъ имѣетъ опредѣленное значеніе только въ испанскомъ и значитъ по-русски свинья». Зачѣмъ оно понадобилось автору—понять довольно трудно.

«Неправда ли, хорошо?»—спрашивалъ по этому поводу г. де-ла-Серда. Дѣйствительно, очень хорошо, и совершенно во вкусѣ толстовской царевны. Только царевна была прямодушнѣе, и, когда ей хотѣлось выругаться, она такъ и кричала: поросенокъ, теленокъ, свинья и т. д., не прибѣгая къ насилію иностранныхъ языковъ, съ цѣлью сказать противнику грубое слово.

При сравненіи г. Михайловскаго съ толстовской царевной оказывается, что онъ, пренебрегая «эѳіопами», «чортовыми дѣтьми» и т. п., налегаетъ, если можно такъ выразиться, на толстокожіе эпитеты. У него вы встрѣтите и «свиней», и «поросятъ», и притомъ

[1]) „Русское Богатство“, 1-я книжка 1895, ст. „Литература и Жизнь“.

поросятъ самыхъ различныхъ: гамлетизированныхъ, зеленыхъ и т. д. Это нѣсколько монотонно, но очень сильно. Вообще, если отъ ругательнаго лексикона толстовской царевны мы обратимся къ такому же лексикону нашего субъективнаго соціолога, то передъ нами, конечно, иной картины красы живыя расцвѣтутъ, но эти красы по своей силѣ и выразительности ни мало не уступятъ полемическимъ красамъ бойкой царевны. «Est modus in rebus, или, по-русски сказать, надо же и честь знать», говоритъ г. Михайловскій. Это какъ нельзя болѣе справедливо, и мы отъ души жалѣемъ, что нашъ маститый соціологъ часто забываетъ объ этомъ. Онъ можетъ трагически воскликнуть о себѣ:

Video meliora, proboque,
Deteriora sequor!

Надо надѣяться, однако, что современемъ цивилизуется и г. Михайловскій, что хорошія намѣренія возьмутъ у него, наконецъ, верхъ надъ «собственною нашею дикостью», и онъ перестанетъ кидать въ своихъ противниковъ «свиньями» и «поросятами». Самъ г. Михайловскій справедливо думаетъ, что la raison finit toujours par avoir raison. Читающая публика не одобряетъ теперь у насъ рѣзкой полемики. Но въ своемъ неодобреніи она смѣшиваетъ рѣзкость съ грубостью, между тѣмъ какъ это далеко не одно и то же. Уже Пушкинъ выяснилъ огромную разницу между рѣзкостью и грубостью.

Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя писать: такой-то де старикъ,
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ, и подлъ—все это будетъ личность.
Но можете печатать, напримѣръ,
Что «господинъ парнасскій старовѣръ
(Въ своихъ статьяхъ), безсмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ».
Тутъ не лицо, а просто литераторъ.

Если вы вздумаете, подобно толстовской царевнѣ или г. Михайловскому, обозвать своего противника «свиньей» или «клопомъ», то это «будетъ личность», а если вы станете доказывать, что такой-то соціологическій или исторіософическій или экономическій старовѣръ, въ своихъ статьяхъ, «трудахъ» или «очеркахъ» отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ и даже... не уменъ, то «тутъ не лицо, а просто литераторъ», тутъ будетъ рѣзкость, а не грубость. Вы можете, конечно, ошибиться въ своемъ приговорѣ, и ваши противники

хорошо сдѣлаютъ, если обнаружатъ вашу ошибку. Но обвинять васъ они будутъ имѣть право только въ ошибкѣ, а вовсе не въ рѣзкости, потому что безъ такихъ рѣзкостей не можетъ обойтись развитіе литературы. Если бы литература вздумала обходиться безъ нихъ, то она немедленно превратилась бы, по выраженію Бѣлинскаго, въ льстивую повторяльщицу избитыхъ мѣстъ, чего ей могутъ пожелать только ея недруги. Разсужденіе г. Михайловскаго о традиціонной нѣмецкой грубости и о нашей собственной дикости вызвано было «интересной книгой» г. Н. Бельтова: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Г. Бельтова многіе обвиняли въ излишней рѣзкости. Такъ, напримѣръ, по поводу его книги рецензентъ «Русской Мысли» говорилъ: «Не раздѣляя односторонней, по нашему мнѣнію, теоріи экономическаго матеріализма, мы готовы были бы въ интересахъ и науки, и нашей общественной жизни привѣтствовать представителей этой теоріи, если бы нѣкоторые изъ нихъ (гг. Струве и Бельтовъ) не вносили въ свою полемику черезчуръ большихъ рѣзкостей, если бы они не издѣвались надъ писателями, труды которыхъ заслуживаютъ уваженія!»

Это написано въ той самой «Русской Мысли», которая еще недавно называла сторонниковъ экономическаго матеріализма «фаршированными головами» и которая объявила книгу г. П. Струве продуктомъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію. «Русская Мысль» не любитъ черезчуръ большихъ рѣзкостей и потому, какъ видитъ читатель, она отзывалась о сторонникахъ экономическаго матеріализма съ большой мягкостью. Теперь она уже готова, въ интересахъ науки и нашей общественной жизни, привѣтствовать представителей этой теоріи. Зачѣмъ же привѣтствовать ихъ? Много ли сдѣлаютъ для общественной жизни фаршированныя головы? Много ли выиграетъ наука отъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію? Намъ думается, что боязнь черезчуръ большихъ рѣзкостей заводитъ «Русскую Мысль» слишкомъ далеко и заставляетъ ее говорить вещи, благодаря которымъ читатели могутъ заподозрить ее самое въ неумѣніи переварить кое-что и въ нѣкоторой неспособности къ логическому мышленію.

У г. П. Струве совсѣмъ нѣтъ никакихъ рѣзкостей (мы уже не говоримъ о черезчуръ большихъ), а у г. Бельтова, если и есть рѣзкости, то лишь такія, о которыхъ, навѣрное, Пушкинъ сказалъ бы, что онѣ затрагиваютъ только литераторовъ, и что поэтому къ нимъ прибѣгать вполнѣ позволительно. Рецензентъ «Русской Мысли»

полагаетъ, что труды тѣхъ писателей, надъ которыми смѣется г. Бельтовъ, заслуживаютъ уваженія. Если бы г. Бельтовъ раздѣлялъ такое мнѣніе, то съ его стороны, конечно, не хорошо было бы смѣяться надъ ними. Ну, а что если онъ убѣжденъ въ противномъ? Что если «труды» этихъ господъ кажутся ему и скучноватыми, и тяжеловатыми, и совершенно безсодержательными, и даже очень вредными въ настоящее время, когда усложнившаяся общественная жизнь требуетъ новыхъ усилій мысли отъ всѣхъ тѣхъ, кто не смотритъ на міръ, по выраженію Гоголя, «ковыряя въ носу». Рецензенту «Русской Мысли» эти писатели кажутся, можетъ быть, настоящими свѣточами, спасательными маяками. Ну, а что, если г. Бельтовъ считаетъ ихъ гасильниками и усыпителями? Рецензентъ скажетъ, что г. Бельтовъ ошибается. Это его право; но это свое мнѣніе рецензентъ долженъ доказать, а не довольствоваться простымъ осужденіемъ «черезчуръ большой рѣзкости». Какого мнѣнія рецензентъ о Гречѣ и Булгаринѣ? Мы увѣрены, что если бы онъ высказалъ его, то извѣстная часть нашей печати нашла бы его черезчуръ рѣзкимъ. Значило ли бы это, что г. рецензентъ «Русской Мысли» не имѣетъ права откровенно высказать свой взглядъ на литературную дѣятельность Греча и Булгарина? Мы не ставимъ, конечно, на одну доску съ Гречемъ и Булгаринымъ людей, съ которыми спорятъ г.г. П. Струве и Н. Бельтовъ. Но мы спрашиваемъ рецензента «Русской Мысли», почему литературныя приличія позволяютъ высказать рѣзкое мнѣніе о Гречѣ и Булгаринѣ, но запрещаютъ поступить такъ по отношенію къ г.г. Михайловскому и Карѣеву? Г. рецензентъ думаетъ, какъ видно, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ и что, поэтому, кошка заслуживаетъ, не въ примѣръ прочимъ звѣрямъ, особенно почтительнаго обращенія. Но вѣдь въ этомъ позволительно усомниться. Мы вотъ, напримѣръ, думаемъ, что субъективная кошка—звѣрь не только не очень сильный, но даже весьма значительно выродившійся, а потому никакого особаго почтенія и не заслуживающій. Мы готовы спорить съ рецензентомъ, если онъ не согласенъ съ нами, но прежде, чѣмъ вступить съ нимъ въ споръ, мы попросимъ его хорошенько выяснить себѣ ту разницу, которая несомнѣнно существуетъ между рѣзкостью сужденія и грубостью выраженія. Г.г. Струве и Бельтовъ высказали сужденія, которыя очень многимъ могли показаться рѣзкими. Но позволилъ ли себѣ хоть одинъ изъ нихъ прибѣгнуть, для защиты своихъ мнѣній, къ той грубой брани къ какой прибѣгалъ не разъ въ своихъ литера-

турныхъ стычкахъ г. Михайловскій, этотъ настоящій Miles Gloriosus нашей «передовой» литературы? Ни одинъ изъ нихъ себѣ этого не позволилъ, и рецензентъ «Русской Мысли» самъ отдастъ имъ эту справедливость, если вдумается въ указанную нами разницу между рѣзкостью сужденія и грубостью выраженія.

Кстати, о рецензентѣ «Русской Мысли». Онъ говоритъ: «г. Бельтовъ, по меньшей мѣрѣ, безъ церемоніи расточаетъ обвиненія въ томъ, что такой-то писатель говоритъ о Марксѣ, не прочитавши его сочиненій, осуждаетъ гегелевскую философію, не познакомившись съ нею самостоятельно, и т. п. Не мѣшаетъ, конечно, при этомъ не дѣлать самому промаховъ, въ особенности по самымъ существеннымъ вопросамъ. А г. Бельтовъ именно о Гегелѣ говоритъ совершенный вздоръ: «Если современное естествознаніе,—читаемъ мы на стр. 86 названной книги,—на каждомъ шагу подтверждаетъ геніальную мысль Гегеля о переходѣ количества въ качество, то можно ли сказать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ гегеліанствомъ». Но бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное: у него качество переходитъ въ количество.»—Если бы намъ пришлось характеризовать это представленіе г. рецензента о философіи Гегеля, то наше сужденіе, навѣрное, показалось бы ему «черезчуръ рѣзкимъ». Но вина была бы не наша. Мы можемъ увѣрить г. рецензента, что объ его философскихъ свѣдѣніяхъ произнесли очень рѣзкія сужденія всѣ тѣ, которые прочитали его рецензію и которые хоть немного знакомы съ исторіей философіи.

Нельзя, конечно, требовать отъ всякаго журналиста серьезнаго философскаго образованія, но можно требовать отъ него, чтобъ онъ не позволялъ себѣ судить о вещахъ, ему неизвѣстныхъ. Въ противномъ случаѣ, о немъ всегда будутъ отзываться очень «рѣзко» люди, знающіе дѣло.

Въ первой части Энциклопедіи Гегеля, въ прибавленіи къ параграфу 108, о мѣрѣ, сказано: «качество и количество еще различаются и не совершенно тожественны. Вслѣдствіе того, оба эти опредѣленія до нѣкоторой степени независимы одно отъ другого, такъ что, съ одной стороны количество можетъ измѣняться, безъ измѣненія качества предмета, но, съ другой стороны, его увеличеніе и уменьшеніе, къ которому предметъ первоначально равнодушенъ, имѣетъ границу, и при переступленіи этой границы качество измѣняется. Такъ, напримѣръ, различная температура воды сначала не оказываетъ вліянія на ея капельно-жидкое состояніе

но при дальнѣйшемъ увеличеніи или уменьшеніи ея температуры наступаетъ точка, когда это состояніе сцѣпленія измѣняется качественно и вода превращается въ паръ или въ ледъ. Сначала кажется, будто измѣненіе количества не оказываетъ никакого вліянія на существенную природу предмета, но за нимъ скрывается что-то другое и это повидимому безхитростное измѣненіе количества, неизмѣнное для самаго предмета, измѣняетъ его качество.» [1]).

«Бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное!» Вы и теперь думаете, что бѣда именно въ этомъ, г. рецензентъ? [2]). Или, можетъ быть, вы теперь измѣнили свое мнѣніе по этому предмету? А если измѣнили, то въ чемъ же бѣда въ настоящее время? Мы сказали бы вамъ, въ чемъ, да боимся, что вы обвините насъ въ излишней рѣзкости.

Повторяемъ, отъ каждаго журналиста нельзя требовать знанія исторіи философіи. Поэтому, бѣда, въ которую попалъ г. рецензентъ «Русской Мысли», не столь уже велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Но «бѣда въ томъ», что эта бѣда г. рецензента не послѣдняя. Вторая бѣда его горше первой: онъ не далъ себѣ труда прочитать ту книгу, о которой писалъ свой отзывъ.

На стр. 75—76 своей книги (стр. 65—66 наст. изданія) г. Бельтовъ дѣлаетъ довольно длинную выписку изъ большой Логики Гегеля (Wissenschaft der Logik). Вотъ начало этой выписки: «Измѣненія бытія состоятъ не только въ томъ, что одно количество переходитъ въ другое количество, но также и въ томъ, что качество переходитъ въ количество и наоборотъ, и т. д.» (стр. 75).

Если бы г. рецензентъ прочиталъ хоть эту выписку, онъ не попалъ бы въ бѣду, ибо тогда онъ не «утверждалъ» бы, что «Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное».

Мы знаемъ, какъ пишется въ русской,—да, къ сожалѣнію, и не только въ русской,—литературѣ большинство рецензій. Рецензентъ перелистываетъ книгу, быстро пробѣгая въ ней, положимъ, каждую десятую, двадцатую страницу и отмѣчая мѣста, какъ ему кажется, наиболѣе характерныя. Затѣмъ онъ выписываетъ эти мѣста, сопро-

---

[1]) Цитируемъ по рус. переводу г. В. Чижова (стр. 191—192).

[2]) Въ третьей книжкѣ „Русской Мысли“ г. рецензентъ продолжаетъ отстаивать свое мнѣніе, при чемъ совѣтуетъ несогласно мыслящимъ взглянуть „хоть“ въ рус. переводъ Исторіи новой философіи Ибервега—Гейнце. Почему бы г. рецензенту не заглянуть „хоть“ въ самого Гегеля?

вождая ихъ выраженіемъ своего порицанія или одобренія: онъ «недоумѣваетъ», «очень сожалѣетъ» или «отъ души привѣтствуетъ»—и дѣло кончено, рецензія готова. Можно представить себѣ, сколько вздору печатается такимъ образомъ, особенно если (какъ это нерѣдко случается) рецензентъ не имѣетъ никакого понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ разбираемой имъ книгѣ!

Намъ и въ голову не приходитъ совѣтовать гг. рецензентамъ совсѣмъ отдѣлаться отъ этой дурной привычки: горбатаго исправитъ могила. Но, все-таки, имъ слѣдовало бы хоть немного серьезнѣе относиться къ своему дѣлу тамъ, гдѣ,—какъ, напр., въ спорѣ объ экономическомъ развитіи Россіи,—рѣчь идетъ о важнѣйшихъ интересахъ нашей родины. Неужели они и тутъ будутъ продолжать съ легкимъ сердцемъ сбивать съ толку читающую публику своими легкомысленными отзывами? Надо же и честь знать, какъ справедливо заключаетъ г. Михайловскій.

Г. Михайловскому тоже не нравятся полемическіе пріемы г. Бельто ва: «г. Бельтовъ человѣкъ талантливый,—говоритъ онъ,—и не лишенный остроумія, но оно, къ сожалѣнію, часто переходитъ у него въ непріятное шутовство». Почему же въ шутовство? И кому собственно непріятно это мнимое шутовство г. Бельтова?

Когда въ шестидесятыхъ годахъ «Современникъ» осмѣивалъ, положимъ, Погодина, то Погодину, навѣрное, казалось, что этотъ журналъ вдавался въ непріятное шутовство. Да и не одному Погодину казалось это, а всѣмъ, кто привыкъ почитать московскаго историка. Мало-ли нападали у насъ тогда на «рыцарей свистопляски»? Мало-ли возмущались «мальчишескими выходками свистуновъ»? А вотъ, по нашему мнѣнію, блестящее остроуміе «свистуновъ» никогда въ непріятное шутовство не переходило; если люди, осмѣянные ими, думали иначе, то лишь по той человѣческой слабости, въ силу которой Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ находилъ, что «слишкомъ длинно» было то письмо, гдѣ его называли въ «сильнѣйшей степени моветономъ».

— Ахъ, вотъ оно что! Такъ вы хотите сказать, что г. Бельтовъ обладаетъ остроуміемъ Добролюбова и его сотрудниковъ по «Свистку»! Это мило!—восклицаютъ люди, которымъ «несимпатичны» полемическіе пріемы г. Бельтова.

Погодите, господа. Мы не сравниваемъ г. Бельтова со «свистунами» шестидесятыхъ годовъ; мы говоримъ только, что не г. Михайловскому судить о томъ, переходитъ-ли и гдѣ именно пере-

ходитъ въ непріятное шутовство остроуміе г. Бельтова. Кто же можетъ быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ?

Но г. Михайловскій упрекаетъ г. Бельтова не только въ «непріятномъ шутовствѣ». Онъ возводитъ на него очень серьезное обвиненіе. Чтобы читатель могъ легче разобрать—въ чемъ дѣло, мы предоставимъ г. Михайловскому изложить это обвиненіе своими собственными словами.

«Въ одной изъ своихъ статей въ «Русской Мысли» я вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. И. Зибером ъ и сообщилъ, между прочимъ, что этотъ почтенный ученый въ разговорахъ о судьбахъ капитализма въ Россіи «употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія». Приведя эти мои слова, г. Бельтовъ пишетъ: «Намъ приходилось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ и ни разу не слышали мы отъ него ссылокъ на діалектическое развитіе; онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно и показаніе г. Михайловскаго неопровержимо»!.. Я скажу иначе: на мертвыхъ не всегда все валить можно, и показаніе г. Бельтова вполнѣ опровержимо...

«Въ 1879 г. въ журналѣ «Слово» была напечатана статья Зибера, озаглавленная: «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ». Статья эта (неоконченная) представляетъ собой пересказъ, даже почти сплошной переводъ книги Энгельса «Herrn Dühring's Umwälzung der Wissenschaft». Ну, а переведя эту книгу, остаться въ «совершенной неизвѣстности о значеніи Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи»,—довольно-таки мудрено не только для Зибера, а даже для Потока-богатыря, въ вышеприведенной полемической характеристикѣ царевны. Это, я думаю, для самого г. Бельтова понятно. Но на всякій случай приведу все-таки нѣсколько строкъ изъ маленькаго предисловія Зибера. «Книга Энгельса заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ въ виду послѣдовательности и дѣльности приводимыхъ въ ней философскихъ и общественно-экономическихъ понятій, такъ и потому, что для объясненія практическаго приложенія метода діалектическихъ противорѣчій она даетъ рядъ новыхъ иллюстрацій и фактическихъ примѣровъ, которые не мало способствуютъ ближайшему ознакомленію съ этимъ столь сильно прославляемымъ и въ то же время столь сильно унижаемымъ способомъ изслѣдованія истины. Можно сказать, повидимому, что въ первый

еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ такъ называемая діалектика, она является глазамъ читателя въ такомъ реальномъ освѣщеніи».

«Итакъ, Зиберу было извѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи; Зиберъ былъ очень заинтересованъ «методомъ діалектическихъ противорѣчій». Такова истина, документально засвидѣтельствованная и вполнѣ разрѣшающая пикантный вопросъ о томъ, кто лжетъ за двухъ» [1]).

Истина, особенно истина документально засвидѣтельствованная, прекрасное дѣло!.. Въ интересахъ той же истины мы нѣсколько продолжимъ выписку, сдѣланную г. Михайловскимъ изъ статьи Н. Зибера «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ».

Какъ разъ за тѣми словами, которыми заканчивается эта выписка у г. Михайловскаго, у Зибера слѣдуетъ такое замѣчаніе: «Впрочемъ, мы, съ своей стороны, воздержимся отъ сужденія о точности этого метода въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія, а также и о томъ, представляетъ ли онъ собою или не представляетъ,—насколько ему можетъ быть придаваемо дѣйствительное значеніе—простое видоизмѣненіе или даже прототипъ метода теоріи эволюціи или всеобщаго развитія. Именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ разсматриваетъ его авторъ или, по меньшей мѣрѣ, старается указать на подтвержденіе его при помощи тѣхъ истинъ, которыя достигнуты эволюціонною теорію, и нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи, здѣсь открывается значительное сходство».

Какъ видимъ, покойный русскій экономистъ, даже и переведя книгу Энгельса «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft», всетаки остался въ неизвѣстности насчетъ значенія Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи и даже вообще насчетъ годности діалектики въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія. По крайней мѣрѣ, онъ не хотѣлъ судить о ней. Вотъ мы и спрашиваемъ: вѣроятно-ли, чтобы этотъ самый Зиберъ, который вообще совсѣмъ не рѣшался судить о годности діалектики, въ спорахъ съ г. Михайловскимъ «при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго діалектическаго развитія»? Почему же это именно только въ этихъ случаяхъ Зиберъ измѣнялъ свой, обыкновенно рѣшительный взглядъ на діалектику? Ужъ не потому ли, что слишкомъ велика была для него «опасность» быть

---

[1]) „Р. Бог". 1895 г., январь. Отд. II, стр. 140—141.

разбитымъ его страшнымъ противникомъ? Врядъ ли поэтому! Кому-кому другому, а Зиберу, обладавшему очень серьезными знаніями, такой противникъ едва ли былъ «опасенъ».

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная это вещь истина, документально засвидѣтельствованная! Г. Михайловскій совершенно правъ, говоря, что она вполнѣ разрѣшаетъ пикантный вопросъ, кто лжетъ за двухъ!

Но если воплотившійся въ лицѣ кое-кого «русскій духъ» несомнѣнно прибѣгаетъ къ искаженію истины, то онъ не довольствуется однократнымъ искаженіемъ ея за двухъ; онъ за одного покойника Зибера искажаетъ ее д в а ж д ы: одинъ разъ, когда увѣряетъ, что Зиберъ прятался подъ сѣнь тріады, а другой,—когда съ удивительной развязностью ссылается на то самое вступленіе, которое какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, что правъ г. Бельтовъ.

Эхъ, г. Михайловскій, г. Михайловскій!

«Мудрено остаться въ неизвѣстности насчетъ значенія Гегеля въ развитіи экономіи, переведя книгу Энгельса «Duhring's Umwälzung», —восклицаетъ г. Михайловскій. Будто бы такъ мудрено? По нашему, вовсе нѣтъ. Переведя названную книгу, Зиберу дѣйствительно мудрено было бы остаться въ неизвѣстности на счетъ м н ѣ н і я Э н г е л ь с а (и, разумѣется, Маркса) о з н а ч е н і и Г е г е л я в ъ р а з в и т і и н а з в а н н о й н а у к и. Это мнѣніе Зиберу было извѣстно, какъ это разумѣется само собой и какъ это слѣдуетъ изъ его предисловія. Но Зиберъ могъ не довольствоваться ч у ж и м ъ м н ѣ н і е м ъ. Какъ серьезный ученый, не полагающійся на чужія мнѣнія, а привыкшій изучать предметъ по первымъ источникамъ, онъ, знавшій мнѣніе Энгельса о Гегелѣ, еще не считалъ себя въ правѣ сказать: «я знаю Гегеля и его роль въ исторіи развитія научныхъ понятій». Г. Михайловскому, можетъ быть, непонятна такая скромность ученаго; онъ, по его собственнымъ словамъ, «не имѣетъ претензій» знать философію Гегеля, а между тѣмъ, онъ очень развязно разсуждаетъ о ней. Но quod licet bovi, non licet jovi. Г. Михайловскій, бывшій всю жизнь не чѣмъ инымъ, какъ бойкимъ фельетонистомъ, обладаетъ развязностью, присвоенною по штату людямъ этого званія. Но онъ позабылъ, какая разница существуетъ между нимъ и людьми науки. Благодаря этому забвенію, онъ и рѣшился говорить вещи, изъ которыхъ ясно слѣдуетъ, что извѣстный «духъ «непремѣнно» лжетъ за двухъ».

Эхъ, г. Михайловскій, г. Михайловскій!

Да и за двухъ ли только «духъ» искажаетъ этотъ почтенный

истину? Читатель помнитъ, можетъ быть, исторію «пропущеннаго» г. Михайловскимъ «момента цвѣтенія». Пропускъ этого «цвѣтенія» имѣетъ «важное значеніе»: онъ показываетъ, что истина искажена также и за Энгельса. Почему г. Михайловскій ни единымъ словомъ не обмолвился объ этой поучительной исторіи?

Эхъ, г. Михайловскій, г. Михайловскій!

А знаете-ли что? Вѣдь, можетъ быть, «русскій духъ» и не искажаетъ истины; можетъ быть, онъ, бѣдный, говоритъ чистѣйшую правду. Вѣдь чтобы оставить внѣ всякаго подозрѣнія его правдивость, стоитъ только предположить, что Зиберъ просто подшутилъ надъ молодымъ писателемъ, пугнувъ его «тріадой». Оно и похоже на правду: г. Михайловскій увѣряетъ, что Зиберъ былъ знакомъ съ діалектическимъ методомъ; какъ человѣкъ, знакомый съ этимъ методомъ, Зиберъ долженъ былъ прекрасно понимать, что пресловутая тріада никогда роли довода у Гегеля не играла. Наоборотъ, г. Михайловскій, какъ человѣкъ незнакомый съ Гегелемъ, могъ высказать въ разговорѣ съ Зибером ту, впослѣдствіи не разъ высказанную имъ, мысль, что вся аргументація Гегеля и гегельянцевъ сводилась къ ссылкамъ на тріаду. Зиберу это должно было показаться забавнымъ и вотъ онъ сталъ поддразнивать тріадой горячаго, но несвѣдующаго молодого человѣка. Разумѣется, если бы Зиберъ предвидѣлъ, въ какое печальное положеніе попадетъ современемъ его собесѣдникъ, благодаря его шуткѣ, то онъ непремѣнно воздержался бы отъ нея. Но этого онъ предвидѣть не могъ, а потому и позволилъ себѣ подшутить надъ г. Михайловскимъ. Правдивость этого послѣдняго не подлежитъ сомнѣнію, если справедливо это наше предположеніе. Пусть г. Михайловскій пороется въ своей памяти: можетъ быть, онъ припомнитъ какое нибудь обстоятельство, показывающее, что наше предположеніе не совсѣмъ неосновательно. Съ своей стороны, мы всей душой рады были бы услышать о такомъ обстоятельствѣ, спасающемъ честь «русскаго духа». Порадуется, конечно, и г. Бельтовъ.

Г. Михайловскій большой забавникъ! Онъ очень недоволенъ г. Бельтовымъ, который позволилъ себѣ сказать, что въ «новыхъ словахъ» нашего субъективнаго соціолога «русскій умъ и русскій духъ зады твердитъ и лжетъ за двухъ». Г. Михайловскій полагаетъ, что если г. Бельтовъ и не отвѣтственъ за содержаніе цитаты, то его все-таки можно было бы признать отвѣтственнымъ за ея выборъ. Только грубость нашихъ полемическихъ нравовъ вынуждаетъ нашего почтеннаго соціолога сознаться, что подобный упрекъ г. Бельтову

былъ бы излишней тонкостью. Но откуда взялъ эту «цитату» г. Бельтовъ? Онъ взялъ ее у Пушкина. Евгеній Онѣгинъ былъ того мнѣнія, что во всей нашей журналистикѣ русскій умъ и русскій духъ зады твердитъ и лжетъ за двухъ. Можно ли признать Пушкина отвѣтственнымъ за столь рѣзкое мнѣніе его героя? До сихъ поръ, какъ мы знаемъ, никто не думалъ, что—да, хотя весьма вѣроятно, что Онѣгинъ выражалъ собственное мнѣніе великаго поэта. А вотъ теперь г Михайловскій хотѣлъ бы сдѣлать г. Бельтова отвѣтственнымъ за то, что тотъ не находитъ въ сочиненіяхъ его, г. Михайловскаго, ничего, кромѣ повторенія задовъ и «лжи за двухъ». Почему же это такъ? Почему нельзя примѣнить эту «цитату» къ трудамъ нашего соціолога? Вѣроятно потому, что эти труды въ глазахъ этого соціолога заслуживаютъ гораздо болѣе почтительнаго отношенія. Но вѣдь «объ этомъ можно спорить», скажемъ мы словами г. Михайловскаго.

«Собственно, въ этомъ мѣстѣ ни въ какой лжи г. Бельтовъ меня не уличаетъ,—говоритъ г. Михайловскій,—онъ просто такъ, взболтнулъ, чтобы горячее вышло, и цитатой, какъ фиговымъ листкомъ, прикрылся» (стр. 140). Почему же «сболтнулъ», а не «высказалъ свое твердое убѣжденіе»? Каковъ смыслъ предложенія: г. Михайловскій въ своихъ статьяхъ зады твердитъ и лжетъ за двухъ? Оно значитъ, что г. Михайловскій высказываетъ лишь старыя, давно опровергнутыя на западѣ мнѣнія и, высказывая ихъ, къ ошибкамъ западныхъ людей прибавляетъ свои собственныя, доморощенныя. Неужели, выражая подобный взглядъ на литературную дѣятельность г. Михайловскаго, непремѣнно надо прикрываться фиговымъ листкомъ? Г. Михайловскій убѣжденъ, что можно только «сболтнуть» подобное мнѣніе, что оно не можетъ быть плодомъ серьезной и вдумчивой оцѣнки. Но объ этомъ можно спорить, скажемъ мы еще разъ его собственными словами.

Пишущій эти строки совершенно хладнокровно и обдуманно, не имѣя нужды ни въ какихъ фиговыхъ листкахъ, заявляетъ, что, по его убѣжденію, очень невысокое мнѣніе о «работахъ» г. Михайловскаго есть начало всякой премудрости.

Но если, говоря о «русскомъ духѣ», г. Бельтовъ ни въ какой лжи г. Михайловскаго не уличаетъ, то зачѣмъ же нашъ «соціологъ» придрался именно къ «цитатѣ», начиная несчастный инцидентъ съ Зиберомъ? Вѣроятно затѣмъ, чтобы «горячее вышло». Въ дѣйствительности, ничего горячаго пріемы подобнаго рода въ себѣ не заключаютъ, но есть люди, которымъ они кажутся очень горячими. Въ одномъ изъ очерковъ Г. И. Успенскаго чиновница ссорится съ

дворникомъ. Дворникъпроизноситъ слово подлѣ. «Какъ! я подлая?» —кричитъ чиновница,—«я тебѣ покажу, у меня сынъ въ Польшѣ служитъ», и т. д. Подобно чиновницѣ, г. Михайловскій, ухватившись за отдѣльное слово, поднимаетъ горячій крикъ: «я лгу за двухъ, вы смѣли усомниться въ моей правдивости, да я васъ самого сейчасъ уличу во лжи за многихъ! Посмотрите, что вы наговорили о Зиберѣ»! Мы смотримъ, что сказалъ о Зиберѣ г. Бельтовъ, и видимъ, что сказалъ онъ истинную правду. Die moral von der geschichte— та, что излишняя горячность ни чиновницъ, ни г. Михайловскаго ни къ чему доброму привести не можетъ.

Г. Бельтовъ предпринялъ показать, что окончательное торжество матеріалистическаго монизма установлено такъ называемой теоріей экономическаго матеріализма въ исторіи, каковая теорія находится, дескать, въ тѣснѣйшей связи съ «общефилософскимъ матеріализмомъ». Съ этою цѣлью г. Бельтовъ дѣлаетъ экскурсію въ исторію философіи. О степени безпорядочности и неполноты этой экскурсіи можно судить уже по названіямъ главъ, ей посвященныхъ: «Французскій матеріализмъ XVIII вѣка», «Французскіе историки временъ реставраціи», «Утописты», «Идеалистическая нѣмецкая философія», «Современный матеріализмъ» (стр. 146). Г. Михайловскій опять горячится безъ всякой надобности и опять его горячность ни къ чему доброму не приводитъ. Если-бъ г. Бельтовъ писалъ хотя бы краткій очеркъ исторіи философіи, то, дѣйствительно, безпорядочна и непонятна была бы та экскурсія, въ которой онъ отъ французскаго матеріализма XVIII вѣка переходитъ къ французскимъ историкамъ временъ реставраціи; отъ этихъ историковъ къ утопистамъ, отъ утопистовъ къ нѣмецкимъ идеалистамъ и т. д. Но въ томъ то и дѣло, что г. Бельтовъ никакой исторіи философіи не писалъ. На первой же страницѣ своей книги онъ заявилъ, что намѣренъ сдѣлать краткій очеркъ того ученія, которое неправильно называется экономическимъ матеріализмомъ. Онъ нашелъ нѣкоторые слабые зародыши этого ученія у французскихъ матеріалистовъ и показалъ, что эти зародыши въ значительной степени развились у французскихъ историковъ-спеціалистовъ временъ реставраціи; затѣмъ онъ обратился къ людямъ, которые, не бывъ историками по своей спеціальности, все-таки должны были много думать о важнѣйшихъ вопросахъ историческаго развитія человѣчества, т. е. къ утопистамъ и нѣмецкимъ философамъ. Онъ далеко не перечислилъ всѣхъ матеріалистовъ XVIII вѣка, всѣхъ историковъ временъ реставраціи, всѣхъ утопистовъ и всѣхъ идеалистовъ-діалектиковъ этой эпохи. Но онъ указалъ на самыхъ

главныхъ изъ нихъ, на тѣхъ, которые болѣе другихъ сдѣлали по интересующему его предмету. Онъ показалъ, что всѣ эти люди, такъ богато одаренные и такъ много знавшіе, путались въ противорѣчіяхъ, изъ которыхъ единственнымъ логическимъ выводомъ являлась историческая теорія Маркса. Словомъ, il prenait son bien ou il le trouvait. Что можно возразить противъ такого пріема? И почему онъ не нравится г. Михайловскому?

Если г. Михайловскій не только прочиталъ соч. Энгельса «Ludwig Feierbach» и «Dühring's Umwälzung», но и,—что самое главное,—понялъ ихъ, то онъ и самъ знаетъ, какое значеніе въ развитіи идей Маркса и Энгельса имѣли взгляды французскихъ матеріалистовъ прошлаго столѣтія, французскихъ историковъ временъ реставраціи, утопистовъ и идеалистовъ-діалектиковъ. Г. Бельтовъ оттѣнилъ это значеніе, сдѣлавъ краткую характеристику наиболѣе существенныхъ въ этомъ случаѣ взглядовъ тѣхъ и другихъ, третьихъ и четвертыхъ. Г. Михайловскій презрительно пожимаетъ плечами по поводу этой характеристики, ему не нравится планъ г. Бельтова. Мы замѣтимъ на это, что всякій планъ хорошъ, если съ помощью его авторъ достигаетъ своей цѣли. А что цѣль г. Бельтова была достигнута, этого не отрицаютъ, насколько мы знаемъ, даже его противники.

Г. Михайловскій продолжаетъ:

«Г. Бельтовъ говоритъ и о французскихъ историкахъ и о французскихъ «утопистахъ», оцѣнивая тѣхъ и другихъ въ мѣру ихъ пониманія или непониманія экономики, какъ фундамента общественнаго зданія. Страннымъ однако образомъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ при этомъ о Луи-Бланѣ, хотя одного предисловія въ Histoire de dix ans достаточно, чтобы предоставить ему почетное мѣсто въ ряду первоучителей такъ называемаго экономическаго матеріализма. Конечно, тутъ много такого, съ чѣмъ г. Бельтовъ согласиться не можетъ, но тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще многое, что позже вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ. Я потому отмѣчаю этотъ пробѣлъ, что онъ, во-первыхъ, и самъ по себѣ удивителенъ, и намекаетъ на какія-то побочныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ» (стр. 150).

Г. Бельтовъ говорилъ о предшественникахъ Маркса, Луи-Бланъ же былъ скорѣе его современникомъ. Правда, Historie de dix ans вышла въ то время, когда историческіе взгляды

Маркса еще не окончательно сложились. Но сколько нибудь рѣшительнаго вліянія на ихъ судьбу эта книга не могла имѣть уже по той причинѣ, что точка зрѣнія Луи-Блана на внутреннія пружины общественнаго развитія не заключила въ себѣ рѣшительно ничего новаго, сравнительно со взглядами, напримѣръ, Огюстэна Тьери или Гизо. Совершенно вѣрно, что «тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика» и т. д. Но все это было уже и у Тьери, и у Гизо, и у Минье, какъ это неопровержимо показалъ г. Бельтовъ. Гизо, стоявшій на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ, сочувствовалъ борьбѣ буржуазіи противъ аристократіи, но очень враждебно отнесся къ только что начинавшейся въ его время борьбѣ рабочаго класса съ буржуазіей. Луи-Бланъ сочувствовалъ этой борьбѣ [1]). Въ этомъ онъ расходился съ Гизо. Но это разногласіе было совсѣмъ не существенно. Оно не вносило ничего новаго во взгляды Луи-Блана на «экономику, какъ скрытую пружину политики» [2]).

Луи-Бланъ, какъ и Гизо, сказалъ бы, что политическія конституціи коренятся въ соціальномъ бытѣ народа, а соціальный бытъ опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ отношеніями собственности, но откуда берутся отношенія собственности,—это было такъ же мало извѣстно Луи-Блану, какъ и Гизо. Вотъ почему Луи-Бланъ, какъ и Гизо, не смотря на свою «экономику», вынужденъ былъ вернуться къ идеализму. Что въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ онъ былъ идеалистомъ, это извѣстно всякому, даже не бывшему въ семинаріи [3]).

Въ то время, какъ появилась «Histoire de dix ans», очереднымъ вопросомъ общественной науки былъ «позже» разрѣшенный Марксомъ вопросъ о томъ,—откуда же берутся отношенія собственности? Луи-Бланъ ничего не сказалъ новаго на этотъ счетъ. Естественно предположить, что именно потому и не сказалъ

---

[1]) Да и то на свой особый ладъ, вслѣдствіе чего Луи-Бланъ и игралъ такую жалкую роль въ 1848 году. Между классовой борьбой, какъ ее понималъ „позже“ Марксъ, и классовой борьбой по Луи-Блану лежитъ цѣлая пропасть. Человѣкъ, не замѣтившій этой пропасти, вполнѣ подобенъ мудрецу, не замѣтившему слона въ звѣринцѣ.

[2]) Примѣч. ко 2 изданію.

[3]) Въ качествѣ идеалиста низшаго разбора (т. е. не діалектика), Луи-Бланъ имѣлъ, разумѣется, свою „формулу прогресса“, которая, при всей своей теоретической ничтожности, по крайней мѣрѣ не хуже „формулы прогресса“ г. Михайловскаго.

ничего о Луи-Бланѣ г. Бельтовъ. Но г. Михайловскій предпочитаетъ инсинуировать на счетъ какихъ-то побочныхъ цѣлей. Chacun son goût!

По мнѣнію г. Михайловскаго, экскурсія г. Бельтова въ область исторіи философіи «еще слабѣе, чѣмъ можно было думать, судя по этимъ (вышеперечисленнымъ) заглавіямъ». Почему же такъ? Да вотъ почему. Г. Бельтовъ пишетъ, что «Гегель называлъ метафизической точку зрѣнія тѣхъ мыслителей,—безразлично, идеалистовъ или матеріалистовъ,—которые, не умѣя понять процессъ развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ діалектику, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи». По этому поводу г. Михайловскій ехидно замѣчаетъ: «Г. Бельтовъ считаетъ себя знатокомъ философіи Гегеля. Я радъ поучиться у него, какъ у всякаго свѣдущаго человѣка, и на первый разъ попросилъ бы г. Бельтова указать то мѣсто въ сочиненіяхъ Гегеля, откуда онъ взялъ это будто бы гегелево опредѣленіе «метафизической точки зрѣнія». Осмѣливаюсь утверждать, что онъ мнѣ его указать не можетъ. Для Гегеля метафизика была ученіемъ о безусловной сущности вещей, лежащей за предѣлами опыта и наблюденія о сокровенномъ субстратѣ явленій... Свое якобы гегелево опредѣленіе г. Бельтовъ взялъ не у Гегеля, а у Энгельса (все въ той же полемической противъ Дюринга книгѣ), который совершенно произвольно отдѣлилъ метафизику отъ діалектики признакомъ неподвижности или текучести» (стр. 147).

Не знаемъ, что отвѣтитъ на это г. Бельтовъ. Но, «на первый разъ», мы позволимъ себѣ, не дожидаясь его разъясненій, отвѣтить почтенному субъективисту.

Развертываемъ первую часть Энциклопедіи Гегеля и тамъ, въ прибавленіи къ параграфу 31 (стр. 57 русс. пер. г. В. Чижова), читаемъ: «Мышленіе этой метафизики не было свободно и истинно въ объективномъ смыслѣ. Потому что оно не предоставляло предмету развиваться свободно изъ самого себя и самому находить свои опредѣленія, а брало его, какъ готовый... Эта метафизика есть догматизмъ, потому что, соотвѣтственно природѣ конечныхъ опредѣленій, она должна была принять, что изъ двухъ противоположныхъ утвержденій... одно необходимо истинно, а другое ложно» (пар. 32, стр. 58 того же перевода).

Гегель говоритъ здѣсь о старой до-кантовской метафизикѣ, которая, по его замѣчанію, «вырвана съ корнемъ, исчезла изъ ряда наукъ» (ist, so zu sagen, mit Stumpf und Styl ausgerottet worden, aus der Reihe der Wissenschaften verschwunden! [1]) Этой метафизикѣ Гегель противопоставилъ свою діалектическую философію, разсматривавшую всѣ явленія въ ихъ развитіи и въ ихъ взаимной связи, а не какъ готовыя и отдѣленныя одно отъ другого цѣлою пропастью. «Истинно только цѣлое,—говоритъ онъ,—цѣлое же обнаруживается во всей своей полнотѣ лишь посредствомъ своего развитія» («Das wahre ist das Ganze. Das Ganze aber ist nur das durch seine Entwickelung sich vollendende Wessen») [2]). Г. Михайловскій утверждаетъ, что Гегель слилъ съ діалектикой также и метафизику, но тотъ, отъ кого онъ слышалъ это, не хорошо объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. У Гегеля къ діалектическому моменту прибавляется также и спекулятивный, благодаря которому его философія и становится идеалистической философіей. Какъ идеалистъ, Гегель дѣлалъ то же, что и всѣ другіе идеалисты: онъ придавалъ особенно важное философское значеніе такимъ «результатамъ» (такимъ понятіямъ), которыми очень дорожила также и старая «метафизика». Но самыя эти понятія (абсолютное въ разныхъ видахъ его развитія) явились у него, благодаря «діалектическому моменту», именно какъ результаты, а не какъ первоначальныя данныя. Метафизика растворилась у Гегеля въ логикѣ и вотъ почему онъ очень удивился бы, услыхавъ, что его, спекулятивнаго мыслителя, называютъ метафизикомъ ohne Weiteres. Онъ сказалъ бы, что люди, называющіе его такъ, «lassen sich mit Thieren vergleichen, welche alle Töne einer Musik mit durchgehört haben an deren Sinn aber das Eine, die Harmonie dieser Töne nicht gekommen ist». (Его собственное выраженіе, которымъ онъ клеймилъ ученыхъ педантовъ).

Повторяемъ, этотъ спекулятивный мыслитель, презиравшій метафизику разсудка (опять его собственное выраженіе), былъ идеалистомъ и въ этомъ смыслѣ имѣлъ свою метафизику разума. Но развѣ г. Бельтовъ позабылъ это обстоятельство или не оговорилъ его въ своей книгѣ? И не позабылъ, и оговорилъ. Онъ привелъ изъ книги Маркса и Энгельса «Die Heilige Familie» длинныя выписки, очень ѣдко критикующія спекулятивные результаты Гегеля.

---

[1]) Wissenschaft der Logik. Vorrede, стр. 1.

[2]) Die Phänomenologie des Geistes. Vorrede, Seite XXIII.

Полагаемъ, что въ этихъ выпискахъ достаточно обнаружена правомѣрность сліянія діалектики съ тѣмъ, что г. Михайловскій называетъ метафизикой Гегеля. Слѣдовательно, если г. Бельтовъ и позабылъ что нибудь, то развѣ лишь одно: именно то, что при удивительной «беззаботности» нашихъ «передовыхъ» людей по части исторіи философіи имъ надо было объяснить, до какой степени рѣзко различали въ эпоху Гегеля метафизику отъ спекулятивной философіи [1]). А изо всего этого слѣдуетъ, что напрасно г. Михайловскій «осмѣливается утверждать» то, чего утверждать невозможно.

По словамъ г. Бельтова, Гегель называлъ метафизической даже точку зрѣнія матеріалистовъ, не умѣвшихъ разсматривать явленія въ ихъ взаимной связи. Такъ это, или не такъ? Потрудитесь прочитать страницу изъ 27-го параграфа 1-ой части Энциклопедіи того же Гегеля: «Самое полное и недавнее примѣненіе этой точки зрѣнія въ философіи мы находимъ въ старой метафизикѣ, какъ его излагали до Канта. Впрочемъ, только относительно исторіи философіи время этой метафизики уже миновало; сама же по себѣ она всегда продолжаетъ существовать, представляя собою разсудочное воззрѣніе на предметы». Что такое разсудочное воззрѣніе на предметы? Это именно старое метафизическое воззрѣніе на предметы, противоположное діалектическому. Вся матеріалистическая философія 18-го вѣка была «разсудочною» по существу: она именно не умѣла разсматривать явленія иначе, какъ съ точки зрѣнія конечныхъ опредѣленій. Что Гегель прекрасно видѣлъ эту слабую сторону французскаго матеріализма, какъ и всей вообще французской философіи 18-го вѣка, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочитать относящіяся сюда мѣста изъ 3-й части его «Vorlesungen über die geschichte der Philosophie». Поэтому и точку зрѣнія французскихъ матеріалистовъ онъ не могъ не считать старой метафизической точкой зрѣнія [2]). Стало быть, правъ или неправъ г. Бельтовъ? Кажется,

---

[1]) Кстати, если г. Михайловскій захочетъ хоть отчасти узнать, наконецъ, каково было историческое значеніе „метафизики“ Гегеля, то мы порекомендуемъ ему очень популярную и въ свое время очень извѣстную книжку: „Die Posaune des jungsten gerichtsuber Hegel, den Atheisten und Antichristen“. Хорошая книжка.

[2]) Впрочемъ о матеріализмѣ онъ замѣчалъ: «Dennoch muss man in dem Materialismus das bezeisterungsvolle Streben anerkennen, über den, zweierlei Welten alsgleich substantiell und wahr annehmenden Dualismus hinauszugehen, diese Zerreissung des ursprünglich Einen aufzuheben» (Encyklopädie. Dritter Theil. Seite 54). Прим. ко 2 изданію.

ясно, что совершенно правъ? А вотъ г. Михайловскій «осмѣливается утверждать»... Съ этимъ ничего не подѣлаетъ ни г. Бельтовъ, ни пишущій эти строки. Бѣда г. Михайловскаго именно въ томъ и заключается, что онъ, вступивъ въ споръ съ «русскими учениками» Маркса, «осмѣлился» разсуждать о вещахъ, ему совершенно неизвѣстныхъ.

Мужъ, многоопытный, губитъ тебя твоя храбрость!

Всякій, знакомый съ философіей, безъ труда замѣтилъ бы, что когда г. Бельтовъ излагаетъ философскіе взгляды Гегеля и Шеллинга, то онъ говоритъ почти вездѣ собственными словами этихъ мыслителей: такъ, напримѣръ, его характеристика діалектическаго мышленія представляетъ собою почти дословный переводъ примѣчанія и перваго прибавленія къ пар. 81-му первой части Энциклопедіи; затѣмъ, онъ почти дословно приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія къ «Philosophie des Rechts» и изъ «Philosophie der Geschichte». Но этотъ человѣкъ, очень аккуратно цитирующій всякихъ Гельвеціевъ, Анфантеновъ, Оскаровъ, Пешелей и т. д., почти ни разу не указываетъ, какія собственно сочиненія Шеллинга и Гегеля и какія мѣста изъ нихъ имѣетъ онъ въ виду въ своемъ изложеніи. Почему же онъ въ этомъ случаѣ отступилъ отъ своего общаго правила? Намъ кажется, что тутъ г. Бельтовъ употребилъ военную хитрость. Мы думаемъ, что онъ разсуждалъ такъ: наши субъективисты объявили нѣмецкую идеалистическую философію метафизикой и этимъ удовольствовались; они не изучили ея, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, еще авторъ примѣчаній къ Миллю. Когда я укажу на нѣкоторыя замѣчательныя мысли нѣмецкихъ идеалистовъ, то гг. субъективисты, не видя никакихъ ссылокъ на сочиненія этихъ мыслителей, подумаютъ, что я самъ сочинилъ эти мысли или взялъ ихъ у Энгельса, и закричатъ: «съ этимъ можно спорить!» и т. д. Тутъ-то я и выведу ихъ невѣжество на свѣжую воду, тутъ то и пойдетъ потѣха! Если г. Бельтовъ, въ самомъ дѣлѣ, употребилъ въ своей полемикѣ эту маленькую военную хитрость, то надо сознаться, что она удалась ему какъ нельзя лучше: потѣха вышла, дѣйствительно, немалая!

Но пойдемъ далѣе. «Всякая философская система, утверждающая, вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ, что «права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы», что поэтому она открыла безусловную сущность вещей—будь это матерія или духъ,—есть система метафизическая... Додумалась ли она при этомъ до идеи развитія предлагаемой ею сущности вещей или нѣтъ, и если додумалась, то

діалектическій ли путь она усваиваетъ этому развитію или какой иной,—это, конечно, очень важно для опредѣленія ея мѣста въ исторіи философіи, но не измѣняетъ ея метафизическаго характера» («Р. Б». Янв. 1896 г., 148). Насколько можно судить по этимъ словамъ г. Михайловскаго, онъ, чуждаясь метафизическаго мышленія, не думаетъ, что права разума неограниченны. Надо надѣяться, что за это его похвалитъ князь Мещерскій. Не думаетъ, очевидно, также г. Михайловскій, что силы разума неограничены и необъятны. Это можетъ показаться удивительнымъ со стороны человѣка, не разъ увѣрявшаго своихъ читателей, что la raison finit toujours par avoir raison: при ограниченныхъ силахъ (и даже правахъ!) разума эта увѣренность едва ли у мѣста. Но г. Михайловскій скажетъ, что въ окончательномъ торжествѣ разума онъ увѣренъ лишь въ томъ, что касается практической жизни, сомнѣвается же въ его силахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о познаніи безусловной сущности вещей («будь это матерія или духъ»). Прекрасно. Что же это за безусловная сущность вещей [1])?

Не правда ли,—это то, что Кантъ называлъ вещью въ себѣ (Ding an sich)? Если — да, то мы категорически заявляемъ, что «вещь въ себѣ» намъ извѣстна и что знаніемъ ея мы обязаны Гегелю (Караулъ! кричатъ наши «трезвые философы», но мы проспимъ ихъ не горячиться).

«Вещь въ самой себѣ... есть предметъ, въ которомъ отвлеклись отъ всего, что дѣлаетъ его доступнымъ сознанію, отъ всѣхъ чувственныхъ элементовъ, какъ и отъ всѣхъ опредѣленныхъ мыслей». Очевидно, что послѣ этого остается только чистое отвлеченіе, пустое бытіе, которое только отнесено за предѣлы сознанія, которое есть отрицаніе всякаго чувства и всякой опредѣленной мысли. Но, въ этомъ отношеніи, легко сдѣлать очень простое разсужденіе, что это caput mortuum само есть продуктъ мысли, составляющей это чистое отвлеченіе, или пустое я, которое дѣлаетъ себѣ предметомъ свое пустое тождество. Отрицательное опредѣленіе, которое даютъ этому отвлеченному тождеству, дѣлая его своимъ предметомъ, упоминается въ числѣ Кантовыхъ категорій, и такъ же хорошо извѣстно, какъ это пустое тождество. Должно слѣдственно удивляться, что такъ часто повторяютъ, будто неизвѣстно, что ничего не можетъ быть легче, какъ знать это [2])».

---

[1]) Примѣч. ко 2 изданію.

[2]) Гегель. Энциклопедія, 1-ая часть, стр. 79—80, пар. 44.

Итакъ, повторяемъ, намъ прекрасно извѣстно, что такое безусловная сущность вещей, или вещь въ самой себѣ. Это пустая абстракція. И этой-то пустой абстракціей г. Михайловскій думаетъ запугать людей, гордо повторяющихъ вмѣстѣ съ Гегелемъ: von der Grösse und Macht seines Geistes kann der Mensch nicht gross genug denken! [1]). Стара эта пѣсенка, г. Михайловскій! Sie sind zu spät bekommen.

Мы увѣрены, что строки, только что нами написанныя, покажутся г. Михайловскому пустой софистикой. «Позвольте, скажетъ онъ, что же, въ такомъ случаѣ, понимаете вы подъ матеріалистическимъ объясненіемъ природы и исторіи?»—Вотъ что.

Когда Шеллингъ говорилъ, что магнетизмъ есть внѣдреніе субъективнаго въ объективное,—это было идеалистическимъ объясненіемъ природы; а когда магнетизмъ объясняется съ точки зрѣнія современной физики, то его явленіямъ дается матеріалистическое объясненіе. Когда Гегель, или хотя бы наши славянофилы, объясняли извѣстныя историческія явленія свойствами народнаго духа, то они смотрѣли на эти явленія съ идеалистической точки зрѣнія, а когда Марксъ объяснялъ, положимъ, хоть французскія событія 1848—1850 года борьбой классовъ во французскомъ обществѣ, то онъ давалъ этимъ событіямъ матеріалистическое объясненіе. Ясно ли? Ну, еще бы нѣтъ! Такъ ясно, что для непониманія сказаннаго нами нужна значительная доза упрямства.

— Тутъ что то не такъ—соображаетъ г. Михайловскій, растекаясь мыслію по древу (c'est bien le moment!). Ланге говоритъ... Мы позволяемъ себѣ перебить г. Михайловскаго: намъ очень хорошо извѣстно, что говоритъ Ланге, но мы увѣряемъ г. Михайловскаго, что его авторитетъ очень ошибается. Въ своей Исторіи матеріализма Ланге позабылъ привести, напримѣръ, такое характерное заявленіе одного изъ самыхъ видныхъ французскихъ матеріалистовъ: Nous ne connaissons que l'écorce des phenomenées (намъ извѣстна только кора явленій). Другіе, и не менѣе видные, французскіе матеріалисты много разъ высказывались въ томъ же самомъ смыслѣ. Какъ видите, г. Михайловскій, французскіе матеріалисты еще не знали, что вещь въ себѣ есть лишь caput mortuum абстракціи, и стояли какъ разъ на той точкѣ зрѣнія, которая называется теперь многими точкой зрѣнія критической философіи.

Все это, разумѣется, покажется г. Михайловскому очень новымъ, и даже совершенно невѣроятнымъ. Но мы пока не скажемъ ему,

1) Geschichte der Phil. I, 6.

какихъ именно французскихъ матеріалистовъ и какія именно ихъ сочиненія мы имѣемъ въ виду. Пусть онъ сначала «осмѣлится утверждать», а потомъ мы съ нимъ потолкуемъ.

Если г. Михайловскому угодно знать, какъ смотримъ мы на отношеніе нашихъ ощущеній къ внѣшнимъ предметамъ, то мы отошлемъ его къ статьѣ г. Сѣченова: «Предметная мысль и дѣйствительность», въ сборникѣ «Помощь голодающимъ». Полагаемъ, что съ нашимъ знаменитымъ физіологомъ вполнѣ согласится г. Бельтовъ, и всякій другой, русскій или нерусскій, ученикъ Маркса. А г. Сѣченовъ говорилъ вотъ что: «Каковы бы ни были внѣшніе предметы сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія,—пусть наши впечатлѣнія отъ нихъ будутъ лишь условными знаками,—во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Другими словами: сходства и различія, находимыя человѣкомъ между чувствуемыми имъ предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя» [1]).

Когда Михайловскій опровергнетъ г. Сѣченова, тогда мы согласимся признать ограниченность не только силъ, но даже и правъ человѣческаго разума [2]).

Г. Бельтовъ сказалъ, что во второй половинѣ нашего столѣтія въ наукѣ, съ которой тѣмъ временемъ совершенно слилась философія, восторжествовалъ матеріалистическій монизмъ. Г. Михайловскій замѣчаетъ: «боюсь, что онъ ошибается». Въ оправданіе своего опасенія онъ ссылается на Ланге, по мнѣнію котораго «die gründliche Naturforschung durch ihre eignen Consequenzen über den Materialismus hinausführt». Если г. Бельтовъ ошибается, то, значитъ, матеріалистическій монизмъ не восторжествовалъ въ наукѣ. Что же,—значитъ ученые до сихъ поръ объясняютъ природу посредствомъ внѣдренія субъективнаго въ объективное и прочихъ тонкостей идеалистической натурфилософіи? «Боимся, что ошибся» бы тотъ, кто предположилъ бы это; тѣмъ болѣе боимся, что вотъ

---

1) Сбор., стр. 207.

2) Нашимъ противникамъ представляется очень хорошій случай поймать насъ на такомъ противорѣчіи: съ одной стороны мы объявляемъ кантовскую «вещь въ себѣ» пустой абстракціей, а съ другой—мы съ похвалой цитируемъ г. Сѣченова, который говоритъ о предметахъ, какъ они существуютъ сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія. Люди понимающіе, конечно, не увидятъ никакого противорѣчія; но вѣдь много ли понимающихъ между нашими противниками?—Примѣчаніе ко 2-му изданію.

какъ, напримѣръ, разсуждаетъ имѣющій очень громкое имя въ наукѣ англійскій натуралистъ Гексли:

«Въ наши дни никто изъ стоящихъ на высотѣ современной науки и знающихъ факты не усомнится въ томъ, что основы психологіи надо искать въ физіологіи нервной системы. То, что называется дѣятельностью духа, есть совокупность мозговыхъ функцій, и матеріалы нашего сознанія являются продуктами дѣятельности мозга[1])». Замѣтьте, что это говоритъ человѣкъ, принадлежавшій къ такъ называемымъ въ Англіи агностикамъ. Онъ полагаетъ, что высказанный имъ взглядъ на дѣятельность духа вполнѣ совмѣстимъ съ чистѣйшимъ идеализмомъ. Но мы, знакомые съ тѣми объясненіями явленій природы, которыя можетъ дать послѣдовательный идеализмъ, понимающіе, откуда происходитъ стыдливость почтеннаго англичанина, повторяемъ вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ: во второй половинѣ XIX вѣка въ наукѣ восторжествовалъ матеріалистическій монизмъ.

Г. Михайловскій, вѣроятно, знакомъ съ психологическими изслѣдованіями Сѣченова? Точку зрѣнія этого ученаго когда-то горячо оспаривалъ Кавелинъ. Мы боимся, что покойный либералъ очень ошибался. Но, можетъ быть, г. Михайловскій согласенъ съ Кавелинымъ? или, можетъ быть, ему вообще требуются какія-нибудь другія разъясненія по этой части? Мы отлагаемъ ихъ на тотъ случай, если онъ станетъ «утверждать».

Г. Бельтовъ говоритъ, что господствовавшая до Маркса въ общественной наукѣ точка зрѣнія «человѣческой природы» подавала поводъ къ злоупотребленію біологическими аналогіями, которое и до сихъ поръ даетъ себя сильно чувствовать въ западной соціологической, и особенно въ русской quasi-соціологической литературѣ. Это даетъ г. Михайловскому поводъ обвинить автора книги объ историческомъ монизмѣ въ вопіющей несправедливости и лишній разъ заподозрить добросовѣстность его полемическихъ пріемовъ.

«Апеллирую къ читателю, даже вполнѣ ко мнѣ неблагосклонному, но сколько-нибудь знакомому съ моими сочиненіями, хотя бы не со всѣми, а только, напримѣръ, съ одной статьей «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» или «Что такое прогрессъ?» Неправда, что русская литература особенно злоупотребляетъ біологическими аналогіями: въ Европѣ, съ легкой руки Спенсера, этого добра несравненно больше, не говоря уже о временахъ комиче-

[1]) Th. Huxley. Hume. Sa vie, sa philosophie, page 108.

скихъ аналогій Блюнчли съ братіей. И если у насъ дѣло не пошло дальше аналогическихъ упражненій покойнаго Стронина («Исторія и методъ», «Политика, какъ наука»), г. Лилiенфельда («Соціальная наука будущаго»), да нѣсколькихъ журнальныхъ статей, то навѣрно и «моего тутъ капля меду есть». Ибо никто не потратилъ столько усилій на борьбу съ біологическими аналогіями, какъ я. И въ свое время я не мало претерпѣлъ за это отъ «Спенсеровыхъ дѣтей». Буду надѣяться, что и нынѣшняя гроза въ свое время минуетъ...» (стр. 145—146). Эта тирада имѣетъ такой видъ искренности, что и, въ самомъ дѣлѣ, даже неблагосклонный къ г. Михайловскому читатель можетъ сказать себѣ: «Тутъ кажется г. Бельтовъ въ своемъ полемическомъ увлеченіи зашелъ слишкомъ далеко». Но это невѣрно, и самъ г. Михайловскій знаетъ, что это невѣрно; если же онъ жалобно взываетъ къ читателю, то единственно по той причинѣ, по которой Плавтовскій Траніонъ говорилъ себѣ: Pergam turbare porro: ita haec res postulat.

Что собственно сказалъ г. Бельтовъ? Онъ сказалъ: «Если разгадки всего историческаго общественнаго движенія надо искать въ природѣ человѣка и если, какъ справедливо замѣтилъ еще Сэнъ-Симонъ, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, то природа индивидуума и должна дать ключъ къ объясненію исторіи. Природу индивидуума изучаетъ физіологія въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. наука, охватывающая также и психическія явленія. Вотъ почему физіологія уже въ глазахъ Сэнъ-Симона и его учениковъ являлась основой соціологіи, которую они называли соціальной физикой. Въ изданныхъ еще при жизни Сэнъ-Симона и при его дѣятельнѣйшемъ участіи «Opinions philosophiques, litteraires et industrielles» напечатана чрезвычайно интересная, къ сожалѣнію, неоконченная статья анонимнаго доктора медицины, подъ заглавіемъ: «De la physiologie appliquée à l'amelioration des institutions sociales» (о физіологіи въ примѣненіи къ улучшенію общественныхъ учрежденій). Авторъ разсматриваетъ науку объ обществѣ, какъ составную часть «общей физіологіи», которая, обогатившись наблюденіями и опытами спеціальной физіологіи надъ индивидуумами, предается соображеніямъ «высшаго порядка». Индивидуумы являются для нея лишь «органами общественнаго тѣла», функціи которыхъ она изучаетъ, «подобно тому, какъ спеціальная физіологія изучаетъ функціи индивидуумовъ». Общая физіологія изучаетъ (авторъ говоритъ: выражаетъ) законы общественнаго существованія, съ которыми и должны сообразоваться писаные

*

законы. Впослѣдствіи буржуазные соціологи, напр. Спенсеръ, пользовались ученіемъ объ общественномъ организмѣ для самыхъ консервативныхъ выводовъ. Но цитируемый нами докторъ медицины прежде всего реформаторъ. Онъ изучаетъ общественное тѣло въ видахъ общественнаго переустройства, такъ какъ только соціальная физіологія и тѣсно связанная съ нею гигіена даютъ положительныя основы, на которыхъ можно построить требуемую современнымъ состояніемъ цивилизованнаго міра систему общественной организаціи».

Уже изъ этихъ словъ видно, что, по мнѣнію г. Бельтова, біологическими аналогіями можно злоупотреблять не только въ смыслѣ буржуазнаго консерватизма Спенсера, но и въ смыслѣ утопическихъ плановъ соціальной реформы. Уподобленіе общества организму играетъ при этомъ совершенно второстепенную, если не десятистепенную роль: дѣло не въ уподобленіи общества организму, а въ стремленіи обосновать «соціологію» на тѣхъ или другихъ выводахъ біологіи. Г. Михайловскій горячо возставалъ противъ уподобленія общества организму; въ борьбѣ противъ этого уподобленія есть, несомнѣнно, «капля его меду». Но это вовсе не существенно. Существенное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, считалъ или не считалъ г. Михайловскій возможнымъ обосновать соціологію на тѣхъ или другихъ выводахъ біологіи? А на этотъ счетъ никакое сомнѣніе невозможно, какъ въ этомъ убѣдится всякій, прочитавшій, напримѣръ, статью «Теорія Дарвина и общественная наука». Въ этой статьѣ г. Михайловскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Подъ общимъ заглавіемъ «Теорія Дарвина и общественная наука» мы будемъ говорить о различныхъ вопросахъ, затрагиваемыхъ, рѣшаемыхъ и перерѣшаемыхъ теоріей Дарвина и тѣмъ или другимъ изъ ея со дня на день прибывающихъ сторонниковъ. Основная наша задача состоитъ все-таки въ опредѣленіи, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между физіологическимъ раздѣленіемъ труда, т. е. раздѣленія труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, т. е. раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія эта задача сводится къ изысканію основныхъ законовъ кооперації, т. е. фундамента общественной науки. Искать основныхъ законовъ кооперації, т. е. фундамента общественной науки, въ біологіи—значитъ стоять

на точкѣ зрѣнія французскихъ сэнъ-симонистовъ двадцатыхъ годовъ; другими словами, «зады твердить и лгать за двухъ».

Тутъ г. Михайловскій можетъ воскликнуть: да вѣдь въ двадцатыхъ годахъ теорія Дарвина еще не существовала! Но читатель понимаетъ, что дѣло ничуть не въ теоріи Дарвина, а въ утопическомъ стремленіи,—общемъ г. Михайловскому съ сэнъ-симонистами,—примѣнить физіологію къ улучшенію общественныхъ учрежденій. Въ указанной нами статьѣ г. Михайловскій совершенно соглашается съ Геккелемъ («Геккель совершено правъ»), который говорилъ, что будущимъ государственнымъ людямъ, экономистамъ и историкамъ придется главнымъ образомъ обратить свое вниманіе на сравнительную зоологію, т. е. на сравнительную морфологію и физіологію животныхъ, если они пожелаютъ получить вѣрное понятіе о своемъ спеціальномъ предметѣ». Какъ хотите, а если Геккель «совершенно правъ», т. е. если соціологамъ (и даже историкамъ!) надо обратить «главнымъ образомъ» свое вниманіе на морфологію и физіологію животныхъ, то безъ злоупотребленія,—въ ту или иную сторону,—біологическими аналогіями дѣло не обойдется! И не ясно ли, что точка зрѣнія г. Михайловскаго на соціологію есть старая точка зрѣнія сэнъ-симонистовъ?

Вотъ только это и говорилъ г. Бельтовъ. И напрасно г. Михайловскій какъ бы снимаетъ съ себя теперь отвѣтственность за соціологическія идеи Бухарцева-Ножина. Въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ онъ не очень далеко ушелъ отъ взглядовъ своего покойнаго друга и учителя. Г. Михайловскій не понялъ, въ чемъ заключается открытіе Маркса и потому остался неисправимымъ утопистомъ. Это очень печальное положеніе, но изъ него могло бы вывести нашего автора только новое усиліе мысли; плаксивое же обращеніе къ читателю, даже вполнѣ неблагосклонному, ни мало не поможетъ бѣдному «соціологу».

Г. Бельтовъ сказалъ два слова въ защиту г. П. Струве. Это подало гг. Михайловскому и Н.—ону поводъ «утверждать», что Бельтовъ взялъ г. Струве подъ свое «покровительство». Мы очень много говорили въ защиту г. Бельтова. Что скажутъ о насъ г. Михайловскій и г. Н—нъ? Они, навѣрное, сочтутъ г. Бельтова нашимъ вассаломъ. Заранѣе извиняясь передъ г. Бельтовымъ, что мы предвосхитили его возраженія гг. субъективистамъ, мы спросимъ этихъ послѣднихъ: неужели согласиться съ тѣмъ или другимъ писателемъ значитъ взять его подъ свое покровительство? Г. Михайловскій со-

гласенъ съ г. Н—ономъ по нѣкоторымъ очереднымъ вопросамъ русской жизни. Должны мы понимать ихъ согласіе въ томъ смыслѣ, что г. Михайловскій взялъ г. Н—она подъ свое покровительство? Или, можетъ быть, г. Н—онъ покровительствуетъ г. Михайловскому? Что сказалъ бы покойный Добролюбовъ, услышавъ этотъ странный языкъ современной нашей «передовой» литературы?

Г. Михайловскому кажется, что г. Бельтовъ исказилъ его ученіе о герояхъ и толпѣ. Мы опять думаемъ, что г. Бельтовъ вполнѣ правъ, и что, возражая ему, г. Михайловскій играетъ роль Траніона. Но прежде, чѣмъ подтвердить это наше мнѣніе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о замѣткѣ г. Н—она «Что же значитъ экономическая необходимость?» появившейся въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства».

Въ этой замѣткѣ г. Н—онъ воздвигаетъ противъ г. Бельтова двѣ батареи. Мы возьмемъ ихъ одну за другою.

Сила первой батареи заключается вотъ въ чемъ. Г. Бельтовъ сказалъ, что «для рѣшенія вопроса о томъ, пойдетъ или не пойдетъ Россія по пути капиталистическаго развитія, надо обратиться къ изученію фактическаго положенія этой страны, къ анализу ея современной внутренней жизни. Русскіе ученики Маркса, на основаніи такого анализа, утверждаютъ: нѣтъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро покинетъ путь капиталистическаго развитія». Г. Н—онъ ехидно повторяетъ: «такого анализа нѣтъ». Будто бы нѣтъ, г. Н—онъ? Прежде всего условимся на счетъ терминологіи. Что вы называете анализомъ? Даетъ ли анализъ новыя данныя для сужденія о предметѣ, или оперируетъ съ данными, уже имѣющимися налицо и полученными другимъ путемъ? Рискуя навлечь на себя обвиненіе въ «метафизичности», мы держимся стараго опредѣленія, по которому анализъ новыхъ данныхъ для сужденія о предметѣ не даетъ, а оперируетъ съ готовыми данными. Изъ этого опредѣленія выходитъ, что русскіе ученики Маркса могли, въ своемъ анализѣ русской внутренней жизни, и не давать какихъ нибудь самостоятельныхъ наблюденій надъ этой жизнью, а довольствоваться матеріаломъ, собраннымъ, напримѣръ, народнической литературой. Если они сдѣлали изъ этого матеріала новый выводъ, то это уже значитъ, что они подвергали эти данныя новому анализу. Теперь спрашивается, стало быть: какія данныя по части развитія капитализма имѣются въ народнической литературѣ, и точно ли русскіе ученики Маркса сдѣлали изъ этихъ данныхъ новый выводъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ возьмемъ хоть книгу г. Дементьева «Фа-

рика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ». Въ этой книгѣ (стр. 241 и слѣдующія) мы читаемъ: «Наша промышленность, прежде чѣмъ приняла ту форму фабричнаго капиталистическаго производства, въ какой мы находимъ ее теперь, прошла всѣ тѣ же стадіи развитія, какъ и на Западѣ... Одной изъ наиболѣе сильныхъ причинъ, по которой мы отстаемъ отъ Запада, было крѣпостное право. Благодаря ему, наша промышленность прошла гораздо болѣе длинный періодъ кустарнаго и домашняго производства. Только съ 1861 года капиталъ пріобрѣлъ возможность осуществить ту форму производства, къ которой на Западѣ оно перешло почти полтора столѣтія раньше, и только съ этого года начинается болѣе быстрое паденіе кустарнаго и домашняго производства съ превращеніемъ ихъ въ фабричное... Но за тридцать лѣтъ (протекшихъ со времени отмѣны крѣпостного права) все измѣнилось. Вступивъ на общій съ Западной Европой путь экономическаго развитія, наша промышленность неизбѣжно, роковымъ образомъ, должна была принять—и приняла—ту самую форму, въ которую она вылилась на Западѣ. Земельное обезпеченіе народной массы, на которое такъ любятъ ссылаться, въ доказательство невозможности у насъ особаго класса свободныхъ отъ всего рабочихъ,—класса, представляющаго неизбѣжнаго спутника современной формы промышленности,—безъ сомнѣнія, было и остается до сихъ поръ сильнымъ задерживающимъ моментомъ, однако вовсе не настолько сильнымъ, какъ обыкновенно думаютъ. Очень нерѣдкая недостаточность земельнаго надѣла и полный упадокъ сельскаго хозяйства, съ одной стороны, и усиленныя заботы правительства, въ цѣляхъ развитія обрабатывающей промышленности, какъ необходимаго элемента для равновѣсія экономическаго баланса государства, съ другой,—таковы условія, которыя какъ нельзя болѣе способствовали и способствуютъ до сихъ поръ умаленію значенія этого земельнаго обезпеченія. Результатъ такого положенія вещей мы видѣли: образованіе спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ, класса, попрежнему носящаго названіе «крестьянъ», но не имѣющаго съ крестьянами-земледѣльцами почти ничего общаго, лишь въ ничтожной степени сохранившаго свою связь съ землей и наполовину уже въ третьемъ поколѣніи не покидающаго фабрики никогда и не имѣющаго въ деревнѣ никакой собственности, кромѣ юридическаго, практически почти не реализируемаго, права на землю».

Объективныя данныя, приводимыя г. Дементьевымъ, говорятъ очень выразительно: капитализмъ, со всѣми его послѣдствіями,

быстро развивается въ Россіи. Эти данныя г. Дементьевъ дополняетъ разсужденіемъ, по которому выходитъ, что дальнѣйшее движеніе капиталистическаго производства можетъ быть остановлено, и что для этого стоитъ только вспомнить положеніе: gouverner,—c'est prévoir (ст. 246). Этотъ выводъ г. Дементьева русскіе ученики Маркса подвергаютъ своему анализу и находятъ, что остановить въ этомъ случаѣ ничего невозможно; что г. Дементьевъ заблуждается, подобно цѣлой толпѣ народниковъ, сообщившихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ массу объективныхъ данныхъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которыя сообщилъ онъ, г. Дементьевъ [1]). Г. Н.—онъ спрашиваетъ, гдѣ же такой анализъ. Онъ хочетъ сказать, повидимому,—когда и гдѣ появился такой анализъ въ русской печати. На этотъ вопросъ мы дадимъ ему цѣлыхъ два отвѣта.

Во-первыхъ, въ непріятной ему книгѣ г. Струве есть очень дѣльное разсужденіе о границахъ возможнаго въ настоящее время государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь Россіи. Это разсужденіе есть уже отчасти тотъ анализъ, котораго требуетъ г. Н.—онъ, и противъ этого анализа г. Н.—онъ ничего дѣльнаго не возражаетъ.

Во-вторыхъ, помнитъ ли г. Н.—онъ споръ, происходившій въ сороковыхъ годахъ между славянофилами и западниками? Въ этомъ спорѣ «анализъ внутренней русской жизни» тоже игралъ очень важную роль, но въ печати этотъ анализъ пріурочивался почти исклю-

---

[1]) „Изъ числа не одной сотни изслѣдованій статистическихъ и иныхъ, которыя производились за послѣднія двадцать лѣтъ или около того,—говоритъ г. Н.—онъ,—намъ не приходилось встрѣчаться съ работами, выводы изъ которыхъ были бы въ чемъ либо согласны съ экономическими выводами гг. Бельтовыхъ, Струве и Скворцовыхъ?“ Авторы изслѣдованій, которыя вы, г. Н.—онъ, имѣете въ виду, дѣлаютъ у насъ обыкновенно двоякій выводъ: одинъ, согласный съ объективной истиной и гласящій, что капитализмъ развивается, а ветхозавѣтные „устои“ падаютъ; другой—„субъективный“ и сводящійся къ тому, что развитіе капитализма можно было бы остановить, если бы и проч. Въ подтвержденіе этого послѣдняго вывода никогда не приводится, однако, ровно никакихъ данныхъ, такъ что онъ остается буквально голословнымъ, несмотря на большее или меньшее обиліе статистическаго матеріала въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя онъ собою украшаетъ. „Очерки“ г. Н.—она страдаютъ подобною же слабостью, такъ сказать анеміей „субъективнаго“ вывода. Въ самомъ дѣлѣ, какой „анализъ“ подтверждаетъ ту мысль г. Н.—она, что наше общество сможетъ теперь же организовать производство? Такого анализа нѣтъ.

чительно къ чисто-литературнымъ вопросамъ. На это были свои историческія причины, которыя г. Н.—онъ непремѣнно долженъ принять въ соображеніе, если не хочетъ прослыть смѣшнымъ педантомъ. Скажетъ ли г. Н.—онъ, что эти причины не имѣютъ теперь никакого отношенія къ анализу «русскихъ учениковъ»?

«Ученики» до сихъ поръ не напечатали самостоятельныхъ изслѣдованій о русской экономической жизни. Это объясняется крайней новостью въ Россіи того направленія, къ которому они принадлежатъ. До сихъ поръ въ русской литературѣ господствовало народническое направленіе, благодаря которому изслѣдователи, сообщая объективныя данныя, свидѣтельствовавшія о паденіи старинныхъ «устоевъ», потопляли ихъ въ водѣ «субъективныхъ» упованій. Но именно обиліе сообщенныхъ народниками данныхъ и подало поводъ къ появленію новаго взгляда на русскую жизнь. Этотъ новый взглядъ несомнѣнно ляжетъ въ основу новыхъ, самостоятельныхъ наблюденій. Уже теперь мы можемъ указать г. Н.—ону, напримѣръ, на работы г. Харизоменова, которыя очень сильно противорѣчатъ народническому катехизису, что хорошо почувствовалъ г. В. В., часто и безуспѣшно пытавшійся опровергнуть почтеннаго изслѣдователя. Авторъ книги «Южно-русское крестьянское хозяйство» совсѣмъ не марксистъ, но едва ли г. Н.—онъ скажетъ, что взглядъ г. Постникова на современное положеніе въ Новороссіи общины и вообще крестьянскаго землепользованія согласенъ съ обычнымъ у насъ народническимъ взглядомъ.

А вотъ г. Бородинъ, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія объ уральскомъ казачьемъ войскѣ, уже обѣими ногами стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которую мы защищаемъ и которая имѣетъ несчастіе не нравиться г. Н.—ону. На это изслѣдованіе не обратила вниманія наша народническая публицистика, но не потому, что оно лишено внутренней цѣнности, а единственно потому, что названная публицистика имѣетъ особый «субъективный» духъ. А дальше будетъ больше, г. Н.—онъ: эра марксистскихъ изслѣдованій только что начинается въ Россіи [1]).

---

[1]) Мы не говоримъ о книгѣ г. П. Струве потому, что она г. Н.—ону непріятна. Но напрасно г. Н.—онъ такъ рѣшительно называетъ эту книгу никуда негодной. Въ спорѣ съ г. Н.—оном г. П. Струве очень и очень постоитъ за себя. А что касается собственнаго «анализа» г. Н.—она, то, кромѣ общихъ мѣстъ, отъ него останется очень немного, когда его примутся «анализировать» съ точки зрѣнія Маркса. Надо надѣяться, что не долго заставитъ ждать себя этотъ анализъ.

Г. Н.—онъ тоже считаетъ себя марксистомъ. Онъ ошибается. Онъ только побочный потомокъ великаго мыслителя. Его міросозерцаніе представляетъ собой плодъ незаконнаго сожительства теоріи Маркса съ г. В. В. Отъ «Mütterchen» г. Н.—онъ заимствовалъ терминологію и нѣкоторыя экономическія теоремы, понятыя имъ, впрочемъ, крайне абстрактно, а потому и невѣрно. Отъ «Väterchen» онъ наслѣдовалъ утопическое отношеніе къ соціальной реформѣ, съ помощью котораго онъ и воздвигъ свою вторую батарею противъ г. Бельтова [1]).

Г. Бельтовъ говоритъ, что общественныя отношенія собственной логикой своего развитія приводятъ человѣка къ сознанію причинъ его порабощенія экономической необходимости. «Сознавъ, что причина его порабощенія лежитъ въ анархіи производства, производитель, «общественный человѣкъ», организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его своей волѣ. Тогда оканчивается царство необходимости и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью». По мнѣнію г. Н.—она, все это совершенно справедливо. Но къ справедливымъ словамъ г. Бельтова г. Н.—онъ дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: «Задача, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально-хозяйственныхъ условій,—отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, обставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда (силъ труда!) всего общества, взятаго въ цѣломъ».

Совершенно незамѣтно для самого себя, г. Н.—онъ сдѣлалъ изъ «совершенно справедливыхъ» словъ г. Бельтова до крайности запутанный выводъ.

У г. Бельтова рѣчь идетъ объ общественномъ человѣкѣ, о совокупности производителей, которымъ, дѣйствительно, предстоитъ побѣдить экономическую необходимость. Г. Н.—онъ на мѣсто производителей ставитъ общество, которое, «въ качествѣ производительнаго цѣлаго не можетъ безучастно, «объективно», относиться къ развитію такихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, при которыхъ большинство его членовъ осуждено на прогрессивное обѣднѣніе».

«Общество въ качествѣ производительнаго цѣлаго»... Анализъ

---

[1]) Прим. ко 2 изданію.

Маркса, котораго будто бы придерживается г. Н.—онъ, не останавливался передъ обществомъ, какъ производительнымъ цѣлымъ. Онъ расчленялъ современное общество, согласно его истинной природѣ, на отдѣльные классы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый экономическій интересъ и свою особую задачу. Почему «анализъ» г. Н.—она не поступаетъ такъ же? Почему, вмѣсто того, чтобы говорить о задачѣ русскихъ производителей, г. Н.—онъ заговорилъ о задачѣ общества въ его цѣломъ? Это общество, взятое въ его цѣломъ, обыкновенно, и не безъ основанія, противопоставляется народу и такимъ образомъ оказывается, несмотря на свою «цѣлость», лишь маленькой частью, лишь незначительнымъ меньшинствомъ населенія Россіи. Когда г. Н.—онъ увѣряетъ васъ, что это ничтожное меньшинство организуетъ производство, то мы можемъ только пожать плечами и сказать себѣ: это г. Н.—онъ взялъ не у Маркса; это онъ унаслѣдовалъ отъ своего «Väterchen», отъ г. В. В.

По Марксу, организація производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему производителей, экономическое освобожденіе которыхъ и должно быть, поэтому, ихъ собственнымъ дѣломъ. У г. Н.—она организація производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему со стороны общества. Если это марксизмъ, то, дѣйствительно, Марксъ никогда марксистомъ не былъ.

Но, положимъ, что общество, дѣйствительно, выступаетъ въ качествѣ организатора производства. Въ какое отношеніе становится оно къ производителямъ? Оно организуетъ ихъ. Общество является героемъ; производители—толпою.

Мы спрашиваемъ г. Михайловскаго, «утверждающаго», что г. Бельтовъ исказилъ его ученіе о герояхъ и толпѣ, думаетъ ли онъ подобно Н.—ону, что общество можетъ организовать производство? Если—да, то онъ именно стоитъ на той точкѣ зрѣнія, при которой общество, «интеллигенція», является героемъ, деміургомъ нашего будущаго историческаго развитія, а милліоны производителей—толпой, изъ которой герой будетъ лѣпить то, что считаетъ нужнымъ вылѣпить, сообразно своимъ идеаламъ. Вотъ теперь пусть скажетъ безпристрастный читатель: — правъ ли былъ г. Бельтовъ въ своей характеристикѣ «субъективнаго» взгляда на народъ, какъ на толпу?

Г. Михайловскій заявляетъ, что онъ и его единомышленники тоже ничего не имѣютъ противъ развитія самосознанія производителей. «Думается мнѣ только, говоритъ онъ, что для программы столь простой и ясной незачѣмъ было подниматься за облака

гегелевской философіи и опускаться на дно окрошки изъ субъективнаго и объективнаго». Но въ томъ-то и дѣло, г. Михайловскій, что въ глазахъ людей вашего образа мыслей самосознаніе производителей не можетъ имѣть такого значенія, какое имѣетъ оно въ глазахъ вашихъ противниковъ. Съ вашей точки зрѣнія производство можетъ быть организовано «обществомъ», съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ — только самими производителями. Съ вашей точки зрѣнія «общество» дѣйствуетъ, а производитель содѣйствуетъ. Съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ производители не содѣйствуютъ, а дѣйствуютъ. Само собой понятно, что для содѣйствующихъ нужна меньшая степень сознанія, чѣмъ для дѣйствующихъ, потому что давно и очень справедливо было сказано: ина слава лунѣ, ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. Вы относитесь къ производителямъ, какъ относились къ нимъ французскіе и нѣмецкіе утописты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Ваши противники осуждаютъ всякое утопическое отношеніе къ производителямъ. Если бы вы, г. Михайловскій, лучше были знакомы съ исторіей экономической литературы, то вы знали бы, что для устраненія утопическаго отношенія къ производителямъ надо было подняться именно до облаковъ гегелевской философіи и опуститься потомъ на дно политико-экономической прозы.

Г. Михайловскому не нравится слово «производитель»: конюшней, видите ли, пахнетъ. Мы скажемъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Слово «производитель» впервые стали употреблять, насколько намъ извѣстно, Сэнъ-Симонъ и сэнъ-симонисты. Со времени существованія журнала «Le Producteur» («Производитель»), т. е. съ 1825 года, оно употреблялось въ Западной Европѣ безчисленное множество разъ и никому конюшни не напоминало. Но вотъ заговорилъ о производителяхъ русскій кающійся дворянинъ, и тотчасъ вспомнилъ о конюшнѣ. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Вѣроятно, воспоминаніями и традиціями кающагося дворянина.

Г. Н.—онъ съ большимъ ехидствомъ приводитъ слѣдующія слова г. Бельтова: «хотя у одного изъ нихъ (русскихъ учениковъ Маркса) могутъ быть болѣе, у другого менѣе обширныя экономическія познанія, но дѣло здѣсь не въ размѣрѣ познаній отдѣльныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія». Г. Н.—онъ спрашиваетъ: «куда же дѣвались всѣ требованія держаться почвы дѣйствительности, необходимости детальнаго изученія хода экономическаго развитія (это что-

то не ясно, г. Н.—онъ: «требованія необходимости детальнаго изученія»). Теперь, оказывается, что все это нѣчто второстепенное, что дѣло не въ размѣрѣ знаній, а въ точкѣ зрѣнія».

Г. Н.—онъ, какъ видно, любитъ сказать подчасъ что нибудь смѣшное. Но мы посовѣтуемъ ему не забывать здраваго смысла въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ посмѣшить людей. Иначе, смѣющіеся будутъ не на его сторонѣ.

Г. Н.—онъ не понялъ г. Бельтова. Постараемся выручить его изъ затрудненія. Въ той же самой книжкѣ «Русскаго Богатства», гдѣ напечатана замѣтка г. Н.—она, въ статьѣ г. П. Мокіевскаго: «Что такое образованный человѣкъ?» (стр. 33, примѣчаніе) мы нашли слѣдующія, очень поучительныя для г. Н.—она, строки: «Одинъ арабскій ученый говорилъ своимъ ученикамъ: если кто либо скажетъ вамъ, что законы математики ошибочны, и въ доказательство этого превратитъ палку въ змѣю, то не считайте подобное доказательство убѣдительнымъ. Это типичный примѣръ. Образованный человѣкъ отвергнетъ подобное доказательство, хотя бы онъ (въ отличіе отъ ученаго) и не зналъ законовъ математики. Онъ скажетъ: превращеніе палки въ змѣю есть необычайное чудо, но изъ него не слѣдуетъ, что законы математики ошибочны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ необразованные люди немедленно повергнутъ къ ногамъ подобнаго чудодѣя всѣ свои убѣжденія и вѣрованія».

У одного изъ учениковъ умнаго араба могли быть болѣе, у другого менѣе обширныя математическія познанія, но ни одинъ изъ нихъ, вѣроятно, не упалъ бы къ ногамъ чудодѣя. Почему? Потому, что каждый изъ нихъ прошелъ хорошую школу; потому что тутъ дѣло не въ обширности знаній, а въ той точкѣ зрѣнія, съ которой превращеніе палки въ змѣю не можетъ служить опроверженіемъ математическихъ истинъ. Понятно ли вамъ это, г. Н.—онъ? Надѣемся, что—да: очень ужъ это простая, совсѣмъ даже азбучная вещь. Ну, а если понятно, то вы и сами видите теперь, что слова г. Бельтова насчетъ точки зрѣнія и пр. никоимъ образомъ не устраняютъ имъ же выставленнаго требованія держаться почвы дѣйствительности.

Но мы боимся, что вы все-таки плохо соображаете, въ чемъ дѣло. Мы дадимъ вамъ другой примѣръ. У васъ не Богъ знаетъ сколько экономическихъ свѣдѣній, но все-таки ихъ больше у васъ, чѣмъ у г. В. В. Это не мѣшаетъ, однако, вамъ стоять на одной съ нимъ точкѣ зрѣнія. Вы оба—утописты. И, когда кто нибудь

станетъ характеризовать взгляды, общіе вамъ обоимъ, онъ оставитъ въ сторонѣ количественное различіе вашихъ знаній и скажетъ: дѣло въ точкѣ зрѣнія этихъ людей, заимствовавшихъ ее у утопистовъ временъ царя Гороха.

Теперь уже вамъ должно быть совсѣмъ ясно, г. Н.—онъ, что вы некстати заговорили объ обращеніи г. Бельтова къ субъективному методу, что очень большого дали вы маху.

На всякій случай скажемъ то же самое иными словами. Какъ бы ни различались между собой, по размѣру своихъ знаній, русскіе послѣдователи Маркса, но ни одинъ изъ нихъ, оставаясь вѣренъ себѣ, не повѣритъ ни вамъ, ни г. В. В., когда вы станете утверждать, что вотъ какое-то тамъ «общество» организуетъ у насъ производство. Ихъ точка зрѣнія помѣшаетъ имъ повергнуть свои убѣжденія къ ногамъ соціальныхъ чудодѣевъ [1]).

Довольно объ этомъ, но разъ коснулись мы субъективнаго метода, то отмѣтимъ, какъ презрительно третируетъ его г. Н.—онъ. Изъ его словъ выходитъ, что названный методъ не имѣлъ въ себѣ ни капли научности, а былъ снабженъ только нѣкоторымъ облаченіемъ, которое мало-мальски придавало ему «научную» внѣшность. Очень хорошо, г. Н.—онъ! Но что скажетъ о васъ вашъ «покровитель» г. Михайловскій?

Г. Н.—онъ вообще не очень церемонится со своими субъективными «покровителями». Его статья «Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени», имѣетъ эпиграфъ: «L'ignorance est moins eloignée de la vérité que le préjugé». La vérité—это, безъ сомнѣнія, самъ г. Н.—онъ. Онъ такъ и говоритъ: «Если же кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно субъективному способу изслѣдованія, тотъ, можно быть вполнѣ въ томъ увѣреннымъ, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришли мы, то близкимъ къ нимъ» (мартъ «Р. Б.» стр. 54). Préjugé—это, конечно, г. Струве, противъ котораго vérité направляетъ жало своего «анализа». Ну, а кто же та ignorance, которая ближе къ истинѣ (т. е. къ г. Н.—ону), чѣмъ préjugé, т. е. г. Струве? Очевидно, ignorance—это нынѣшніе субъективные союзники г. Н.—она. Очень хорошо, г. Н.—онъ! Вы какъ разъ попали въ слабое мѣсто нашихъ союзниковъ. Но еще разъ, что ска-

---

[1]) Примѣч. ко 2 изданію.—Напомнимъ приведенныя выше слова Фейербаха о томъ, что именно точка зрѣнія отличаетъ человѣка отъ обезьяны.

жетъ о васъ г. Михайловскій? Вѣдь онъ припомнитъ мораль извѣстной басни:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться...

Ну, кажется, довольно полемики! Кажется, мы не оставили безъ отвѣта возраженія нашихъ противниковъ. А если намъ и случилось упустить изъ виду какое-нибудь изъ нихъ, то вѣдь намъ придется еще не разъ вернуться къ нашему спору. Значитъ, можно положить перо. Но, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, мы скажемъ нашимъ противникамъ еще два слова.

Вотъ вы, господа, все «хлопочете» объ устраненіи капитализма; но посмотрите, что выходитъ: капитализмъ идетъ себѣ впередъ и вашихъ «хлопотъ» совсѣмъ не замѣчаетъ; вы же, съ вашими «идеалами» и вашими прекрасными намѣреніями, топчетесь на одномъ мѣстѣ. Что тутъ хорошаго? Ни себѣ пользы, ни людямъ! Отчего это такъ? Оттого, что вы—утописты, что вы носитесь съ утопическими планами соціальныхъ реформъ и не видите тѣхъ прямыхъ и насущныхъ задачъ, которыя, извините за выраженіе, находятся у васъ прямо передъ носомъ. Подумайте хорошенько. Можетъ быть, вы и сами скажете, что мы правы. Впрочемъ, объ этомъ мы еще отолкуемъ съ вами. Теперь же—Dominus vobiscum.

БИБЛІОТЕКА
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.